

КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ БАБАЕВ —
ИЗВЕСТНЫЙ РОССИЙСКИЙ ЛИНГВИСТ
И СПЕЦИАЛИСТ ПО НАРОДАМ И ЯЗЫКАМ
АФРИКИ. ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК (2013). УЧАСТНИК НАУЧНЫХ
ЭКСПЕДИЦИЙ В РАЗЛИЧНЫЕ РАЙОНЫ
АФРИКИ, АЗИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ.
В 2010 Г. ИССЛЕДОВАЛ В ЗАПАДНОЙ
АФРИКЕ РАНЕЕ НЕ ОПИСАННЫЙ
ЯЗЫК ЗИАЛО. УЧРЕДИТЕЛЬ
ФОНДА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА ЯСК.
АВТОР 14 МОНОГРАФИЙ И БОЛЕЕ
70 НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО РАЗЛИЧНЫМ
АСПЕКТАМ ЛИНГВИСТИКИ, ЭТНОГРАФИИ
И ИСТОРИИ. В 2016 Г. УДОСТОЕН
ПРЕМИИ «ПРОСВЕТИТЕЛЬ»
ЗА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНУЮ КНИГУ
«ЧТО ТАКОЕ АФРИКА».

К. В. БАБАЕВ • ВВЕДЕНИЕ В АФРИКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К. В. БАБАЕВ

**ВВЕДЕНИЕ
В АФРИКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

ИНСТИТУТ АФРИКИ РАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

К. В. БАБАЕВ

**ВВЕДЕНИЕ
В АФРИКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Москва 2018

УДК 811
ББК 81.2
Б 12

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Печатается по решению Ученого совета Института языкознания РАН
и по решению Ученого совета Института Африки РАН

Рецензенты:

Член-корр. РАН, д. истор. н. *Д. М. Бондаренко*, д. филол. н. *Н. В. Громова*,
к. филол. н. *А. Б. Шлуинский*, к. филол. н. *Г. С. Старостин*

Бабаев К. В.

Б 12 Введение в африканское языкознание. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 352 с., ил. — *(Вклейки после с. 32 и 160.)*

ISBN 978-5-907117-08-2

Книга представляет собой первое в отечественной литературе сводное описание языков Африки, их генетической и ареальной классификации, типологии, важнейших особенностей звукового и грамматического строя. Цель монографии – дать читателям общее представление о языках Африки, ознакомить их с результатами новейших исследований в области изучения африканских языков.

УДК 811
ББК 81.2

*В оформлении переплета использованы фотографии автора
и М. Л. Хачатурьян*

ISBN 978-5-907117-08-2

9 785907 117082 >

© Бабаев К. В., 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

Оглавление

Введение	7
Список использованных сокращений	13
Глава 1. Общие сведения о языках Африки	15
Глава 2. История народов и языков Африки	19
Глава 3. История изучения африканских языков	29
Глава 4. Афразийские языки	59
4.1. Общие сведения	59
4.2. История изучения и классификации	63
4.3. Фонетика, фонология и просодия	66
4.4. Морфология и синтаксис	68
4.5. Языковая ситуация	71
4.6. Семитские языки	72
4.7. Берберо-канарские языки	80
4.8. Кушитские языки	83
4.9. Омотские языки	88
4.10. Чадские языки	91
4.11. Древнеегипетский язык	95
Приложение. Текст на языке цамай (кушитская семья)	98
Глава 5. Нило-сахарские языки	101
5.1. Общие сведения	101
5.2. История изучения	105
5.3. Фонология и морфосинтаксис	110
5.4. Восточносуданские языки	112
5.5. Центральносуданские языки	120
5.6. Сахарские языки	124

5.7. Язык (языки) сонгаи	129
Приложение. Отрывок текста на языке фура (семья фура)	133
Глава 6. Нигеро-конголезские языки	135
6.1. Общие сведения	135
6.2. История изучения	137
6.3. Фонология	145
6.4. Морфосинтаксис	147
6.5. Бенуэ-конголезские языки	150
6.6. Языки ква	154
6.7. Языки гур	157
6.8. Языки адамауа и убанги	159
6.9. Языки кру	161
6.10. Языки манде	164
6.11. Атлантические языки	166
6.12. Прочие нигеро-конголезские языки	171
Приложение. Текст на языке зиало (семья манде)	172
Глава 7. Койсанские языки	177
7.1. Общие сведения	177
7.2. История изучения и классификации	179
7.3. Фонетика и фонология	183
7.4. Просодия	189
7.5. Морфосинтаксис	190
Приложение. Текст на языке нама (центральнокойсанская семья)	193
Глава 8. Языки других семей и изоляты в Африке	197
8.1. Язык африкаанс	197
8.2. Малагасийский язык	199
8.3. Изолированные и неклассифицированные языки	200
Глава 9. Европейские языки в Африке	205
Глава 10. Контактные языки Африки	213
10.1. Пиджины и креольские языки	213
10.2. Креолизация	220
10.3. Смешанные языки	224
Приложение. Текст на языке крио	227

Глава 11. Языковая ситуация и языковая политика в современной Африке	229
11.1. Социолингвистические ареалы	229
11.2. Факторы языковой ситуации	232
11.3. Языковая политика	242
Глава 12. Фонологические структуры	251
12.1. Ареальная типология в Африке	252
12.2. Вокализм	259
12.3. Консонантизм	264
12.4. Супрасегментные единицы	274
Глава 13. Морфология и синтаксис	281
13.1. Классификация морфосинтаксических систем	281
13.2. Именные системы	286
13.3. Системы личного маркирования	291
13.4. Глагольные системы	295
13.5. Синтаксис предложения	303
Глава 14. Системы письма	307
14.1. Древнеегипетское письмо	307
14.2. Протосинайское алфавитное письмо	312
14.3. Мeroитский и коптский алфавиты	314
14.4. Нумидийское письмо и алфавит тифинаг	316
14.5. Эфиопское слоговое письмо	319
14.6. Письменности Западной Африки	320
Литература	329
Указатель языков	346

*Эта книга посвящается В. Ф. Выдрину,
который когда-то ввёл меня за руку
в чарующий мир африканистики*

Введение

Предметом изучения африканского языкознания в широком смысле являются древние и современные языки африканского континента и близлежащих к нему островов Атлантического и Индийского океанов¹. Несмотря на то что языки Африки неоднородны по происхождению и относятся к самым различным структурным типам, в отечественной и зарубежной науке их объединяют по традиции, установленной ещё в языкознании XIX в. Изначально эта традиция была связана с удалённостью и низкой степенью изученности африканских языков, их многочисленностью при малом числе исследователей. Эти факторы долгое время не позволяли предложить научно обоснованную классификацию языков Африки, поэтому термины «африканские языки» и «африканское языкознание» оказались востребованными (в отличие, например, от «азиатского» или «европейского»). По своему определению эти термины носят исключительно ареальный характер и резко отличаются от наименований других разделов языкознания, обычно имеющих в основе генеалогический принцип: например, «славянское языкознание» или «финно-угорское языкознание».

В XX в., особенно во второй его половине, был осуществлён качественный прорыв в генеалогической классификации африканских языков, выделены и научно обоснованы крупные и малые семьи языков Африки, доказано существование как минимум двух макросемей (афразийской и нигеро-конголезской), так что стало возможным говорить о существовании таких подразделов африканского языкознания, как изучение нигеро-конголезских, кушитских, сахарских языков, языков банту, манде или сонгаи. Однако объединяющий эти относительно узкие направления лингвистических исследований термин «африканское

---

¹ Под термином «языки Африки» автор объединяет древние и новые языки африканского континента и сопредельных островов: Мадагаскара, Маскаренских, Коморских и Сейшельских островов, островов Зелёного Мыса, Сан-Томе и Принсипи и некоторых других.

языкознание» продолжает существовать. Помимо традиционного фактора, этому способствует и ряд общих структурных характеристик, объединяющих множество языков Африки, особенно лежащих южнее Сахары. Общими во многом остаются и специфические методики научного изучения и описания языков Африки, принятые в африканистике терминологический аппарат, принципы глоссирования и фонетической транскрипции. Международное сообщество лингвистов-африканистов по-прежнему представляет собой относительно небольшую и довольно замкнутую группу исследователей, продолжающих тесно взаимодействовать, организуя различные научные мероприятия по обсуждению достижений и проблем африканского языкознания, участвуя в подготовке сборников научных трудов и коллективных монографий.

В этой связи любой лингвист, специализирующийся на одном языке или группе языков Африки, неизбежно становится членом научного сообщества африканистов и должен иметь представление в целом об африканских языках, их географии и классификации, истории изучения, характерных особенностях структуры. Именно эти вопросы изучает африканское языкознание.

Традиция изучения языков Африки в российской лингвистике имеет богатую историю, начиная ещё с трудов русского путешественника по Центральной Африке В. В. Юнкера. Большие успехи были сделаны советскими учёными-африканистами в середине и второй половине XX в. благодаря работе таких учёных, как Д. А. Ольдерогге, Н. В. Юшманов, Т. Л. Тютрюмова, И. Л. Снегирёв, П. С. Кузнецов, А. Б. Долгопольский, И. М. Дьяконов, и многих других. В последние десятилетия африканское языкознание в России получило новый импульс развития в результате открытия границ и организации многочисленных полевых экспедиций по изучению языков Западной, Восточной и Южной Африки. Уже не менее десятка вузов по всей стране имеют в своих программах курсы по введению в изучение африканских языков, ряд университетов Москвы и Санкт-Петербурга целенаправленно готовят специалистов по языкам Африки. Специалисты по африканскому языкознанию работают в академических институтах.

Рост интереса к африканистике и увеличение количества курсов по введению в изучение языков Африки в российских вузах вызывают необходимость подготовки современной монографии по введению в африканское языкознание, которой до сих пор в русскоязычной литературе не было. Отечественная научная литература, посвящённая африканским языкам, в основном представлена узкоспециальными

трудами по описанию конкретных языков, сравнительно-историческими исследованиями языков отдельных семей либо сборниками статей по различным языкам континента, наиболее фундаментальным из которых является серия сборника «Основы африканского языкознания», издаваемая с 1997 г. Институтом языкознания РАН [ОАЯ 1997; 2000; 2003; 2008; 2010; 2014; 2018].

В странах Запада регулярно издаются пособия и обзорные монографии по введению в африканское языкознание для студентов-африканистов и широкого круга учёных: в числе новейших работ можно назвать [Heine, Nurse 2000; 2008; Childs 2003; Dimmendaal 2011]. Современное российское языкознание также нуждается в сводной монографии, дающей базовые знания о языках Африки. Появление такой книги призвано придать новый импульс развитию отечественной школы африканского языкознания, повысить уровень знаний студентов-лингвистов о разнообразии и особенностях языках африканского континента, способствовать появлению новых курсов по введению в изучение африканских языков в высших учебных заведениях России.

Африканское языкознание имеет важное значение для лингвистической науки в целом. В языках Африки функционируют уникальные языковые особенности, включая фонологические и морфосинтаксические структуры, не присущие другим языковым ареалам мира. Для общего и типологического языкознания особый интерес представляют системы вокализма, консонантизма, супraseгментной фонологии, именной классификации в языках Африки, системы показателей лица, грамматическая семантика глагола, особая роль идеофонов. Среди уникальных фонологических явлений, распространённых только в Африке, можно отметить щелчковые согласные (кликсы), одноударные губно-губные и лабиовелярные согласные, многоступенчатые системы уровневых тонов. Пиджины и креольские языки, развившиеся на африканской почве, представляют обширный материал для такой стремительно развивающейся отрасли языкознания, как креолистика, а в распоряжении социолингвистов находится обширный материал для изучения языковой ситуации и языковой политики в современной Африке. Особое значение имеет африканское языкознание для ареально-типологического языкознания благодаря чрезвычайно интенсивным языковым контактам в различных регионах континента, а также для сравнительно-исторического изучения языков мира – прежде всего с учётом гипотезы о существовании праязыка человека, который мог возникнуть и развиваться именно в Африке.

Исследования по языкам Африки являются весьма ценным материалом для изучения истории народов и государств континента. В условиях недостатка письменных источников о древней и средневековой Африке, скудных пока ещё данных археологии именно лингвистические данные наряду с бурно развивающейся сегодня геногеографией позволяют судить о наиболее важных процессах этногенеза в Африке, крупных миграциях населения, истории и материальной культуре древних жителей континента. Данные языковой реконструкции позволяют сделать предположения или подтвердить гипотезы о том, как жил и развивался доисторический человек, помочь в установлении хронологии тех или иных известных нам исторических событий. Исследования древних языков (например, древнеегипетского и мероитского) способны открыть новые исторические данные и пролить дополнительный свет на историю цивилизации в Африке. Материалы изучения африканских языков в настоящее время широко используются в антропологии, социологии и других гуманитарных науках.

Цель настоящей работы – дать начинающим африканистам, студентам-языковедам и специалистам в смежных с лингвистикой областях знаний общее представление о языках Африки, расширить их научный кругозор, ознакомить с наиболее интересными и важными особенностями африканских языков, историей их изучения. Важной задачей является повышение общего уровня лингвистической эрудиции студентов и молодых учёных, которые в своей последующей научной работе смогут оперировать данными не только давно и глубоко изученных языков Евразии, но и материалом африканских языков. Освоение материала монографии позволит ознакомиться с географией языков Африки, их генеалогической, типологической и ареальной классификацией, углубить теоретические знания о языках различных структурных типов. Наконец, читатели получают возможность ознакомиться с методологией и спецификой исследования бесписьменных языков, к числу которых принадлежит абсолютное большинство современных языков африканского континента.

Монография подготовлена на материале академических курсов лекций «Введение в изучение языков Африки» и «Языки Африки», которые в течение ряда лет преподавались автором на филологическом факультете Высшей школы экономики. Структура книги в целом повторяет структуру лекционного курса и соответствует структуре известного англоязычного пособия [Heine, Nurse 2000], а потому хорошо подходит как для самостоятельного усвоения, так и для целей

преподавания. Изложенный материал разбит на главы, каждая из которых в свою очередь подразделяется на параграфы для более лёгкого усвоения. Первые главы являются вводными и дают общее представление о предмете изучения африканского языкознания, об истории развития этой дисциплины, генеалогической классификации языков Африки. За ними следуют дескриптивные главы, рассматривающие состав и характерные особенности крупнейших макросемей африканских языков, а также языков, не входящих в них. Отдельные главы посвящены европейским языкам, оказавшим значительное влияние на языковую ситуацию в Африке, а также пиджинам и креольским языкам Африки. Заключительные главы посвящены типологическим особенностям фонологии, морфологии и синтаксиса африканских языков – прежде всего таким, которые нехарактерны для языков других континентов. Отдельная глава является введением в историю письменности на африканском континенте и анализом древних и современных видов письма в Африке. Материал изложен таким образом, что читатель может знакомиться отдельно с интересующими его главами либо со всеми разделами по порядку.

Монография снабжена библиографией, содержащей дополнительную литературу на русском и европейских языках, ознакомление с которой будет полезно не только африканистам, но и специалистам по сравнительному и типологическому языкознанию. В качестве приложений к главам 4–7 и 10, посвящённым описанию основных языковых семей Африки и креольских языков, приводятся тексты на африканских языках для работы на семинарских занятиях или для самостоятельной работы.

Так как большинство названий африканских языков не имеют на сегодняшний день устоявшейся русскоязычной транскрипции, а многие из них будут упомянуты в настоящем пособии впервые в русскоязычной литературе, первое упоминание некоторых языков сопровождается принятым в западной научной литературе английским названием языка в латинской орфографии. Это позволит читателям как быстро найти информацию о требуемых языках в электронных ресурсах, так и использовать названия языков в собственных публикациях на иностранных языках. Некоторые лингвистические термины, нечасто встречающиеся в отечественной литературе, но употребительные в западной африканистике, также снабжены английскими эквивалентами.

Отдельно стоит упомянуть проблему фонетической транскрипции языков Африки. В настоящей монографии за основу приняты

обозначения Международного фонетического алфавита (IPA), однако для отдельных языков используются устоявшиеся в литературе обозначения, не всегда соответствующие IPA. В частности, целый ряд особенностей транскрипции по традиции принят для языков афразийской макросемьи. Для языков Тропической Африки общепринятыми являются особые обозначения признака продвинутой корня языка. В таких случаях в конкретных разделах монографии даётся особое пояснение об артикуляции тех или иных фонем.

Монография предназначена в первую очередь для специалистов в различных отраслях лингвистической науки, студентов-лингвистов, учёных-историков и этнографов, изучающих Африку, но может быть полезна и более широкому кругу читателей, интересующихся языками африканского континента.

Список использованных сокращений

ABS	абсолютив
ACC	винительный падеж
ADJ	атрибутивное употребление
ADV	наречное употребление
AOR	аорист
APP	аппликатив
CAUS	каузатив
CL	показатель именного класса
CNTR	контрактивная серия
COMP	комплементаризер
CONS	консекутив
COP	связка
DAT	дательный падеж
DEF	показатель определённости
DU	двойственное число
EMPH	эмфаза
EXCL	эксклюзив
F	женский род
FACT	фактатив
FOC	фокус
FUT	будущее время
GEN	родительный падеж
HAB	хабитуалис
ID	идеофон
IMP	императив
INCL	инклюзив
IND	изъявительное наклонение
IPFV	имперфектив
IRR	ирреалис

LOC	местный падеж
LOG	логофорическое местоимение
M	мужской род
N	средний род
NEG	отрицание
NOM	именительный падеж
NPST	непрошедшее время
OBJ	объект
PART	частица
PASS	пассив
PF	перфект
PFV	перфектив
PL	множественное число
POSS	притяжательная форма
PRES	настоящее время
PRET	претерит
PROG	прогрессив
PST	прошедшее время
PUNC	пунктив
REC	реципрок
REFL	рефлексив
RES	результатив
SG	единственное число
SUBJ	субъект
TOP	топик
VOC	звательная форма
A	афразийская макросемья
K	койсанская макросемья
НК	нигеро-конголезская макросемья
НС	нило-сахарская макросемья
м. р.	мужской род
ж. р.	женский род
ед. ч.	единственное число
мн. ч.	множественное число
л.	лицо

Глава 1. Общие сведения о языках Африки

Африка лидирует среди континентов Земли по количеству языков. На континенте и близлежащих островах насчитывается более 2100 признанных языков (данные на 2018 г. по международной классификации языков стандарта ISO 639-3), что составляет примерно треть всех ныне существующих языков мира. При этом их число формально продолжает расти, что связано с обнаружением и описанием новых языков, а также выделением в самостоятельные языковые единицы идиомов, ранее считавшихся диалектами. Так, ещё в 1980-х гг. разновидности речи народа догонов Мали и Буркина-Фасо считались диалектами единого языка; сегодня в группе догон официально насчитывается 19 самостоятельных языков. То же самое произошло с языками **сонгаи**. В условиях отсутствия чётких научных критериев разграничения понятий «язык» и «диалект» весьма сложно провести между ними грань, особенно там, где множество языков остаётся недостаточно описанными. Нередко диалектами одного литературного языка считаются идиомы, носители которых вовсе не понимают друг друга (как, например, в случае **акан** в Гане или **йоруба** в Нигерии), или же языковые разновидности, не имеющие письменной нормы. Современная тенденция рассматривать такие случаи как группы родственных языков приводит к тому, что количество идиомов, признанных самостоятельными языками, ещё некоторое время будет расти.

Однако при этом нарастает и объективный процесс уменьшения количества языков: в ходе глобализации ускоряется исчезновение малых языков континента. Африка занимает последнее место среди континентов по среднему количеству носителей на один язык – примерно 0,5 млн человек, при этом языков с числом носителей менее 10 тыс. человек насчитывается около 400. Практически все они являются бесписьменными, не обладают социальным престижем и в ближайшее время обречены на вымирание. Некоторые языки уже практически не используются, на них могут разговаривать лишь несколько человек: например, к моменту написания этих строк язык **мпре** (Гана)

Таблица 1.1. Языки Африки, находящиеся на грани исчезновения [Ethnologue 2017]

Язык	Носители	Страны
бишуо	1 чел.	Камерун
бераку	2 чел.	Чад
нлуу	3 чел.	ЮАР
мабире	3 чел.	Чад
балдему	3–6 чел.	Камерун
ндай	5 чел.	Камерун
нджереп	6 чел.	Нигерия
мпре	ок. 10 чел.	Гана
массалат	10 чел.	Чад

помнят 10 человек, языком **нджереп** (Нигерия) пользуются 6 человек, а у **бишуо** (Камерун) остался лишь один носитель. Исчезновение грозит целым небольшим семьям языков – в числе таковых можно назвать семью кулякских языков (Уганда), состоящую из трёх языков, и более крупную кордофанскую семью (Судан) из более чем 20 языков, среди которых нет ни одного письменного.

Крупнейшие по числу носителей африканские языки сильно уступают европейским или азиатским лидерам. Африка исконно представляла собой чересполосицу этнических групп, народностей и племенных союзов, в то время как национальные языки формировались в основном в немногочисленных и недолговечных централизованных государствах. Говорить о крупных языках (более 10 млн носителей) стало возможным лишь с возникновением демографического бума в XX в. Сегодня крупнейшим африканским языком (без учёта арабского, на котором говорят и в Африке, и в Азии) является **хауса** (34 млн носителей), ещё 6 языков имеют от 20 до 30 млн говорящих [Ethnologue 2017].

Целый ряд африканских языков имеют статус государственных или официальных. В основном это относится к странам Тропической Африки. Границы современных африканских государств проводились в колониальный период, без учёта этнических и культурных особенностей региона, так что этнических государств по образцу европейских в Африке буквально единицы. В условиях большого языкового разнообразия и полиэтничности государств с преобладанием лишь одного автохтонного языка в Африке можно назвать лишь несколько. К таким,

Таблица 1.2. Крупнейшие языки Африки [Ethnologue 2017]

Язык	Носители	Страны
хауса	34 млн	Нигерия, Нигер
йоруба	28 млн	Нигерия, Того, Бенин
суахили	26 млн	Кения, Танзания, Уганда, Руанда, ДР Конго
амхарский	25 млн	Эфиопия
фула	25 млн	Сенегал, Гвинея, Мали, Буркина-Фасо и др.
оромо	24 млн	Эфиопия, Кения
игбо	24 млн	Нигерия
сомали	15 млн	Сомали, Эфиопия, Кения, Джибути
чева	12 млн	Малави, Мозамбик, Замбия
акан	11 млн	Гана, Кот-д'Ивуар

например, относятся Сомали (государственный язык **сомали**), Ботсвана (**тсвана**), Бурунди (**кирунди**), Руанда (**киньяруанда**), Лесото (**южный сото**), Свазиленд (**свати**) и Малави (**чева**). В некоторых странах язык меньшинства, исторически имевшего привилегированное положение, стал государственным: например, таков статус **амхарского** языка в Эфиопии, где он является родным лишь для ок. 25 % населения.

Для того чтобы избежать межнациональной напряжённости, некоторые правительства идут на придание официального статуса целому ряду крупных языков страны. Так, в современной ЮАР официальный статус имеют сразу девять африканских языков в дополнение к английскому и **африкаанс**. В Алжире и Марокко официальный статус получил берберский язык **тамазигт**. О языковой политике в странах Африки см. главу 11.

Практически во всех странах континента, кроме того, официальный статус закреплён за языками неафриканского происхождения, являющимися *lingua franca* для многоязычного населения. Страны Тропической Африки продолжают использовать европейские языки, распространившиеся здесь в колониальный период: английский, французский, португальский, испанский (в Экваториальной Гвинее). В Северной Африке к ним добавляется арабский. Об истории и нынешнем статусе европейских языков в Африке см. главу 9.

С точки зрения географической классификации языки Африки распределяются между несколькими крупными регионами, которые традиционно принято выделять во всех отраслях африканистики. Помимо традиционных регионов, в языкознании выделяют также крупные

и малые языковые ареалы, языки которых характеризуются общими особенностями, выработанными в т. ч. конвергентными процессами.

Основной ареально-типологический «водораздел» между африканскими языками проходит по линии Сахеля – зоны южной оконечности пустыни Сахара. Эта граница разделяет языки весьма различных типов структуры. Например, если для фонологии языков севернее Сахеля характерны упрощённый вокализм, гуттуральные согласные, закрытые слоги, динамическое ударение, то языки Тропической Африки характеризуют разветвлённая система гласных фонем, наличие импловзивных, лабиовелярных и преназализованных согласных, открытых слогов и развитой тонологии. В области морфосинтаксиса для языков севернее Сахеля характерны такие особенности, как грамматический род и падежное склонение существительных, разветвлённая система глагольного спряжения, в то время как южнее Сахеля развиты системы именных классов, а падежное склонение встречается относительно редко. Подробнее об ареально-типологических особенностях фонологии и морфосинтаксиса африканских языков см. главы 12 и 13 настоящей монографии.

Принятая на сегодняшний день генетическая классификация африканских языков делит автохтонные языки континента на четыре крупные макросемьи: африканоазийскую (Северная и Восточная Африка), нило-сахарскую (Западная и Восточная Африка), нигеро-конголезскую (Западная, Центральная, Восточная и Южная Африка) и койсанскую (Южная Африка). Это разделение принято со времён известной работы Дж. Гринберга [Greenberg 1963], хотя и состав макросемей, и границы между ними, и само их существование остаются предметом оживлённых дискуссий в лингвистике. Помимо четырёх макросемей, к африканским языкам относят **африкаанс** в Южной Африке (индоевропейская семья), **малагасийский** на острове Мадагаскар (австронезийская семья), а также множество пиджинов и креольских языков, распространённых в Западной, Южной Африке и на примыкающих к континенту островах Атлантического и Индийского океанов. Кроме того, целый ряд языков (от 10 до 30) рассматриваются учёными в качестве изолированных, т. е. не относящихся ни к одной из известных языковых групп и семей. Подробнее о генетической классификации и сравнительно-историческом изучении языков Африки см. главу 3.

Глава 2. История народов и языков Африки

В настоящее время вопрос о том, где именно и каким образом зародилась речевая коммуникационная система, которую мы называем человеческим языком, не имеет надёжного ответа. В мировом языкознании популярны две точки зрения, одна из которых считает, что все известные нам языки имеют общего предка (теория моногенеза), вторая допускает, что современные языки могут иметь истоки в нескольких точках земного шара, где язык зарождался независимо (теория полигенеза). Несмотря на ряд интересных аргументов в пользу моногенеза, доказать обе гипотезы вряд ли возможно, так как в процессе эволюции человечества потомки одного из протоязыков могли ассимилировать все языки иного происхождения [De Grolier 1983]. Однако в любом случае особое внимание должно быть уделено изучению африканского наследия, так как человеческий праязык мог зародиться там же, где ок. 200 тыс. лет назад появляется биологический вид *Homo sapiens*, а его африканское происхождение признано абсолютным большинством современных антропологов и генетиков.

Первые успешные миграции групп людей из Африки датируют периодом примерно 100–70 тыс. лет назад. В эпоху раннего палеолита высокая организация общины древних людей уже требовала существования развитой речевой системы коммуникации. Однако современные методы лингвистических исследований не позволяют сделать надёжных предположений о том, как мог выглядеть и звучать язык человечества того времени. Но вот уже три столетия учёные высказывают предположения, что изучение африканских языков, чьи носители проживают сегодня примерно в тех же географических и климатических условиях, что и первые *Homo sapiens*, может выявить некоторые характеристики древнейших языков континента [Ekkehard Wolff 2016].

Особенно часто в этой связи упоминают койсанские языки – небольшую макросемью языков скотоводов и охотников-собирателей, расположенную в основном на Юге Африки. Характерный фонетический

облик койсанских языков, обладающих знаменитыми щёлкающими согласными (кликсами) и рядом других особенностей, заставлял ряд учёных выдвигать гипотезы о характере древнейшего языка человечества. Эти гипотезы, впрочем, на сегодняшний день не могут быть надёжно подтверждены научными данными.

Исследования геологии, археологии и палеоботаники африканского континента позволяют сделать ряд предположений о климатических изменениях, расселении и миграциях древнего человека по территории континента. В период палеолита и мезолита Африка переживала влажный период, в течение которого постоянно расширялась зона экваториальных лесов, а территорию сегодняшних пустынь Сахара, Калахари и Намиб в X–V тысячелетиях до н. э. занимали саванны и редколесья с большим количеством рек и озёр. Предполагается, что в этот период на территории нынешней Сахары происходит расселение охотников-собирателей, переходящих к скотоводству и раннему земледелию [Wendorf, Schild 2001]. Формируется ряд разновидностей негроидного антропологического типа.

Негроидный тип, наиболее распространённый в современной Африке, отличают длинные руки, жёсткие курчавые волосы, очень широкий нос, выдающиеся губы и тёмный цвет кожи (см. ил. 1 на цветной вклейке). Попытки локализации его происхождения пока не дали убедительных результатов: древнейшие останки человека с предположительно негроидными чертами обнаружены как в Южном Египте и Судане, так и к югу от экватора на территории современного Демократического Конго и Танзании. Вполне вероятно, что на территории Африки существовали многочисленные протонегроидные антропологические типы, и формирование классических современных негроидов относится уже ко времени начала широких миграций по Африке первых скотоводов и земледельцев [Дробышевский 2014]. Сегодня к негроидам относятся носители большинства нигеро-конголезских и нило-сахарских языков.

В то же время в Восточной Африке (вероятнее всего, к северу от экватора) происходит формирование иного антропологического типа, ныне называемого восточноафриканским или эфиопским, – с удлинённой формой черепа, узким носом, очень высоким ростом и тёмным – вплоть до чёрного – цветом кожи (см. ил. 2). К этому типу сегодня принадлежат носители большинства афразийских языков Восточной Африки, а также некоторые группы носителей нило-сахарских языков и ряд бантуязычных народов, чадские народы.

Пояс экваториальных лесов, распространившись от Атлантического до Индийского океана, воспрепятствовал активному взаимодействию групп людей по обе стороны экватора, что имело важные последствия для жителей южной части Африки, предков современных носителей койсанских языков. Генетические данные демонстрируют чрезвычайно долгую изоляцию койсаноидного населения Юга Африки от других людей. В отсутствие активных контактов с внешним миром они не имели возможности набрать скорость развития: южнее экватора не было одомашнено ни одного животного, кроме собаки (если только домашняя собака не была привнесена с севера), и ни одного растения. Здешние группы охотников-собирателей переживали постоянный процесс антропологической и языковой конвергенции, активно мигрируя по открытым южноафриканским саваннам и смешиваясь с соседними группами. Так сформировался койсаноидный антропологический тип, характеризующийся светло-коричневым цветом кожи, узким разрезом глаз, морщинистой кожей и относительно низким ростом (см. ил. 3). Древность этого типа подчёркивается и данными генетики, в результате чего многие западные учёные склонны были считать койсаноидов едва ли не рудиментами древнейшего человека на Земле. Древняя конвергенция языков койсаноидов делает сложным сравнительный анализ койсанских языков, несколько групп которых скорее всего имеют разное происхождение.

К этому же времени относится формирование пигмоидного антропологического типа, свойственного охотникам-собираателям экваториального леса (см. ил. 4). Их немногочисленные группы в течение тысячелетий мигрировали по лесам, объединяясь и смешиваясь. Пигмoids, к которым можно отнести лишь несколько десятков тысяч сегодняшних африканцев, выделяются чрезвычайно малым ростом (средний рост мужчин 144 см), круглой формой головы, большими глазами и тёмно-коричневым цветом кожи. Не до конца ясно, можно ли относить пигмоидов к остаткам древнего расового типа, некогда распространённого по всей Центральной Африке, или же их сегодняшний облик является результатом сравнительно поздней мутации негроидного населения, перешедшего из саванны к лесному образу жизни. Языковые данные – и прежде всего высокая доля субстратной лексики в языках современных пигмоидов – говорят скорее о том, что некогда представители этого типа говорили на языках, неродственных речи соседей-земледельцев.

Севернее экватора также происходили активные миграции населения, однако эта часть Африки, соединённая с Евразией как минимум

тремя проходами (Гибралтарский пролив, Синайский полуостров и Баб-эль-Мандебский пролив), находилась в постоянном контакте с евразийскими соседями. Волны миграции в течение всего каменного века, вероятно, шли через Синайский перешеек в обе стороны, а в период неолита с освоением плавательных средств активизируются контакты с Южной Европой и Аравийским полуостровом Азии. В Северной Африке с древности доминирует средиземноморский антропологический тип, характерный и для сегодняшнего населения этого региона. Сегодняшние споры о том, где зародилась афразийская макросемья языков, носители которой с древности проживают и в Африке, и в Азии, исходят из предположения о существовании праязыка афразийцев примерно 10–12 тыс. лет назад. Так как в Азии в исторический период засвидетельствована только одна из шести групп афразийских языков (семитская), предположение об африканском происхождении этой макросемьи выглядит более логичным, хотя и противоположная гипотеза не лишена аргументов.

Весьма вероятно, что ок. 10–12 тыс. лет назад сформировался и нигеро-конголезский праязык, предок более 1500 языков современной Африки. Исходя из некоторых данных лингвистики и генетики, его обычно локализуют на западе континента, на территории западной части современной зоны Сахеля, которая в период мезолита представляла собой очень комфортную для обитания природную зону [Бабаев 2013]. Распад нигеро-конголезской общности был вызван активными миграциями групп охотников-собирателей, преимущественно в южном и западном направлениях. Примерно в VII–VI тысячелетиях до н. э. здесь появляется скотоводство и начинается освоение земледелия, одомашниваются такие культуры, как сорго и гвинейский рис. Это также способствует быстрому росту населения и освоению новых земель, в том числе ближе к экватору, где саванны переходят в леса.

Засушливый период, начавшийся в Сахаре примерно в V–IV тысячелетиях до н. э., усилил эту тенденцию: под влиянием засухи технологически более развитое скотоводческо-земледельческое население перемещается на юг, вытесняя и ассимилируя менее развитое население лесостепной и лесной зон. Вероятно, уже в III тысячелетии до н. э. большая часть Западной Африки от устья Сенегала до устья Нигера была занята преимущественно носителями нигеро-конголезских языков, хотя их миграции в южном направлении позже продолжились и даже усилились. На северном побережье Гвинейского залива, вероятно, сохранились реликтовые языки древних охотников и рыболовов,

не принадлежащие к нигеро-конголезским, – например, несколько языков иджойдной семьи, отдельные языки-изоляты Нигерии, Ганы и Кот-д’Ивуара. Есть мнение, что субстратное население этих областей относилось к пигмоидному антропологическому типу [Ekkehard Wolff 2016: 138].

Наступление очередного засушливого климатического периода в северной части континента стало важнейшей вехой лингвогенеза в Африке. К II тысячелетию до н. э. Сахара стала приобретать примерно тот облик, который она имеет сейчас. Это привело к резкому сокращению населения в пустынной зоне, а также сужению контактов между жителями Северной Африки – средиземноморского побережья и долины Нила – и народами остальной части континента. Снизилась и интенсивность языковых контактов, народы Северной Африки вошли в более тесное соприкосновение с населением Южной Европы и Ближнего Востока, нежели с африканцами, живущими по ту сторону океана пустыни.

В то же время снижение уровня влажности сыграло важную роль и для лингвогенеза в Центральной Африке. В IV–II тысячелетиях до н. э. пояс влажных экваториальных лесов, ранее охватывавший Африку от Атлантики до Индийского океана, резко сократился, в нём появились разрывы, в которые устремились миграционные потоки с севера. Наиболее важной из этих миграций стало распространение народов банту, принадлежащих к нигеро-конголезской макросемье языков. Населяя изначально небольшую область на территории современной Юго-Восточной Нигерии и Западного Камеруна, народы банту в начале I тысячелетия до н. э. начали быстрыми темпами продвигаться на юг и юго-восток из мест своего обитания. Рост интенсивности земледелия и скотоводства приводил к резкому увеличению численности населения в Западной Африке, в то время как центральная и южная части материка были населены лишь редкими группами охотников-собираателей. Освоение металла народами банту в середине I тысячелетия до н. э. [Dior 1976] сделало их продвижение на юг и восток Африки практически безостановочным. Через проходы, образовавшиеся в экваториальном лесном поясе, народы, говорившие на праязыке банту, перешли экватор, их восточные соплеменники колонизовали плодородные области Великих озёр. Народы банту постепенно осваивали и экваториальные области Африки, осушая болота и вырубая лес. К концу I тысячелетия н. э. практически вся Африка к югу от экватора, за исключением засушливых областей вокруг пустынь Калахари и Намиб,

была заселена народами банту, языки которых ассимилировали более древнюю речь народов Юга Африки. Некоторые языки банту, на которые перешли потомки древних охотников-собирателей этого региона, восприняли ряд специфических черт койсанских языков. В то же время языки пигмидов экваториального леса, также исчезнувшие под влиянием языков банту и других оседлых народов, сохранили в своём словаре обширный пласт древней автохтонной лексики.

Представители других языковых семей также мигрировали с севера на юг, преимущественно через саванны Восточной Африки. Эти миграции происходили с глубокой древности и продолжались в историческое время. Так к югу от экватора появились области, заселённые носителями кушитских и нилотских языков, происходящих из регионов современной Сахары и Сахеля.

Государственность в Африке берёт своё начало с середины IV тысячелетия до н. э., когда в долине Нила появляются первые протогосударства древних египтян. Этнический и языковой состав их населения, по всей вероятности, был пёстрым, включая группы негроидного, эфиопского и средиземноморского антропологических типов. На основании анализа многочисленных останков древних египтян общепризнано, что около трети населения Египта было негроидным, столько же относилось к средиземноморскому типу, остальные были метисами. Вероятно также, что древнеегипетская элита – носители доминирующего языка – обладала более «северными» средиземноморскими чертами, чем основная масса населения и особенно жители южных районов страны [Froment 1994]. В результате объединения Египта к 3000 г. до н. э. в единое государство в стране возник первый в Африке и в мире государственный язык, оформленный созданной в тот же период иероглифической письменностью. Единый египетский этнос, сформированный из множества этнических групп древней Северо-Восточной Африки, говорил и писал на **древнеегипетском** языке, относимом ныне к афразийской макросемье языков. Однако уже к тому времени этот язык существенно отличался от родственных ему берберских языков Северной Африки: известно, что ливийские гвардейцы, служившие охраной фараонов, говорили на языке, непонятном египтянам. Древнеегипетский язык стал одним из первых письменных языков человечества и в течение около 3 тысяч лет оставался официальным языком Древнеегипетского государства.

В государстве Куш (или Мероэ, как называют позднюю стадию его развития), существовавшем на Верхнем Ниле с X по IV в. до н. э.,

также существовал единый официальный язык. Для него была создана алфавитная письменность на основе египетской иероглифики, однако недостаток материала до сих пор не позволяет сделать однозначных выводов о генетической принадлежности вымершего ныне **мероитского** языка. Скорее всего, он не был родственен **древнеегипетскому** и принадлежал к одной из языковых семей Тропической Африки.

Аксум – третья крупная империя Северо-Восточной Африки – был основан носителями семитских языков, переселившихся на территорию современных Эфиопии и Эритреи с Аравийского полуострова. Расцвет Аксума относится к первым шести векам н. э., именно в эти столетия здесь были созданы многочисленные эпиграфические памятники на языке **геэз**, входящем в состав эфиосемитских языков. Ставший официальным языком государства, геэз исчез из разговорной речи вскоре после упадка Аксума в IX в., но сохранился как язык эфиопской христианской церкви.

Ещё один семитский язык – финикийский – стал государственным языком Карфагена, города-государства Северной Африки, создавшего в VIII–III вв. до н. э. обширную сеть колоний в Восточном Средиземноморье. Однако после разрушения Карфагена римскими войсками в 146 г. до н. э. финикийский язык в Северной Африке быстро выходит из обращения. Его носители осваивают латынь или переходят на языки местных жителей, относившиеся к берберской группе. На берберских языках говорили жители нескольких протогосударств, существовавших в регионе на рубеже старой и новой эры, в т. ч. Нумидийского царства (III–I вв. до н. э.), впоследствии также завоёванного Римом.

Северная Африка на протяжении тысячелетий оставалась объектом миграций из Южной Европы и Ближнего Востока. Ещё до финикийцев, осваивавших её берега с X в. до н. э., в XIII–XII вв. до н. э. территории нынешних Ливии и Египта испытали несколько нашествий т. н. народов моря, которые, по некоторым данным, включали в себя племена, родственные грекам, этрускам, народам Малой Азии. Греческие колонии в Египте и Ливии начали появляться примерно в VIII столетии до н. э. и активно развивались вплоть до завоевания Египта Александром Македонским, при наследниках которого – последней египетской династии Лагидов – древнеегипетский язык постепенно исчезает из обихода, уступая место греческому.

После включения Северной Африки в состав Римской империи латинский язык на некоторое время стал основным разговорным языком населения городов и вилл. Однако ни ему, ни греческому,

ни финикийскому языку не суждено было закрепиться в Африке. В VII в. сюда приходит арабский язык, язык Корана и Арабского халифата, который в связке с исламом быстрыми темпами распространяется по всей Африке к северу от Сахары. Арабское завоевание – одна из крупнейших миграций в истории Африки, она продолжалась несколькими волнами вплоть до XIV–XV вв. Постепенно арабский язык стал доминировать не только в городах, но и в сельской местности, на него перешли потомки как древних египтян, так и других народов, населявших Северную Африку. К XV в. зона распространения арабского языка приобрела очертания, схожие с современными, охватывая территорию от Мавритании до Судана и от Туниса до Чада, в результате чего арабский язык по количеству носителей стал крупнейшим языком континента. Берберские языки, автохтонные языки Севера Африки, сохранились в сельской местности, а также среди кочевников Сахары – туарегов. На территории Африки сформировался ряд своеобразных разговорных разновидностей арабского языка, среди которых **хассания** – язык сахарских мавров Мавритании.

В Западной Африке формирование первых государств также способствовало кристаллизации племенных наречий в крупные языки. В числе таковых можно назвать языки **сонинке** (официальный язык в государстве Гана в VI–XI вв.), манден (группа близкородственных языков, происходящих из официального языка государства Мали в XIII–XV вв.) и **канури** (язык государства Канем-Борну). В период расцвета государства Сонгаи, крупнейшей империи Западной Африки (XV–XVI вв.), разновидности макроязыка **сонгаи**, некогда бытовавшего лишь в районе торгового города Гао, распространились на тысячи километров по долине Нигера. В Новое время на побережье Гвинейского залива формируются крупные макроязыки **йоруба**, **акан**, **игбо**, **эдо** – официальные языки правящей элиты местных народов и государств. Распад крупных государственных образований приводил к новым всплескам миграций населения: так в XV–XVII вв. народы, принадлежащие к языковой семье манде, с территории Мали двинулись на юг и восток, заселив обширные области нынешних Гвинеи, Либерии, Сьерра-Леоне. Процесс продвижения с севера на юг, из саванны к побережью Гвинейского залива, в Западной Африке продолжался тысячелетиями. Сегодня едва ли не каждый народ региона хранит мифы о предках, пришедших с севера.

В Южной Африке создание государства Мономотапа ускорило процесс консолидации языка **шона**, в Королевстве Конго сформировался

крупный язык **конго**, а создание союза племён **зулу** в начале XIX в. привело к формированию одноимённого языка из множества близкородственных диалектов банту. В Восточной Африке, на побережье Индийского океана, примерно с X в. на основе местных языков банту и при мощном влиянии арабского начинается формирование единого койне прибрежных торговых городов, известного как язык **суахили**. А на острове Мадагаскар в результате нескольких волн переселения с Больших Зондских островов в начале новой эры расселились носители австронезийских языков, сформировавших современный **малагасийский** язык.

Европейские колонии появляются в Тропической Африке в XV в., однако распространение европейских языков как языков межэтнического общения относится уже к началу XX в. При этом, хотя нигде на континенте европейские языки не смогли вытеснить из быта местных жителей автохтонные языки Африки, они сыграли роль в формировании ряда креольских языков, распространённых сегодня на западе континента, – в первую очередь **крио** в Сьерра-Леоне, **криуло** в Гвинее-Бисау, **анголар** на островах Сан-Томе и Принсипи и **кабовердинский**. На примыкающих к Африке островах Индийского океана на основе французского языка родился **маскаренский** язык, один из диалектов которого – **сешелва** – стал государственным языком Сейшельских островов. Подробнее о контактных языках Африки см. главу 10.

Последней крупной миграцией на африканском континенте можно назвать переселение голландских и французских колонистов на Юг Африки, в результате чего в XVII в. здесь был сформирован язык **африкаанс** – единственный африканский язык, относящийся к индоевропейской семье (о нём подробнее см. в главе 8).

Хотя к XVII в. крупнейшие миграции населения на континенте завершились, политические события и позже перекраивали языковую карту целых регионов. Одним из самых интересных феноменов является распространение **фула**, языка атлантической семьи, на котором говорили фульбе, скотоводческий народ, проживавший на территории сегодняшнего Сенегала. В Средние века фульбе в постоянных поисках новых пастбищ постепенно расширяют зону своего распространения на территории современных Гвинеи, Буркина-Фасо и Мали. В Новое время на фула уже говорит часть населения Северной Нигерии. Однако к XIX в. относится наиболее мощный миграционный всплеск фульбе, вызванный движением исламского джихада, объявленного проповедниками Османом дан Фодио в 1804 г. и Секу Амаду в 1818 г.

На Нигере продолжало существовать древнее государство фульбе Масина, в Нигерии был образован халифат Сокото. Кочевники фульбе, пользуясь превосходством своей кавалерии, захватили обширные пастбища на западе и в центре Великого Судана и значительно расширили ареал обитания. Сегодня носители **фула** – одного из крупнейших языков Африки – проживают на территории 12 государств, от Сенегала до Эфиопии. Примерно половина из них продолжает вести полукочевой образ жизни.

К концу XIX в. языковая карта Африки в целом приобрела вид, который она с незначительными изменениями сохраняет и сегодня. При этом стоит отметить, что если до XVII в. расселение народов катализировало постоянный рост количества языков, то с XVII–XVIII вв. возобладала обратная тенденция. Образование государств, завоевания крупными народами малых, строительство городов, появление письменных языков, а затем и колонизация Африки европейскими державами приводили к вытеснению из обихода малых бесписьменных языков и их исчезновению. Эта тенденция приобрела особый размах в XX в. и сегодня продолжает усиливаться.

Глава 3. История изучения африканских языков

В древних и античных источниках информация о языках Африки ограничивается отдельными глоссами и данными ономастики, при этом ни списков слов, ни описаний языков до сих пор не засвидетельствовано. Древнеегипетские тексты приводят ряд глосс природной лексики – названия животных и растений, а также многочисленные имена стран и народов, большей частью остающиеся неразгаданными. Ряд слов, обнаруженных в египетских текстах, идентифицируются как принадлежащие берберским языкам, например *abiakur* ‘борзая (порода собак)’, некоторые, возможно, имеют кушитское происхождение. Труды греческих и римских авторов также содержат несколько десятков топонимов и терминов природной лексики, которые иногда пытаются сравнивать с примерами из берберских языков, однако, помимо этого, надёжных сведений о языках Африки античные источники не дают. И о самих народах Африки южнее Сахары, и об их языках у античных авторов представления были скорее мифологичными: Геродот, например, писал об эфиопах, что *язык их не похож ни на какой другой: они издадут звуки, подобные пisku летучих мышей*. Впрочем, некоторые лингвисты склонны видеть в этом первое свидетельство о тональных языках Тропической Африки, что уже представляет собой научный интерес.

Арабские источники Средних веков также предоставляют весьма скудные сведения о языках народов Африки. Труды учёных и путешественников XI–XIV вв. ал-Бекри, ибн Халдуна и ибн Баттуты содержат около трёх десятков глосс из языков Западной Африки, которые были исследованы и идентифицированы французским лингвистом М. Делафоссом. Из них 18 принадлежат языкам манден, 4 – макроязыку **сонгаи**, по несколько слов языкам **фула** и **сонинке**. Интересно, что глоссы демонстрируют весьма устойчивую фонологию этих языков: слова, обнаруженные Делафоссом, сохранились в них за 700–800 лет почти без изменения.

В книге марокканца ал-Ваззай, известного в Европе под именем Льва Африканского (начало XVI в.), содержится первое подобие «языковой карты» Великого Судана: он перечисляет области с востока на запад, в которых используются языки **сонгаи**, **хауса**, **канури** и **древненибийский**. Вполне вероятно, что к тому времени эти четыре языка были основными языками межэтнического общения и торговли в зоне Сахеля.

Некоторые слова из языка местных жителей восточноафриканского побережья, также сохранившиеся в средневековых арабских манускриптах, однозначно указывают на их происхождение из языков банту, в т. ч. и тех, что спустя несколько веков будут использоваться в Южной Африке. В частности, слово *lmnkuluglu* ‘бог, владыка’ из сочинения ал-Хамдани (X в.) сопоставляется с термином зулу *unkulunkulu* ‘очень старый’ и может указывать на то, что предки зулусов тысячу лет назад проживали значительно севернее сегодняшних мест расселения.

Началом систематического изучения африканских языков можно считать XVI в. Появление на берегах Африки европейских колоний и рост торговли между Африкой и Европой привёл к необходимости записи и кодификации европейских знаний о народах и государствах Африки. Первые короткие списки слов на африканских языках западного побережья континента появляются в середине XVI в., одним из них был «французско-гвинейский словарь», датированный 1544 г.

Этот первый период исследований можно с полным основанием назвать «миссионерским», так как он неразрывно связан с деятельностью европейских католических, а позже протестантских миссий, стремившихся найти взаимопонимание с жителями прибрежных районов Африки. Некоторые из трудов по африканским языкам, вышедшие в свет в XVI–XVIII вв., подготовлены не столько для религиозных нужд, сколько с целью облегчить деятельность торговых компаний: таков, например, словарь, составленный в середине XVII в. для нужд Французской торговой компании Сенегала и содержащий списки слов на языках волоф, мандинка, фула, сереер и сонинке. Однако большинство изданий выходило из-под пера миссионеров.

Уже первые отчёты католических миссий, направленных португальским правительством в Конго, Анголу и Мозамбик в середине XVI в., содержат небольшие списки слов на местных языках банту. Среди них – такие слова, как *mozimo* (*mudzimu*) ‘бог, дух’, *encose* (*inkosi*) ‘вождь’, *enganga* (*nganga*) ‘колдун, священник’, легко идентифицируемые в современных языках банту Юга Африки. К началу XVII в. относится составление первых молитвенников и переводов Катехизиса

на африканских языках. К тому времени правящая элита и большая часть городского населения Королевства Конго были христианизованы, и религиозная литература на языке конго призвана была упрочить влияние христианства. В 1643 г. Общество иезуитов издало в Лиссабоне первое краткое описание языка **конго**, к тому же времени относится издание испанско-конголезского словаря фламандца ван Гееля, которое заканчивается характерной записью о незавидной участи автора: *Скончался, побитый камнями, 17 декабря 1652 г.* Наконец, весьма подробная грамматика языка конго вышла в Риме в 1659 г. за авторством монаха ордена капуцинов Гиацинта да Ветралья. Здесь впервые была систематически изложена система именных классов, личных местоимений, имён числительных, терминов родства языка конго [Ольдерогге, Жуков 1982].

Эти труды имеют особую важность потому, что язык конго остаётся одним из немногих африканских языков, историческое развитие которого можно проследить в течение почти 400 лет. В то же время хронологическая глубина изучения большинства других языков Африки не превышает 100–150 лет. К языкам, диахронический анализ которых возможен на материале нескольких столетий, можно также отнести **мбунду** в Анголе и **сена** в Мозамбике, по которым сохранились довольно детальные описания XVII–XVIII вв.

Другим примером сохранения исторического наследия африканских языков является **древнениубийский** язык (восточносуданская семья), древнейшие тексты на котором датируются VIII–IX вв. Наиболее поздний древнениубийский текст датируется 1485 г., а уже в середине XVII в. для нужд католической миссии на Верхнем Ниле был составлен словарь древнениубийского языка из более чем 7000 слов. Таким образом, развитие нубийских языков, бытующих и сегодня в долине Среднего Нила, можно проследить на материале более тысячи лет – редкий случай для Африки.

В XVII–XVIII вв. в Европе выходят в свет словари и грамматические описания ряда языков Западной и Южной Африки. Практически все они также были составлены миссионерами. Среди языков, заслуживших внимания в тот период, можно назвать **волоф**, **сереер**, **акан**, **йоруба** в Западной Африке, а также **нама** в Южной Африке. Последний был исследован не только миссионерами, но и в конце XVII в. немецким учёным Петером Кольбе, чей труд стал известен по всей Европе.

Общеввропейское увлечение энциклопедическими сводами знаний, порождённое проектом Д. Дидро и его коллег-энциклопедистов

во Франции во второй половине XVIII в., отразилось и на изучении языков Африки, которых к тому времени европейцы знали уже несколько десятков. Пастор Ольдендорп составил список слов из языков африканских рабов на Карибских островах, преимущественно вывезенных с побережья Гвинейского залива. В 1787 г. испанский аббат Лоренсо Гервас издал «Многоязычный словарь более чем 150 языков для понимания механизма речи», в который были включены и данные африканских языков, а позже дополнил его записями молитвы «Отче наш» на более чем тридцати языках. Впоследствии этим приёмом пользовались многие учёные.

Усилие в том же направлении было предпринято и в России, где по повелению императрицы Екатерины II Санкт-Петербургская академия разослала по всем губерниям список из ок. 300 слов для перевода на всевозможные языки империи. Под руководством академика П. С. Палласа в 1787–1789 гг. были опубликованы 2 тома «Сравнительных словарей всех языков и наречий», а уточнённое алфавитное издание 1790–1791 гг. содержит уже данные по 33 языкам Африки, преимущественно западноафриканских. Хотя ни этот, ни иные сопоставительные своды языковых данных большого научного значения не имели, при всей своей наивности они проложили дорогу новой науке, перевернувшей представления о языке, – сравнительному языкознанию.

Первое известное суждение относительно родства языков Тропической Африки принадлежит итальянскому мореплавателю Андреа Корсали, совершившему плавание в Индию во втором десятилетии XVI в. Он, в частности, писал: *Всё побережье [Африки] от заливов Красного моря и вплоть до мыса Доброй Надежды... – это всё один язык; а от мыса Доброй Надежды и вплоть до островов Зелёного Мыса говорят на другом языке* [Cole 1971: 7].

Однако лишь в 1808 г. немецкий путешественник и учёный Г. Лихтенштейн опубликовал исследование, где на основании проведённого сравнения выделил ряд существенных различий между южноафриканскими языками, относимыми сегодня к койсанской макросемье («готтентоты») и группе банту («кафры»). Вслед за этим была опубликована одна из первых классификаций языков Африки. Она принадлежит немецким учёным И.-Х. Аделунгу и И.-С. Фатеру, работавшим в период бурного развития в Европе науки о сравнении языков. В 1812 г. выходит их совместный труд «Митридат», третий том которого посвящён в том числе языкам африканского континента. Классификацию Аделунга – Фатера можно сравнить со взглядом из космоса: в то время как берберские

Ил. 1. Негроидный антропологический тип

Ил. 2. Восточноафриканский антропологический тип

Ил. 3. Койсаноидный антропологический тип

Ил. 4. ПигмOIDный антропологический тип

языки на севере и «бушмено-готтентотские» (койсанские) языки крайнего юга Африки были однозначно выделены благодаря особому строю фонетической и грамматической систем, языки остальных народов, населяющих огромные пространства между этими крайними точками, были сгруппированы под обобщающим названием «центрально-африканских». Благодаря наличию списков слов авторам удалось выделить некоторые группы близкородственных языков – так на языковой карте Африки, тогда ещё представлявшей собой практически сплошное белое пятно, появляются объединения языков «мандинго» (манден, подгруппа языков семьи манде), «амина» (**акан**, макроязык семьи ква) и «конго» (некоторые близкородственные языки группы банту бассейна р. Конго).

Некоторые из основоположников сравнительного языкознания занимались и языками Африки: так, первое полноценное описание языка акан было опубликовано в 1828 г. Расмусом Раском, работавшим с одним из носителей языка в Копенгагене. К тому времени торговые связи между европейскими колониями в Западной Африке и местными государствами стали более интенсивными и требовали большого внимания к изучению языков. В Европе издаются уже десятки описаний и словарей африканских языков: второе издание библиографического справочника по языкам мира, выпущенное И.-С. Фатером в 1847 г., оказалось вдвое больше, чем первое издание 1812 г.

Постепенно заслуги по описанию языков континента переходили от миссионеров к профессиональным учёным. Африканское языкознание зародилось в недрах классического востоковедения: именно востоковеды первыми обратили внимание на структуру языков Африки, их особенности. Внимание учёных повысило качество анализа: так, в начале XIX в. английский учёный Т. Баудич впервые обратил внимание на смысловозначительное значение тонов в языке акан (впоследствии, однако, о них забыли ещё на полвека).

Южная и Юго-Восточная Африка стали объектами внимания со стороны языковедов несколько позже, чем языки запада континента. В начале XIX в. в печати появляются записи на языках **коса**, **зулу**, **ронга**. В 1814 г. выходит в свет первый краткий словарь языка **суахили**. Английский лингвист Дж. Причард в 1826 г. предложил термин «кафрская (Kaffrarian) семья языков» южной части Африки, носителей которых он подразделял на три основные группы – собственно кафров, народы Мозамбика и народы Конго. Именно Причарду, по-видимому, принадлежала честь первому предположить генетическое родство между

языками семьи банту. В 1837 г. он написал: *Идиомы всего африканского континента к югу от экватора, за исключением готтентотских диалектов... показывают несомненные доказательства родства* [Cole 1971: 8].

Ко второй половине XIX в. определённые регионы Африки были уже «закреплены» за метрополиями, владевшими колониями на их берегах. Французский исследователь Ж. Дард опубликовал в 1825 г. словарь и грамматику сенегальского языка **волоф**, а С. Кроусер в 1843–1852 гг. в Лондоне – словарь и грамматику нигерийского языка **йоруба**, материалы по языкам **игбо**, **иджо** и **нупе**. Англичанин Х. Голди издал в 1857 г. грамматику языка **эфик** в дельте Нигера. Однако, несмотря на то что Германия до конца столетия вовсе не имела колоний в Африке, лидерство в изучении языков Африки в тот период начинает завоёвывать именно немецкая школа лингвистов. Особую роль в этом сыграли немецкие лингвисты Вильгельм Блик, Генрих Барт и Сигизмунд Кёлле.

Перу первого из них принадлежит пионерская работа в африканском языкознании того времени – «Сравнительная грамматика южноафриканских языков», изданная в Лондоне [Bleek 1862–1869]. В ней В. Блик, ученик К. Р. Лепсиуса, провёл детальный сравнительный анализ фонологических систем различных языков семьи банту, предложив и сам этот термин для её наименования, а также представил систему именных классных префиксов, нагляднее всего характеризующих родственные связи между языками банту в разных частях Африки. Блик стал и первым лингвистом, фактически обозначившим границы того крупнейшего языкового объединения, известного сегодня как нигеро-конголезская макросемья. В частности, он писал: *Все языки, к которым относятся данные словники, принадлежат к обширной семье, которая, за исключением готтентотских диалектов, включает в себя языки всей Южной Африки, а также большинство языков Западной Африки; безусловно, языки отси или ашанти [акан], а также булло и тимне [темне] в Сьерра-Леоне. Семья гор [гур], включающая широко распространённых фула, а также аккра [га] и волоф, могут также считаться родственными им; как в том числе и укуафи [бантуязычные маасаи?] возле истоков Белого Нила, и тумале [носители кордофанских языков] в Дарфуре.* Таким образом, именно Блику принадлежит честь первого, пусть и эмпирического, утверждения о родстве языков на пространстве от устья р. Гамбии до устья р. Оранжевой.

Сигизмунд Кёлле работал в Западной Африке, а именно в Сьерра-Леоне и Либерии. Эти места были уникальными для изучения африкан-

ских языков: именно здесь были основаны поселения освобождённых в Америке рабов, происходивших из различных частей Африки. Работая здесь, можно было одновременно пользоваться материалом десятков языков. Первые работы по языкам жителей Сьерра-Леоне были выпущены в начале XIX в., однако труды Кёлле существенно превзошли все предшествующие описания по уровню анализа. В 1854 г., после его возвращения из Африки, в Европе были опубликованы сразу четыре монографии Кёлле, из которых, пожалуй, наибольшую известность получила его «Polyglotta Africana», монументальная коллекция глоссариев из примерно трёхсот слов и фраз на 167 языках Западной Африки [Koelle 1854]. Тысяча двести страниц «Полиглотты» Кёлле по сей день остаются почти неисчерпаемым источником сведений о языках Африки XIX столетия, даже несмотря на множество ошибок, за которые справедливо критиковали Кёлле уже его современники. Благодаря работе Кёлле, во-первых, удалось составить весьма точную этнолингвистическую карту Западной Африки. И во-вторых, Кёлле, в чьи задачи не входило сравнение столь обширных данных, всё же попытался вычлнить некоторые крупные объединения языков региона по генетическому принципу. В частности, некоторые из групп, выделенные им, соответствуют современным представлениям:

«северо-западные атлантические языки» – атлантической семье языков;

«северо-западные верхнесуданские» или «манденга» – семье языков манде;

«северо-восточные верхнесуданские» – семье языков гур.

Прослеживаются в работе Кёлле и другие признанные ныне генетические объединения – так, три подгруппы «верхнегвинейских языков» в его «Полиглотте» соответствуют нынешним языкам семьи кру, группы гбе (семья ква) и группы йорубоидных языков семьи бенуэ-конго. Кёлле составил также подробную грамматику, сборник текстов и словарь языка канури – первое системное описание языка сахарской семьи.

По стопам С. Кёлле шёл его соотечественник, немецкий лингвист Г. Штейнталь, которого можно назвать основоположником сравнительного изучения языков манде. В своей работе [Steinthal 1867] он подробно исследовал основные языки семьи манде (**манинка**, **сусу**, **ваи** и др.) и установил их тесное родство на основании лексических и грамматических изоглосс.

Если Кёлле охватил своим исследованием преимущественно языки прибрежной зоны Западной Африки, то работа Г. Барта «Собрание

и обработка центральноафриканских словарей» [Barth 1862] посвящена языкам глубинной, малоисследованной к тому времени части региона. В его работе содержатся словари и грамматические очерки некоторых крупных языков современных Нигерии, Мали, Чада и Нигера: это атлантический язык **фула**, чадские языки **хауса**, **лагван** и **вандала**, сахарские **теда** и **канури**, центральносуданский **багирми** и изолированный нило-сахарский язык **маба**. При этом Барт указывал на определённые признаки родства как чадских, так и сахарских языков.

Немец Г. Кёлер в тот же период стал первым исследователем языка **иджо** (1848), его соотечественник Б. Шлегель издал первый труд по языку **эве** (1856). Первые исследования в области нилотских языков (в первую очередь **маасаи**) принадлежат перу немецких учёных фон Эвальда и Крапфа, последний также является автором исследования по кушитским языкам, в т. ч. **оромо** и **сомали**.

К середине XIX в. относятся первые попытки создания транскрипции для записи сложных для европейца звуков африканской фонетики. В 1848 г. в Лондоне вышла в свет памятка для миссионеров, авторы которой попытались унифицировать системы записи специфических африканских фонем. Несмотря на то что этот труд состоит всего из шести страниц, он стал известен и был воспринят многими ведущими исследователями (включая и С. Кёлле), и явился фундаментом для разработки универсального фонетического алфавита для записи языков Африки. Спустя несколько лет, опять же по просьбе лондонской миссионерской администрации, известный исследователь языков Северной Африки Карл Рихард Лепсиус издал «Стандартный алфавит для унификации записи бесписьменных языков и приведения их к единообразной орфографии, основанной на европейской графике». Лепсиус придерживался принципа «одна фонема – одна графема» и для его соблюдения ввёл в оборот большое количество диакритических знаков, что впоследствии стало препятствием для записи тонов. Позже на основе алфавита Лепсиуса свой универсальный фонетический алфавит предложил К. Майнхоф, а в 1920-х гг. Д. Вестерман, недовольный обилием сложных символов в Международном фонетическом алфавите (International Phonetic Alphabet, IPA), предложил для записи африканских языков усовершенствованный, но весьма простой в использовании алфавит. Его система, использующая удвоение гласной для показателя долготы и французские «акценты» для обозначения тонов, используется большинством африканистов по сей день. Тем не менее быстрое развитие теории фонологии позже потребовало множества

нововведений как для транскрипции отдельных языков, так и для обозначения региональных фонетических явлений.

Множество исследований, вышедших в свет в середине XIX в., продемонстрировали европейским учёным, что африканские языки, во-первых, чрезвычайно многочисленны (языковая чересполосица удивляла всех первых африканистов) и, во-вторых, столь же разнообразны. Более того, составители первых сводов данных по языкам Африки не могли не отмечать, что большая плотность различных по словарю и структуре языков в Западной Африке и Судане резко контрастирует с единообразием языков банту Юга Африки. Эти мысли привели к необходимости разработать единую генетическую классификацию языков континента наподобие той, что уже существовала для индоевропейской, семитской, уральской и других языковых семей Евразии.

В 1880-х гг. выходят в свет сразу две гипотезы смешанной ареально-генетической классификации языков Африки. К тому времени европейские исследователи имели возможность работать уже не только в прибрежных, но и во многих глубинных районах Субсахарской Африки, что, безусловно, резко повысило и количественный уровень данных, и качество анализа. В 1883 г. Роберт Каст опубликовал своё исследование «Обзор современных языков Африки» [Cust 1883], где обосновал деление языков континента на шесть подразделений: семь семитскую и банту, а также группы хамитскую, нуба-фула, негритянскую и готтентото-бушменскую. При этом термин «семья» относился к языкам, чьё родство представлялось доказанным, в то время как «группа» могла объединять идиомы по географическому признаку. Примерно такая же классификация была независимо предложена К. Р. Лепсиусом, который разделил все языки южнее Сахары на готтентотские, негро-банту и негро-смешанные – при этом под последними подразумевалось всё языковое многообразие Западной и Центральной Африки; о большинстве языков этого региона у учёных того времени было лишь весьма поверхностное представление.

Основным показателем родства между языками Западной и Южной Африки в то время считался типологический: наличие системы именных классов и классного согласования, особенно образуемого с помощью префиксальных морфем. Позднее на основании наличия и внешнего сходства именных классов аффиксов родство с языками банту предполагали для самых разных языков Западной Африки. Так, немецкий миссионер и лингвист Г. Кристаллер писал, что *родству языков эфик, йоруба, ашанти [акан], темне... может быть найдено*

много доказательств. Однако это были пока лишь эмпирические заявления, основанные на внешнем сходстве именных согласовательных систем различных языков. На многие десятилетия вперёд наличие или отсутствие систем именной классификации в африканском языке стало считаться основным показателем его генетической принадлежности: остатки этого мировоззрения мы можем иногда наблюдать и в работах сегодняшнего дня. Таким образом, основную роль при сравнении играла структурная типология, что с точки зрения сравнительного метода в корне неверно.

Столь некорректный подход к классификации, впрочем, ни в коем случае нельзя ставить в вину учёным XIX в. При отсутствии сколь-нибудь надёжных сведений об абсолютном большинстве языков Африки лингвистам того времени приходилось работать с крайне скудными, обрывочными и нередко неаккуратными данными, которые не давали возможности провести качественный сравнительный анализ на массиве такого масштаба, который был доступен исследователю индоевропейских или семитских языков.

Другим заблуждением конца XIX в. и начала XX в. в африканском языкознании стала концепция о существовании в Субсахарской Африке большого количества т. н. смешанных языков, возникших в результате конвергентного развития. Об этом, в частности, много писал немецкий учёный Карл Майнхоф, полагавший, что языки Западной и Центральной Африки могли быть результатом влияния более северных языков на гетерогенные языки Великого Судана. Именно тогда в литературе появляется термин «языки полубанту» (Semi-Bantu languages), введённый в научный оборот Адольфом Шлейхером. Так стали называть большое количество языков Западной Африки, обладающих чертами, роднящими их с языками банту.

Концепция «смешанных» языков сыграла скорее деструктивную роль в объяснении генетического происхождения языков Африки южнее Сахары. Во-первых, механизмы, приводящие к образованию «смешанных языков», так и не были удовлетворительно объяснены. Во-вторых, это поверхностное объяснение приводило к тому, что «смешанным» возможно стало объявить любой язык, носящий типологические характеристики, свойственные, к примеру, берберским языкам Северной Африки и языкам банту Южной Африки.

К началу XX в. практически все крупные языки Африки были исследованы европейскими лингвистами, хотя и в различной степени. При этом в африканском языкознании продолжала господствовать немецкая

школа. В Великобритании изучение африканских языков практически целиком находилось в руках миссионерских объединений, а французские исследователи работали скорее над тем, чтобы привить африканцам свой язык, так как государственная политика полной ассимиляции колониального населения не приветствовала даже изданий книг на африканских языках. В то же время Германия была сосредоточена на чисто научном изучении языков Африки. Как говорил в 1881 г. английский лингвист Р. Каст, *по мнению англичан, языки изучаются, а книги пишутся для практических целей, при этом они не думают ни о романтике, ни о науке. Те, кто прожил четверть века в Индии, не заботятся о том, чтобы изучить организм языка, используемого там в быту. Поэтому Англия в долгу у Германии за всё то, что сделали её учёные.*

Германия стала первой страной Европы, где изучение африканских языков перешло от миссионеров в руки учёных, подчас буквально: самые выдающиеся деятели немецкой школы Карл Майнхоф и Дидрих Вестерман начинали как миссионеры. В Германии же африканские языки впервые удостоились университетского уровня изучения. В 1887 г. канцлер Отто Бисмарк дал указание создать в Берлинском университете Семинар восточных языков с африканским отделением в составе. Правда, семинар как раз имел чисто практические цели: на нём проходили подготовку будущие чиновники новообретённых германских колоний в Африке. Там же начал выходить и периодический «Журнал африканских языков», где публиковали свои труды и заметки учёные и путешественники разных стран. В частности, именно здесь были опубликованы материалы российского путешественника В. В. Юнкера, составившего словари нескольких неизученных языков Центральной Африки в ходе своего второго путешествия в 1879–1896 гг.

Но основным автором журнала являлся К. Майнхоф. Возглавив в 1903 г. африканское отделение семинара, он вскоре опубликовал свои самые значительные работы – «Основы сравнительной грамматики банту» [Meinhof 1899–1906] и второе издание «Основ языкового строя языков банту» [Meinhof 1910], окончательно доказав предположения своих предшественников, что языки банту являются единой семьёй близкородственных языков, распространённых на всём пространстве Африки южнее экватора.

После завершения работы над языками банту Майнхоф переключил своё внимание на языки Севера Африки, выдвинув вскоре «хамитскую» теорию, на десятилетия ставшую чрезвычайно популярной в языковедении [Meinhof 1912].

Термин «хамитские языки» по отношению в языкам Северной Африки был выдвинут ещё К. Р. Лепсиусом в середине XIX в.: явные сходства между семитскими и берберскими языками перекликались с известной библейской легендой о трёх сыновьях Ноя – Симе, Хаме и Иафете, чьи потомки разошлись по разным регионам мира. Примерно тогда же стало очевидным и родство семитских и хамитских языков с древнеегипетским (этот вопрос был разработан А. Эрманом, К. Зете, Г. Циммерном и другими), что привело к выделению семито-хамитской семьи (ныне афразийской) языков. В начале XX столетия работы по языку **хауса** и кушитским языкам обнаружили очевидные сходства между ними и другими семито-хамитскими языками.

В то же время в конце XIX – начале XX в. под влиянием учения Ч. Дарвина и теории рас в африканском сравнительном языкознании утвердилась точка зрения о соответствии между расово-культурными типами и языковой классификацией. Как и жители континента, их языки были разделены на семито-хамитские языки белой расы и негритянские языки чернокожего населения. Для отнесения народа к той или иной языковой семье учитывались такие признаки, как цвет кожи и тип хозяйствования, в результате чего все скотоводы Африки автоматически попадали в «хамитскую семью». Среди собственно лингвистических критериев классификации предпочтение отдавалось типологическим. В. Блик на заре своей карьеры делил языки Тропической Африки на группу А (с местоименными префиксами) и группу Б (с местоименными суффиксами) и обе их противопоставлял языкам Европы и Ближнего Востока². Если семитским и хамитским языкам был свойственен род имён существительных, то «негритянские» языки отличались системой именных классов. Кроме того, в соответствии с тогдашними представлениями, слаборазвитые народы должны были и говорить на неразвитых языках: к последним причислялись языки изолирующего типа, локализуемые в Западной и Центральной Африке. В то же время высокоразвитыми считались флективные языки, подобные индоевропейским и семитским.

Уже сам К. Р. Лепсиус предполагал включить в состав хамитских языков также язык готтентотов нама, которые, по его мнению, испытали влияние древнего светлокожего населения. Карл Майнхоф

---

² Языки Европы и Северной Африки В. Блик в своей диссертации назвал языками «полового ствола» (*stirps sexualis*) из-за приверженности категории грамматического рода.

предложил ещё более расширить рамки семьи за счёт языков самых различных районов Африки. Для обоснования состава «хамитской» языковой семьи был использован набор таких показателей, как фенотипические черты «кавказской расы» и скотоводческие навыки. В результате в составе «хамитской» семьи Майнхофа оказались, помимо прочих, языки фула, нама, маасаи и сомали, т. е. представители не только всех четырёх принятых сегодня макросемей языков Африки, но и почти всех антропологических типов африканцев. В попытке оправдать единство языка и расы Майнхоф и ряд его учеников практически полностью отошли от принципов младограмматического анализа языка. Даже открытие в начале XX в. родства между языками банту и кордофанскими языками в Судане не смогло поколебать убеждения Майнхофа о том, что Африка разделена между тремя расами и тремя языковыми семьями: семито-хамитской, банту и смешанной суданской.

Хамитская теория и классификация языков Африки Майнхофа были поддержаны в Европе и широко популяризованы благодаря небольшой работе его ученицы Алисы Вернер «Языковые семьи Африки» [Werner 1915], которая в течение как минимум двух десятилетий не теряла значения. В книге Вернер семьи африканских языков перечислялись в следующем порядке:

1. Суданская семья.
2. Семья банту.
3. Хамитская семья.
4. Бушменская группа.
5. Семитская семья.

Вернер основывает свои выводы на структурных сходствах языков каждого объединения между собой. Так, суданские языки в книге характеризуются односложными лексемами, отсутствием категории грамматического рода, развитой тонологией и генитивным определением, предшествующим вершинному существительному.

Работа А. Вернер не могла не привести к ещё большему смешению классификационных методов. Она, в частности, утверждала, что вероятность родства между языками бушменов и суданскими языками «чрезвычайно велика», что фула представляет собой «древнюю речь», из которой произошли все хамитские языки, и прочее. При этом никаких убедительных языковых данных в поддержку столь смелых утверждений не приводилось. В результате в африканском сравнительном языкознании на полтора десятилетия наступило затишье: науке

требовался принципиально новый, более надёжный подход к генетическим отношениям языковых объединений.

В начале XX в. Берлинский университет и Колониальный институт в Гамбурге стали ведущими центрами африканистической научной мысли в языкознании – оставаясь ими даже после того, как по условиям Версальского мира 1919 г. Германия потеряла все свои владения в Африке и, следовательно, практическую необходимость заниматься её языками. В 1910 г. в Гамбурге начал издаваться «Журнал колониальных языков», известный нашим современникам как «*Afrika und Übersee*». К. Майнхофу удалось собрать крупнейших африканистов своего времени, наладить выпуск грамматик и словарей десятков языков Африки. В Гамбурге работали такие выдающиеся лингвисты, как А. Клингенхобен, исследователь языка фула, и О. Демпвольф, бантуист, позже ставший всемирно известным своей реконструкцией австронезийского праязыка. Из этой среды вышел в начале XX в. и самый выдающийся исследователь африканских языков этого периода – Дидрих Вестерман.

С именем Вестермана, ближайшего ученика К. Майнхофа, поставившего своей задачей тщательное сравнительное изучение многочисленных языков Великого Судана, связано формирование нового метода, более тщательного сравнения языков Африки. Ранние работы Вестермана посвящены языкам, ныне классифицируемым как нило-сахарские, но затем он вплотную принимается за исследование «западносуданских языков», генетические связи между которыми были обоснованы им в фундаментальной работе «Западносуданские языки и их отношение к языкам банту» [Westermann 1927]. Эта работа содержит первую попытку научного доказательства мысли Блика о том, что сотни языков Африки южнее Сахары имеют общее генетическое происхождение.

Вестерман разделил «западносуданские» языки на шесть подсемей: ква, бенуэ-кросс, гур, западноатлантические, мандинго и «остаточные языки Того» (нем. *Togorestsprächen*, англ. *Togo Remnant*). Такая классификация впервые была основана не столько на типологических критериях, сколько на базе сравнения большого объёма лексических единиц и попыток вычленения закономерных фонетических соответствий. В результате исследования был составлен список из около четырёхсот постулируемых пра-«западносуданских» лексических реконструкций, некоторая часть которых не потеряла актуальности по сей день. При этом, хотя родство между «западносуданскими» языками Вестерман считал доказанным и приводил множество примеров соответствий

как корневых, так и грамматических морфем между ними и языками банту, до самой смерти он воздерживался от прямых выводов о родстве между языками банту и «западносуданскими». Не решался он и покусаться на постулируемый Майнхофом «хамитский» статус языка **фула**, несмотря на его очевидные сходства с другими атлантическими языками, прежде всего **сереер**.

Работы Вестермана по нигеро-конголезским и нило-сахарским языкам имели большое значение не только для компаративистики, но и для дескриптивной лингвистики. Выше уже упоминалось о разработанном им фонетическом алфавите, который лёг в основу транскрипции большинства современных описаний африканских языков. Помимо этого, Вестерман первым стал систематически учитывать тон как смысло-различительную категорию фонологии языков Тропической Африки, положив начало изучению тонологии. На примере языка эве Вестерман показал значение тонов для грамматической системы и лексики западноафриканских языков, и с того времени игнорировать их при описании языков Африки стало невозможным. Свои исследования по языкам Африки Вестерман суммировал уже после Второй мировой войны, будучи членом Академии наук ГДР, в книге «Языки Западной Африки», вышедшей в Оксфорде в 1952 г. в соавторстве с М. Брайан [Westermann, Bryan 1952].

Труды Майнхофа и Вестермана качественно опережали современные им исследования французской и английской школ африканского языкознания. Вместе с тем в этих школах также следует отметить ряд выдающихся учёных-африканистов. Одним из них был Морис Делафосс, крупный дипломат и государственный деятель Франции, работавший одно время генерал-губернатором Экваториальной Африки. Его авторству принадлежит множество работ по языкам манде, другим языкам Западного Судана, а также трёхтомный труд «Словари более 60 языков Берега Слоновой Кости» [Delafosse 1904], содержащий списки слов многих неизвестных дотопе языков региона. Делафосс не поддерживал «хамитской» теории Майнхофа, однако его собственная классификация африканских языков оказалась ещё более далёкой от исторического метода. Вполне в духе расового подхода он делил все языки континента на восемь категорий по структурному типу: от изолирующих, т. е. самых низших, через агглютинативные языки с различными способами выражения именной классификации к седьмой, высшей категории языков флективного типа. Особую группу составляют в его классификации койсанские языки, обладающие щёлкающими звуками.

В Лондоне в конце XIX в. появился «Журнал африканского общества», однако это издание принимало, помимо научных трудов, весьма вольные фантазии авторов. В нём можно было увидеть статью о том, что все слова языков банту происходят из односложных междометий и имитации звуков дикой природы, или о том, что язык фула был создан африканскими школьниками, чтобы их не поняли учителя. Большинство трудов, издававшихся в Великобритании в тот период, по-прежнему издавались миссионерами и обнаруживали полное незнание с теорией языковых изменений и сравнительным языкознанием. Такова, например, «Сравнительная грамматика языков банту» Дж. Торренда [Torrond 1891], содержащая много нового материала, но почти никакого полезного анализа. Те же недостатки демонстрирует фундаментальный труд Г. Джонстона «Сравнительное изучение языков банту и полубанту» [Johnston 1919–1922], вводящая в научный оборот целый ряд новых языков Нигерии и Камеруна: из-за непоследовательности транскрипции и игнорирования тонов её материал оказывается почти бесполезен.

После Первой мировой войны внимание к африканским языкам в Западной Европе усилилось. В 1926 г. в Лондоне был создан Международного института африканских языков и культур, оргкомитет которого были приглашены возглавить Д. Вестерман и М. Делафосс. Институт выпускал ряд научных журналов, многотомный «Справочник африканских языков», занимался подготовкой универсального алфавита для транскрипции языков Африки, известного как алфавит Вестермана. В 1938 г. в Лондоне же была открыта Школа восточных и африканских исследований, которая постепенно перехватила европейское лидерство у университетов Германии. Здесь началась подготовка аспирантов по языкам **хауса**, **амхарскому** и **суахили**, преподавалось множество других языков Африки, выходили многочисленные научные журналы. Среди капитальных проектов, разработанных в Лондоне, можно назвать общую карту языков Африки под руководством Д. Дэлби, а также исследование по 600 языкам банту, возглавленное М. Гасри, позже оформившееся в его капитальный четырёхтомный труд по реконструкции праязыка группы банту [Guthrie 1967–1971].

Основанный в городе Тервюрене Музей Бельгийского Конго ещё в начале XX в. взялся за публикацию научных материалов экспедиций, в т. ч. по некоторым языкам банту. С некоторыми перерывами эта работа продолжилась и позже. Расцвет лингвистической науки пришёл в Тервюрен с назначением на должность директора Ф. Ольбрехтса,

а его заместителем А. Меуссена. В 1961 г. под руководством последнего стартовал масштабный проект «Лолеми» по детальной разработке сравнительной грамматики языков банту. В рамках «Анналов» музея было выпущено в свет более сотни томов, включавших словари и грамматики языков Центральной Африки (в т. ч. **конго, луба, кирунди, нгбанди**), тексты африканского эпоса и поэзии. В 1962 г. была основана периодическая серия (позже журнал) «Africana Linguistica», остающаяся одним из крупнейших периодических изданий по африканскому языкознанию.

Во Франции в 1936 г. было принято решение о создании Института Французской Чёрной Африки в Дакаре (IFAN), который возглавил известный этнограф М. Гриоль. Ежеквартальный «Бюллетень IFAN» уже вскоре стал одним из наиболее авторитетных источников научных сведений о языках Тропической Африки, а серия монографий («Мемуары IFAN») содержит важнейшие сведения о малоизученных языках семей манде, гур, сонгаи, атлантических языков. В институте существовала фонетическая лаборатория, работавшая над повышением качества обработки материалов, собирался обширный корпус текстов на африканских языках. В административных центрах различных районов французской Африки открывались филиалы IFAN. Позже, уже после обретения независимости африканскими странами, эти филиалы были превращены в национальные институты – причём подчас с сохранением всемирно известной аббревиатуры «IFAN» (например, Институт фольклора и антропологии Нигера в Ниамее или Фундаментальный институт Чёрной Африки в Дакаре).

Итальянская африканистика, стартовавшая на фундаменте миссионерских программ, добилась впечатляющих результатов в середине XX в. в ходе исследований языков Центральной и Восточной Африки. Руководители веронской католической миссии С. Сантандреа и Ж. Краццолара стали инициаторами издания многочисленных грамматик и сравнительных описаний языков убангийской, нилотской, шари-нильской семей языков, о которых до этого в науке существовали лишь обрывочные сведения. По некоторым из этих языков после С. Сантандреа до сих пор не выходило больше ни одной работы. Большинство трудов итальянских африканистов были изданы Восточным институтом в Неаполе.

Своя школа языковедения существовала и в Австрии, где ещё в конце XIX в. работал известный лингвист и египтолог Лео Рейниш, опубликовавший несколько важных описаний языков Восточной

Африки – **афарский, сомали, нобиин** и др. В первые десятилетия XX в. в Вене работало католическое Общество божественного слова, деятельность которого, однако, вместо строго научных целей ставило своей задачей обоснование библейских легенд с помощью сопоставления языков. Представители этой школы В. Шмидт и В. Вангер сравнивали языки банту с шумерским и на этом основании выводили всех африканцев из Месопотамии. Порядок слов в генитивных конструкциях сопоставлялся со структурой отцовского и материнского права, а любые несоответствия языковых фактов с библейскими построениями объяснялись древним смешением языков в духе Вавилонской башни. Подобные воззрения, характерные для лингвистики XVIII в., в отдельных научных центрах дожили до второй половины XX в.

В России до 1917 г. африканским языкам уделялось довольно мало внимания в научных исследованиях. Помимо уже упоминавшихся екатерининского «словаря всех языков» и материалов путешествия В. В. Юнкера, вышедших в свет в Берлине, сложно назвать научный труд, посвящённый хотя бы отчасти языкам Тропической Африки. Исключение составляет книга А. П. Погодина «Язык как творчество» [1913], где содержится некоторый материал из европейских источников о языках Африки и проведён критический разбор работ К. Майнхофа. Погодин отмечал методические ошибки, свойственные многим западным исследованиям того времени: *большим недостатком их является стремление уложить материал в рамки наших грамматических категорий, которые, в сущности, совершенно не покрывают его*. Что же касается исследований в области египтологии и изучения эфиосемитских языков, то здесь российские достижения более существенны: изучением древнеегипетского, коптского языков и особенно языка геэз занимались многие выдающиеся учёные империи, включая П. К. Коковцова, И. Ю. Крачковского, Б. А. Тураева. По инициативе последнего в 1918 г. в России возникла первая кафедра египтологии, изучавшая древнеегипетский и коптский языки.

К 1920-м гг. относится становление одной из наиболее выдающихся фигур советской африканистики: в Ленинграде начинает работать Д. А. Ольдерогге, которому суждено было поднять африканское языкознание в СССР на принципиально новый уровень. В течение полугода он стажировался в Гамбурге, где под руководством Д. Вестермана изучал языки нобиин и **эве**, работал в Тервюрене и Франкфурте над вопросами африканской этнографии. В январе 1934 г. в Москве состоялась первая в России научная конференция по африканским языкам,

в том же году на филологическом факультете Ленинградского университета открылось первое африканское отделение, где Д. А. Ольдерогге преподавал **зулу** и **суахили** (позже также хауса), а Н. В. Юшманов читал курсы введения в африканское языкознание, языков **амхарского** и **хауса** [Громова 1999]. В Ленинграде же работал академик И. Ю. Крачковский, автор «Введения в эфиопскую филологию» – фундаментальной работы по изучению эфиосемитских языков. В 1936 г. Н. В. Юшмановым впервые в России был издан литографированный курс «Введения в африканское языкознание» – структурно-типологическая работа, в которой рассматривались проблемы фонологии, тонологии и грамматического строя на примерах множества языков Африки. К сожалению, в широкую печать она так и не попала. После выхода в свет нескольких концептуальных работ по африканским языкам – амхарскому, хауса, а также арабскому – Н. В. Юшманову в 1938 г. была присвоена учёная степень доктора наук без защиты. С 1944 г., после снятия блокады Ленинграда, в ЛГУ возобновились занятия, была создана кафедра африканистики, которую после смерти Н. В. Юшманова в течение более 40 лет возглавлял Д. А. Ольдерогге.

Д. А. Ольдерогге был африканистом широчайшего профиля, участвуя в становлении не только изучения языков Африки, но и африканской этнографии, антропологии, социологии в СССР. Его особые интересы включали системы родства у народов Тропической Африки, системы счёта и числительных, пространственные и временные отношения в языках Африки. К его основным трудам относятся словари суахили и хауса, учебник хауса. Под руководством Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина вышел коллективный обзорный труд «Народы Африки» [1954]. Он глубоко занимался вопросами сравнительно-исторического изучения африканских языков и одним из первых обратил внимание на несостоятельность ряда положений «хамитской» теории К. Майнхофа для классификации африканских языков.

К 1950-м гг. мировая африканистика уже значительно продвинулась вперёд по сравнению с классификационными теориями немецкой школы начала XX в. Труды Д. Вестермана дали возможность структурировать качественно новую классификацию языков континента, основанную на сравнительно-исторической методологии. Кроме того, резко возросло количество языковых описаний, введённых в научный оборот в первой половине столетия.

Достижение Джозефа Гринберга, считающегося отцом современной классификации африканских языков, состоит в том, что он

суммировал достижения своих предшественников – Блика, Майнхофа, Вестермана и других, придав их мыслям, вызревавшим целое столетие, форму стройной теории, а также закрыв в ней наиболее существенные белые пятна. В окончательном виде его работа по классификации языков Африки вышла в свет в 1963 г. [Greenberg 1963], распределив абсолютное большинство языков Африки по четырём крупным макросемьям, которые мы сегодня называем афразийской (или афроазиатской, далее АА), нило-сахарской (НС), нигеро-конголезской (НК) и койсанской (К), см. карту 1 на вклейке.

Своими основными достижениями в области языковой классификации сам Дж. Гринберг считал, во-первых, обоснование родства кордофанских и адамауа-убангийских языков с другими языками Западной и Южной Африки; во-вторых, определение места языков банту как одного из таксонов нижнего уровня в структуре бенуэ-конголезской семьи; и, наконец, определение чёткого генетического положения языка **фула**, о происхождении которого в первой половине XX столетия, наконец, существовало больше всего самых экзотических гипотез.

Вместе с тем уже с момента выхода в свет работы Гринберга методика его анализа подвергалась серьёзной критике. Его метод «массового» или «многостороннего сравнения» не имел надёжной доказательной базы и был весьма поверхностным – что, надо признать, осознавал и сам Гринберг. Вслед за некоторой заинтересованностью к методике массового сравнения со стороны учёных последовал быстрый возврат к критической позиции. Это было вызвано в том числе последующими работами самого Гринберга. Опираясь на «массовое сравнение» языков других континентов, где работы его предшественников не создавали столь прочного фундамента, как в Африке, он вывел ещё как минимум две гипотезы дальнего родства, не нашедшие на этот раз поддержки в научном «мэйнстриме»: америндскую (о генетической связи между собой многочисленных семей автохтонных языков Северной и Южной Америки) и индо-тихоокеанскую (о родстве папуасских, андаманских и австралийских языков). «Евразийская» гипотеза Гринберга, расширяющая границы предложенной В. М. Иллич-Свитычем ностратической макросемьи, также не получила серьёзной поддержки в мировом языкознании и вызвала скорее агрессию лингвистического «мэйнстрима» вплоть до вытеснения последователей Гринберга из университетов США в последние десятилетия.

Шестидесятые и семидесятые годы XX в. в африканском историческом языкознании были посвящены в основном обсуждению идей

Гринберга, которым, тем не менее, так и не было противопоставлено более стройной и объяснимой модели генетической классификации: его классификация доминирует в африканистике по сей день. В отсутствие альтернативы африканисты всего мира сосредоточились на пересмотре состава семей НК языков в схеме Гринберга и их взаимоотношений между собой.

Если состав афразийской языковой семьи выглядел наиболее бесспорным, то и заслуги Гринберга здесь были минимальны: состав афразийской общности был в целом обоснован уже в начале XX в. Относительно трёх прочих макросемей такой уверенности быть не могло. Целый ряд языковых семей, отнесённых к нигеро-конголезской макросемье, не имели к тому надёжных оснований; койсанская макросемья, как предполагалось ещё до Гринберга, объединяет лишь языки со схожими структурными характеристиками, но их общее происхождение Гринбергом не было доказано; что касается нило-сахарской макросемьи, то в неё, казалось, автор гипотезы собрал все разноструктурные языки Восточной и Западной Африки, которые не удалось «разместить» в трёх других макросемьях.

Эти соображения заставили крупнейших лингвистов второй половины XX в. выдвинуть целый ряд уточнений к классификации Гринберга. Его работы подстегнули усилия по сравнительному анализу небольших семей языков Африки: в период с 1960 по 2000 г. вопросами сравнения и классификации языков Африки занимались такие выдающиеся африканисты, как У. Уэлмерс, К. Уильямсон, Дж. Стюарт, Г. Мукаровский, Р. Фоссен и другие. Было предложено около десятка различных вариантов классификации африканских языков, в разной степени схожих со схемой Гринберга. Постепенно его классификация, оставаясь стержнем сравнительно-исторической африканистики, подверглась сильной эрозии. К концу XX в. мало кто из учёных всерьёз полагал оправданным родство языков койсанской макросемьи, в составе нило-сахарской макросемьи также стало принято выделять несколько семей с неясными перспективами родства.

Методы лексикостатистики и выделения лексических инноваций постепенно вышли на первый план при сравнительном анализе и реклассификации языков Африки. При этом долгое время не существовало единой методики сопоставления лексем в рамках статистического подхода – каждый исследователь мог «на свой вкус» объявить две формы когнатами, что нередко довольно чувствительным образом меняло всё родословное древо макросемьи.

Итогом чрезмерного увлечения классификационными моделями и построением дендрограмм на основе нескольких лексических соответствий стала их довольно низкая абсолютная ценность в отсутствие того, что обычно сопутствует родословному древу в сравнительно-историческом языкознании: систем регулярных фонетических соответствий, реконструкции фонологии и морфологии праязыка, праязыкового лексического фонда. В то же время стремление «углубить» родство с помощью лишь 10–15 лексических изоглосс привело к тому, что появились гипотезы праязыков, отстоящих от нас на 18–20 тысяч лет. В их числе – конго-сахарская гипотеза Э. Грегерсена (фактически возвращавшая к «суданской» теории К. Майнхофа) [Gregersen 1972]. Составлялись и списки «панафриканских» лексических корней, призванных свидетельствовать об общем происхождении всех четырёх макросемей языков африканского континента. При этом для сравнения приводились данные, произвольно выбранные из каждой макросемьи, соответствия между ними остаются тёмными и никак не объясняются с точки зрения методологии.

Эти и другие обстоятельства привели к тому, что в начале XXI в. в африканском языкознании наступил новый этап. На смену тенденции поисков дальнего родства, порождённой популярностью работ К. Майнхофа, Д. Вестермана, Дж. Гринберга и других учёных XX в., пришла обратная тенденция. В противовес сторонникам дальнего родства и крупных генетических объединений языков, названным в англоязычном научном сообществе «ламперами» (англ. *lumpers*, букв. ‘сваливающие в кучу’), среди учёных-африканистов появляется всё больше т. н. сплиттеров (*splitters*, букв. ‘разделяющие’) – противников идей макрокомпаративистики, направляющих усилия на выделение небольших независимых групп и семей языков, объяснение схожих элементов конвергентными отношениями, а также активный поиск языков-изолятов.

Данная тенденция, зародившись в США, где позиции гипотез дальнего родства всегда были традиционно слабыми, в настоящее время продолжает усиливаться и в университетах и научных центрах Европы, а также отчасти и в России. Она затронула не только африканский континент, но оказала сильнейшее влияние на изучение автохтонных языков обеих Америк, Австралии, ряда регионов Евразии. Теоретическое обоснование идей противников дальнего родства было заложено работами второй половины XX в. – многие их тезисы были сформулированы и в советской литературе, в т. ч. такими крупными учёными, как А. М. Щербак и Б. А. Серебrenников. В последние десятилетия

возражения против методов макрокомпаративистики выдвигались в работах известных лингвистов Запада – Р. Диксона, Дж. Николс, Л. Кэмпбелла и других.

Одновременно с этой центробежной тенденцией в африканском языкознании усиливается интерес к языкам-изолятам. В разное время южнее Сахары выделялось до трёх десятков изолированных языков. И хотя для большинства из них выдвигались гипотезы о принадлежности к той или иной из четырёх макросемей континента, в сегодняшней западной науке к таким гипотезам принято относиться скептически. Конференция «Изоляты в Африке», прошедшая в Лионе в декабре 2010 г., стала подтверждением усиления влияния «сплиттеров» в африканском языкознании. Фактически она показала, что в отсутствие надёжных сравнительно-исторических данных для большинства крупных и малых семей африканских языков исследователь считает для себя более экономным объяснять обнаруженные в языках лексические, фонетические и морфосинтаксические сходства как результат конвергентного развития, нежели как итог длительного расхождения генетически родственных идиомов [Прохоров 2011].

Мнение о том, что макросемьи Гринберга являются ареальными, а не генетическими объединениями, стало приобретать популярность параллельно общей тенденции роста интереса лингвистов к ареально-типологическим исследованиям языков. В настоящее время мы наблюдаем довольно резкий отход учёных от ярко выраженной установки языкознания предыдущего столетия, согласно которой процессы дивергенции являются парадигматическим сценарием истории языка. Происходит, таким образом, возврат учёных к практике преимущественно типологического сопоставления языков континента, принятой в африканском языкознании XIX в. Однако теперь выделяемые на основании такого сопоставления объединения объясняются не дивергентным, а конвергентным развитием, следствием языковых контактов и ареального распространения изоморфов.

Ареально-типологические исследования языков Африки были подняты на высокий уровень публикацией широко известной монографии У. Уэлмерса [Welmerts 1974]. За ней в последние десятилетия XX в. последовал выход целого ряда сборников, описывающих системы фонологии, морфологии и синтаксиса языков Африки в ареально-типологической перспективе. Особое значение имеют работы по типологии африканских языков Б. Хайне, Д. Нёрса, Л. Хаймана, Д. Креселя, Г. Диммендала, З. Фрайзингера и других западных учёных. В России

с 1970-х гг. выходят в свет сборники типологических работ, посвящённых различным аспектам морфологии и синтаксиса в языках Африки. В 1972 г. под редакцией Н. В. Охотиной вышел в свет сборник, посвящённый типологии глагола в языках Африки [Охотина 1972]. Из последних сводных отечественных работ можно отметить очерк В. А. Плунгяна о глагольных системах в африканских языках [2003], а из западных – сборники [Heine, Nurse 2000; 2008], монографию [Nurse 2007] и другие.

Следы исторических и доисторических языковых контактов между языками, относимыми к различным генетическим объединениям Западной и Центральной Африки, до недавнего времени практически не включались в орбиту лингвистических исследований. В последние десятилетия эти исследования становятся важным компонентом африканского языкознания, чрезвычайно полезным как для изучения истории континента, так и для сравнительных исследований языков Африки.

Исследования в области африканской ареальной лингвистики развиваются по нескольким основным направлениям. Наиболее развитым из них является изучение языковых контактов между отдельными неблизкородственными языками, группами и семьями Африки. В этом отношении в последние годы сделано довольно много. На Западе внимательно изучаются доисторические контакты между языками семей манде и атлантической. Много внимания уделяется изучению контактных явлений в зоне взаимодействий языков различного происхождения в таких ареалах, как побережье Гвинейского залива, район озера Чад, Дарфур, долина Рифта. Можно назвать целый ряд работ об исследовании субстратной лексики в различных языках Тропической Африки – например, гипотетического «пигмейского» субстрата в языках банту.

Вторым направлением исследования языковых контактов является изучение т. н. контактных языков. Сюда включаются, во-первых, проблемы креолов и пиджинов Западной Африки, по которым сегодня уже существует обширная литература, и ещё более широко освещённые проблемы воздействия африканских языков на языки европейских переселенцев. В качестве контактных, однако, рассматриваются и некоторые автохтонные языки Субсахарской Африки. Одним из наиболее известных является широко цитируемый пример «смешанного» банту-кушитского языка **ма'а (мбугу)**, который обычно приводят, говоря о возможности заимствования языками даже парадигматических систем, таких как именные классы. В числе других языков, для ко-

торых указывались характерные черты креолизации, назывались **менде** Сьерра-Леоне, **санго** Центральноафриканской Республики, **бедик** Сенегала, северные разновидности **сонгаи** и ряд других идиомов. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что положение большинства из них на генеалогическом древе конкретной семьи не вызывает сомнений, а элементы креолизации возникли в некоторых из них в результате их использования в качестве *lingua franca* соответствующего региона.

В результате ареально-типологических исследований перспективным направлением анализа языковых контактов становится выделение крупных и малых конвергентных ареалов или языковых союзов на территории Африки, которые могут дополнить (а по мнению некоторых западных учёных, впоследствии заменить) ставшее привычным деление африканских языков по генеалогическому принципу.

Подходов к такой классификации может быть несколько. Ряд исследователей в своём анализе отталкиваются от устоявшихся историко-географических регионов, принятых в научном изучении целого ряда дисциплин, – к таким регионам относятся Северная Африка, Магриб, Сахара, зона Сахеля, Западная Африка, Восточная Африка, Южная Африка и другие. При таком подходе анализируются типологические особенности, характеризующие языки данного ареала, однако исследователь не выходит за его границы, что подчас может привести к дисбалансированным выводам: к примеру, если рассматриваемые им языковые явления присущи не только идиомам данной зоны, но и отчасти смежным зонам. При другом подходе за точку отсчёта берётся одна типологическая характеристика или грамматическая категория.

Наиболее продуктивным, впрочем, оказался третий подход, а именно лингвогеографическая группировка по нескольким изоглоссам одновременно, т. е. методика, предложенная ещё Н. С. Трубецким в его теории языковых союзов. При этом составляется пучок из фонологических, морфологических и синтаксических изоглосс, что снижает возможность случайного совпадения. С помощью такого метода в последние годы на территории африканского континента было выделено несколько макроареалов или зон, каждая из которых характеризуется набором типологических черт, обнаруживаемых в большинстве языков в её составе [Güldemann 2008]. Подробнее о типологических ареалах языков Африки см. в главе 12.

По мнению сторонников ареально-типологического подхода к классификации языков Африки, в результате более тщательного учёта

контактных явлений пересмотр гринбергианской модели станет в африканском языкознании неизбежным.

Во второй половине XX в. наметился резкий прогресс в африканской дескриптивной лингвистике: усилиями европейских, американских, африканских учёных было обнаружено и описано несколько сотен языков. Если в работах Дж. Гринберга в середине столетия количество африканских языков оценивалось в 700, то сегодня можно говорить уже о более чем 2100 языковых идиомах. Процесс обнаружения ранее неисследованных языков и присвоения диалектам статуса отдельного языка продолжается по сей день. Кроме того, в связи с бурным развитием теории языка существенно выросло качество языкового описания. Множество африканских идиомов с развитой тонологией получили грамматические описания с маркировкой тонов, пришедшие на смену более ранним грамматикам и словарям XIX–XX вв. В связи с широким внедрением технологических новшеств и новейших методов в полевую работу стало возможным обнаружить целый ряд новых фонологических признаков в языках Африки – так, в 1967 г. Дж. Стюартом был открыт принцип гармонии гласных по признаку продвинутости корня языка ($\pm$ ATR), одна из важнейших особенностей фонологии языков Тропической Африки. Внедрение аудиозаписи и компьютерных методов обработки данных привело к существенному уточнению фонологии, тонологии и морфологии при описании языков Африки, что, в свою очередь, усиливает интерес к ним со стороны общего и типологического языкознания. В конце XX и начале XXI в. были разработаны новые стандарты дескриптивной лингвистики – в т. ч. и в африканском языкознании. С 1970-х гг. материал африканских языков активно используется представителями школы генеративной грамматики Н. Хомского.

Советские специалисты вплоть до конца XX в. были лишены доступа «в поле» и в основном вынуждены были работать с информантами из числа африканских студентов в СССР. Ситуация изменилась в начале XXI в., когда российские учёные получили возможность работать непосредственно в поле. За последние полтора десятилетия российские лингвистические экспедиции побывали во всех крупных регионах Африки, работали в Кот-д’Ивуаре, Гвинее, Эфиопии, Танзании, ЮАР, Нигерии и других странах. Российские учёные-лингвисты сегодня входят в состав многочисленных международных полевых команд, исследующих языки Африки. Помимо западных и российских экспедиций, в Африке работают учёные японских и китайских университетов. Крупнейшим центром полевого изучения языков Африки

остаётся SIL International, изначально именовавшийся Летним институтом лингвистики. С 1961 г. SIL ведёт работу в Африке по документации малоисследованных языков, сбору и обработке социолингвистических данных, публикации грамматик и словарей африканских языков. Подразделения SIL в странах Западной Африки остаются важными центрами научной мысли.

Большим подспорьем в изучении языков Африки и реконструкции их доисторического прошлого может стать приобретающий в последнее время всё большую популярность междисциплинарный подход к решению проблем доисторического развития языка. Наиболее перспективным видится сотрудничество лингвистов с археологами, палеоботаниками и генетиками. В частности, реконструкция климатического состояния отдельных регионов Субэкваториальной Африки в II–I тысячелетиях до н. э. уже сегодня позволяет сделать ряд важных выводов о направлениях миграций бантуязычных народов к югу через коридоры, образованные в зоне экваториальных лесов. Археологические раскопки расширяют объём данных об антропологических разновидностях популяций Тропической Африки начиная с раннего неолита, хотя эта работа движется довольно медленно: почвы на большей части территории влажных экваториальных лесов от бассейна Нигера и до бассейна Конго не способствуют сохранению окаменелых останков. Отметим рост внимания к проблемам палеоботаники Африки, особенно в свете анализа специфической по происхождению природной лексики в языках пигмеев Центральной Африки, изолированных языках Восточной Африки, а также острова Мадагаскар.

Развитие геногеографических исследований начиная с 1990-х гг. привело к появлению ряда интересных гипотез о происхождении и генетических связях народов Африки, часть из которых коррелирует с данными сравнительного языкознания. Эти гипотезы подробно описаны в ряде работ итальянского учёного Л. Кавалли-Сфорца и его коллег. В их работах народы Африки разделены на четыре основных генетических типа:

- а) кавказоидный тип жителей Северной Африки и Африканского Рога;
- б) негроидный тип, распространённый на большей части территории континента южнее Сахары;
- в) пигмеи, небольшие очаги распространения которых рассеяны по обширной территории Субэкваториальной Африки;
- г) койсаноиды Южной Африки [Cavalli-Sforza et al. 1994].

Нетрудно заметить, что народы первого типа в основном говорят на афразийских языках, а последнего – на койсанских языках. Негроидный тип, согласно выводам авторов, распространялся по континенту с северо-запада на юго-восток из районов Сахары и Сахеля. Высчитывая «генетическое расстояние» между представителями различных языковых семей Западной Африки, авторы выделяют три родственные группы: народы Сенегала, народы Нигерии и широкое объединение народов Западной Африки, включающее носителей языков манде, гур, кру, а также ряда языков семьи ква на западе Нигерии.

В то же время наблюдаются серьёзные различия на генетическом уровне между указанными тремя группами популяций и, например, носителями чадских и нило-сахарских языков. Среди атлантических народов Западной Африки выделяется небольшая группа носителей языка **бедик**, генетические данные которых оказались весьма далеки от данных других народов атлантической семьи языков. Что же касается пигмеев бассейна р. Конго и Великих озёр, говорящих сегодня на языках банту (народности ака, мбути, бака и др.), то данные генетики позволяют утверждать, что пигмеи представляют особую группу, не связанную родством с другими народами Тропической Африки. О том же свидетельствует и мощный субстратный слой в языках центральноафриканских пигмеев, где до 30 % лексического фонда (в основном природной лексики и профессиональных терминов охоты и собирательства) имеют неизвестное происхождение.

Сам Кавалли-Сфорца признавал, что банк данных, находящийся в его распоряжении, пока слишком мал, чтобы делать однозначные выводы. Однако эти и другие работы по генетике и генетической географии, при всей критике, звучащей в их адрес в последние годы, могут в перспективе стать большим подспорьем при анализе лингвистических данных.

В настоящее время крупнейшими зарубежными школами африканского языкознания являются университеты и научные центры Германии, Франции и США. Среди наиболее успешных центров следует назвать Институт эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге, Национальный центр научных исследований (CNRS) в Париже, университеты Лейдена, Кёльна, Берлина, Университет Гёте во Франкфурте-на-Майне, научный институт Музея Центральной Африки в Тервюрене, Университет Калифорнии (Беркли), Стэнфордский университет. Эти и другие университеты содержат лаборатории и центры изучения африканских языков, осуществляют преподавание африканских языков

и основ африканского языкознания, направляют ежегодные экспедиции по сбору материалов по языкам Африки. Крупнейшими периодическими изданиями, посвящёнными африканским языкам, следует назвать *Africana Linguistica* (издаётся Тервюренским музеем), *Journal of African Languages and Linguistics* (издаётся немецким издательском De Gruyter Mouton) и *Studies in African Linguistics* (Портлендский университет).

В самой Африке можно выделить ряд научных центров, успешно работающих в сфере изучения языков континента. Среди них – университеты Нигерии, Кот-д’Ивуара, Буркина-Фасо, Камеруна, Танзании, в Северной Африке – научные центры Египта и Туниса. Особое место занимают южноафриканские научные центры, в первую очередь Университет Йоханнесбурга, где работа по описанию и исследованию языков Африки началась ещё в начале XX в.

В России во второй половине XX в. африканское языкознание активно развивалось. Вслед за Ленинградом, где африканские языки изучались в университете, а с 1960-х гг. и в Кунсткамере (МАЭ РАН), африканистика обрела свои научные центры в Москве. В 1960 г. в ИСАА МГУ Н. В. Охотиной была создана кафедра африканистики, где началось преподавание языка **суахили**. На кафедре в разное время было налажено преподавание десяти языков континента, включая **амхарский, хауса, африкаанс, зулу**. Ныне кафедру возглавляет крупнейший российский бантуист, один из немногих российских африканистов с мировым именем Н. В. Громова. С 1965 г. в Институте языкознания РАН работает Сектор (впоследствии Отдел) африканских языков, который более 20 лет возглавляла Н. В. Охотина, а с 1988 по 2016 г. – В. А. Виноградов. Под редакцией Н. В. Охотиной вышел в свет целый ряд сборников по вопросам африканского языкознания, она же является автором очерка о введении в африканское языкознание. Уже более 30 лет назад вышла в свет монография В. А. Виноградова, А. И. Коваль и В. Я. Порхомовского [1984], посвящённая аспектам социолингвистической ситуации в Западной Африке и до сих пор не потерявшая своей актуальности. Языковые описания выходили в форме грамматических очерков в серии «Языки мира», по ряду языков вышли в свет детальные теоретические грамматики (например, грамматика суахили Н. В. Громовой и Н. В. Охотиной [1995]). Наибольшее внимание советских африканистов было сосредоточено на языках банту (заслуживает отдельного упоминания работа [Аксёнова, Топорова 1990]), манде, атлантических, различных языках Эфиопии.

Сегодня сфера изучения российских учёных охватывает все крупные семьи языков континента. Российские учёные стали крупнейшими специалистами по отдельным языковым семьям Африки: так, К. И. Поздняков является одним из признанных мировых специалистов по атлантическим языкам, В. Ф. Выдрин создал одну из лидирующих в мире школ мандеистики в Париже. Несмотря на то что в России пока не удалось наладить стабильный выпуск научного журнала по африканскому языкознанию, издаётся несколько периодических сборников статей, посвящённых языкам Африки: в их числе издаваемая Институтом языкознания РАН с 1997 г. серия «Основы африканского языкознания», сборник «Исследования по языкам Африки» и выходящий в МАЭ РАН с 2008 г. «Африканский сборник». За период с 1995 по 2018 г. в России вышло в свет несколько фундаментальных монографий по языкам Африки, прежде всего в сфере сравнительного языкознания, наиболее значительной из которых следует назвать многотомный труд Г. С. Старостина, посвящённый классификации языков Африки на базе лексикостатистического анализа [2013; 2015; 2017].

Глава 4. Афразийские языки

4.1. Общие сведения

На языках афразийской макросемьи (для неё в литературе также приняты названия афроазиатская, англ. *Afro-Asiatic*, и более устаревшее – семито-хамитская или хамито-семитская макросемья) говорят народы, проживающие преимущественно в Северной и Восточной Африке, со значительными анклавами на территории Западной Африки (см. карту 2). Это единственная из четырёх макросемей африканских языков, распространённая не только в Африке, но и в сопредельных районах Ближнего Востока, а также на острове Мальта в Средиземном море (мальтийский язык). Ранее носители афразийских языков проживали также на Канарских островах.

Количество языков в составе макросемьи, включая вымершие языки, достигает 370. Численность говорящих на современных афразийских языках оценивается примерно в 400 млн человек – по данному показателю это четвёртая крупнейшая семья языков в мире. Наиболее известный афразийский язык – арабский – является родным для 325 млн чел. В Африке проживает ок. 300 млн носителей афразийских языков, из них для 120 млн родной является одна из разговорных разновидностей арабского языка. Другими крупнейшими языками макросемьи являются:

- **оромо** (кушитская семья, ок. 30 млн),
- **хауса** (чадская семья, ок. 30 млн),
- **амхарский** (семитская семья, 27 млн),
- **сомали** (кушитская семья, 15 млн),
- **тигринья** (семитская семья, 8 млн).

По своему антропологическому типу афразийцы распадаются на три группы. Для носителей арабского и берберских языков характерен средиземноморский тип европеоидной расы с прямыми тёмными волосами, высоким ростом, удлинённой формой черепа, длинным

узким носом, смуглым цветом кожи. К этому типу принадлежало как автохтонное население региона, так и мигранты арабского происхождения, поселившиеся в Африке в течение последних полутора тысячелетий. Носители эфиосемитских языков и большинства кушитских языков являются представителями эфиопского антропологического типа (или восточноафриканской малой расы, как её ещё называют); их отличительными признаками являются высокий рост, тёмный цвет кожи, чёрные волнистые волосы, узкий и длинный череп. Бытовавшая ранее в науке точка зрения о происхождении эфиопской расы как результата конвергенции европеоидных и негроидных элементов сегодня не находит подтверждения, вероятнее гипотеза о самостоятельном развитии данного антропологического типа.

К негроидному типу относится большинство носителей чадских языков, проживающих в Западной и Центральной Африке, а также омотских языков Эфиопии. Представители указанных двух семей относятся к различным разновидностям негроидной расы.

По типу хозяйствования афразийцы в основном принадлежат к земледельцам. Среди преимущественно скотоводческих – большинство кушитских и некоторые омотские народы. Туареги Сахары ведут полукочевой образ жизни, многие традиционно вовлечены в торговые операции между Средиземноморьем и Западной Африкой, в т. ч. торговлей солью из пересохших солёных озёр Сахары. Народ хауса, чей язык принадлежит к чадской семье, с раннего Средневековья развил самобытную городскую торговую цивилизацию в зоне Сахеля на Западе Африки.

Прародина афразийских языков продолжает оставаться предметом дискуссий. Так как языки макросемьи распространены на двух континентах, версии об азиатском и африканском происхождении активно обсуждаются уже много десятилетий. Древнейшие из известных нам афразийских народов и языков зафиксированы как на Ближнем Востоке (аккадский), так и в Северной Африке (**древнеегипетский**, берберские). Доводы в пользу каждой из версий являются вполне весомыми.

Аргументом в пользу африканского происхождения служит более высокая степень языкового разнообразия (из шести семей афразийских языков в Азии расположена лишь одна, в Африке – все шесть). На территории Африки языки макросемьи получили более широкое распространение. Сторонники африканского происхождения называют на восточные районы Сахары как возможную прародину

афразийцев в период, когда сегодняшняя пустыня отличалась умеренно влажным лесостепным климатом. Впоследствии, в результате климатических изменений, носители афразийских языков могли разойтись из пустыни в различных направлениях: на юг (предки чадских народов), восток (предки семитских, кушитских, омотских народов и древних египтян) и на север в Средиземноморье (предки берберов). Ещё одна гипотеза – о восточноафриканской прародине афразийцев, реликтом которой являются омотские языки. В кушитских и омотских языках региона сохранились наименования крупных африканских животных, восходящие к праязыковому состоянию. Высказываются мнения о лексических контактах афразийских и койсанских языков в Восточной Африке.

Сторонники азиатской гипотезы в то же время указывают на ряд лексем, свидетельствующих о древнейших языковых контактах афразийцев с языками Азии – в т. ч. шумерским и кавказскими. В последние годы появились данные генетического анализа, роднящие носителей чадских языков с населением Передней Азии. А. А. Милитарёв [Militarev 1996; 2005] в своих работах ассоциировал афразийский праязык (существовавший не менее 10–12 тыс. лет назад) с последней стадией натуфийской археологической культуры Леванта, восстанавливая до двух сотен лексем из числа земледельческих и скотоводческих терминов, наименований жилища, терминов времени. Обозначаемые ими понятия, по данным археологии, в искомый период могли характеризовать быт жителей Ближнего Востока, но не Африки. Кроме того, распространиться по обширной территории Африки могли и волны переселенцев из Азии – наглядным примером такой миграции является распространение арабского языка в Африке в VII–XVII вв.

Ни одна из двух гипотез не получила пока убедительного подтверждения.

Афразийские народы стали создателями древнейших цивилизаций, мировых религий и первых письменных языков на планете. Первое известное нам государство Африки возникло в долине Нила, его жители говорили на ныне вымершем **древнеегипетском** языке. Древние египтяне были хорошо знакомы с другими народами макросемьи – бербероязычными ливийцами, кушитами Среднего Нила и семитскими народами Палестины и Синайского полуострова, а также со страной Пунт, в которой многие исследователи традиционно видят Сомалийский полуостров. Уже во II тысячелетии до н. э. некоторые берберские и кушитские народы засвидетельствованы в районах сегодняшнего

проживания. В III в. до н. э. бербероязычными жителями Северной Африки было основано Нумидийское царство, где было создано уникальное нумидийское письмо. Бербероязычные народы издавна контролировали центральную и западную части Сахары, включая проходившие по ней торговые пути из Западной Африки к Средиземному морю и обратно. В античное время известны племенные союзы гарамантов, воевавших с Римской империей, позже их место заняли кочевые племена туарегов. В Марокко и Алжире берберские народы приняли ислам и основали несколько крупнейших династий марокканских правителей, включая Альморавидов и Альмохадов, создавших крупную мусульманскую империю на территории Северной Африки и Пиренейского полуострова.

В I тысячелетии до н. э. на африканском берегу Красного моря и территории Эфиопского нагорья появляются семитские племена, создавшие во II в. н. э. могущественное восточноафриканское государство Аксум, осуществлявшее контроль над торговыми путями из Средиземноморья в Индию. В Аксуме была создана эфиопская письменность и положено начало самобытной эфиопской цивилизации, дошедшей до наших дней. Аксумские источники также упоминают большое количество кушитских племён, с которыми активно воевали и взаимодействовали цари Аксума. Некоторые государства, существовавшие в Эфиопии и сопредельных с ней районах в Средневековье, были основаны и управлялись элитой кушитских племён – например, известна кушитская по происхождению эфиопская династия Загве. В XV–XVII вв. кушитские племена сомали, оромо и афар становятся костяком мусульманских государств Восточной Африки, крупнейшими из которых стали султанаты Ифат и Адал, соперничавшие за гегемонию в регионе с христианской Эфиопией. В этот период происходит расселение кушитских племён по территории равнинной части современной Эфиопии, их экспансия на юг, на территорию современных Кении, Танзании и, вероятно, Уганды и Руанды, где некоторые потомки скотоводов-кушитов перешли на языки банту.

Первые сведения о чадских народах датируются VII–VIII вв. н. э. Хаусанский эпос свидетельствует, что в эту эпоху были основаны первые города-государства народа хауса, в XI в. принявшие ислам. Уже тогда хауса населяли районы своего нынешнего проживания в Нигере и Северной Нигерии. В позднем Средневековье города хауса на севере нынешней Нигерии стали одним из самых развитых культурных очагов в Тропической Африке.

Что касается ранних сведений об омотских народах, то надёжных источников об их происхождении и миграциях не имеется. Вероятно, скотоводы-омоты исконно проживали в саванных и гористых областях к западу и юго-западу от Эфиопского нагорья.

4.2. История изучения и классификации

Афразийская макросемья включает языки шести крупных семей, пять из которых представлены только в Африке:

- семитские,
- берберские (также берберо-канарские, берберо-гуанчские),
- кушитские,
- чадские,
- омотские,
- египетские, представленные ныне вымершими **древнеегипетским** и **коптским** языками.

Афразийским некоторые учёные считают исчезающий язык **онгота**, располагающий 10–12 носителями в одной из деревень Юго-Западной Эфиопии. В языке переплетаются нило-сахарские и афразийские лексемы и грамматические характеристики, по происхождению он может быть древним контактным языком. Различные точки зрения, высказанные в последние три десятилетия, рассматривают онгота как близкий к омотским, изолированный афразийский либо нило-сахарский язык с афразийским суперстратом [Fleming 2006].

Родство между семитскими и берберскими языками было очевидно ближневосточным учёным в Средние века. Ещё в IX в. алжирский грамматист Иехуда ибн Курайш писал об этом родстве со ссылками на арабский, древнееврейский и арамейский языки. Европейские исследования в этой области начались только тысячелетием спустя, хотя сопоставления отдельных форм делались ещё в XVII в. В 1812 г. немецкие лингвисты И. К. Аделунг и И. С. Фатер в своём сводном труде «Митридат» отмечали родство между семитскими и берберскими языками. В 1844 г. немецкий филолог Т. Бенфей предположил генетическую связь между семитскими, берберскими и кушитскими языками, а англичанин Т. Ньюман годом позже заметил схожесть семитских языков с коптским и **хауса**.

Датой становления сравнительно-исторических исследований афразийских языков принято считать 1863 г., когда К.-Р. Лепсиус предложил объединить семитские языки с рядом языков Африки, прежде

всего **древнеегипетским**, а также некоторыми кушитскими, берберскими языками и языком **хауса**. Все перечисленные африканские языки были им названы хамитскими, а обе крупные группы объединены в семито-хамитскую, или хамито-семитскую, семью языков. Названия «хамитские» и «семитские» происходят из генеалогии Книги Бытия, выводящей все народы мира от трёх сыновей легендарного пророка Ноя – Сима, Хама и Иафета. Точка зрения была поддержана Л. Рейнишем в начале XX в. К этому времени А. Эрманом было доказано родство древнеегипетского языка с семитскими – их долго относили к одной группе. В работах К. Майнхофа термин «хамитские языки» был размыт причислением к группе множества самых различных языков Африки, сходных по типологическим критериям – прежде всего по наличию грамматического рода. Лишь после выхода в свет в 1924 г. труда М. Коэна [Cohen 1924] состав хамитских языков был ограничен берберскими, чадскими и кушитскими (в состав последних тогда включали и омотские языки).

Эта и другие работы середины XX в. продемонстрировали также, что хамитские языки не составляют единой группы *vis-à-vis* семитские языки. В 1950-е гг. Дж. Гринберг предложил классификацию афразийской макросемьи, принятую по сей день, – с делением на шесть семей единого таксономического уровня. Обоснование выделения омотских языков в особую ветвь макросемьи принадлежит Г. Флемингу. Название «семито-хамитские» после работ Гринберга стало устаревшим и было заменено термином «афроазиатские» или «афразийские»; последнее принято в российской научной литературе.

Советская востоковедческая школа внесла важнейший вклад в изучение афразийских языков. В 1965 г. советским лингвистом И. М. Дьяконовым была опубликована первая сравнительно-историческая грамматика афразийских языков [1965]. Тогда же над афразийским материалом работали виднейшие советские компаративисты В. М. Иллич-Свитыч и А. Б. Долгопольский. Ностратическая гипотеза, выдвинутая в начале XX в. Х. Педерсеном и обоснованная в 1960-х гг. советской школой компаративистики, включала афразийские языки в состав ностратической языковой общности. Позже возобладала точка зрения о примерно одинаковом таксономическом уровне двух праязыков, однако гипотеза о родстве афразийских языков с другими семьями языков Евразии по-прежнему остаётся привлекательной.

В 1980-х и 1990-х гг. командой российских учёных под руководством И. М. Дьяконова была начата публикация материалов сравни-

тельно-исторического исследования афразийских языков. В 1995 г. одновременно вышли в свет две реконструкции афразийского праязыкового состояния: монография К. Эрета [Ehret 1995] и словарь В. Э. Орла и О. В. Столбовой [Orl, Stolbova 1995]. Обе реконструкции подверглись довольно жёсткой критике за неточности и вольные семантические толкования. Однако это говорит не столько о слабости самих работ, сколько о несовершенстве современных методов сравнительного анализа, не позволяющих получить надёжные результаты праязыковой реконструкции глубиной свыше 7–8 тыс. лет. Несмотря на критическое отношение многих современных лингвистов к дальнему родству языков, наличие афразийской макросемьи в науке не оспаривается, а её состав остаётся в целом неизменным.

На фоне консенсуса по вопросу самой афразийской гипотезы в мировом языкознании не прекращаются споры о группировке семей в составе макросемьи и порядке их отделения от праязыковой общности. Согласно глоттохронологическому анализу А. Ю. Милитарёва [Militarev 2005], макросемья распалась на две ветви: северную – в составе чадских, берберских, семитских и **древнеегипетского** языков – и южную, включающую кушитские и омотские языки. К. Эрет и Г. Флеминг склонялись к тому, что омотские языки первыми отделились от праязыковой общности. Древнеегипетский язык обладает рядом общих изоглосс с чадскими языками, с одной стороны, и семитскими – с другой. Наиболее неопределённым остаётся положение кушитских и омотских языков: первые, возможно, не являются единой семьёй, но представляют собой результат конвергентного развития языков нескольких небольших семей, в то время как место омотских языков в составе макросемьи пока окончательно не определено.

Другой проблемой афразийского языкознания является необходимость преодоления «семитского крена» в сравнительно-исторических исследованиях и реконструкции. С самого зарождения афразийской компаративистики основным материалом для анализа служили семитские языки, в меньшей степени – древнеегипетский. Это объяснялось скудностью данных и отсутствием исторической ретроспективы по языкам других семей – кушитских, берберских, чадских, омотских. В результате многие учёные подчёркивали излишне «семитообразный» характер выводов о строении афразийского праязыка, о путях его доисторического развития в различных ветвях макросемьи. Целый ряд явлений и процессов в афразийских языках Африки рассматривался через призму семитского языкознания. Эта тенденция отчасти

сохранилась и сегодня и преодолевается весьма медленно, однако постепенное накопление материала по современным афразийским языкам Африки позволит со временем сбалансировать удельный вес их материала в сравнительно-историческом анализе.

4.3. Фонетика, фонология и просодия

Афразийские языки исторически являются языками с богатым консонантизмом и весьма бедным вокализмом. Некоторые реконструкции демонстрируют для праязыка систему из 5 (или даже 6) кратких и 5 долгих гласных [Ehret 1995], но в этом случае приходится признать, что большинство ветвей, на которые распался праязык, существенно редуцировали вокализм. Более обоснованной выглядит гипотеза о том, что в праязыке единственной чистой гласной фонемой являлась [a]. Фонемы [i], [u] имели сонантическое происхождение и функционировали как глайды [y] и [w] соответственно. Двойственную природу эти фонемы сохранили в семитских, берберских и **древнеегипетском** языках. Помимо них, слоговую роль могли играть и другие сонанты: *m*, *n*, *r*, *l*, иногда реконструируют ларингальные слоговые фонемы. Современные языки развили разнообразные системы вокализма, включая противопоставления по долготе и краткости, однако богатого вокалического инвентаря, сравнимого с системами других языков Африки, не демонстрируют.

Особенностью, характерной для афразийского консонантизма, является троичная оппозиция смычных согласных: глухие, звонкие и «эмфатические». Последние реализованы в различных языках макросемьи как глоттализированные, фарингализированные, церебральные или импловивные. В праязыке они, вероятно, имели характер глоттализированных. Эмфатическая серия противопоставлялась двум другим сериям смычных, но сама не содержала оппозиции звонкости – глухости, так что во многих афразийских языках при утрате серии её рефлексы становятся звонкими, например др.-егип. **t > d*, **хассания** **k > g*. В некоторых африканских языках макросемьи (эфиосемитских, чадских) употребляются лабиовелярные согласные, которые иногда также возводятся к праязыковому состоянию.

Для систем консонантизма афразийских языков характерно большое количество аффрикат, сибилантов, поствелярных спирантов. И. М. Дьяконов [1991] реконструировал три серии праязыковых свистящих (в прасемитском их количество возросло до четырёх), однако данные для подтверждения этой гипотезы ограничиваются семитскими

и некоторыми кушитскими языками. Лучше реконструируются поствелярные фрикативные, а также два фарингальных согласных: *ħ* и *ʕ* (глухой и звонкий соответственно).

Важной особенностью является роль гортанной смычки *ʔ*, имеющей в афразийских языках статус полноценной фонемы. Так как слог в языке не мог начинаться с гласной, гортанная смычка служила заменой вокалического анлаута. Судя по рефлексам в древних и современных языках, гортанную смычку можно реконструировать на праязыковом уровне.

Существует мнение о том, что афразийский праязык также мог быть тональным, однако достаточных подтверждений этому не имеется. Из современных языков макросемьи чадские, кушитские и омотские используют фонологически значимые тоны, однако они могли развиться под влиянием иноязычного окружения: практически все языки Тропической Африки тональны. Языки Северной Африки, а также эфиосемитские языки демонстрируют силовое ударение, хотя в эфиосемитских языках оно довольно слабое и исследовано пока недостаточно.

Сегодняшние афразийские языки показывают широкий выбор структур слога: встречаются как открытые, так и закрытые слоги. На праязыковом уровне существовало две основные схемы слога: CV и SVC. При этом по структуре корневой морфемы слова в праязыке можно разделить на три частеречные категории: именные, глагольные и местоименные корни.

Отличительной чертой афразийских языков – как древних, так и современных – является трёхсогласный корень глагола структуры CVCVC. Лексическое значение в такой структуре имеют именно согласные: они составляют собственно корень. С помощью замены корневых гласных, а также суффиксальной и префиксальной флексии формируются различные грамматические значения (в западной литературе эта система обычно именуется *root and pattern* ‘корень и рисунок’). Наиболее характерными языками с данной моделью являются семитские и древнеегипетский.

Сравнение с другими семьями афразийских языков показывает, что древнейшей корневой структурой глагола, по-видимому, являлась двухсогласная, вида CVC, где вторую и третью позиции могли занимать сонанты. В дальнейшем – вероятно, на этапе непосредственно перед распадом афразийской общности или на раннем этапе существования языков-потомков – с помощью лексикализовавшихся словообразовательных приращений или удвоения второго согласного возросло количество трёхсогласных корней. Редукция ларингальных и сонорных

звуков в берберских, чадских и кушитских языках привела к росту числа вторичных двухсложных корней.

В отличие от глагольного корня, где гласная играла формообразующую грамматическую роль и фактически в состав корня не входила, именные корни имели в праязыке ту же структуру CVC, но содержали лексическую гласную, не мотивированную ни грамматически, ни семантически. Таким образом, именной корень был не консонантным, а консонантно-вокалическим.

4.4. Морфология и синтаксис

Систему имени в афразийских языках характеризует наличие грамматического рода, сохранившееся во всех семьях, хотя и не во всех языках и не везде одинаково. Столетие назад эта категория считалась центральным критерием для принадлежности языка к афразийской общности, хотя грамматический род в том или ином виде обнаруживается в языках и других трёх макросемей Африки.

Категория афразийского рода имеет значения мужского и женского, при этом чаще всего маркирован только последний. Классическим афразийским показателем женского рода является суффикс *-t*, засвидетельствованный во всех ветвях макросемьи (хотя омотские данные не столь очевидны), а также в языке онгота. Однако в различных языках обнаруживаются также следы других показателей, возможно восходящих к праязыку: например, м. р. *-i/-w*, ж. р. *-a*. Такая оппозиция в именных и местоименных формах существует в некоторых семитских, кушитских, берберских языках.

Точка зрения о наличии в афразийском праязыке системы именных классов основывается на определённых консонантных элементах в корнях некоторых наименований животных, растений, частей тела, в основном в семитских языках: сем. **kal-b* 'собака', **ča'l-ab* 'лиса', др.-егип. *db* 'гиппопотам' и др. При всей увлекательности эта гипотеза пока не находит убедительных подтверждений.

Другой распространённой категорией имени является падеж, сохранившийся в семитских, кушитских, берберских, древнеегипетском языках. Следы абсолютной падежной формы с нулевой флексией (или *-a*), свидетельствующей об эргативной структуре праязыка, сохранились в некоторых кушитских и омотских языках. В древних семитских и кушитских языках существует падежная форма на *-i*, по значению тождественная или близкая к генитиву. К сожалению, консонантный характер

многих древних письменностей на афразийских языках не всегда даёт возможность отследить вокалическую флексию. Новообразованные падежные формы продуктивно функционируют в кушитских языках Восточной Африки.

Из множества способов образования плюральных форм в афразийских языках выделяется древний показатель *a, который обнаруживается уже в древнейших известных языках макросемьи. Вероятно, изначально он занимал суффиксальную позицию. Продуктивность такого способа словоизменения и словообразования, как изменение огласовки, привела к тому, что во всех семьях афразийских языков можно найти примеры внутренней флексии плюральности: **геэз** (семитская семья) *bet* 'дом' – мн. ч. *ābyāt*, **сахо** (кушитская семья) *lelle* 'день' – мн. ч. *lellā'e*, **хауса** (чадская семья) '*akuya* 'козёл' – мн. ч. '*awakay*, **кабийльский** (берберская семья) *tasirt* 'ручная мельница' – мн. ч. *tisyar*. В большинстве современных афразийских языков плюральность образуется при помощи аффиксов недавнего происхождения. В некоторых семитских языках сохранилась граммема двойственного числа.

Одним из наиболее убедительных доказательств родства афразийских языков являются данные систем личных местоимений и глагольных показателей лица. Для ранних исследований сходство личных местоимений являлось основным фактором, позволившим обосновать афразийскую гипотезу на грамматическом материале. Подобно другим африканским языкам, в языках афразийской макросемьи действует несколько серий личных местоимений и показателей лица:

- независимые личные местоимения, употребляющиеся со значением фокуса или эмфазы субъекта в широком смысле;
- префиксальные показатели субъекта действия глагола;
- суффиксальные показатели субъекта состояния;
- суффиксальные показатели объекта глагола;
- независимые личные местоимения прямого объекта;
- суффиксальные показатели притяжательности [Дьяконов 1988].

При сравнительном анализе они обычно рассматриваются вместе, так как во многих языках объединены общим происхождением из праязыковых форм, некоторые из которых восходят к афразийскому состоянию. Например, **др.-егип.** *nt-k* 'ты' (м. р., субъектное, независимое), *kw* 'тебя' (м. р., объектное, независимое), *-k* 'ты' (м. р., субъектное, связанное), *-k* 'твой' (м. р., притяжательное, связанное).

Противопоставления многочисленных серий личных местоимений и показателей лица во многих современных языках нивелировались,

однако следы более древнего состояния по-прежнему заметны. Личные местоимения также изменяются по родам и двум или трём числам, включая в некоторых языках рудименты двойственного числа. В чадских и кушитских языках можно обнаружить формы инклюзива и эксклюзива 1 л. мн. ч., однако выводить их на праязыковой уровень нет оснований: скорее они были образованы под влиянием других языков Тропической Африки, где категория кляузности очень распространена.

Система глагольных значений строится на аспектуальном противопоставлении перфектива – имперфектива. Эта оппозиция восходит к праязыковому состоянию, при этом перфективная форма не маркировалась, а в качестве праязыкового показателя имперфектива реконструируется формант *-a-, сохранившийся в семитских, берберских, части кушитских и чадских языков. Другим глагольным формантом, возводимым на праязыковой уровень, считается показатель каузатива *-s-. Видовременные и модальные формы глагола исторически образовывались при помощи богатейшей внутренней флексии: заменой, удалением, удвоением или подстановкой корневых гласных, геминацией согласных, а также суффиксацией и префиксацией. По семитологической традиции формы основ, при помощи которых образуются залоговые значения, называют породами: следы этих пород сохранились, помимо собственно семитских, в **древнеегипетском**, берберских и отдельных кушитских языках. Породы представляют собой деривативные формы глагольной основы, образованные по определённой схеме, при этом каждая порода содержит полную парадигму форм личного спряжения. Породы образуются при помощи редупликации корня, префиксации и суффиксации.

Многие современные афразийские языки утратили внутреннюю флексию или сохранили её лишь в окаменевших формах, перейдя на аналитический способ маркирования глагольных значений при помощи клитических показателей – частиц, вспомогательных глаголов и пр. Чадские языки, например, восприняли характерный для языков Западной Африки способ маркирования грамматических значений глагола с помощью клитических местоименных показателей, предшествующих неизменяемой форме глагола, ср. в **хауса**:

na gina ‘я построил’ (перфектив);

in gina ‘чтобы я построил’ (субъюнктив);

zan gina ‘я построю’ (футурум);

naa gina ‘если я построю’ (кондиционалис) [Smirnova 1982: 56–57].

В то же время в эфиосемитских и некоторых кушитских языках продуктивным остаётся архаическое префиксальное спряжение личных форм глагола, ср. в **гез** (семитская семья):

tə-qattəl ‘ты убиваешь’,

uə-qattəl ‘он убивает’,

nə-qattəl ‘мы убиваем’.

Афразийским языкам для выражения пространственных и иных падежных отношений свойственно использование предлогов, некоторые из которых (например, в семитских языках) имеют весьма древнее именованное происхождение. В языках южнее Сахары – кушитских, омотских, чадских – развилась система послелогов, более характерная для языков других макросемей Тропической Африки.

Древние семитские, **древнеегипетский** и берберские языки характеризуются базовым порядком слов схемы VSO, весьма необычным для языков других регионов Африки. Так как для языков других семей – чадской, кушитской, омотской – этот порядок слов не является основным, то говорить о его праязыковом происхождении преждевременно. Более того, в современных семитских языках обычным порядком слов повествовательного предложения является SOV. Базовым порядком слов большинства кушитских языков также можно назвать SOV, в чадских языках превалирует схема SVO.

4.5. Языковая ситуация

В отличие от нило-сахарских или койсанских языков, ни один из которых не имеет официального государственного статуса, афразийские языки с социолингвистической точки зрения находятся в более выгодном положении. Арабский язык является основным языком межэтнического общения для сотен миллионов людей, живущих в Северной, частично Западной, Центральной и Восточной Африке, государственным языком десяти стран континента (в некоторых из них – единственным официальным языком). **Амхарский** язык остаётся официальным языком Эфиопии и обладает высоким престижем в глазах всего многонационального народа этой страны. В отдельных штатах Эфиопии официальным статусом обладают также кушитские языки **оромо** и **сомали**. Для соседней Эритреи наиболее употребительным языком образования и государственного управления является родственный амхарскому эфиосемитский язык **тигринья**.

В Нигерии чадский язык **хауса** признан одним из национальных языков, который в северных и восточных штатах страны используется в качестве языка образования и администрации. Кушитский язык **сомали** официально используется во всех государственных структурах Республики Сомали и ряда непризнанных государств, де-факто существующих на её территории (например, в Сомалиленде он является одним из трёх официальных языков наряду с арабским и английским), а также в Джибути.

В последние годы, особенно начиная с начала XXI в., растёт уровень признания берберских языков со стороны властей североафриканских государств. Сегодня в Алжире и Марокко язык **тамазит** признан одним из официальных языков, в Марокко на нём ведётся преподавание в начальных школах ряда регионов.

Большое значение для развития языка имеет тот факт, что три африканских языка имеют статус традиционных для религиозного культа и религиозной литературы: арабский в исламе, **геэз** и **коптский** в христианстве монофизитского толка (геэз – в Эфиопии и Эритрее, коптский – в Египте). И если сфера использования двух последних довольно узка, то арабский язык в обязательном порядке изучается в исламских школах по всей Африке. Количество мусульман и их доля в общем населении африканского континента продолжает расти, что приводит и к росту престижа арабского языка в таких странах, где ещё полвека назад он практически не использовался – например, в ЦАР или Габоне.

При этом языки малочисленных народностей, говорящих на африканских языках, обладают весьма низким социальным престижем, многим из них угрожает опасность скорого исчезновения. К исчезающим языкам относятся большинство языков омотской семьи, некоторые берберские языки, большинство чадских, кушитских и эфиосемитских языков. Это особенно относится к языкам сельского населения – городские языки обладают более устойчивым социальным положением. Среди последних можно выделить **харари** (семитская семья), язык жителей эфиопского торгового города Харэр. Этот самобытный язык продолжает сохраняться в рамках весьма небольшого (ок. 20 тыс. человек) сообщества горожан уже в течение многих столетий.

4.6. Семитские языки

На семитских языках в мире говорит не менее 400 млн человек, включая тех, кто пользуется арабским как вторым языком. На сегодняшний день насчитывают до 80 живых языков семьи, однако в это

число включаются 35 разновидностей арабского макроязыка (см. о нём подробнее ниже в настоящем разделе). По объёму исторической традиции семитские языки практически не имеют аналогий в мире: древнейшие письменные документы на языках семитской семьи отстоят от нас на 4,5 тыс. лет. Этому способствовало и то, что именно семитские народы стали создателями трёх мировых религий (иудаизма, христианства и ислама) и первых в мире алфавитных письменностей. Уже для праязыковой общности можно говорить о довольно высоком уровне экономического и культурного развития семитских народов: для праязыка восстанавливаются сельскохозяйственные термины, имена божеств, числительные высокого порядка (в т. ч. слово для обозначения тысячи).

В Африке представлены две группы семитских языков: центральная, к которой принадлежат многочисленные разновидности арабского макроязыка, и южная, к которой относятся эфиосемитские языки Восточной Африки.

Арабский язык является крупнейшим по числу носителей языком Африки. Не менее 240 млн человек на континенте используют его в качестве повседневного языка – родного или второго. Арабский язык носит официальный статус в 11 государствах Африки, в пяти из них он является единственным государственным языком (Алжир, Тунис, Ливия, Египет, Мавритания). Кроме того, в качестве языка национальных меньшинств, а нередко и языка межэтнического общения арабский используется в Южном Судане, Нигере и северных районах Мали, в прибрежных городах Кении и на острове Занзибар.

Распространение арабского языка по африканскому континенту началось в VII в. с завоеванием Арабским халифатом Египта. Политика халифата, активно внедрявшего ислам среди населения Африки, приводила к быстрому освоению арабского языка – языка Корана. К IX столетию он распространился по всему средиземноморскому побережью Африки, стал языком политической и купеческой элиты, образованной прослойки городского общества. Спустя несколько столетий исламские купцы, использовавшие арабский в качестве торгового языка, уже селились в государстве Гана на территории современной Мавритании, в среднем течении Нила (нынешний Судан) и на восточном побережье Африки. К XI в. относятся новые крупные миграции арабских скотоводческих племён в Северную Африку, что привело к быстрому вытеснению автохтонных языков региона не только из городов, но и из сельской местности. В XIV–XV вв. арабский язык закрепился

на территории современных Судана, Чада, Мавритании, в городах Эриреи и Сомали. Наконец, в XIX столетии арабский проник в Центральную Африку в результате военной экспансии Египта.

Современный арабский язык принято рассматривать в качестве макроязыка – группы близкородственных языков, число которых достигает 35. Все они являются результатом развития разговорного арабского языка VI–VII вв., ставшего основой формирования языка мусульманской литературы. Литературный арабский язык – осовремененный вариант классического языка Корана, называемый также «фусха», – сохраняет своё значение во всех арабоязычных африканских странах в качестве языка СМИ, образования, делопроизводства. Фактически в этих странах сложилась ситуация двуязычия: в качестве письменного языка используется литературный арабский, в то время как устная коммуникация ведётся на разговорной разновидности, характерной для данной страны или местности. Нередко на разговорных диалектах выходят отдельные СМИ (преимущественно это таблоиды или спортивные издания), однако в этом случае во весь рост встаёт проблема кодификации диалектных норм, которые нередко не имеют единого стандарта правописания, фонетики и грамматики [Holes 2004].

Многие из этих разновидностей уже не являются взаимопонимаемыми, так что в разговорном общении между жителями разных стран также используется литературный язык. Ряд учёных продолжают считать разговорные разновидности диалектами единого арабского языка, другие – отдельными языками. Статус самостоятельного языка закреплён за мальтийским языком, официальным языком Мальты.

На территории Африки насчитывается не менее десятка крупных арабских идиомов (см. карту 3). Это разговорные языки или диалекты Египта, Туниса, Алжира, Марокко, Ливии, Чада и Судана; язык **хассания**, распространённый на территории Западной Сахары, Мавритании и Мали; язык или диалект **саиди** в южных районах Египта и оазисах Ливийской пустыни; **восточноегипетский бедуинский**, носителями которого являются в основном кочевые скотоводы Синайского полуострова и красноморского побережья Египта; и **сахарский алжирский**, распространённый в оазисах Южного Алжира. Крупнейшим из этих идиомов можно назвать разговорный язык Египта, носителями которого являются более 55 млн человек.

Разновидностям арабского языка присущи особенности как в фонетике, так и в грамматике. Учитывая полуторатысячелетнюю историю арабского языка в Африке, этих особенностей значительно больше,

чем в африканских диалектах европейских языков. Характерной особенностью арабского языка в Египте является повсеместная замена классической арабской фонемы [dʒ] на [g]; в странах Магриба и Мавритании та же фонема звучит как [ʒ]. В языке хассания глоттальная [ʔ] произносится как [w] или [y], а глоттальная [q] стала звонкой [g]. Распространённым в Северной Африке явлением является редукция безударных гласных: араб. *kabīr* ‘большой’ повсеместно, кроме Египта, звучит как *kbir*, а араб. *kataba* ‘он написал’ в хассания звучит *ktāb*. Разговорные идиомы упрощают фонемный состав языка, из него исчезает специфический для семитских языков ряд эмфатических согласных, практически нивелирована долгота гласных. Зато появляются новые фонемы, не характерные для языка Корана. В **алжирском, тунисском и ливийском арабском** фонетическими инновациями являются глухая лабиальная [p], глухая аффриката [tʃ], звонкая губно-зубная [v], звонкая увулярная [G]. Последние две фонемы присутствуют также в **марокканском арабском**. В хассания, где эмфатические согласные сохранились, их ряд расширился за счёт инноваций [rʕ] и [lʕ], из берберского языка **зенага** заимствована фонема [zʕ], а из соседних атлантических языков – палатальные [tʃ], [ɲ] и [j]. При создании письма для разговорных разновидностей языка для новых фонем вводятся диакритические знаки к уже существующим знакам арабского алфавита.

В грамматике, как и в азиатских разновидностях арабского, подвергается эрозии система падежных окончаний, исчезает двойственное число, некоторые флективные глагольные формы заменяются аналитическими конструкциями. В речи жителей стран Магриба исчез префикс форм изъявительного наклонения глагола, что нивелировало разницу между индикативом и конъюнктивом. В хассания сформировались инновационные формы пассива и других актантно-derivативных значений глагола.

Произошло существенное обновление базовой лексики: многие употребительные слова литературного языка заменены новообразованиями. Многочисленные заимствования из местных языков (берберских в странах Магриба, чадских в Чаде, нилотских в южных районах Судана, **тигринья** в Эритрее, **сомали** в Сомали и т. д.) составляют до 10–15 % словаря. В Алжире и Тунисе ещё бóльшую долю составляют заимствования из французского языка.

На основе арабского сформировался ряд пиджинов и креольских языков Африки, не получивших, однако, большого распространения. О наиболее известных из них рассказано в главе 10.

На эфиосемитских языках говорят в двух государствах Восточной Африки – Эфиопии и Эритрее, общее количество носителей превышает 35 млн человек. Генеалогическая классификация делит языки группы на две крупные ветви: северную и южную. Первая включает вымерший язык классической эфиопской литературы **геэз**, а также языки **тигринья**, **тигре** и **дахалик**, носители которых проживают в Северной Эфиопии и Эритрее. Языки южной ветви включают крупнейший из современных эфиосемитских языков – **амхарский**, а также несколько подгрупп небольших языков Южной Эфиопии. Целый ряд малых бесписьменных языков Эфиопии подвергается опасности исчезновения, по крайней мере два из них – **аргобба** и **гафат** – вымерли в течение последних десятилетий. Общее число функционирующих эфиосемитских языков не превышает пятнадцати.

С точки зрения внешней классификации эфиосемитские языки ранее объединяли в составе южной группы семитских языков с современными южноаравийскими языками, хотя надёжных инноваций, позволяющих говорить о таком единстве, недостаточно. Глоттохронологический анализ А. Ю. Милитарёва [Militarev 2005] показывает, что эфиосемитские языки ближе центральносемитским – их распад произошёл в середине III тысячелетия до н. э. На сегодняшний день принято выделять эфиосемитские языки в особую группу в составе семитской семьи. Тем не менее миграция семитоязычных народов в Восточную Африку происходила именно из Южной Аравии, хотя хронологию и количество волн переселения установить довольно сложно. Установлено, например, что уже в середине I тысячелетия до н. э. семитоязычные народы заселяли некоторые районы Эфиопского нагорья, активно контактируя с носителями центральнокушитских языков [Коган 2009; Булах, Коган 2013].

Первые эпиграфические памятники на языке геэз – древнейшем из известных нам эфиосемитских языков – датируются III в. н. э., когда на территории Северной Эфиопии зародилось государство Аксум. После утверждения в IV в. христианства в качестве государственной религии Аксума язык геэз быстро стал литературным, на него были переведены Новый Завет и другие канонические христианские произведения. Это обусловило превращение геэз не только в государственный, но и литургический язык Эфиопской христианской церкви. К началу II тысячелетия н. э. геэз окончательно исчез из живой речи, однако остался языком государственной администрации, богатой литературы и церковной службы в средневековой Эфиопии.

Уже в I тысячелетии до н. э. эфиосемитские языки распространяются по всей территории Эфиопского нагорья и проникают к югу от него, накладываясь на кушитский субстрат. Постепенное смещение политического центра государства к югу от Аксума привело к возвышению в позднем Средневековье роли **амхарского** языка. С XIX в. амхарский заменяет **геэз** в качестве письменного языка Эфиопии, с тех пор и по сегодняшний день он остаётся государственным языком страны. В Эритрее после провозглашения независимости де-факто статус официального языка получает **тигринья**. Другие эфиосемитские языки остаются языками меньшинств, компактно проживающих в различных районах: носители **тигре** населяют северные районы Эфиопии и Эритреи, носители языков **гураге**, **силте**, **зай** и др. – юг Эфиопии, на **харари** говорят в историческом центре г. Харэр на востоке страны. Помимо амхарского и тигринья, более миллиона носителей насчитывают только тигре, гураге и силте, в то время как число говорящих на языке **дахалик** – всего 2,5 тыс. человек. Носители эфиосемитских языков по конфессиональному составу в основном принадлежат к христианам (монофизитской, католической и протестантских конфессий) и мусульманам суннитского толка.

Научное изучение эфиосемитских языков в Европе насчитывает не менее пяти веков: первая книга на языке **геэз** была издана в 1513 г. Это был Псалтырь И. Поткена, за которым следовали некоторые другие библейские произведения с небольшим грамматическим справочником. В XVI в. в Риме и Швейцарии было выпущено ещё две грамматики геэз. Однако основоположником эфиопского языкознания считается немецкий лингвист И. Лудольф, выпустивший в свет в XVII в. грамматику и небольшие словари амхарского языка и геэз. Сведения о других эфиосемитских языках появляются в литературе лишь с XIX в.; в конце столетия были опубликованы описания и словари языков тигре, тигринья, харари, **соддо**, **чаха** и др. Тогда же началось преподавание геэз и амхарского в университетах Европы. Первым сводным трудом об эфиосемитских языках можно считать главу монографии М. Козна 1931 г., где впервые предложена генеалогическая классификация языков группы [Cohen 1931]. В Советском Союзе начало систематическому изучению эфиосемитских языков было положено в 1930-е гг. Н. В. Юшмановым в Ленинграде [Булах, Коган 2013а].

Общепризнано, что фонемный состав языка геэз в целом соответствует существовавшему в эфиосемитском праязыке. Языки группы сохранили характерные для семитских языков три ряда согласных

фонем; при этом третий ряд представляет собой глоттализированные смычные p , t , k и аффрикаты $tʃ$ и $kʃ$. Во многих языках группы происходит спонантизация смычных b , k , q в различных положениях, в языках южной ветви – также палатализация велярных смычных. Фонематический статус имеют и гуттуральные фонемы, существовавшие, вероятно, в эфиосемитском праязыке (эфиопский силлабарий имеет знаки для пяти гуттуральных: $ʔ$ (глоттальная смычка), $ʕ$ (звонкий фарингальный щелевой), $ħ$ (глухой глоттальный щелевой), $ħ$ (глухой фарингальный щелевой), $ħ$ (глухой увулярный щелевой)). Как в геэз, так и в современных эфиосемитских языках функционируют лабиовелярные k^w , g^w , q^w (в геэз также спонант $ħ^w$), возникновение которых может быть обусловлено кушитским влиянием. В праязыке и языке геэз существовали также два латеральных свистящих – глухой $ʃ$ и эмфатический $ʃ̣$, живые же языки, как правило, демонстрируют оппозицию двух сибилянтов: s и $ʃ̣$. Геминация согласных фонем играет лексическую роль.

Система гласных насчитывает 7–8 фонем, включая среднерядные a , i . На праязыковой уровень возводится 7-членная вокалическая система (i , e , a , $\bar{a}$, $\bar{a}$, o , u), формирование которой, как полагают, является результатом воздействия кушитского субстрата. Гласный среднего ряда верхнего подъёма $\bar{a}$ стал результатом развития прасемитских $*u$ и $*i$, а также формировался при элиминации недопустимых скоплений согласных: тигре $kal\bar{a}b < \text{сем. } *kalb$. Гласная a в большинстве современных языков реализуется как a , ϵ или $\bar{a}$. Некоторые южные эфиосемитские языки могут иметь большой набор долгих гласных, однако их фонологический статус остаётся малоизученным. В ряде языков под воздействием соседних носовых сонантов формируются назализованные гласные.

Ударение обычно падает на предпоследний или последний слог, имеются сложные правила для постановки ударения в зависимости от части речи и наличия энклитик. В языке геэз именное ударение было фиксированным, а глагольное – подвижным.

В грамматике эфиосемитские языки сохраняют основные категории, присущие семитским языкам в целом. Имя обладает категориями рода, числа, падежа, состояния и определённости. При этом древняя афразийская категория рода теряет своё значение: уже в языке геэз последовательно согласуются по роду только имена, обозначающие лиц. В современных эфиосемитских языках неодушевлённые существительные практически не знают рода.

Множественность формируется при помощи как внешней (аффиксы), так и внутренней (чередования гласных корня) флексии.

Однако последняя сохранилась лишь в **геэз**, **тигре** и **тигринья**, а внешняя флексия также постепенно размывается: в таких языках, как **харари** и **восточный гураге**, множественность практически никак не маркируется. В других языках основным показателем внешнего мн. ч. является **-āt*, восходящий к маркеру плюралиса женского рода в семитском праязыке.

Падежные отношения выражаются в основном с помощью аналитических конструкций. В геэз и некоторых южных языках сохранилась оппозиция между немаркированным номинативом и аккузативом на *-a*. Обстоятельственные отношения выражаются предлогами, послелогоми и их сочетанием, например **зай** *gār* ‘дом’, *lä-gār ʔanči* ‘за домом’.

Сложная прасемитская система личных местоимений хорошо сохранилась только в геэз и тигре. Деформации в наибольшей степени подверглась система местоимений 3 л., где образуются инновации. В тигринья, харари, **амхарском** формы мн. ч. личных местоимений образуются от соответствующих сингулярных форм при помощи стандартного аффикса множественности. В большинстве языков группы сохранилась оппозиция между объектными и притяжательными местоименными суффиксами, при этом лучше всего сохранились древние формы 1 л. ед. ч. (геэз *-ya* и *-ni* соответственно).

Глагольные системы эфиосемитских языков хорошо сохранили семитский трёхсложный корень, хотя в большинстве языков развились также весьма многочисленных 4- и 5-сложных корней. Отличительной чертой эфиосемитского глагола является развитие особого класса сложных глаголов, компонентами которых является флективный вспомогательный глагол и неизменяемый основной: тигре *šo bela* ‘молчать’, *šo belka* ‘ты молчал’. В качестве вспомогательных используются глаголы со значениями ‘делать’, ‘говорить’, ‘становиться’ и некоторых других. Данная особенность считается результатом кушитского субстрата в современных эфиосемитских языках: в геэз она прослеживается лишь спорадически.

При помощи вспомогательных глаголов формируются и видовременные значения большинства эфиосемитских языков. Геэз, тигре и тигринья сохранили древний способ образования форм аспектов, наклонений и времён при помощи префиксального (для выражения настоящего, будущего времени, побудительного и косвенного наклонений) и суффиксального (в основном для прошедших времён) спряжения.

Актантная деривация глаголов выражается при помощи древних основ глагола, в семитологии именуемых породами. В эфиосемитских

языках таких основ прослеживается три: основная (А) типа **katala*, интенсивная (В) типа **kattala* и конативная (С) типа **kātala*. Однако конкретные морфологические значения каждой из пород по языкам различаются.

Характерной изоглоссой, отличающей эфиосемитские языки от других языков семитской семьи, является окончание инфинитива **-ot*. Однако современные языки чаще используют префиксальный инфинитив с показателем *mV-*.

Для всех эфиосемитских языков характерен базовый порядок слов типа SOV. Исключением является геэз, где основной схемой нейтрального предложения является VSO – древний порядок слов семитского праязыка. Придаточные предложения предшествуют главному (опять же за исключением геэз). Распространены конструкции топикализации и клефта – некоторые из них имеют аналогии в кушитских языках и явно развились под их влиянием.

4.7. Берберо-канарские языки

Берберо-канарские языки объединяют берберскую (или берберо-ливийскую) семью языков Африки и группу вымерших в XVIII в. языков аборигенов Канарских островов.

На берберских языках говорит автохтонное население Северной Африки и западной части Сахары. Их носители проживают в 9 государствах Африки, нигде не составляя большинства населения: Марокко (ок. 9 млн человек), Алжире (ок. 5 млн), Тунисе (до 100 тыс.), Ливии (ок. 200 тыс.), Египте (ок. 10 тыс.), Мавритании (несколько тыс.), Мали (ок. 500 тыс.), Нигере (ок. 700 тыс.), Буркина-Фасо (ок. 200 тыс.). Общее число говорящих на берберских языках достигает 16 млн человек.

Носители языков семьи по хозяйственно-культурному типу разделяются на земледельцев Северной Африки и полукучевых жителей Сахары – туарегов, живущих преимущественно верблюдоводством и посреднической торговлей. Такое распределение восходит к глубокой древности. Согласно данным глоттохронологии, разделение берберского праязыка датируется концом II тысячелетия до н. э. В то время как свидетельства о ливийских племенах на африканском побережье Средиземного моря содержатся в многочисленных древнеегипетских и финикийских источниках, предки или родственники туарегов уже в I тысячелетии до н. э. контролировали торговые пути через Сахару: сперва на конных колесницах, затем на верблюдах. В последние века

до н. э. на территории современного Алжира формируется первое государство бербероязычных народов – Нумидийское царство, существовавшее до II в. н. э. В то же время в Центральной Сахаре складывается племенной союз гарамантов, сыгравших роль в остановке римского продвижения вглубь Африки.

После арабского завоевания Северной Африки в VII–VIII вв. берберские народы повсеместно приняли ислам – хотя среди туарегов он распространялся медленно и так и не смог вытеснить древних культов и элементов традиционной мифологии. Ареал берберских языков резко сократился в Средние века за счёт распространения арабского языка, наиболее твёрдые позиции они сохранили лишь в горных районах Марокко и Алжира, а также в Сахаре, непригодной для создания городской цивилизации. Бербероязычные туареги составляли большинство или весомую часть населения таких торговых городов Магриба и Сахеля, как Тимбукту, Гао, Аудагост, Сиджильмаса и др. Уже в раннем Средневековье они поставили под контроль пути караванной торговли золотом и рабами из Западной Африки, а также добычу соли на пересохших озёрах западной части Сахары.

Бербероязычные народы Марокко не раз создавали мощные правящие династии (наиболее известны Альморавиды XI–XII вв. и Альмохады XII–XIII вв.), однако языком государственного управления и межэтнического общения оставался арабский. Позиции берберских языков в государствах Северной Африки были слабыми вплоть до начала XXI в., когда власти Марокко и Алжира под влиянием событий «арабской весны» начали постепенный процесс укрепления прав бербероязычных меньшинств в области образования и самоуправления. Берберские языки получили в этих странах статус национальных языков. В странах Западной Африки продолжают конфликты между властями Нигера и Мали и туарегами, населяющими северные районы обоих государств и требующими большей экономической и культурной автономии. Один из таких конфликтов вылился в кратковременное провозглашение туарегами «государства Азавад» на севере Мали в 2012 г.

Современные берберские языки разделяют на 4 ветви:

- восточная (языки оазисов Ливии и оазиса Сива на северо-западе Египта);
- северная (языки Марокко, Алжира, Туниса и Северо-Западной Ливии);
- южная (языки туарегов Алжира, Нигера, Мали и Буркина-Фасо);
- западная (исчезающий язык **зенага** в Юго-Западной Мавритании).

Среди крупнейших по числу говорящих – языки **ташельхит** (Марокко, ок. 4 млн человек), **тамазигт** (2,5 млн), **рифский**, или **тарифит** (Марокко, ок. 1,5 млн), **шауйя** (Марокко и Алжир, ок. 1,5 млн), **кабийльский** (Алжир, ок. 5,5 млн). Общее число языков семьи на сегодня достигает 26, на них говорят ок. 25 млн человек.

К мёртвым берберским языкам относятся языки эпиграфических памятников античности из Ливии, Туниса и Алжира.

Системы согласных берберских языков содержат оппозицию глухих, звонких и фарингализованных фонем как для смычных, так и для свистящих. Кроме того, существует также противопоставление кратких (спирантизованных) и долгих (напряжённых) согласных фонем. В языках Марокко и Алжира развились лабиовеллярные и огубленные смычные. Сохраняются увулярные и фарингальные фонемы, ларингальная [h] уцелела только в южных языках семьи. Система гласных чаще всего состоит из четырёх фонем: узких [i], [o], средней [ə] и открытой [æ], к которым иногда добавляется [a]. Эта система подверглась редукции в языках северной группы, где безударные гласные выпадают практически повсеместно: и в конце слова, и в середине, образуя скопления согласных. Туарегские языки наиболее полно сохранили исконный вокализм.

Берберское имя обладает категорией рода (мужской и женский), показателем ж. р. является циркумфикс *t-...-t*. Множественность обозначается суффиксом *-n*, однако во многих словах её выражает древняя внутренняя флексия. Северная и южная группы языков сохранили древнюю именную категорию связанности – в составе парадигмы имя маркируется иначе, нежели в независимой позиции. Пространственные отношения выражаются предлогами. Основой глагольной грамматики является аспектуальная оппозиция имперфектив / перфектив, выражаемая с помощью различных огласовок глагольного корня. Во множестве используются аналитические видовременные конструкции с применением клитических показателей. Префиксы и суффиксы маркируют актантные значения глагола: каузатив, пассив, рефлексив. Базовый порядок слов в предложении – VSO.

Лексика современных берберских языков, особенно её культурная часть, наполнена заимствованиями из арабского языка. В последние десятилетия появляются также многочисленные заимствования из французского. В языках туарегов Западной Африки нередко также заимствования из чадского языка **хауса**.

О канарских (или гуанчских) языках известно крайне мало – они не имели письменности и зафиксированы лишь в записях европейских

хронистом XV–XVII вв. В основном речь идёт о небольших словниках, коллекциях топонимов и примерах фраз, записанных с большими неточностями. Субстратная лексика современного канарского диалекта испанского языка весьма бедна. Можно сказать, что фонетика канарских языков была довольно архаичной и весьма сходной с современными южноберберскими (туарегскими) языками. Сохранялась система из шести гласных фонем [a], [i], [u], [e], [o], [ə], ларингальная фонема [h]. Эмфатические согласные также функционировали, однако, вероятно, утратили оппозицию по глухости / звонкости. Восстанавливаются огублённые [b^w], [k^w], [g^w]. Среди известных грамматических показателей – аффиксы женского рода и сингулятива *ta-...-ta/te-...-te*, префиксальный артикль *a-*, суффиксы притяжательных местоимений 1 л. ед. ч. *-ka* (*mai-ca* ‘наша мать’), 2 л. ед. ч. *-t* (*zahaña-t* ‘твой вассал’), 3 л. ед. ч. м. р. *-s* (*ati-s* ‘его отец’). Сохранившиеся глагольные форманты в целом соответствуют берберским: показатель 1 л. ед. ч. *-ka/-ək*, 2 л. ед. ч. *-ka*, 3 л. ед. ч. *у-*. Судя по нескольким сохранившимся глагольным предложениям, порядок слов в предложении также придерживался схемы VSO. В лексике отмечены заимствования из северных берберских и арабского языка.

4.8. Кушитские языки

Кушитская семья насчитывает ок. 40 языков, распространённых в странах Восточной и частично Северной (Египет, Судан) Африки. Кушитский ареал охватывает центр, восток и юг Эфиопии, территорию Джибути, Сомали, юга Эритреи, отдельные районы Кении и Танзании. Всего кушитские языки считают родными не менее 50 млн человек, крупнейшим из них является **оромо** (Эфиопия) с 30 млн носителей. Другие крупные языки включают **сомали** (ок. 15 млн), **сидамо** (Эфиопия, ок. 3 млн) и **беджа** (Судан, ок. 2 млн).

Территория к югу от нильских порогов ещё в древнеегипетских документах называлась страной Куш. Кушитские народы можно назвать автохтонным населением долины Среднего Нила. Скотоводы и земледельцы кушитского происхождения, вероятно, составляли существенную долю населения древних государств Мероэ и Напата, позже многие имена кушитских народов, в т. ч. сохранившихся до наших дней, упоминаются в надписях Аксумского государства. Вероятно, ареал распространения народа беджа включал территорию Северного Судана, а изучение современных нубийских языков Южного Египта (относятся к восточносуданской семье, НС) показывает ряд

кушитских заимствований в области скотоводческой лексики. В то же время предки носителей агавской группы кушитских языков населяли уже в древности практически всю территорию Эфиопского нагорья, где частично были ассимилированы носителями эфиосемитских языков. В результате иссушения Аравийской пустыни скотоводческие кушитские народы уже в античный период начинают миграции к югу; этот процесс продолжался и в Средневековье, в результате чего кушитские языки проникают в регион Великих озёр: сегодня самый южный из языков семьи – **дахало** – используется на территории Танзании. В XVI в. началась массовая миграция скотоводов оромо из полупустынь Африканского Рога на территорию современной Центральной и Южной Эфиопии, ими был образован ряд протогосударств (Волло, Джимма и др.), впоследствии попавших под власть Эфиопии.

С VI в. часть кушитского населения небольших государств Среднего Нила – Макурии, Алвы, Нобатии и других, образовавшихся на периферии Аксумского царства, – приняла христианство, которое уже с X в. начинает вытесняться исламом. Процесс исламизации завершился в XV–XVI вв.: сегодня кушитские народы Судана, Джибути и Сомали повсеместно исповедуют ислам суннитского толка. Среди оромо Эфиопии распространены как христианство (есть монофизиты, католики), так и ислам. Другие скотоводческие народы во многом сохранили традиционные верования.

Сомали – единственный кушитский язык, имеющий официальный статус в Республике Сомали и непризнанных государствах на её территории. Языки сомали и **афарский** провозглашены национальными языками Джибути. В ряде штатов Эфиопии **оромо** официально используется на региональном уровне.

Единственным старописьменным языком семьи также является сомали, первые документы на котором, выполненные адаптированным арабским письмом *вадаад*, датируются XIII–XIV вв. В начале XX в. для сомали было разработано сразу несколько оригинальных алфавитов, однако они вскоре уступают место латинскому шрифту. Некоторые кушитские языки Эфиопии пользовались эфиопским слоговым письмом, однако в последние десятилетия также перешли на адаптированные разновидности латинского алфавита.

Генеалогическая классификация кушитских языков делит семью на четыре группы:

- северная, представленная единственным языком **беджа** (Судан); отличия беджа от остальных языков семьи позволили ряду учёных

- (например, Р. Хецрону [Hetzron 1980]) выступить с гипотезой о его особой позиции в составе афразийских языков;
- центральная (несколько близкородственных языков Эфиопии и Эритреи, ранее считавшихся диалектами языка **агау** и потому часто именуемых агавскими);
  - восточная (наиболее крупная группа, объединяющая такие языки, как **оромо**, **афарский**, **сидамо**, **сомали** и др.; подразделяется на высокогорную (*Highland*) и равнинную (*Lowland*) подгруппы);
  - южная (кушитские языки Кении и Танзании, крупнейшим из которых является **иракв**).

Эта классификация считается общепринятой, несмотря на весьма существенные лексические расхождения между языками различных групп. Такие расхождения, в частности, позволили в 1980-е гг. выделить из состава кушитских омотские языки [Bender 1975; Fleming 1976]. Л. Бендер вовсе полагал, что существование кушитской семьи обоснованным не является.

Несколько слабоописанных языков Кении, Танзании и Южного Сомали (**яку**, **квадза**, **боон**, **аасах**) по сей день убедительно не классифицированы, однако могут относиться к кушитской семье или быть связанными с ней на более высоком таксономическом уровне. Уже упоминавшийся язык **онгота** в Эфиопии, а также широко известный как пример «смешанного языка» **ма'а (мбугу)** (Танзания) также иногда включаются в состав кушитской семьи.

Как и другие афразийские языки, кушитские языки демонстрируют богатую систему согласных фонем. Во многих языках присутствует особый ряд глоттализированных смычных (*k, p, t, c*), функционируют лабиовелярные согласные (*g^w, k^w, x^w, ŋ^w*, в агавских языках также лабиовулярные *q^w, G^w*), ларингальные фонемы *ʔ, h*. Отдельные языки также используют имплозивные смычные (оромо *d*), фарингальные щелевые, латеральные свистящие согласные (иракв *ʈ, tʈ*). В языках восточной и центральной групп используется противопоставление согласных по долготе.

Гласные в кушитских языках (за исключением центральных) также делятся на долгие и краткие, при простой пятичленной фонемной структуре: *a, e, i, o, u*. С этой оппозицией тесно связана просодическая система. Практически повсеместно в кушитских языках имеется тон, который в большинстве случаев сложно отделить от ударения. Тон практически нигде не является средством формирования лексической оппозиции, однако играет важнейшую роль при формировании морфологических значений и категорий, ср. в сомали:

- а) *nín bà libàax diléy* ‘[это] человек убил льва’;
 б) *nín bà libaax diley* ‘[это] человека убил лев’.

Различаются как регистровые, так и контурные тоны, при этом высокому регистру чаще всего сопутствует динамическое ударение, а также признак долготы гласной. Жёсткая связка между тоном и ударением не позволяет назвать кушитские собственно тональными языками: высокий тон (и с ним силовое ударение) может сопутствовать только последнему или предпоследнему слогу, и этот слог является в непроемных словах единственным тонированным. Вполне вероятно, что на глубинном уровне можно говорить об удареии, которое в ряде случаев реализуется в виде тона. В современных языках тоны начинают играть смысловоразличительную роль в некоторых языках, и механизм этого процесса можно легко проследить диахронически. Так, в **рендилле** существует оппозиция *inam* (м. р.) ‘мальчик’ vs. *inám* (ж. р.) ‘девочка’. Последнее слово некогда было трёхсложным и содержало древний показатель женского рода **-et*, притом что ударение в языке фиксировано на предпоследнем слоге. Процесс превращения удареии в тон произошёл после отпадения древнего форманта и привёл к образованию омонимичных слов с различной позицией высокого тона: **inam-et* > **inámet* > **ináme* > **inám*.

Кушитские языки насчитывают от двух (например, в **билини**) до четырёх тонов (в **оромо**, **сомали**, **иракв**).

Базовой структурой корня в кушитских языках является CVC, для глагольных корней характерна также схема CVCC.

Строй грамматики кушитских языков можно назвать агглютинативным с элементами флективности. Именная система весьма сложна. В большинстве языков сохранился грамматический род (мужской и женский, в южных языках также средний), при этом по роду согласуются с именем как прилагательные, так и притяжательные местоимения, артикли и глаголы. Большинство имён не маркируют рода в ед. ч., однако ряд флексий можно выделить: например, показатель ж. р. *-t-*, восходящий к афразийскому праязыковому состоянию. В иракв существует сложная система маркеров рода, соединяющих основу имени с притяжательными аффиксами.

Категория числа включает категории единичности и множественности, обе они в кушитских языках маркируются: например, **сах** *basal* ‘лук’, *basalto* ‘луковица’. Множественность выражается при помощи

суффиксов, чередования конечной согласной или корневой гласной, изменения ударения или тонального контура. Нередко форма мн. ч. совпадает с формой ж. р. существительного, как в **сомали** *dibi* ‘корова (ед. ч.); быки (мн. ч.)’. В **иракв** подлежащие с. р. требуют формы сказуемого во мн. ч.

В кушитских языках насчитывается от трёх (в сомали) до двенадцати (в иракв) морфологически оформленных падежей. Номинативная форма чаще всего маркирована суффиксом, в то время как аккумулятивная, напротив, нередко несёт нулевое окончание. Маркирование остальных падежей происходит при помощи суффиксов или изменения долготы финальной гласной.

Личные местоимения различают несколько серий: независимые формы склоняются и согласуются с именем в 3 л., аффиксальные маркеры лица и числа присоединяются к глаголу. Кроме того, в ряде языков существуют дополнительные проклитики и энклитики, выражающие лицо, род и число субъекта или объекта высказывания, иногда параллельно с личными глагольными аффиксами. Притяжательность выражается независимыми местоимениями, согласуемыми с именем, либо именными суффиксами.

В языках **беджа**, **афарском**, **сахо**, а также рудиментарно в некоторых других языках семьи сохранился архаичный афразийский тип префиксального спряжения глагола. В беджа глаголы с префиксально-суффиксальным спряжением называются сильными, в отличие от слабых глаголов с суффиксальной флексией, не меняющих основы при формообразовании. В большинстве современных языков используется исключительно вторичное спряжение суффиксального типа, возникшее из перифрастических конструкций. При образовании вторичного спряжения основа глагола потеряла способность к изменчивости, характерную, например, для семитских языков, и приобрела стабильность, практически не меняясь при образовании видовременных, модальных форм и форм актантной деривации: **оромо** *beek-* ‘знать’, пассив *beekam-* ‘быть известным’, каузатив *beeksis-* ‘делать известным’. Базовой оппозицией видовременных значений, как и в других афразийских языках, является оппозиция перфектива / имперфектива; используются формы претерита, футурума, проспектива, хабитуалиса и других времён и аспектов. Среди наклонений обычным является набор из трёх значений: индикатива, императива и юссива, маркируемых как с помощью суффиксов, так и – параллельно – местоименными клитиками, ср. оромо:

beeke ‘он знал’,
beeke ‘он знает’,
haa beeku ‘пусть он знает’.

Одной из отличительных черт глагольной системы кушитских языков является категория «глагольного падежа»: при помощи аффиксальных маркеров именных падежей глагол образует формы, служащие сказуемыми придаточных предложений различных типов и соответствующие отглагольным именам европейских языков. Однако, в отличие от последних, в кушитских языках эти формы спрягаются по лицам и числам, ср. **аунги**:

des-ák^w ḡánká ‘домá, где я учусь’;
des-ták^w ḡánká ‘домá, где ты учишься’.

Глагольная флексия здесь выполняет функцию подчинительных союзов для выражения значений придаточных предложений. Глагольные падежи особенно распространены в агавских языках, где их насчитывается до 15; однако 3 суффиксальных падежа функционируют и в системе глагола языка **сомали**.

Базовый порядок слов в кушитском предложении – SOV, определение предшествует определяемому.

4.9. Омотские языки

Группа из ок. 30 языков бассейна реки Омо долгое время не была удовлетворительно изучена. Омотские языки традиционно классифицировали как западную группу кушитской семьи, этой классификации следовал и Дж. Гринберг. Лишь в 1970-х гг. Л. Бендер [Bender 1975] и Г. Флеминг [Fleming 1976] убедительно доказали гипотезу о выведении омотской семьи на афразийский уровень таксономии, в настоящее время эта точка зрения является общепринятой. Предполагается также, что омотские языки первыми отделились от афразийской праязыковой общности, о чём может свидетельствовать родство охотничьей и собирательской терминологии при несходстве сельскохозяйственной лексики с другими афразийскими языками.

Практически все языки семьи расположены в южной и западной частях Эфиопии, несколько омотских анклавов находится на территории Восточного Судана. Скотоводы и заливные земледельцы, говорящие на омотских языках, являются автохтонным населением этой области,

несмотря на интенсивные миграции многочисленных этнических групп региона. В Западной Эфиопии с XIV в. существовало государство Каффа, возможно созданное омотскими народами. В XVI столетии там было принято христианство монофизитского толка, а расцвета Каффа достигла в начале XIX в. на торговле золотом, рабами и мускусом циветты. В 1897 г. государство было завоёвано Эфиопией. Тогда же к империи негусов было присоединено протогосударственное образование, созданное в XIX в. соседним народом воламо. Монархический тип вожеств по сей день характерен для некоторых омотских народов (например, дорзе), сохраняющих древние правящие династии.

Общее количество носителей омотских языков может достигать 5 млн человек, однако крупных языков немного: на **воламо** говорит ок. 1,7 млн человек, на **гамо** – ок. 1,1 млн, на **кафа** – свыше 800 тыс. человек. Некоторые языки семьи (**диме**, **ше**, **каро**) находятся под угрозой исчезновения, число их носителей не превышает нескольких сотен или тысяч человек. Снижению числа говорящих способствует нестабильная социально-экономическая обстановка в регионе: периодические засухи, падёж скота в результате эпидемий трипаносомоза, непрекращающиеся межплеменные конфликты из-за пастбищ или доступа к источникам воды. Всё это приводит к миграциям населения в города и быстрой утрате родного языка. Большинство омотских языков имеют весьма невысокий социальный престиж в регионе, в т. ч. в глазах самих носителей. Ни один из языков семьи не имеет официального статуса, за исключением воламо, являющегося региональным языком в одной из зон штата Южных Наций Эфиопии.

Классификация омотских языков не является устоявшейся. Наиболее распространена точка зрения Л. Бендера, разделившего языки семьи на две крупные ветви [Bender 2000]:

- северная (включает подгруппы мао, гонга и дизин; сюда входят крупнейшие омотские языки воламо, кафа и гамо);
- южная (собственно языки долины р. Омо: наиболее крупными из них по числу носителей являются **ари** и **хамар-банна**).

Для омотской фонологии характерно наличие типичной для афразийских языков тройной оппозиции рядов смычных, включая глоттализированный. Сонанты также могут иметь глоттализированные варианты, как в воламо. Часты импловивные согласные; при этом, в отличие от кушитских языков, в омотских языках нет лабиовелярных смычных. Некоторые языки различают долготу и краткость согласных на фонологическом уровне. Широко распространены аффрикаты, имеющие

до трёх рядов (в **бенч** – зубные, палатальные и ретрофлексные). Система гласных пятичленна, с фонологической оппозицией долготы.

Структура корня в основном моносиллабична. В этой связи важное лексическое значение приобрела категория тона. Ещё несколько десятилетий назад считалось, что тон нерелевантен для омотской фонологии и морфологии, но является лишь признаком ударения. Однако современные исследования доказали наличие богатой тонологии: язык **бенч**, например, является одним из очень немногих языков мира, где зафиксированы пять тоновых регистров (а также один контурный тон). В большинстве языков семьи насчитывается от 2 до 3 регистровых тонов; они формируют грамматические и лексические оппозиции, образуют деривативы, ср. в **бенч** *ɛz* ‘большой’, *ɛ̃z* ‘очень большой’.

Морфология омотских языков существенно беднее кушитской. В системе имени отмечается процесс утраты противопоставления по родам, заменяемого в ряде языков оппозицией по признаку одушевлённости. Женский род в системе имени сохраняется в **дизин**, а в системе местоимений – во многих языках северной группы. Множественность выражается при помощи аффиксов, внутренняя флексия чрезвычайно редка. При этом развита категория определённости, и только определённые существительные могут маркировать множественность. Функционирует развитая система именных падежей: в **воламо** их число достигает шести, а в **дизин** – десяти, из которых четыре имеют пространственные значения. Стоит отметить, что не всегда можно провести чёткую грань между постпозитивами с падежными значениями и именными маркерами падежа. Мы точно имеем дело со связанными маркерами в тех случаях, когда эти маркеры супraseгментны, т. е. выражаются исключительно при помощи тона. Во многих языках северной группы, как и в ряде кушитских языков, из двух основных падежей – номинатив и аккузатив – маркируется лишь первый.

Личные местоимения в омотских языках синтаксически независимы и склоняемы. Во многих языках они сохранили архаичные родовые противопоставления, а формы мн. ч. можно уверенно назвать родственными языкам других ветвей афразийской макросемьи. Указательные местоимения имеют две степени дейксиса.

В глагольном морфосинтаксисе происходит замена характерной для афразийских языков аспектуальной системы на временную. В **бенч** основными видовременными формами являются настоящее, прошедшее и будущее время, а также перфект. В **дизин** к ним добавляется

прогрессивно-хабитуальная форма. Функционирует от трёх до четырёх наклонений (индикатив, юссив, императив, кондиционалис). В языках северной группы нередко категория глагольного падежа, сходная с кушитской: в **кафа** таких падежей 5 (предикативный, общий, косвенный, релятивный и concessивный). В числе залоговых значений наиболее распространены пассив, каузатив и реципрок. Глагольные значения преимущественно выражаются аффиксацией.

Базовый порядок слов омотского предложения – SOV, определение предшествует определяемому.

4.10. Чадские языки

На языках чадской семьи говорят многочисленные народы, проживающие в районах Центрального Судана вблизи озера Чад, на территории современных государств Чад, Нигер, Нигерия, Камерун, ЦАР. Всего насчитывается ок. 200 языков семьи, при этом крупнейшим, единственным старописьменным и наиболее изученным из них является **хауса**, исконный ареал которого охватывал современные районы Южного Нигера и Северной Нигерии. Сегодня, благодаря длительной и обширной экспансии, зона распространения хауса как языка межэтнического общения включает также северные районы Камеруна, Кот-д'Ивуара, Бенина, Того, Ганы, южные области Чада, отдельные районы Буркина-Фасо, ЦАР, Мали, Габона, Камеруна и даже Ливии. Большая часть мусульманского населения этого обширного региона использует хауса в качестве второго языка.

Мало известно о прародине и доисторических миграциях носителей чадских языков. Некоторые характерные изоглоссы в области лексики связывают их с **древнеегипетским** и берберскими языками, что должно указывать на сахарскую прародину чадцев. Некоторые генетические исследования показывают связь чадских народов с населением Ближнего Востока и Северной Африки. Исторические сведения позволяют сделать вывод, что язык хауса был распространён в Северной Нигерии уже в середине I тысячелетия. Распространение ислама с XI в., а также активная посредническая торговля между государствами долины Нила, Средиземноморья и империями Западного Судана (Канем, Гана, Мали, позже Сонгаи) привели к формированию и быстрому росту на торговых путях городов хауса на севере Нигерии, позже составивших федерацию «семи хауса» (*hausa bakwai*): Кане, Гобир, Даура, Кацина, Зариа, Рано и Бирам. Язык хауса распространялся

прежде всего посредством купцов из этих городов, формировавших колонии повсюду в Западной Африке.

В эпоху джихада в Западной Африке в XIX в. на язык **хауса** переходят ранее кочевые скотоводы фульбе, создавшие халифат Сокото на территории современных Нигера и Северной Нигерии. Тогда же на базе диалекта сокото сформировался литературный язык хауса. Значительную часть населения халифата составляли семьи пленных рабов, оторванных от родины и массово переходившие на хауса. Сегодня их потомки считают себя хауса, хотя некоторые из них вовсе не говорят на этом языке.

Язык хауса является одним из трёх крупнейших языков Нигерии, имеет статус национального языка и безоговорочно доминирует в северных районах страны; на нём выходят газеты, литература, радио- и телепрограммы. В качестве письменности в основном используется латинский алфавит *боко*, разработанный для хауса в 1880 г., однако в последние десятилетия вновь растёт популярность письменности *аджами* на базе арабской графики, известной с XIV в. Радикализация ислама приводит к отрицанию всего наследия колониальной культуры, в т. ч. и латинского алфавита: одна из самых известных террористических организаций мира, нигерийская «Боко харам», в самом своём названии декларирует вред западного образования и письма.

Общее число носителей хауса превышает 30 млн человек.

Что касается других чадских языков, то ни один из них не получил распространения в регионе в качестве *lingua franca*. Возможно, чадские народы группы котоко были основными носителями древней культуры Сао (V в. до н. э. – XVII в. н. э.), наследником которой являлись несколько небольших государств, созданных в XVIII–XIX вв. к юго-востоку от озера Чад³.

Большинство чадских языков остаются бесписьменными. Кроме хауса, лишь несколько языков имеют более 100 тыс. носителей; большинство же насчитывает до 25 тыс. говорящих. Они живут преимущественно в сельской местности и заняты в земледелии и скотоводстве. Общее число носителей языков семьи составляет ок. 35 млн человек.

Уже в 1863 г. К. Р. Лепсиус включал хауса в одну группу с семитскими, **древнеегипетским** и берберскими языками. К середине XX в. –

---

³ Один из них, султанат Логон, как полагают некоторые учёные, был родиной прадеда А. С. Пушкина – А. П. Ганнибала, помнившего несколько слов одного из языков группы котоко.

особенно благодаря работам И. Лукаса – количество языков, сближавшихся с **хауса**, значительно возросло. Единство чадских языков было подтверждено Дж. Гринбером в середине XX в., до этого их иногда разделяли на чадскую и чадо-хамитскую группы – последняя выделялась в связи с наличием грамматического рода. Современная генеалогическая классификация делит чадские языки на 3 крупные ветви:

- западночадскую (север Нигерии), включающую ок. 70 языков и диалектных групп, в т. ч. и хауса;
- центральночадскую, или биу-мандара (Нигерия, Чад, Камерун), включающую ок. 80 языков, крупнейшим из которых является **тера** на северо-востоке Нигерии (более 100 тыс. носителей); иногда в отдельную группу выделяют несколько языков подгруппы маса в Чаде;
- восточночадскую (Чад), объединяющую ок. 40 языков.

Эта классификация является в целом общепризнанной, однако в силу малой изученности большинства чадских языков может быть в дальнейшем скорректирована (см. обзор [Порхомовский 1982]).

Первые исследования по языку хауса были опубликованы в Европе в середине XIX в.: в 1853–1862 гг. в Лондоне были изданы словарь и грамматика хауса немецкого исследователя Й.-Ф. Шёна. На рубеже веков практические грамматики хауса издаются несколько раз. Однако первым глубоким научным описанием языка стала серия монографий Р. Абрахама, изданная в Лондоне в 1940–1959 гг. В последние десятилетия XX в. развернулись масштабные полевые работы по документации малых чадских языков. Как результат резкого роста объёма материала, в России и за рубежом проводится интенсивная работа в сфере сравнительно-исторического изучения чадских языков, вышли в свет сравнительные словари, аналитические работы и реконструкции таких авторов, как В. Я. Порхомовский, О. В. Столбова, П. Ньюман, Г. Юнграйтмайр, В. Блажек, Р. Гравина и др.

В области фонологии чадские языки сохранили исконно афразийскую оппозицию трёх рядов согласных: глухого, звонкого и эмфатического. Губные и зубные эмфатические согласные реализуются как имплозивные, что является типичной ареальной чертой Суданского пояса Африки (см. подробнее в главе 12). Другой особенностью ареального происхождения являются преназализованные смычные, распространённые в большинстве языков семьи – исследователи возводят их к праязыковому состоянию. Чадские языки демонстрируют обилие фрикативных согласных – в частности, во многих языках семьи

существует интересная оппозиция между билабиальными и лабиодентальными фрикативными, а в языках центральной ветви – между звонкими и глухими латеральными сибиллянтами (*l* и *ʃ*). В языке **марги** скопления согласных привели к образованию двухфокусных лабиодентальных согласных.

В области вокализма характерной особенностью является противопоставление всех фонем по долготе. Под влиянием западноафриканского языкового окружения чадские языки выработали богатые тональные системы, где встречаются как уровневые, так и контурные тоны. При этом важнейшую роль в предложении играет не столько лексический тон слова, сколько положение его в синтагме. Как и повсюду в Западной Африке, распространены явления даунстепа, приводящие к постепенному понижению тона к концу фразы. Важно отметить также явление тональной полярности: грамматические показатели противостоят по тону соседнему слогу в слове. Всё это явления, нехарактерные для большинства афразийских языков, сформированные чадскими языками в результате тысячелетних контактов с западно- и центральноафриканскими языками нигеро-конголезской и нило-сахарской макросемей.

В западночадских языках имя обладает категорией рода, рудименты которой хорошо заметны и в языках центральной ветви, где формы рода иногда различаются в ед. ч., а также в местоимениях 2–3 л. В западно- и восточночадских языках имеются многочисленные показатели множественности. В **хауса** имеется характерная для афразийских языков категория именного состояния – в генитивных синтагмах определяемое имя стоит в особой сопряжённой форме.

Отличительную черту афразийского глагола – т. н. породы, или производные основы глагола, – чадские языки сохранили. С помощью различных основ, образуемых прежде всего при помощи суффиксов, но также инфиксов, редупликации слогов, тональных изменений, формируются формы аспектов (среди них основные – перфектив, прогрессив, проспектив, хабитуалис), наклонений, залоговых форм, форм отрицания. В некоторых языках восточной ветви сохранилось древнее инфикальное образование основ перфектива/имперфектива. Для образования глагольных форм широко используются вспомогательные глаголы и клитики. Личные местоимения и местоименные показатели подразделяются на несколько серий, также имеющих различия в зависимости от видовременных, модальных форм (см. выше пример из хауса). В чадских языках аналитические конструкции глагола преобладают, однако встречаются и весьма сложные флективные системы.

Например, в языке **ламанг** нормальной является словоформа *là-ŋà-ná-b-l-i* ‘я заставил его выйти’, которую составляют следующие компоненты: редуцированный корень *là-...-l-* ‘идти’, расширение основы *-ŋà-* (каузатив), личный аффикс объекта 3 л. ед. ч. *-ná-* ‘его’, дейктический показатель *-b-* ‘из’ и личный аффикс субъекта 1 л. ед. ч. *-i* ‘я’.

Базовым порядком слов является SVO, однако в ряде центральноафриканских языках пограничья Нигерии и Камеруна на его месте выступает порядок типа VSO, который иногда рассматривается как архаичный – исконный для афразийских языков.

4.11. Древнеегипетский язык

Один из древнейших письменных языков мира известен нам по памятникам, охватывающим огромный хронологический период: более трёх тысяч лет. Хотя канонизированный в религиозных целях письменный язык всё это время практически не менялся, историю языка принято делить на четыре периода: **староегипетский** (3200–2200 гг. до н. э.), **среднеегипетский** или классический (2200–1600 гг. до н. э.), **новоегипетский** (1550–700 гг. до н. э.), **демотический** (700 г. до н. э. – 400 г. н. э.). Пятым периодом считается период существования живого **коптского** языка (со II в. до н. э. примерно до XVII в.) – прямого потомка древнеегипетского. Иногда из состава староегипетского периода выделяют наиболее ранний, архаический период (примерно до 2600 г. до н. э.).

Научное изучение древнеегипетского языка началось после дешифровки иероглифической письменности в начале XIX в. В середине того же столетия К. Р. Лепсиусом устанавливается родство между древнеегипетским и семитскими, а позже – и другими афразийскими языками. Ученик Лепсиуса Г. Бругш считается отцом научного изучения демотического языка, издав в 1855 г. его грамматику, а следом и словарь. В 1880 г. А. Эрман издаёт грамматику новоегипетского языка, им же были положены основы современного представления о фонологической системе классического языка. Под руководством А. Эрмана в 1926–1931 гг. выходит пятитомный словарь древнеегипетского языка. В настоящее время классические взгляды лингвистов постепенно пересматриваются, однако революционных сдвигов в этой области не происходит [Takács 1999–2007].

В России основоположником египтологии стал акад. Б. А. Тураев, под руководством которого опубликовано множество древних текстов, их русские переводы, большое количество работ по исследованию

языка. Впоследствии ведущими египтологами Советского Союза стали акад. В. В. Струве, Н. С. Петровский, М. А. Коростовцев.

Прародиной древнеегипетского языка является район долины Нила примерно от дельты на севере до первой излучины на юге. В X–VI тыс. до н. э. в этом районе оседают многочисленные племена различного происхождения, вытесняемые из Сахары прогрессирующим наступлением пустыни. Вероятно, на древнеегипетском говорили представители народа, сумевшего объединить под своей властью различные племена и ставшего в конце IV тыс. до н. э. политической элитой первого государства Африки, просуществовавшего более трёх тысячелетий. Ближайшими родственниками древнеегипетского языка, согласно данным глоттохронологии, являются берберские и чадские языки, однако степень расхождения между ними, по всем подсчётам, никак не менее 8–9 тысяч лет.

Первые надписи на архаичном древнеегипетском языке датируются концом IV тыс. до н. э. Однако они представляют собой лишь отдельные имена, титулы и глоссы. Первое законченное предложение, дошедшее до наших дней, относится примерно к 2690 г. до н. э. и найдено в гробнице одного из фараонов II династии. К временам V–VI династий Древнего Царства (XXIV–XXII вв. до н. э.) относятся религиозные «Тексты пирамид» из Саккары. Их прочтение по сей день сильно затруднено и осложнено толкованиями: тексты написаны чрезвычайно сложным языком и содержат массу отсылок к неизвестным нам мифам, существовавшим в устной форме задолго до строительства первых пирамид. К эпохе начала Среднего Царства относится самое раннее художественное произведение мировой литературы – «Беседа разочарованного со своим ба» (ок. XXII в. до н. э.), за которым последовало большое количество других художественных, дидактических, религиозных и исторических произведений Среднего и Нового Царства. Последние крупные тексты на древнеегипетском языке датируются I в. н. э.: одним из наиболее поздних считается «папирус Инсингера» на **демотическом** языке.

Сложность иероглифического письма, не учитывающего гласных звуков, сильно осложняет изучение фонетической и грамматической структуры древнеегипетского языка, которое и сегодня вызывает активные споры. Многие выводы сделаны весьма приблизительно и требуют пересмотра. Фонетическая система характеризуется богатым консонантизмом, унаследованным от афразийского праязыкового состояния. Возможно, сохранялось три ряда смычных фонем, однако о фонетической реализации эмфатического ряда можно лишь догадываться. Язык отличался богатым набором фрикативных фонем – включая палатальную

$\dot{h}$, постальвеолярную f , увулярную $\dot{h}$, фарингальную $\dot{h}$ и глоттальную h . Фонемы l и $\dot{r}$ в иероглифике не обозначались и были весьма редки.

Таблица 4.1. Система согласных фонем староегипетского языка [Allen 2013]

		лабиал.	дентал.	пост- альвеол.	палат.	веляр.	увуляр.	фаринг.	глott.
смычные	глух.	p	t		$\dot{t}$ [c]	k	q		$\dot{r}$
	звонк.	b	d		$\dot{d}$ [j]	g			
щелевые	глух.	f	s	$\dot{s}$ [ʃ]	$\dot{h}$ [ç]		$\dot{h}$ [x]	$\dot{h}$ [ħ]	h
	звонк.		z				$\dot{z}$ [ʁ]	' [ʕ]	
полугласные		w	l		j				
сонорные		m	n						
дрожащий			r						

В процессе развития консонантизм разговорного языка сильно менялся, что не могло не отразиться и на письме. Так, в **среднеегипетском** совпали свистящие s и z , фонема j в анлауте и после ударной гласной трансформировалась в глоттальную смычку. Вероятно, в тот же период появляются придыхательные фонемы. В новоегипетский период сокращается количество поствелярных согласных; зубные, палатальные и велярные смычные перестают различать звонкость / глухость, позже палатальные и зубные смычные сливаются в один ряд. Ещё более радикальные изменения консонантизма происходят в **коптском** языке, результатом чего стала коптская система согласных.

Таблица 4.2. Система согласных фонем коптского языка

		лабиал.	дентал.	палатал.	веляр.	глott.
смычные	глух.	p (p^h)	t (t^h)	c (c^h)	k (k^h)	$\dot{r}$
	эмф.		t'	c'	k'	
	звонк.		d		g	
щелевые	глух.	f	s	$\dot{f}$	(x)	$\dot{h}$
	звонк.	β	z			
полугласные		w	l	j		
сонорные		m	n			
дрожащий			r			

Система вокализма классического языка представляла собой три пары гласных *i*, *a*, *u*, морфологически противопоставленных по долготе. Позже в языке возникают фонемы *e* (долгая и краткая), *ə*, а в коптском языке – также *o* и *ō*.

Морфология древнеегипетского языка сохранила афразийский трёхсогласный корень как в имени, так и в глаголе – хотя известны и двух-, и пятисогласные корни. К сожалению, так как гласные на письме стали обозначаться только в коптский период, довольно сложно воссоздать флексию более древних стадий развития языка. Известны именные категории рода (мужской и женский, последний маркировался формантом *-t*), числа (включая двойственное с показателем *-wυ/-tυ*). Некоторые данные указывают на существование двух или трёх падежей, однако позже данная категория была утрачена.

Лицо и число субъекта и объекта глагола маркировались с помощью трёх серий показателей: эмфатических местоимений субъекта, субъектно-объектных («зависимых») местоимений и притяжательных суффиксов. Эта система сохранилась и в коптском языке. В глаголе зафиксирована система производных основ. Спрягаемые личные формы отражали видовременные и модальные значения с аффиксальными грамматическими показателями. В составе нефинитных форм известны инфинитив, несколько видов причастий и т. н. негативный инфинитив. В то время как для классического древнеегипетского глагола постулируется весьма небольшое количество глагольных значений, коптский язык выработал около двух десятков аспектов, времён и наклонений, обозначаемых при помощи клитик и префиксов [Allen 1999].

Базовым порядком слов в классическом древнеегипетском языке был VSO, однако он деформировался уже в новоегипетский период. Коптский язык придерживается порядка SVO.

Приложение. Текст на языке цамай (кушитская семья)

Белка и заяц [Savà 2005]

<i>q'arra</i>	<i>garr-o</i>	<i>ʔard-o</i>	<i>bitam-i</i>	<i>na</i>	<i>gubal-e</i>	<i>maar-t-e</i>	<i>bitan-ti</i>
перед	белка-M	бык-M	покупать-он	назад	заяц-F	тёлка-SG-F	покупать-она
<i>maar-t-e</i>	<i>gubal-atte</i>	<i>gur-ti</i>	<i>ba</i>	<i>woq'oš-i</i>			
тёлка-SG-F	заяц-F.LOC	спариваться-она	CONS	беременеть-она	CONS		
<i>ba</i>	<i>dal-i</i>	<i>maar-t-e</i>	<i>dal-ti=nnay</i>	<i>garr-o</i>			
CONS	рожать-она.CONC	тёлка-SG-F	рожать-она=когда	белка-M			

<i>kiy-a</i> сказать-он.IPFV	<i>nay</i> когда	<i>kaayu</i> мой	<i>ka</i> PART	<i>dal-i</i> рожать-он	<i>kiy-i</i> сказать-он	<i>ba</i> CONS
<i>ʔard-ilo</i> бык-M.LOC	<i>turd-itt-e</i> зад-SG-F	<i>sort-o</i> плацента-M	<i>ki</i> PART	<i>ʔadd-a</i> вложить-он.IPFV	<i>gubal-e</i> Заяц-F	
<i>gor-e</i> люди-PL	<i>buskab-ti</i> собрать-они	<i>gor-e</i> люди-PL	<i>zingatte</i> утром	<i>saʔat-e</i> час-F	<i>lákki=yay</i> 2=с	<i>bukab-e</i> собираться-они
<i>ba</i> CONS	<i>gubal-e</i> заяц-F	<i>saʔat-e</i> час-F	<i>salah</i> 4	<i>ki</i> PART	<i>xaf-ti</i> приходить-они.F	<i>gor-e</i> люди
<i>kiy-anki=nnay</i> сказать-они.IPFV=тогда	<i>ʔine</i> мы	<i>ka</i> PART	<i>buskab-ti</i> собираться.CAUS-они	<i>ba</i> CONS	<i>ʔato</i> ты	
<i>ʔakka=ma</i> где=в	<i>bad-ay</i> прятаться-ты.IPFV	<i>kiy-e</i> сказать-они	<i>gaah-k-o</i> камень-SG-M			
<i>ʔond-am-i</i> ломаться-PASS-он	<i>ba</i> CONS	<i>dell-o=ma</i> шитьё-M=в	<i>ʔolad-i</i> проводить-я	<i>ʔise ka</i> она PART	<i>kiy-iti</i> сказать-она	
<i>gor-e</i> люди-PL	<i>kesse</i> они	<i>bukab-i</i> собираться-он.FOC	<i>kiy-anki=nnay</i> сказать-они.IPFV=тогда	<i>gaah-k-o</i> камень-SG-M		
<i>moo</i> что	<i>ʔond-am-u</i> ломаться-PASS-он.CONCS	<i>ba</i> CONS	<i>ka</i> PART	<i>deel-ay</i> шить-ты.CONCS	<i>gubal-atte</i> заяц-F.LOC	
<i>kiy-e</i> сказать-они	<i>ʔise</i> она	<i>kiy-a=nnay</i> сказать-она.IPFV=тогда	<i>ʔard-o</i> бык-M	<i>moo</i> что	<i>ki</i> PART	
<i>dal-ad-a</i> рожать-MED-он.IPFV	<i>nu=nnu</i> M.LOC=DAT	<i>bukab-anku</i> собираться-вы.CONCS	<i>kiy-iti</i> сказать-она			
<i>tannu</i> тогда	<i>ʔise ka</i> она PART	<i>bolʔ-om-is-i</i> быть.вождём-PASS-CAUS-он.FOC	<i>tannu</i> тогда	<i>garr-o</i> белка-M		
<i>kiy-a</i> сказать-он.IPFV	<i>nay</i> тогда	<i>boʔol-k-o=nu</i> вождь-SG-M=от	<i>q'ol-e</i> скот-PL	<i>c'ox-inda</i> доить-PL.IPFV	<i>ʔombott-ann-e</i> посуда-PL-PL	
<i>kúnkó=yay</i> 10=с	<i>ʔaxx-e</i> молоко-PL	<i>c'ox-onki=bba</i> доить-они.CONCS=CONS	<i>gand-a</i> деревня-F	<i>xumbi</i> все		
<i>c'ox-anki=bba</i> доить-они.IPFV=CONS	<i>nu=nnu</i> M.LOC=DAT	<i>ʔawk-o-se</i> место-M-DEF	<i>boʔol-k-o</i> вождь-SG-M	<i>na=ta</i> LOC=LOC		
<i>ʔaʔ-i=ma</i> располагаться-он=в	<i>ʂeef-onki</i> приносить-они.CONCS	<i>ʔombott-o</i> посуда-M	<i>1</i> 1	<i>ʔa=kka</i> там=PART		
<i>ʕugg-is-i</i> пить-PUNC-он	<i>nay</i> тогда	<i>ʔombot-ann-e</i> посуда-PL-PL	<i>q'aru</i> место	<i>ʂeef-e</i> приносить-он	<i>xumbi</i> все	<i>ʕug-is-i</i> пить-CAUS-он
<i>ʔombot-ann-e</i> посуда-PL-PL	<i>ketta</i> они	<i>xumbi</i> все	<i>raaw-ti</i> заканчивать-она	<i>nay</i> тогда	<i>bolt-e</i> капля-F	<i>takk-a</i> маленький-он.FOC
<i>ki</i> PART	<i>ʕaq'-i</i> оставаться-он.FOC	<i>bolt-e</i> капля-F	<i>tetta=kka</i> они=PART	<i>garaʔ-t-e=ma</i> живот-SG-F=в	<i>biʕ-i</i> падать-PART	

dawr-a bogol-k-o haark-o=yay gab-b-i=kka kup
 табу-F вождь-SG-M рука-M=c брать-PUNC-он.NPST.NEG=PART ?
bay-i ba q'eed-d-a loq'-a bogol-t-e=kka
 сказать-он CONS лизать-PUNC-он.CONS глотать-он.CONS вождь-F-F=PART
kup bayi-ti nay garaʃ-t-e na=ta boʻti ʔasa tannu
 ? сказать-она тогда живот-SG-F LOC=LOC взрываться-она так тогда
gubal-atte mala day-i gubal-e ka par-ti
 заяц-F.LOC как получаться-он заяц-F PART умирать-она

Перевод

Однажды Белка купила бычка, а Заяц купил тёлку. Тёлка Зайца забеременела и отелилась. Когда она отелилась, Белка сказала: «Мой бычок родил» – и положила немного плаценты на заднюю часть быка. Заяц собрал народ. Народ собрался в два часа ночи, а Заяц пришёл в четыре. Народ говорит: «Ты нас созвал, а сам куда пропал?» Заяц отвечает: «Камень сломался, я его целый день сшивал». Собравшийся народ сказал Зайцу: «Как это камень может сломаться и как его можно сшить?» Заяц ответил: «А как это бычок может родить и вы можете ради этого тут собраться?» Так что его сделали вождём. Тогда Белка сказала: «Подойте скот для вождя!» Они надоили 10 посуды, все люди доили и принесли молоко туда, где жил вождь. После того, как он выпил одну посуду, Белка дала ему другую и заставила выпить всё молоко, что они туда принесли. Когда вождь закончил пить, осталась одна маленькая капля. Эта капля упала на живот. Но есть табу: вождь не может брать молоко руками. Он согнулся, лизнул молоко с живота и проглотил. Но когда он согнулся, его живот взорвался. Итак, что же случилось с Зайцем? Заяц умер.

Глава 5. Нило-сахарские языки

5.1. Общие сведения

Дж. Гринберг [Greenberg 1963] был первым, кто постулировал родство между собой обширного массива разноструктурных языков, носители которых занимают широкую прерывистую полосу между пустыней Сахара и зоной африканских саванн, протянувшуюся на несколько тысяч километров от Мали в Западной Африке до Эритреи и Танзании в Восточной. Кроме того, нило-сахарская является единственной из трёх макросемей Тропической Африки, чей ареал заходит также на территорию средиземноморских государств Северной Африки – Египта, Ливии и Алжира.

Территорию распространения нило-сахарских языков нельзя назвать компактной: в отличие от остальных трёх макросемей африканских языков, она состоит из нескольких ареалов, не контактирующих друг с другом. В Западной Африке это среднее течение Нигера, в Северной – центральная часть Сахары, в Восточной Африке – междуречье Белого и Голубого Нила с выходом к югу в регион Великих озёр. Помимо этих трёх крупных ареалов, небольшие анклавы, занятые носителями некоторых семей нило-сахарских языков, расположены в Алжире, в среднем течении Нила, в горах на пограничье Эфиопии и Эритреи, в Центральной Африке – в ЦАР и северных районах Демократического Конго (см. карту 4). Весьма вероятно, что сегодняшняя карта нило-сахарской макросемьи сформировалась относительно недавно. Сахара, Сахель и восточноафриканские саванны всегда были зонами активных миграций населения, засвидетельствованных и в исторический период. Известно, например, что распространение макроязыка и народа **сонгаи** вдоль среднего течения Нигера относится к периоду с XI по XVI в., миграции нилотских народов на территорию современной Танзании могут относиться к раннему Новому времени.

Однако в формировании карты нило-сахарских языков могли сыграть роль прежде всего доисторические миграционные процессы. Уже

по географическим и историческим данным можно предположить, что в течение долгого времени различные семьи нило-сахарских языков развивались изолированно друг от друга. Предки современных нило-сахарских народов могли представлять собой крупный языковой континуум народов влажной саванны, которую до VI–V тысячелетий до н. э. представляла собой Сахара. Эти народы жили охотой и рыболовством в долинах многочисленных рек и озёр, цепь которых протягивалась от Нигера на западе до Нила на востоке. Наступление засушливого климата привело к масштабным миграциям населения из Сахары по всем направлениям: на север к Средиземному морю, на запад к долине Нигера, на восток к Нилу и Великим озёрам, на юг в зону Сахеля и саванны. В этих миграциях участвовали народы различного происхождения, в результате чего на южных границах Сахары образовалась чересполосица различных этносов и языков. Сторонники нило-сахарской гипотезы полагают, что географический разрыв между ареалами **сонгаи** и сахарских языков был вызван продвижением на юг афразийских народов чадской семьи. Дисперсность нило-сахарского ареала в Восточной Африке также объясняют доисторическими миграциями афразийцев – кушитских и омотских народов – с севера на юг и ассимиляцией более древнего нило-сахарского пласта охотников и собирателей.

Миграции кочевых скотоводческих народов продолжались и в исторический период. Относительной географической стабильностью выделяются языки оседлых нило-сахарских народов Сахеля, создавших в Средние века свои государственные образования. Прежде всего это сонгаи, язык крупнейшего в средневековой Африке одноимённого государства на Нигере (XV–XVI вв.), и **канури**, язык государств Канем и Борну в центральной части Сахеля, просуществовавших в разных формах целое тысячелетие – с VIII по XIX в. Это также **древненибийский** язык, на котором говорило население средневековых христианских государств на Среднем Ниле – Нобатии, Макурии и Алвы, чей период существования также длился не менее тысячелетия, с IV по XV в. Кроме того, нило-сахарскими по языку были раннегосударственные образования Судана и Чада, такие как священная монархия нилотского народа шиллук с XV по XIX в., исламские султанаты Дар-фур (создан народом фур), Вадаи (народом маба), Багирми (создан одноимённым народом) и Сеннар (возможно, народом коман или берта) с XVI по начало XX в. Протогосударственные образования на короткое время создавались народами мангбету и маба на пограничье саванны и экваториального леса Центральной Африки.

В Новое и Новейшее время миграции нило-сахарских народов продолжают, хотя и в меньшем масштабе. В результате строительства в Египте Асуанской плотины в середине XX в. с мест своего расселения вынуждены были уйти на север носители нубийских языков долины Нила. Войны в Южном Судане вынудили миллионы людей искать убежища в соседних странах, то же можно сказать о конфликте в суданской области Дарфур.

В общей сложности на сегодня насчитывается от 180 до 200 нило-сахарских языков, вторая цифра учитывает группы диалектов нескольких крупных языков или макроязыков (**канури**, **сонгаи**, **динка**). Эти пучки диалектов часто рассматриваются как подгруппы самостоятельных языков. Общее количество носителей нило-сахарских языков превышает 50 млн человек.

Относительно небольшое количество языков (соседняя макросемья нигер-конго объединяет более 1500 идиомов) компенсируются весьма сложным и запутанным составом языковых семей, групп и языковых изолятов. В состав своей нило-сахарской макросемьи образца 1963 г. Гринберг включил языки от 7 до 12 языковых семей, а также по меньшей мере два изолированных языка. Впоследствии к нило-сахарским были также добавлены языки небольшой семьи каду (или кадугли-кронго). Сегодняшний состав макросемьи с его географическим распределением выглядит следующим образом:

- центральносуданские языки (ок. 60 языков в Центральной Африке: Южном Судане, ДР Конго, ЦАР, Чаде, а также в Уганде);
- восточносуданские языки (до 100 языков в Египте, Судане, Южном Судане, Эфиопии, Эритрее, Кении и Танзании, включая наиболее крупную нилотскую группу языков);
- кулякские языки (Уганда);
- языки фур (Чад и Судан);
- языки каду (Судан);
- языки комуз (Судан и Эфиопия);
- языки маба (Чад);
- изолированный язык **берта** (Эфиопия);
- изолированный язык **кунама** (Эритрея);
- сахарские языки (Чад, Судан, Нигер и Нигерия);
- языки или диалекты сонгаи (Мали, Нигер, отдельные эксклавы в Алжире и Бенине).

Крупнейшими языками в составе макросемьи по числу носителей являются **луо** (восточносуданская семья, 4 млн человек), канури

(сахарская семья, 4 млн человек), **зарма** (макроязык сонгаи, 2,5 млн человек), **тесо** (восточносуданская семья, 2 млн человек), **динка** (восточносуданская семья, 1,5 млн человек), **маасаи** (восточносуданская семья, 1,5 млн человек) и **лугбара** (центральносуданская семья, ок. 1,5 млн человек), но на большинстве языков макросемьи говорит не более 50 тыс. человек.

Носители нило-сахарских языков, в противоположность другим макросемьям Африки, принадлежат к множеству различных антропологических типов. Носители языков Египта, Судана, Северной Эфиопии и Эритреи, говорящие на нубийских языках, языках **нара** и **кунама**, относятся к эфиопскому антропологическому типу, характеризующемуся удлинённым узким лицом, прямой и узкой формой носа, относительно светлой кожей и волнистыми волосами. Среди носителей наиболее северных нубийских языков есть и светлокожие – свидетельство распространённой в этом регионе клинальной негроидно-европеоидной изменчивости. То же можно сказать о тебу (тубу) – народах сахарской семьи языков, кочующих по Сахаре в Чаде и на юге Ливии и имеющих традиционные для берберских народов средиземноморские черты лица. Большинство нило-сахарских языков Восточной Африки используются народами восточноафриканского подтипа негроидов. Их характеризуют высокий рост (доходящий до мировых максимумов – выше 180 см в среднем для мужчин) и чрезвычайно чёрная кожа. Некоторые учёные выделяют этот подтип в особую нилотскую малую расу. В Центральной и Западной Африке нило-сахарцы (сонгаи, большинство носителей сахарских и центральносуданских языков) принадлежат к суданской разновидности негроидного типа. Таким образом, носители нило-сахарских языков относятся как минимум к трём различным антропологическим типам. Кроме того, два центральносуданских языка – **аосо** и **мамву** – используются группами охотников экваториального леса, которых в литературе чаще называют ака и эфе соответственно. Эти народности относят к пигмоидному антропологическому типу. Весьма вероятно, что язык они заимствовали у своих соседей – земледельцев мангбету, которые исторически называют себя «патронами» пигмеев и доминируют над ними в культурном отношении.

С точки зрения хозяйственно-культурной типологии сельские носители нило-сахарских языков в основном заняты земледелием. Преимущественно земледельцами являются народы сонгаи, большая часть центральносуданских народов, фур, маба, куляк, нубийцы долины Нила. Скотоводческий тип характерен для сахарских народов

и народов восточноафриканских саванн, в основном принадлежащих к нилотской и сурмийской группам восточносуданской семьи. Уже упоминавшиеся ака и эфе, а также ряд небольших охотничьих народов Кении, известных местным жителям как ндоробо (народности омотик и акие-кинаре), являются единственными нило-сахарскими народами, живущими охотой и собирательством.

5.2. История изучения

Генеалогическая классификация нило-сахарских языков является самым сложным вопросом в изучении этой макросемьи. Первые классификации, выдвинутые Гринбергом в конце 1940-х и 1950-х гг., содержали, наряду с койсанской и нигеро-конголезской, до двенадцати независимых семей, которые впоследствии были объединены в единую нило-сахарскую макросемью – весьма возможно, по остаточному принципу. Родство между ними, в окончательном виде предложенное Дж. Гринбергом в 1963 г., явно не было тщательно проработано. В сопоставлениях, указанных автором работы как основания для родства нило-сахарских языков, было обнаружено много ошибок в транскрипции и записи. В результате лингвисты уже с 1970-х гг. начали критиковать нило-сахарскую гипотезу Гринберга как несостоятельную, указывая на отсутствие либо малочисленность изоглосс между её языками, которые могли бы служить основанием для доказательства языкового родства. К 1990-м гг. в мировом языкознании распространилось мнение о нило-сахарской макросемье как о «мусорной корзине Гринберга», куда были помещены все семьи и изолированные языки, не вошедшие в состав более надёжно постулированных макросемей – афразийской и нигеро-конголезской. В последние десятилетия авторитетные лингвисты либо полностью отрицали её (как Р. Диксон [Dixon 1997]), либо вычёркивали из её состава новые и новые семьи (как Г. Диммендаль [Dimmendaal 2011]). Несмотря на то что в большинстве учебников и баз данных, в т. ч. и общепризнанной базе Ethnologue, нило-сахарская макросемья по-прежнему фигурирует, это объединение в глазах большинства учёных служит скорее реферативной цели, объединяя различные семьи языков Суданского пояса в некое ареальное объединение, генетические перспективы которого сомнительны. По словам американского африканиста Т. Чайлдса, *метод [Гринберга] не получил широкого признания за границами Африки, однако в Африке он хотя бы привёл вещи в порядок [Childs 2003].*

Эта точка зрения имеет все основания. Различные семьи нило-сахарских языков кардинально отличаются друг от друга как по типологическим характеристикам, так и по лексическому составу. Объём грамматических и лексических сходжений между ними чрезвычайно скуден. Как указывает Г. С. Старостин [2015], хронологическое расстояние между семьями нило-сахарских языков даже в случае их родства является колоссальным: даже наиболее устойчивые термины из 100-словного списка базовой лексики М. Сводеша, включая ряд существительных, местоимений и базовых числительных, не демонстрируют очевидных признаков родства между языками сонгаи, маба и восточносуданскими (в данном случае западнонилотской группы).

Таблица 5.1. Сравнение лексики нило-сахарских языков
[Старостин 2015]

	Сонгай	Маба	Зап.-нилот.
‘мы’	*yé-	*mi	*ɔ
‘два’	*hĩnká	*mba:r	*riaw
‘я’	*agay	*a	*a:
‘глаз’	*moy	*kasi	*wanj
‘ты’	*ni	*y	*i:
‘кто’	*máú	*na	*ŋa
‘огонь’	*nune, *dayndi	*nusv	*ma:ɛ
‘язык’	*dè:nè	*=dilm-	*le:p
‘камень’	*tòndì	*kom-	*pɫ:m-
‘имя’	*man	*meli	*rɪn

Весьма вероятно, что глубина распада макросемьи настолько велика, что при существующей методологии убедительных подтверждений её состоятельности в области лексики и грамматики никогда не будет достаточно для того, чтобы нило-сахарская общность выглядела так же надёжно, как афразийская или даже нигеро-конголезская.

Общее критическое отношение к нило-сахарской макросемье как генетическому объединению, установившееся в языкознании на сегодняшний день, парадоксально соседствует с общим недостатком работ в этой области. Сам Дж. Гринберг, использовавший свой метод «массового сравнения» лексики, был весьма осторожен в оценках своей нило-сахарской гипотезы и нередко указывал, что необходимо провести большой объём работ для верификации макросемьи на основе

сравнительно-исторического метода. Тем не менее за 50 лет, прошедших со времени выдвижения гипотезы, в этой сфере было сделано чрезвычайно мало. В общей сложности лишь около десятка учёных обращались к проблемам собственно нило-сахарского языкознания. При стремительно растущем объёме полевых данных о различных языках макросемьи – за последние полвека опубликовано не менее 60 языковых описаний – сравнительный анализ этих данных остаётся уделом немногих энтузиастов. Несмотря на то что colloquiums и конференции по проблемам нило-сахарских языков проводятся с 1980 г., объём исследований по нило-сахаристике (исключая исследования отдельных семей и групп языков) остаётся незначительным. Серьёзный сравнительный анализ языков макросемьи в их совокупности был проведён только дважды: Л. Бендером (его последний фундаментальный труд [Bender 1996]) и К. Эретом ([Ehret 2001], а также в неопубликованной работе [Ehret 1992]). Исследователи пришли к весьма различным моделям праязыка. Методология первой из двух монографий основывалась прежде всего на выделении морфологических изоглоссов, в то время как вторая базировалась на данных лексики. Однако обе работы сразу же после выхода в свет были подвергнуты серьёзной критике с точки зрения как методологии, так и фактических данных. В частности, Л. Бендер в качестве основных грамматических изоглоссов выделил «характерные черты» нило-сахарских языков. Однако, как видно из нижеприведённой таблицы, представленные им примеры свидетельствуют о весьма вольном обращении с исходными материалами (в частности, местоимения *ay* и *ka* из различных нило-сахарских языков сведены к праформе **ak^wai*). Кроме того, аналогичные примеры «характерных черт» нило-сахарских языков легко обнаруживаются и в других макросемьях языков Африки.

Недостаёт нило-сахаристике и качественных сравнительных исследований на более низком уровне – на уровне отдельных семей языков, некоторые из которых сами являются крупными объединениями с неясными генетическими связями. Без этого необходимого компонента метод ступенчатой реконструкции – единственный на сегодня надёжный метод подтверждения дальнего родства языков – не может быть применён, и он действительно фактически игнорируется авторами обеих упомянутых монографий. Исследователи сравнивали между собой первичные глоссы отдельных языков различных семей, обходя своим вниманием вопрос о том, имеется ли возможность для реконструкции праязыков этих семей и как выглядела бы эта реконструкция. Таким

Таблица 5.2. Грамматические соответствия нило-сахарских языков
[Bender 1996]

	«Характерные черты»	Примеры (НС)	Примеры (не-НС)
1.	личные местоимения 1-2-3 ед. с гласными <i>a/i/e</i>	сонгаи <i>ay/ni</i> , маба <i>am/mi/te</i> , фур <i>ka/ji/ie</i> , ньиманг <i>a/i/en</i> , багирми <i>ma/(y)i/ne</i> , кварама <i>ga/ik</i>	гуро (манде) <i>ã/ĩ/ē</i> , акан (ква) <i>ma-/i-/ε-</i>
2.	объектные показатели 1-2-3 ед. с гласными <i>a/o~u/e</i>	донгола <i>ar/ur/ter</i> , гаам <i>aan/oon/een</i> , креш <i>ama/umu/εεε</i> , мири <i>aga/ogo/εεε</i>	тсого (банту) <i>-má/-yó/-èdí</i> , эве (ква) <i>m/wò/è</i> , мбембе (бенуэ-конго) <i>kwaam/kwɔ/kwε</i>
3.	дейктические местоимения <i>a/u</i> или <i>u/a</i>	сонгаи <i>a/ɔ</i> , канури <i>a-/tu-</i> , ама <i>kwi/kwa</i> , багирми <i>enna/nuu</i> , нянги <i>-ac/-u</i>	лоома (манде) <i>na/ni</i>
4.	рефлексы местоимения 1 л. ед. ч. <i>*ak^wai</i>	сонгаи <i>ay</i> , канури <i>wi, -k-</i> , фур <i>ka</i> , донгола <i>ay</i> , нера <i>ag</i> , тама <i>wa</i> , комо <i>aka</i> , ик <i>ɲka</i>	прото-афраз. <i>*akū</i> , главда (чад.) <i>kwa</i> , гизига (чад.) <i>ay</i> , дан (манде) <i>nkā</i>
5.	рефлексы местоимения 2 л. ед. ч. <i>*ini</i>	зарма <i>ni</i> , маджанг <i>in</i> , кунама <i>e'na</i>	паа (чад.) <i>in</i> , диме (омот.) <i>in-</i> , джаад (атлант.) <i>ni</i> , кусунту (гур) <i>-ni</i> , билин (кушит.) <i>in-tii</i>
6.	рефлексы показателя отрицания <i>*mV</i>	сонгаи <i>mana</i> , нера <i>ma</i> , кунама <i>mte</i>	афраз. <i>*mā</i> (прохибитив / негатив)
7.	рефлексы показателя актантной деривации (транзитив, каузатив, фактитив) <i>*t</i>	канури <i>tu</i> , маба <i>nd-</i> , юлу <i>t-</i>	афраз. <i>*t</i> (пассив)

образом, в орбиту анализа неизбежно попадают случайные совпадения, заимствования и составные слова, а сам анализ может привести к непредсказуемым результатам реконструкции.

В 1990-е гг. Л. Бендер высказал точку зрения о том, что нило-сахарские языки следует разделить на «основные», «сателлиты» и «периферийные». В числе первых были указаны семь языков, представляющих собой, по мнению автора, наиболее надёжные с точки зрения родства компоненты макросемьи. В их числе автор называет восточно-суданские языки, группы языков каду и коман, изолированный язык гумуз. В качестве языков-«сателлитов» фигурируют центральносуданские, маба, фур, кунама и берта. Среди периферийных языков, доставляющих наибольшее число проблем компаративистам, у Л. Бендера оказались сахарские, сонгаи и куляк, чья генетическая принадлежность остаётся во многом дискуссионной.

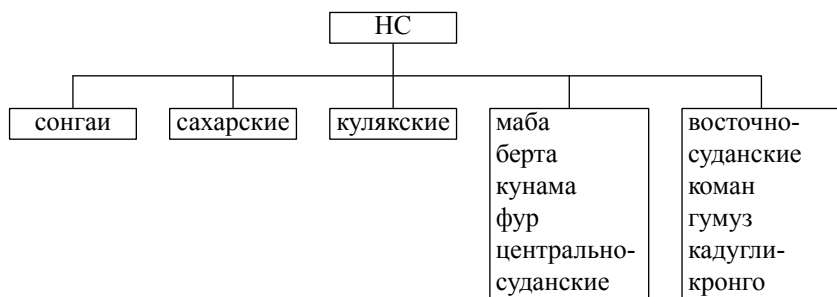

Диаграмма 5.1. Классификация нило-сахарских языков
[Bender 1996]

Прорывной работой в области сравнительно-исторического анализа лексики нило-сахарских языков стали II–III тома масштабного исследования Г. С. Старостина [2015; 2017]. В них впервые проведено детальное исследование базовой лексики языков различных семей, входящих в состав нило-сахарской макросемьи, в т. ч. на базе публикаций последних десятилетий. Основной вывод, сделанный автором по итогам анализа [2017: 772–773], выглядит в свете всеобщего скепсиса весьма неожиданно: он считает нило-сахарскую гипотезу Дж. Гринберга частично подтверждённой. Модифицированную на основании своего исследования генеалогическую структуру Г. С. Старостин предлагает именовать «макросуданской» и вводит в её состав две основные ветви: макроцентральносуданскую (включает центральносуданские

языки, каду и маба) и макровосточносуданскую (восточносуданские, берта и фуф). К этой же макросемье автор предположительно относит и группу кунама-илит. Прочие семьи языков, отнесённые Дж. Гринбергом к нило-сахарским – сахарские, кулякские, коман-гумуз, **сонгаи**, а также изолированный язык **шабо** Г. С. Старостин не видит основания причислять к нило-сахарской макросемье.

С 1970-х гг. в африканистике время от времени высказывались идеи о глубоком родстве между нило-сахарскими и нигеро-конголезскими языками. Впервые эта гипотеза была выдвинута Э. Грегерсеном [Gregersen 1972], который объединял языки обеих макросемей в единую «конго-сахарскую» общность. Однако его работа содержала не более чем небольшой список вероятных морфологических изоглосс и не выдвигала сценариев исторического развития современных языков из общего источника. Тем не менее в последующие годы тема родства определённых нило-сахарских языков и их нигеро-конголезских соседей не раз выдвигалась исследователями тех районов Африки, где языки двух объединений тесно контактируют: прежде всего Центральной Африки. Сопоставление языков двух макросемей шло в основном по линии типологических изоглосс в фонологии и грамматике: выдвигались, в частности, такие аргументы, как наличие гармонии гласных, оппозиция гласных по признаку $\pm$ ATR, использование лабиовелярных согласных. Однако легко возразить, что все три изоглоссы не являются общими местами для нило-сахарских языков (как, в общем, и для нигеро-конго); их использование ограничено отдельными семьями, само включение которых в состав нило-сахарской общности ещё находится под вопросом. Все три характеристики скорее можно назвать ареально-типологическими. В отдельных нило-сахарских языках пытаются находить аналоги для нигеро-конголезских классных суффиксов, однако и эти попытки не выявили системных соответствий. Сравнение лексем происходит методом выборки на материале современных языков, при этом вновь игнорируются требования метода ступенчатой реконструкции. Всё это делает «конго-сахарскую» или «нигеро-сахарскую» гипотезу чрезвычайно ненадёжной, хотя и небезынтересной для дальнейших исследований.

5.3. Фонология и морфосинтаксис

В силу того, что в состав нило-сахарской макросемьи включают языки с самыми различными структурными типами, весьма сложно

выделить языковые особенности, характеризующие пусть даже простое большинство семей языков, относимых к макросемье. Лишь некоторые из этих особенностей могут быть отмечены.

1. Нило-сахарские языки относительно бедны по фонемному инвентарю по сравнению с другими семьями языков Тропической Африки. В системе смычных и сонантов обычно функционирует четыре ряда по месту образования (губной, зубной, альвеолярно-палатальный и веларный), в отдельных группах засвидетельствованы лабиовеларные, поствеларные или преназализованные согласные. Основными оппозициями в системах гласных фонем являются долгота / краткость (в некоторых нилотских языках наблюдается три степени долготы, см. ниже) и продвинутость корня языка.
2. Для нило-сахарских языков характерно наличие тонологии, при этом в абсолютном большинстве языков используется два или три уровневых тона. Ряд восточносуданских языков развили сложную систему контурных тонов, нехарактерную для нило-сахарских языков других семей.
3. Наличие грамматического рода имён существительных характеризует языки восточносуданской семьи, группу языков каду, а также языки **коман** и **гумуз**. Категория рода чаще всего включает две грамемы – мужского и женского, которые в большинстве случаев различаются на лексическом уровне. Заметим, что ареалы большинства из перечисленных языков расположены в Восточной Африке, где они контактируют с афразийскими языками с их чётким противопоставлением существительных по роду. Исходя из этого, нередко делаются предположения о влиянии афразийских языков на формирование родовой оппозиции в языках нило-сахарской макросемьи.
4. В системе имени функционируют падежные отношения, выражаемые с помощью суффиксов или постпозитивных независимых показателей (в коман – предлоги). Основными падежными формами являются абсолютив, аккузатив, генитив, инструменталис, а также целый ряд падежей места и направления. В большинстве языков с развитыми падежными системами основным (немаркированным) падежом является аккузатив, в то время как номинатив маркируется падежным показателем.
5. Глагольные системы на востоке и севере нило-сахарского ареала демонстрируют превалирование временной оппозиции, в то время

- как языки сонгаи и центральносуданские языки, как и их соседи – языки нигер-конго, – преимущественно предпочитают аспектуальную оппозицию. Видовременные маркеры глагола чаще всего имеют вид аффиксов, присоединяемых к основе глагола.
6. В системе имени нередко маркируются грамматическими показателями как единичность (сингулятив), так и множественность (плюралис), при этом исходная, немаркированная форма имени выражает генерическое значение класса, общности. Эту систему можно сравнить с англ. *beer* ‘пиво вообще’, *a beer* ‘одна кружка пива’, *beers* ‘несколько кружек пива’. Во многих языках существует также особое именное значение коллективной множественности. В нило-сахарских языках Судана и Восточной Африки широко распространено противопоставление морфемы типа *T* (зубная) для маркирования единичности и морфемы *K* (велярная) для маркирования множественности. Оппозиция *T/K* в системах имени зафиксирована во всех группах восточносуданских языков, в некоторых центральносуданских, языках фура, кулякских языках. Кроме нило-сахарских, эта оппозиция встречается также в кушитских и омотских языках Восточной Африки, что заставляло исследователей объяснять изоглоссу субстратным влиянием. Столь же распространённым явлением является другая оппозиция единичности / множественности в местоимениях и глаголах: *N* (зубная / альвеолярная) – *K* (велярная). Данная изоглосса встречается повсеместно в восточно- и центральносуданских языках, языках фура, куляк, каду, а за пределами макросемьи – в кордофанских и кушитских языках, периодически обнаруживается в языках Западной Африки. Указанные изоглоссы часто используются для обоснования нило-сахарского единства [Bender 2000].

5.4. Восточносуданские языки

Крупнейшей из семей нило-сахарских языков является восточносуданская семья языков.

Носители около 100 языков, объединяемых в восточносуданскую семью, населяют несколько компактных регионов в Северо-Восточной и Восточной Африке. Состав семьи, предложенный Дж. Гринбергом, за последние полвека не претерпел значительных изменений. Сегодня в состав восточносуданских включают следующие языки:

- нилотские (саванны в нижнем течении Нила, к северу и востоку от озера Виктория: Южный Судан, Уганда, Кения, Танзания);
- нубийские (вдоль среднего течения Нила в Южном Египте и Северном Судане);
- сурмийские (Южный Судан и юго-западные районы Эфиопии);
- небольшие группы языков даджу, темейн и ньяманг в Дарфуре и Нубийских горах;
- группа языков тама в западной части Чада и суданском Дарфуре;
- изолированный язык **нара** в горной части Северной Эритреи;
- группа восточноджебельских языков в междуречье Белого и Голубого Нила на юге Судана.

Востоchnосуданская семья включена Гринбергом в состав ещё более крупной гипотетической общности – шари-нильской семьи. Однако в отличие от шари-нильской гипотезы, восточносуданская гипотеза была в целом принята учёными (прежде всего крупнейшим специалистом по языкам региона Л. Бендером), несмотря на то что сопоставления Гринберга для восточносуданских языков, в т. ч. грамматические, оказались во многом ошибочными.

Важным уточнением Л. Бендера стало определение нового статуса кулякских языков [Bender 1989]. У Дж. Гринберга в составе восточносуданской семьи фигурировала небольшая группа кулякских языков Северной Уганды, однако более тщательные исследования показали отсутствие значительной близости между лексикой кулякских и восточносуданских языков, а типологические сходства могут быть успешно объяснены тесными языковыми контактами, так как ареал кулякских языков со всех сторон окружён языками нилотской группы. В 2001 г. восточносуданские языки были в числе других нило-сахарских подробно рассмотрены в сравнительном анализе К. Эрета [Ehret 2001], в 2005 г. вышла в свет работа по сравнительной фонологии и лексикологии Л. Бендера [Bender 2005]. Оба исследователя пришли к сходным выводам о классификации языков семьи, разделяя её языки на две крупные группы: (условно) северную в составе нубийских языков, группы тама и языка нара и (условно) южную в составе нилотских, сурмийских языков, групп темейн и даджу. Л. Бендер также условно обозначал эти группы как Ек и Еп соответственно, исходя из форм личного местоимения 1 л. (ср. нара *ag*, динка *an*).

Родство языков северной ветви восточносуданской семьи было подробно обосновано в работах К. Рийи [Rilly 2010; Rilly, De Voogt 2012]. Несколько лет назад лексика языков семьи была подробно рассмотрена

Г. С. Старостиным с точки зрения сравнительного анализа [2015]. В последней работе впервые решалась задача построения генеалогической классификации восточносуданских языков на последовательном статистическом анализе базовой лексики и реконструкции праформ для каждой ветви семьи. Автор пришёл к выводу, что родство языков восточносуданской семьи в целом подтверждается анализом, который свидетельствует о существовании трёх основных ветвей: тама-нара-нубийской, сурмийской, нилотской, а четыре небольшие группы языков Судана (даджу, ныманг, темейн, джебелъ) представляют отдельные ответвления.

Более половины общего состава восточносуданских языков приходится на нилотскую группу. В её составе находятся крупнейшие языки семьи – **луо**, **динка**, **нуэр**, **маасаи**. Макроязык луо – крупнейший по числу говорящих язык нило-сахарской макросемьи – является одним из престижных языков Кении⁴. Динка и нуэр – два крупнейших языка Южного Судана, получившего независимость в результате референдума 2011 г. Вскоре после этого многовековое соперничество двух крупных скотоводческих народов было перенесено в политику, в Южном Судане с 2013 г. не прекращается гражданское противостояние между политическими силами и военными группировками, созданными динка и нуэр.

Нилотские языки делятся на три группы – западные, которые долгое время назывались собственно нилотскими, а также восточные и южные, которые до Гринберга было принято выделять в особую группу, сопоставляя их с семито-хамитскими языками. Нилотские языки первыми среди нило-сахарских начали активно изучаться в Европе. Они стали известны в начале XIX в.: к 1812 г. относится первое упоминание языка **шиллук** в одном из томов фундаментального компендиума И. Аделунга и И.-С. Фатера, спустя несколько лет в приложении к этому труду был издан небольшой словник языка. Родство между языками динка и **ануак**, также обнаруженными европейцами в первой половине XIX в., было впервые постулировано около 1840 г. Ч. Беке. Спустя два столетия материалы по суданским языкам динка и **бари**, собранные работавшими в регионе миссионерами, были предоставлены на анализ учёным, в результате чего в 1868 г. Ф. Мюллер уже объединил языки динка, бари, нуэр и шиллук в группу «нильских языков», с 1880 г. с подачи К.-Р. Лепсуса за западнонилотскими языками закрепился термин

---

⁴ К этому этносу, в частности, относится род 44-го президента США Барака Обамы.

«нилотские языки». Что касается восточнонилотских языков, то ими в начале XX в. активно занимался К. Майнхоф, предпочитавший встраивать их в хамитскую теорию и относительно безуспешно искавший в их грамматической структуре мужской и женский род.

Лишь Дж. Гринберг в своей работе [Greenberg 1950] решительно опроверг связи между языками Верхнего Нила и семито-хамитскими. Чуть позже О. Кёлер [Köhler 1955] убедительно продемонстрировал, что родство между «нило-хамитскими» и nilотскими языками значительно глубже, чем между первыми и любыми другими языками, причислявшимися к хамитским. Кёлер первым включил восточные и южные nilотские языки (в т. ч. такие крупные, как **бари**, **маасан**, **туркана** и языки календжин) в ту же семью языков, что и западнонилотские. С его подачи термин утвердился в своём расширенном значении. В середине XX столетия сравнением nilотских языков, преимущественно в области грамматики, занимались британские исследователи А. Такер и М. Брайан. Реконструкцию праязыкового состояния различных ветвей nilотских языков впервые предложили в конце XX в. Ф. Роттланд (южнонилотские) [Rottland 1982] и Р. Фоссен (восточнонилотские) [Vossen 1982]. Попытки реконструкции nilотского праязыка были предприняты Г. Диммендалем в большой статье [Dimmendaal 1988], позже базовый список nilотской лексики реконструировал Г. С. Старостин [2015].

Система фонологии nilотских языков содержит целый ряд характеристик, довольно уникальных для Африки. Система вокализма может включать до 20 гласных фонем, противопоставленных по долготе (до трёх степеней в западнонилотских: краткие, полудолгие, долгие), продвинутости корня языка ($\pm$ ATR), открытости, а также различным типам фонации. Фонационные различия стали следствием развития оппозиции $\pm$ ATR. В языках, где это произошло, чаще всего пяти обычным гласным противопоставлены пять напряжённых («скрипучих», squeaky voice), в западнонилотских языках действует также придыхательная фонация (breathy voice), в диалектах **динка** существуют и глоттализированные гласные, играющие смысловоразличительную роль:

Таблица 5.3. Вокалические оппозиции в динка [Andersen 1990]

нет фонации	напряжённая	придыхательная	глоттализованная
<i>teit̪</i>	<i>teit̪̥</i>	<i>teit̪̥̥</i>	<i>teit̪̥̥̥</i>
‘диарея’	‘скорпионы’	‘идти вперёд’	‘глотать’

В восточных и южных нилотских языках гласные гармонизированы в пределах словоформы по признаку $\pm$ ATR.

Инвентарь согласных в нилотских языках в основном невелик – в некоторых языках календжин количество согласных фонем не превышает 13, что является уникальным для Тропической Африки. Среди согласных иногда выделяется ряд альвео-палатальных, противопоставленных собственно альвеолярным, что увеличивает количество рядов смычных до пяти. Глухие и звонкие согласные чётко противопоставлены везде, кроме южнонилотских языков. Имплозивные согласные фонемы засвидетельствованы лишь в некоторых языках (восточнонилотском **бари**, западнонилотском **алур**). В **маасаи** имеются напряжённые (или удвоенные) смычные согласные. Интересным фактом является отсутствие в западных нилотских языках фрикативных фонем в результате ротацизма – перехода $*s > r$.

Система тонологии включает три уровневых тона (высокий, средний и низкий) и целый ряд контурных тонов, носящий в том числе и лексический характер. Например, в **нанди** их засвидетельствовано три: восходящий, высокий падающий и низкий падающий. Помимо этого, в некоторых нилотских языках используется силовое ударение.

С точки зрения строения морфологии языки западной группы довольно резко противопоставлены другим нилотским языкам, что ранее служило одним из основных препятствий к их объединению в рамках одной группы. В частности, в западнонилотских языках активно используется сложная внутренняя флексия, напоминающая индоевропейский аблаут, в то время как морфология восточных и южных языков носит агглютинативный характер, где формы образуются при помощи префиксов, инфиксов и суффиксов (парадигмы глагола в некоторых языках могут достигать 1000 форм). Это различие может объясняться тем, что исходная восточносуданская структура именной словоформы CVCV сократилась в языках западной подгруппы до CVC в результате ослабления финальной гласной, представлявшей собой древний именной суффикс (возможно, класса). Редукция гласной повлияла на формирование чередований в корне как имени, так и глагола в западнонилотских языках. Также западные и восточные нилотские языки используют грамматический род, отсутствующий в южных языках группы. Причём образование категории рода – вероятно, позднее явление, заимствованное из соседних кушитских языков. Весьма распространённым является противопоставление чистой именной основы аффиксальным формам как ед., так и мн. ч.

Нубийская группа включает около 15 языков, локализованных в основном в долине Среднего Нила в южных районах Египта и Северном Судане, частично также в суданских районах Кордофан и Дарфур. Лексикостатистические калькуляции Г. С. Старостина [2015] относят распад пранубийской общности к эпохе примерно три тысячи лет назад. Вероятной прародиной нубийцев считается район Восточного Дарфура, откуда они в результате повышения засушливости климата мигрировали в степи к востоку от Нила, а затем завоевали часть плодородной Нильской долины, продвинувшись по реке на север. Нубийские племена постоянно фигурируют в качестве противников древних государств Судана и Эфиопии – Мероэ, а затем и Аксума. Сравнительно-историческому анализу языков семьи способствует обилие памятников **древнунубийского** языка VIII–XV вв. – древнейшего из засвидетельствованных нило-сахарских языков, использовавшегося в средневековых христианских государствах Судана. Его современным потомком считается язык **нобинн**.

Сегодня на нубийских языках говорят около 2 млн человек, при этом практически все носители используют в повседневной жизни и суданский диалект арабского языка. Многие из языков группы находятся на грани исчезновения. Некоторое количество ныне вымерших языков группы было описано в конце XIX и начале XX в. Нубийскими языками много занимались К.-Р. Лепсиус, К. Майнхоф, Л. Райниш, позже Ч. Армбрастер и Р. Стивенсон. Большинство нубийских идиомов в целом описаны довольно подробно, хотя сравнительных работ в этой области ещё недостаточно. Крупнейшим современным исследователем нубийских языков с помощью сравнительного метода является работающая в Кёльне М. Бехгаус-Герст.

Основными оппозициями в системе гласных нубийских языков являются оппозиции долгих / кратких и открытых / закрытых фонем – последняя проявляется только в среднем ряду. Система согласных относительно проста: смычные распределены по четырём рядам (губной, зубной, палатальный и велярный). В горнонубийских языках Кордофана (Судан) существует противопоставление между велярными и лабиовелярными согласными. В нобинн функционируют также удвоенные согласные фонемы. Просодическая система характеризуется бинарной оппозицией между высоким и низким уровневными тонами. Тоны играют важную роль в морфологии, по-разному маркируя, например, ед. и мн. ч. имён существительных. Существуют многочисленные правила тональных сандхи на стыках морфем и в сложных словах.

Именная система нубийских языков характеризуется в ряде случаев оппозицией по признаку грамматического рода (мужского / женского), который в основном выражается лексически. Падежные отношения маркируются агглютинативными суффиксами, прибавляемыми к именной основе: в **древнenuбийском** языке таких падежей насчитывается до семи, причём маркированным является и номинатив. Основными категориями глагольной морфологии являются время, аспект (перфект, комплетив, прогрессив) и наклонение (обычно изъявительное и сослагательное). Значения этих категорий выражаются с помощью суффиксов, присоединяемых непосредственно к неизменяемой глагольной основе или к расширению. При этом конструкция в большинстве языков усложняется многочисленными морфонологическими процессами на стыках морфем: ассимиляцией согласных, выпадением или слиянием гласных, слиянием слогов. Базовый порядок слов в нубийских языках – SOV.

Сурмийские языки – небольшая (около 10) и компактная группа восточносуданских языков, носители которых – преимущественно скотоводческие народы, населяющие саванные и низменные районы Юго-Западной Эфиопии (долины рр. Омо и Кибиш) и восточные районы Южного Судана. Вероятно, в долине р. Омо находится и прародина сурмийских языков, чьими ближайшими родственниками считают языки нилотской группы. Общее количество носителей не превышает 250 тыс. человек, при этом некоторые языки используются лишь несколькими сотнями носителей: например, таков язык охотников на гиппопотамов **квегу**, носители которого массово переходят на более престижные соседние языки долины р. Омо – **мурси** и **каро**. На крупнейшем в составе группы языке **ме'ен** говорят 80 тыс. человек.

Изучение сурмийских языков берёт начало с 1887 г., когда итальянский путешественник А. Чекки собрал небольшой список слов на языке ме'ен. В 1900 г. об этом же языке рапортовал в Санкт-Петербург русский путешественник Александр Булатович. Родство нескольких сурмийских языков было установлено уже к середине XX в. В работах Дж. Гринберга они уже выступают в качестве единой группы, этот подход в современной науке не оспаривается. Однако за полтора века сурмийские языки остались одними из наименее изученных во всей Восточной Африке. Многие малые языки группы по-прежнему удовлетворительно не описаны. Термин «сурмийские языки» был предложен Л. Бендером [Bender 1971]. Анализом и классификацией сурмийских языков занимались известные учёные-компаративисты

и африканисты Л. Бендер, Г. Флеминг, Г. Диммендаль и др. Одним из наиболее подробных исследований по сравнению сурмийских языков и реконструкции праязыкового состояния является диссертация эфиопского исследователя М. Йигезу [Yigezu 2002].

Система гласных сурмийских языков обычно состоит из 9–10 членов и включает пары, находящиеся в оппозиции по признаку $\pm$ ATR; в языках юго-восточной подгруппы эта система сократилась, вероятно, под влиянием соседних омотских языков. Долгота гласных также является дистинктивным признаком во всех языках группы. Для сурмийских языков характерны имплозивные согласные. Глоттализированные же согласные фонемы, функционирующие в некоторых языках группы, могут являться заимствованием из омотских языков. Сурмийские языки обладают тональной системой из двухуровневых тонов.

Все сурмийские языки обладают системой именного склонения. При этом в целом ряде из них (например, **маджанг** и **мурле**) маркированным падежом является номинатив, в то время как объектный падеж (аккузатив) несёт нулевой падежный показатель. Другими падежами являются генитив, датив и локатив-инструменталис. Глагольную систему отличает опора на временные оппозиции, но не аспектуальные, более характерные для других нило-сахарских языков. Интересен порядок слов в индикативном предложении: в северных и большинстве юго-западных языках группы он имеет вид VSO, т. е. глагол находится в начале предложения; юго-западные языки имеют более типичный для нило-сахарских языков порядок слов SVO.

В целом восточносуданские языки с типологической точки зрения обладают особенностями, нехарактерными для языков Тропической Африки; некоторые из таких особенностей сближают их с языками афразийской макросемьи. Такие характеристики, как грамматический род, падежные системы имени, временные противопоставления в основе глагольной системы, могли образоваться под влиянием афразийских языков (кушитской и омотской семей) либо во взаимодействии с ними. То же можно сказать о некоторых фонологических особенностях восточносуданских языков – таких как относительная редкость имплозивных и преназализованных согласных, характерных для языков Тропической Африки, а также более упрощённые вокалические системы. О том, насколько эти и другие характеристики являются архаизмами или инновациями восточносуданских языков, можно будет говорить только после того, как будут чётко установлены их генетические связи.

5.5. Центральносуданские языки

К центральносуданской семье относят около 60 языков, распространённых в нескольких странах Центральной Африки: Чаде, Южном Судане, ЦАР, Демократическом Конго, а также в восточноафриканской Уганде (см. карту 5). Занимаемый ими ареал преимущественно находится в зоне влажных экваториальных лесов, что обусловило специфику хозяйствования народов семьи. Большинство из них сегодня – земледельцы леса, использующие подсечно-огневое или плантационное хозяйство на очищенных участках экваториальных лесов. В той или иной степени все они живут также охотой и собирательством. К центральносуданской семье относятся несколько охотничьих народов пигмоидного антропологического типа, о которых уже говорилось выше.

В составе семьи выделяют несколько групп языков, распределённых по двум крупным ветвям:

А. Западная ветвь

– сара-бонго-багирми, крупнейшая группа семьи, объединяющая 40 языков Чада, ЦАР и Южного Судана;

– креш-аджа, группа из двух языков Южного Судана;

Б. Восточная ветвь

– мору-мади, ок. 10 языков которой (в числе них – крупнейший центральносуданский язык **лугбара**) сосредоточены в пограничье Южного Судана, Уганды и Демократического Конго;

– ленду-нгити, группа из двух языков на северо-востоке Демократического Конго;

– мангбуту-эфе, носители языков которой также расположены на северо-востоке ДР Конго;

– мангбету-асоа, языки обитателей лесов на севере Конго.

Общее число носителей центральносуданских языков не превышает 4 млн человек и продолжает сокращаться под влиянием более крупных и престижных языков тех стран, где центральносуданские народы составляют меньшинство.

Первые исследования центральносуданских языков относятся к середине XIX в., когда их носители впервые попадают в поле зрения европейских учёных. Вышедший в Германии в 1862 г. труд Генриха Барта [Barth 1862] включал в себя краткие сведения по некоторым языкам бонго-багирми. Некоторые центральносуданские языки упомянуты в компендиуме Ф. Мюллера 1889 г. В 1897 г. в Париже выходит грамматика языка **сара** авторства М. Делафосса [Delafosse 1897], ещё

через десятилетие опубликована первая детальная грамматика языка **багирми** Г. Гадена [Gaden 1909]. К 1930-м и 1940-м гг. относятся труды бельгийских учёных по языкам Северного и Западного Конго. Языками Южного Судана в первой половине прошлого столетия активно занимались итальянские лингвисты.

Генеалогическая классификация центральносуданских языков, впервые предложенная ещё в середине прошлого столетия в работах А. Такера [Tucker 1940; Tucker, Bryan 1956] (он включал в её состав и современные языки убанги), была затем уточнена в работе Дж. Гринберга [Greenberg 1949]. Однако и её следует считать лишь предварительной: неясны не только состав отдельных групп и их связи друг с другом, но и критерии, по которым некоторые из групп были включены в состав центральносуданской семьи. Во второй половине XX в. центральносуданскими языками занимались такие известные лингвисты-африканисты, как С. Сантандреа, Р. Стивенсон, Л. Бендер, К. Кутч-Лодженга, П. Бойелдье, Г. Диммендаль и др. Наиболее отважные попытки сравнительно-исторического анализа принадлежат работам [Bender 1992] и [Ehret 1992], однако качество этого анализа в обоих случаях следует считать методологически неудовлетворительным.

Исследования последних десятилетий привели к современной классификации, приведённой выше по работе [Boyeldieu, Nougayrol 2008]. Шесть основных групп причисляются к центральносуданским с разной степенью уверенности – в частности, высказываются серьёзные возражения против отнесения к семье языков «западной ветви»: крешаджа и сара-бонго-багирми (их связывает с «восточными» не более 15 % лексических соответствий, по данным авторов вышеуказанной работы). Да и разделение семьи на две основные ветви также нуждается в проработке за недостатком надёжных подтверждений. Несмотря на то что западные языки действительно обладают целым рядом важных фонологических и морфосинтаксических изоглосс между собой, наличие западной ветви пока оспаривается. Изначально же распределение на две ветви строилось на одном важном синтаксическом критерии – базовом порядке слов в языке. Если в западных языках он имеет вид SVO, то в восточных тяготеет к SOV. Однако и в языках, относимых к восточной ветви, порядок слов SVO встречается довольно часто. Л. Бендер распределял языки семьи по группам по результатам своего анализа местоименных систем, что тоже не может являться окончательным критерием. Что же касается изоглосс в базовой лексике,

которые могли бы стать надёжным подтверждением классификации языков семьи, то впервые они были выдвинуты лишь в новейшей работе [Старостин 2017], где на базе анализа 50-словных лексических списков центральносуданская гипотеза получила в целом своё подтверждение. Насколько этот анализ будет принят мировой африканистикой, покажет время.

Несмотря на появление в последние годы ряда качественных работ по языкам семьи, на сегодняшний день центральносуданские языки остаются одними из наименее исследованных в Африке. Недостаток надёжных словарей и грамматических описаний по целому ряду языков вкуче с противоречивыми гипотезами, выдвигаемыми на основании недостаточных или недостоверных данных, препятствует сравнительному и типологическому анализу языков семьи. Кроме того, ситуацию усугубляет факт наличия идентичных наименований для нескольких разных языков, а также неразбериха между этнонимами и лингвонимами, характерная для всего региона. Такие лингвонимы, как **каба**, **сара**, **мади**, **лака**, весьма распространены в регионе и могут обозначать несколько языков каждый. Три или четыре языка Центральной Африки известны нам как «язык **мими**», хотя относятся к различным генетическим объединениям нило-сахарской макросемьи [Starostin 2011].

Центральносуданские языки характеризуются довольно сложной системой фонологии. Системы вокализма обычно 7- или 9-членные, с противопоставлением гласных по признаку $\pm$ ATR. Долгота гласных практически нигде не имеет фонологического значения и встречается лишь в виде последовательностей гласных разных слогов. Богатые системы консонантизма (в среднем ок. 35 фонем) включают билабиальные *pw*, *bw*, имплозивные *b*, *d* (есть свидетельства и о глухой губной имплозивной), ретрофлексные *ʈ*, *ɖ*, лабиовелярные *kp*, *gb*, одноударные *ɾ* и *v*. В некоторых языках выделяется особый ряд напряжённых согласных. В **ленду** засвидетельствованы слоговые *ɛ̄* и *ɾ̄*, а также зубные щелевые согласные *θ* и *ð* – почти уникальные для региона. По всем языкам западной ветви распространены процессы лабиализации согласных перед заднерядными гласными (мади *ɲgá > *ɲgwá* ‘ребёнок’) и палатализации перед переднерядными (мади *ɛ̀kɛ́* ‘собека’ – **лугбара** *ɛ̀tsɛ́*).

Тональная система обычно представлена тремя уровневыми тонами, в то время как контурные тоны встречаются лишь изредка и только в долгих слогах, являющихся результатами недавнего слияния морфем. Лугбара – один из немногих нило-сахарских языков, имеющих четыре

контурных тона (с добавлением сверхвысокого). Имена и глаголы делятся на чёткие классы в соответствии с тональными схемами – для языков западной ветви можно предположить, что эти классы существовали ещё в праязыке, так как в неизменном виде сохранились в языках различных групп. Кроме того, в центральносуданских языках зафиксировано ударение, правила постановки которого различаются подчас даже в близкородственных идиомах.

Стандартная структура слова – односложная, формы CV, что отличает центральносуданские языки от восточносуданских и большинства других нило-сахарских. Вполне вероятно, что усложнение тонологии стало следствием редукции более ранних двухконсонантных корней. В некоторых группах языков, прежде всего в группах мангбугу-эфе и креш-аджа, распространены формы типа VCV – вероятно, с добавлением префикса. В двусложных словоформах типа CVCV легко видеть продуктивный или застывший префикс либо результат редупликации основ. В языках мангбугу, например, многие имена существительные несут обязательный префикс *ne-/na-*, отсутствующий в других языках семьи.

Префиксы в целом характерны для формообразования имени и глагола в центральносуданских языках. Например, в языках западной ветви характерным префиксом глагольных форм является *ɔ-/o-*, маркирующий то инфинитив, то отдельные видовременные формы, то все формы 3 л. Деривационные значения глаголов практически повсюду выражаются при помощи префиксации: **лугбара** *fò* ‘выходить’ – *ɔfò* ‘высылать’. С помощью особых префиксов образуются также отглагольные имена. Наличие формообразующих и словообразовательных суффиксов характерно только для языков мору-мади.

В отличие от восточносуданских языков, центральносуданские не обладают категорией грамматического рода, за единственным исключением – в языке **бонго** по трём родам изменяются личные местоимения 3 л. ед. ч. Нет в большинстве языков семьи и категории падежа имён существительных – некоторые локативные значения, выражаемые суффиксами, фиксируются лишь в языках группы сара-бонго-багирми. Классификация имён в остальных языках отсутствует, а падежные отношения выражаются при помощи порядка слов и служебных частей речи. Так, генитивная конструкция представляет собой либо сочетание «главное имя – (генитивная частица) – зависимое имя», либо сочетание типа «зависимое имя – главное имя – послелог или личное местоимение».

Множественность обозначается при помощи аффиксов: чаще всего это рефлексы велярного аффикса *K*, в личных местоимениях языков восточной ветви – вокалический аффикс *a-* (**мору** *tá* ‘я’, *mí* ‘ты’, *àmà* ‘мы’, *àmi* ‘вы’). Тональные изменения также играют важную роль при изменении значения слова – например, в личных аффиксах глагола.

В глагольной системе базовым противопоставлением является аспектуальное: фактатива и прогрессива. При этом аспектуальная оппозиция чаще всего выражается изменением порядка слов: в языках восточной ветви схема фактативного предложения – SVO, прогрессивного – SOV, ср. в **ленду**:

má-dry mbi ‘я тянул верёвку’;
má mbi dry ‘я [сейчас] тяну верёвку’.

В **бака** и **бонго** фактативные конструкции и вовсе требуют порядка слов схемы VSO. В некоторых языках для двух основных аспектуальных значений сформированы особые серии показателей лица субъекта, в языках западной ветви основным маркером прогрессива является префикс *k-*. Чаще всего показатель лица действует в качестве префикса при фактативном глаголе, но остаётся в виде независимого местоимения в глаголе в форме прогрессива, ср. **мади**:

mí-tsɔ mvá ‘я бил ребёнка’, но
mi mvá tsɔ ‘я [сейчас] бью ребёнка’.

В языках западной ветви засвидетельствованы и временные конструкции с добавлением служебных частиц в конце предложения.

Основным источников конвергентных явлений для центрально-суданских языков выступают их соседи – языки семей адамауа и убанги, относящихся к нигеро-конголезской макросемье. Их роднят как фонологические характеристики (например, богатство лабиовелярных согласных, наличие одноударного лабиального согласного), так и типологическое сходство в синтаксисе. В этой связи центральносуданские языки обычно включаются в состав «макросуданского» типологического ареала.

5.6. Сахарские языки

Сахарская семья (более ранние названия – центральносахарская и восточносахарская) объединяет несколько языков, довольно компактно расположенных в самом центре великой пустыни. Ареал их

распространения охватывает районы, принадлежащие шести государствам: Ливии, Чаду, Нигеру, Нигерии, Камеруну и Судану. Однако более трёх четвертей этого ареала приходится на северные и центральные районы Чада (см. карту 6). Узловым районом этого ареала является район озера Чад, традиционно густонаселённый из-за благоприятного климата для ведения сельского хозяйства. Именно здесь зародилось и существовало в течение полтора тысячелетий самое известное средневековое государство Центральной Африки, известное как Канем-Борну. Оно было основано, вероятно, народом канембу на восточном побережье озера Чад ок. 700 г. и быстро выросло и крупную империю, центр которой в XIV в. переместился к западу от озера Чад, в область Борну. Здесь, по-видимому, в результате взаимодействия языка **канембу** и речи местного скотоводческого населения родился **канури**, официальный язык государства и ныне крупнейший из сахарских языков (более 4 млн носителей), один из языков межэтнического общения в Северной Нигерии. Государство Канем-Борну просуществовало до 1893 г., а правящая в нём династия Сайфава стала одним из мировых лидеров по длительности нахождения у власти (1086–1846). С тех пор сфера применения канури, некогда распространённого по всей Центральной Сахаре, постепенно продолжает сужаться. В качестве языка межэтнического общения в городских центрах региона его заменил чадский язык **хауса** (AA).

Сегодняшний канури представляет собой макроязык – континуум близкородственных языков или диалектов, распространённых в Нигерии, Нигере и Чаде, вокруг озера Чад. К его разновидностям относятся языки канембу в Чаде и практически исчезнувший из обращения **гарджумо** в Нигерии.

Помимо канури, в состав сахарской семьи входят языки двух больших групп. Группа тебу (тубу) объединяет два близкородственных языка или диалекта преимущественно скотоводческого населения нагорья Тибести в Центральной Сахаре (Чад, Нигер с небольшими анклавами в Ливии и Нигерии) – **теда** и **даза**, на которых в совокупности говорит не более 400 тыс. человек. Вероятно, именно их упоминали Геродот и другие античные писатели, рассказывая о народе пустыни, живущем в пещерах с языком, *подобным писку летучих мышей*. Они же становились рабами древних гарамантов, властителей Сахары, некогда пересекавших пустыню на колесницах.

Восточная группа языков включает ныне исчезнувший, но описанный в середине XX в. чешским учёным К. Петрачком язык **берти**

(сагато), носители которого несколько десятилетий назад перешли на арабский, и язык **загава** (бериа), на котором говорит сельскохозяйственное население региона Дарфур в Судане. Загава распространён также в лагерях дарфурских беженцев в соседнем Чаде.

Начало изучению сахарских языков было положено ещё в начале XIX в., когда в Европе была опубликована первая краткая грамматика канури Г. Клапрота [Claproth 1826]. Ещё раньше списки слов на этом языке были собраны турецким врачом Э. Челеби у африканских паломников в Каире в XVII в., а в парижских архивах сохранился листок с рукописным списком из десятка слов на канури с переводом на французский, также датируемый XVII в. В 1854 г. была опубликована подробная и чётко структурированная грамматика канури С. Кёлле [Koelle 1854a]. К тому времени родство между собой различных сахарских языков было неоспоримо: 1853 г. датируется письмо Г. Барта К. Р. Лепсиусу, где говорится о генетических связях языков тебу и **канури**. Ещё спустя почти три десятилетия, в 1881 г., Г. Нахтигаль, впервые описавший язык **теда**, сформулировал гипотезу о родстве всех четырёх кластеров сахарских языков: канури, загави, **берти** и группы тебу [Nachtigal 1881]. Й. Лукас в 1951 г. назвал семью «восточносахарской», а в 1963 г. Дж. Гринберг включил сахарские языки в состав нило-сахарской макросемьи. В большинстве исследований основным аргументом при обосновании родства сахарских языков использовались морфологические и синтаксические изоглоссы, особенно в системе глагола [Cyffer 1991].

В литературе практически не возникало споров о составе и классификации языков семьи: соображение Й. Лукаса о том, что группы канури и тубу (объединяемые под названием западносахарских языков) противостоят восточносахарской группе загави-берти, продолжает разделяться большинством исследователей – хотя Дж. Гринберг считал правильным выделение языков тебу в отдельную группу. Лексикостатистическое исследование, проведённое В. Блажком на материале базовой лексики языков семьи, показало, что разделение сахарского праязыка на две ветви произошло ок. 5000 лет назад, а разделение между языками канури и тубу – примерно 4000 лет назад. Что касается расхождения языков берти и загави, то оно может быть датировано первым тысячелетием до н. э. [Blažek 2007].

Значительно хуже обстоят дела с доказательством общего происхождения сахарских языков и языков других семей нило-сахарского объединения. Дж. Гринберг был первым, кто высказал определённое

суждение о родстве сахарских языков с другими семьями языков Африки. Однако до сегодняшнего дня убедительных подтверждений этому родству не найдено. Л. Бендер в своих работах подчёркивает «периферийный» характер сахарских языков в составе нило-сахарской макросемьи, хотя и признаёт, что особой близости с какой-либо из других семей нило-сахарских языков они не имеют. Г. Мукаровский объединял сахарские языки с омотскими, а многолетний исследователь языка **берги** К. Петрачек считал возможным родство сахарских языков с афразийскими, прежде всего соседними чадскими и берберскими языками. В последние годы звучат предположения об особой близости между сахарскими языками и языками сонгаи, однако эта гипотеза опять же не подкрепляется надёжным анализом. Работ по сравнительному анализу языков сахарской семьи по сей день чрезвычайно мало, а праязык семьи остаётся нереконструированным. Лексикостатистический анализ Г. С. Старостина [2017] показал, что для объединения сахарских языков с другими языками нило-сахарской макросемьи надёжных оснований пока нет.

Системы вокализма в сахарских языках преимущественно 9-членные, с базовой оппозицией по признаку $\pm$ ATR. Этот признак был утрачен только в **канури**, где количество гласных сократилось до шести-семи в результате, скорее всего, процесса креолизации. Долгота гласных в основном не играет существенной роли. Что касается консонантизма, то он отличается относительной простотой: в сахарских языках практически отсутствуют характерные для Тропической Африки лабиовелярные, импловивные или преназализованные согласные. Фонемы распределены по пяти основным рядам: губные, альвеолярные, палатальные, велярные и поствелярные, к которым относятся *h* и глотальная смычка *ʔ*. Количество фонем в системе согласных редко превышает двадцать. Характерно наличие довольно большого числа фрикативных фонем. Указанные явления являются характерными для обширного ареала и схожи с фонологическими особенностями афразийских языков Западной и Северной Африки, включая берберские и чадские.

Фонология сахарских языков характеризуется интересным явлением свободной консонантной вариативности: в рамках слова допускается использование многочисленных комбинаторных изменений. Ассимиляция, утрата согласного, палатализация, спонантизация и соноризация свободно используются без изменения значения слова, нередко до неузнаваемости меняя его звучание. Так, в канури слово *kásku* 'холодный' засвидетельствовано в вариантах *kákku*, *káwu*, *káau*, *káku*. Неизменными

остаются вокализм и тональный рисунок слова. Возможно, носитель сам выбирает свой индивидуальный вариант консонантизма вне зависимости от диалекта, говора или социолингвистических условий. Это явление зафиксировано и в языках тубу, и в **загава**. Его иногда объясняют относительно изолированным географическим положением языков, однако удовлетворительного объяснения ещё не найдено. Схожее явление фиксируется и в берберских языках Сахары.

Все сахарские языки тональны. В канури используется три тона – высокий, низкий и падающий, однако последний нередко объясняют как результат сандхи на стыках тоном. В других языках семьи все три тона уровневые – высокий, средний и низкий. Тон играет роль как в лексике, так и в грамматике: он используется для смысловозаличения в лексемах и морфемах: **канури** *kànúrí* ‘народ канури’, *kànùrí* ‘язык канури’; **даза** *górtù* ‘они резали’, *gòrtù* ‘режьте’. Правила взаимодействия тонов весьма разнообразны, так что комбинаторные изменения могут распространяться в обоих направлениях – как на предшествующие, так и на последующие слоги.

В сахарских языках допускаются как открытые, так и закрытые слоги. Лексемы чаще всего одно- или двусложны. Во всех языках большую роль в формообразовании и словообразовании имеют аффиксы. Так, с помощью суффиксов образуются падежные формы имён: номинатив, генитив, датив, аккузатив, аблатив, локатив. Падежные суффиксы имеют соответствия в языках различных групп, что позволяет возводить их к сахарскому праязыку. Глагольные видовременные и личные формы, а также отглагольные имена также образуются с помощью префиксов, суффиксов или сочетания префикса и суффикса. В этой связи сахарские языки можно назвать высокофлективными. Глагол обладает категориями аспекта, времени и наклонения, базовой оппозицией является противопоставление комплектива (фактатива) и имперфектива. Глаголы делятся на три чётких класса, различающихся прежде всего структурой формирования личных форм: если глаголы первого класса используют субъектные префиксы, то во втором классе их заменяют суффиксы, причём имеющие иное с префиксами происхождение. Глаголы третьего класса требуют вспомогательного глагола, который в свою очередь уже присоединяет показатели лица и числа субъекта [Суетина 2003]. Стоит отметить, что в сахарских языках местоименный объект также маркируется с помощью глагольного префикса, причём в канури он предшествует субъектному показателю: *támin* ‘ты хватаешь’, *sáíámin* ‘ты хватаешь меня’.

5.7. Язык (языки) сонгаи

Сонгаи обычно в западной науке называется макроязыком, что соответствует понятию пучка диалектов или диалектного кластера. В последнее время говорят уже о группе или даже семье языков сонгаи, чему способствует тот факт, что далеко не все диалекты являются взаимопонимаемыми. В дальнейшем, однако, мы будем говорить о диалектах единого языка или макроязыка сонгаи.

На сонгаи говорит земледельческое и городское население долины Нигера: языковой ареал вытянулся вдоль течения реки от района внутренней дельты (Центральное Мали) до северных районов Бенина и Нигерии, с небольшими анклавами в других районах Западной и Северо-Западной Африки (см. карту 7). Такая география языка вызвана историческими особенностями его распространения. Сонгаи – по происхождению не этноним, а наименование высшей, правящей касты населения раннесредневекового города Гао на Среднем Нигере. После принятия городской верхушкой Гао ислама в XI в. начинается экспансия купцов сонгаи вверх и вниз по течению Нила, а также в более южные, богатые дорогими товарами районы. Периодом наиболее активного распространения языка сонгаи стала эпоха существования одноимённого государства – крупнейшего в истории Африки. Государство Сонгаи, расцвет которого приходится на XV–XVI вв., объединило под своей властью территорию едва ли не всей Западной Африки, от Мавритании до Нигерии, а носители одноимённого языка прочно обосновались в крупнейших торговых центрах региона: Тимбукту, Дженне, Агадесе, а также в сахарских оазисах, стоящих на важнейших караванных путях. В этих районах сонгаи стал языком межэтнического общения. Вероятно, некоторые из местных народов перешли на язык сонгаи. После падения империи в 1591 г. сонгаи уже никогда не смогут воссоздать своё государство, однако сохраняют репутацию одних из самых успешных торговцев в Западной Африке. В середине XIX в. на территории современного Нигера существовали небольшие мусульманские княжества сонгаи, а в XX в. носители языка были разделены границами между новообразованными государствами – Мали, Нигером, Нигерией, Верхней Вольтой (ныне Буркина-Фасо) и Бенином.

Сегодня в этих странах насчитывается ок. 3,5 млн носителей сонгаи. Значительная диаспора сонгаи проживает в городах Судана, численность носителей в других странах региона невелика. Стоит отметить изолированный анклав сонгаи на территории Центрального Алжира,

где в трёх деревнях проживает ок. 3 тыс. носителей, постепенно переходящих на арабский язык.

Основные диалектные разновидности языка сонгаи с их географическим распределением приведены ниже – классификацию впервые предложил А. Прост [Prost 1956].

- **зарма** (джерма), крупнейший диалект языка по количеству носителей, ареал распространения – юго-западные районы Нигера с его столицей Ниамеем, небольшая область на северо-западе Нигерии, пограничные районы Буркина-Фасо. Нигерский говор зарма также называют каадо. Общее количество носителей – свыше 2,5 млн человек, на диалекте вещают радиостанции, ведётся преподавание в школах;
- **койраборо-сенни** (также короборо-шенни и гао), диалект города Гао и близлежащих районов долины Нигера в Мали. Диалект признан одним из региональных языков Мали и преподаётся в начальной школе. Общее количество носителей – более 400 тыс. человек;
- **койра-чини**, диалект городов Тимбукту и Дженне в Мали (иногда выделяют и особый диалект дженне-чини), а также сахарских оазисов на территории Мали. Количество носителей – ок. 200 тыс. человек;
- **тадаксахак**, диалект восточных районов Мали, преимущественно за пределами долины р. Нигер, а также пограничных с ними районов Нигера. Как и другие северные диалекты сонгаи (тасавак, тагдаль, корандже), испытал сильное влияние берберского языка тамашек, речи живущих здесь туарегов. Количество носителей – ок. 100 тыс. человек;
- **хумбури-сенни**, диалект южных районов Мали, района г. Дуэнца. Часть носителей проживает также в Буркина-Фасо. Количество носителей – ок. 25 тыс. человек. К этому диалекту примыкает соседний диалект **тонди-сонгвай-кени**, на котором говорит население нескольких деревень в районе г. Дуэнца;
- **денди**, диалект северных районов Бенина с 30 тыс. носителей;
- **тасавак**, диалект нескольких населённых пунктов около г. Агадес в Нигере, не более 10 тыс. носителей;
- **корандже**, диалект примерно трёх тысяч сонгаи, проживающих в алжирском оазисе Табельбала, предки которых попали сюда, вероятно, в качестве рабов, захваченных туарагами в долине Нигера.

Иногда указанные диалекты распределяют по группам – наиболее распространена точка зрения о наличии северной (тадаксахак, тасавак,

корандже и др.) и южной групп диалектов. Помимо перечисленных, к макроязыку сонгаи может относиться малоизученный диалект **тагдаль** (гадаль), на котором говорит около 30 тыс. скотоводов центральных и южных районов Нигера. Некоторые его носители имеют светлую кожу и довольно высокий рост, что отличает их от других сонгаи. Примерно половину лексического состава данного идиома составляют слова берберского происхождения, сильное берберское влияние проявляется и в фонетике, и в грамматике, так что в тагдаль нередко видят пример смешанного языка или креола, возникшего в результате глубокого взаимопроникновения языков туарегов и чернокожего населения зоны Сахеля. Сегодняшние носители языка, тем не менее, считают невозможным брак с туарегами.

Однако точно такой же вопрос стоит и в отношении языка сонгаи в целом. На протяжении вот уже более столетия не утихают споры о принадлежности и родственных связях сонгаи, и на сегодняшний день эти споры пока не увенчались консенсусом среди африканистов.

Первые списки слов на языке сонгаи были представлены в Европе французскими и английскими путешественниками в первые десятилетия XIX в. В середине столетия некоторые более детальные сведения опубликовал об этом языке Г. Барт, записавший его в сахарском городе Агадес – местный диалект сонгаи исчез в начале XX в. К концу XIX столетия крупнейшие разновидности языка сонгаи (гао и зарма) были уже записаны, и в начале XX в. Д. Вестерман выдвинул гипотезу о родстве сонгаи с языками гур (НК). Тогда же другой известный исследователь М. Делафосс аргументировал единое происхождение языков сонгаи и манде (также нигер-конго); эта идея позже была поддержана и развита Г. Мукаровским и, наконец, Д. Креселем [Creissels 1981]. Многолетний исследователь языков сонгаи Р. Николаи, в свою очередь, считал сонгаи креольским языком, созданным на основе берберского языка под влиянием соседних языков манде [Nicolai 1984], хотя эта точка зрения не была поддержана большинством учёных. В этой среде гипотеза Дж. Гринберга, объявившего сонгаи родственным нило-сахарским языкам Восточной Африки, никогда не была особенно популярной. В недавней обзорной монографии Г. Диммендаль, перечислив все ранее выдвинутые версии, вновь вернулся к точке зрения конца XIX столетия: сонгаи следует считать языком-изолятом в Африке [Dimmendaal 2011], а в работе [Старостин 2017] данный вывод был подкреплён анализом базовой лексики.

В то же время бесспорным является сильное влияние, оказанное на сонгаи его соседями с севера и юга: берберскими языками (АА) и языками манде (НК) Западной Африки. Более того, это влияние распространено и географически: если северные диалекты сонгаи демонстрируют многочисленные фонологические и морфологические изоглоссы с берберским **тамашек**, то южные, напротив, структурно и лексически более сходны с нигеро-конголезскими языками Западной Африки.

Наиболее наглядно это проявляется в фонетике. Диалект **денди** (Бенин и Нигерия) обладает целым рядом фонологических черт, характерных для окружающих его языков: отсутствием оппозиции между *l* и *r*, наличием лабиовелярных фонем *kp*, *gb*, *ɲm*, носовых гласных, структурой слога формы CV с запретом закрытых слогов, развитой тонологией. В денди и **зарма** зафиксировано четыре тона, в **тасавак** – три. В то же время северные диалекты, напротив, чётко различают *l/r*, допускаются закрытые слоги и скопления согласных, носовые гласные и лабиовелярные согласные отсутствуют, а вместо тональной системы используется фиксированное ударение. В некоторых диалектах северной зоны фиксируются увулярные и ларингальные согласные, характерные для берберских языков. Вокализм сонгаи довольно простой и в общем виде представляет собой пятичленную систему с противопоставлением по долготе.

Грамматические отличия между диалектами весьма велики. Северные диалекты, например, демонстрируют большое количество морфем, родственных соседним берберским языкам: это прежде всего показатели глагольной актантажной деривации, которые чаще всего употребляются с глаголами берберского же происхождения. В **койра-чини** местоименный прямой объект следует за глаголом, в то время как в южных диалектах он ему предшествует, как в языках манде. Различия в порядке слов в предложении – SVO в северных диалектах и SOV в южных – также указывают на тяготение южных диалектов к соседним нигеро-конголезским языкам, а северных – к афразийским.

Всё это действительно может свидетельствовать о том, что сонгаи является результатом креолизации древнего языка неясного происхождения. Элементы северных диалектов, свойственные берберским языкам, и особенности южных диалектов, сходные с языками манде, скорее всего являются результатом заимствования.

Выше были даны обзоры языков четырёх крупных семей, включённых Дж. Гринбергом в состав нило-сахарской макросемьи. Ещё раз

следует подчеркнуть, что далеко не все языки этих семей удовлетворительно изучены и могут предоставить материал для убедительных выводов о происхождении и родстве четырёх семей. То же можно сказать и о малых семьях языков, включаемых в состав нило-сахарской общности (фур, куляк, каду, коман и маба), а также двух изолированных языках Восточной Африки (**берта** и **кунама**). На сегодняшний день существуют описания большинства этих языков, однако многие из них сильно устарели или являются далеко не полными. Всё это делает задачу исследования как типологии, так и генеалогии языков гипотетической нило-сахарской семьи чрезвычайно актуальной и весьма интересной для лингвистов.

**Приложение. Отрывок текста на языке фур
(семья фур, НС)**

Гиена и Заяц [Jakobi 1990]

Tòdòrò nà fiè na-s uu sèrik kèiŋ. d-ie-ŋ uu nàma
гиена и заяц IPFV-ACC корова вместе они.были SG-их корова тогда

nùŋi kiri. à-s aba àppa eŋ-à nàma
телёнок рожать и-ACC когда большой становится.он-PF тогда

kàŋgàr-è. tòdòrò nàma nùŋ bà-à nà fiè uu bà-à.
делить.они-PF гиена тогда бык взять.он-PF и заяц корова взять.он-PF

nàma-s dùòŋ kaw-è. tòdòro-ŋ dùòŋ-iŋ fie-ŋ uu
тогда-ACC выпас делать.они-PF гиена-GEN выпас-GEN заяц-GEN корова

nàma kùe kir-i. tòdòrò nàma-s uù-ŋ kèwà nùŋ-si
тогда дитя рожать.он-PF гиена тогда-ACC корова-GEN кровь бык-ACC

lu-i. nàma-s nùŋi-si nùŋ-le duid-i ala-ŋ
мазать.он-PF тогда-ACC телёнок-ACC бык-LOC принести.он-PF чтобы-FUT

bòrà ba-à nàma uu-le we-iŋ-itì ala-ŋ
молоко пить.он-PF тогда корова-LOC вернуть.он-REFL-PRES чтобы-FUT

bòrà ba-à. fiè nàma el-à. nàma bul-ò nà
молоко пить.он-PF заяц тогда приходить.он-PF тогда найти.он-PF и

d-ee-ŋ uu kir-i nà tòdòrò na-s d-ee-ŋ nùŋi
SG-он-GEN корова рожать.он-PF и гиена IPFV-ACC SG-он-GEN телёнок

bà-à na-s d-ee-ŋ nùŋ-si in-i nàŋ-si kèwà
брат.он-PF IPFV-ACC SG-он-GEN бык-ACC дать.он-PF также-ACC кровь

lu-i. nàma-s fiè-si in kù-a "d-ù-i-ŋ nùŋi
мазать.он-PF тогда-ACC заяц-ACC этот говорить.он-PF SG-я-GEN бык

kùe kir-ì fiè nàta in kù-a al d-ù-ŋ uu
 дитя рожать.он-PF заяц тогда этот говорить.он-PF ?? SG-я-GEN корова
ì na kir-ì. nàta gulda kaw-è
 быть.он чтобы рожать.он-PF тогда спор делать.они-PF

Перевод

У Гиены и Зайца была совместная корова. Их корова родила бычка. Когда он вырос, они разделили скот между собой. Гиена взяла бычка, а Зайцу досталась корова. Затем они совместно пасли их. Однажды, когда очередь пасти была за Гиеной, корова Зайца родила телёнка. Гиена быстро полила своего бычка коровьей кровью. Затем она поднесла телёнка к бычку пить молоко. Но телёнок вернулся к корове пить молоко. В этот момент пришёл Заяц и обнаружил, что корова отелилась, а Гиена взяла его телёнка и намазала своего бычка коровьей кровью. Гиена сказала Зайцу: «Мой бычок отелился». Заяц ответил: «Нет, это моя корова отелилась». И стали они спорить.

Глава 6. Нигеро-конголезские языки

Нигеро-конголезская макросемья языков – понятие, вошедшее в обиход с подачи Дж. Гринберга, выдвинувшего в 1963 г. гипотезу о родстве языков десятка крупных семей к югу от Сахары [Greenberg 1963]. Хотя в настоящее время многие лингвисты не разделяют мнения о родстве всех нигеро-конголезских языков между собой, термин «нигер-конго» остаётся устойчивым обозначением генетической общности.

6.1. Общие сведения

Носители нигеро-конголезских языков компактно проживают не менее чем в сорока государствах африканского континента – это крупнейшая по территории распространения языковая общность в Африке. Северная граница её ареала протянулась по южной кромке пустыни Сахара от Сенегала до Судана (см. карту 8). Практически во всех странах, расположенных к югу от этой линии (за исключением Южного Судана), нигеро-конголезские языки преобладают по численности населения. К югу от экватора они повсюду являются доминирующими. Отдельные эксклавы, населённые носителями языков макросемьи, обнаруживаются также в Мавритании (языки **сонинке**, **волоф** и **фула**), Эфиопии (язык **фула**) и Сомали (языки **суахили** и **мушунгулу**).

Численность носителей нигеро-конголезских языков сегодня может быть оценена в 550–600 млн человек. Крупнейшей страной по количеству носителей является Нигерия. Там же располагается и ареал крупнейшего по числу носителей нигеро-конголезского макроязыка – **йоруба** (28 млн чел.). В числе крупнейших языков общности – также **суахили** и **киньяруанда** в Восточной Африке (26 и 10 млн чел.), **игбо** и **акан** в Западной Африке (24 и 11 млн чел. соответственно), **чева** и **зулу** в Южной Африке (12 и 11 млн чел.). Во многих странах Западной Африки, а также в Чаде и Судане распространён язык **фула** (ок. 25 млн носителей). Целый ряд нигеро-конголезских языков

используется в качестве языка межэтнического общения различных этнических групп: например, **фула** в городах Мали, Гвинеи, Буркина-Фасо, Нигера, **волоф** в Сенегале, **суахили** в странах Восточной Африки или **зулу** в западной части ЮАР. Всего к нигеро-конголезской макросемье относят около 1600 языков – это крупнейшее генетическое объединение языков на Земле.

Носители нигеро-конголезских языков принадлежат к различным разновидностям негроидного антропологического типа, характерным для населения Западной и Центральной Африки. Их объединяет ряд характерных антропологических особенностей – таких как очень тёмная кожа, широкий нос, выдающиеся скулы, слабый рост усов и бороды, жёсткие курчавые волосы. Однако на огромном пространстве от Сенегала до Оранжевой реки эти разновидности обладают и существенными отличиями, в т. ч. по росту, оттенку кожи и строению черепа. Помимо этого, целый ряд нигеро-конголезских народов относится к иным типам. Среди них можно указать носителей языков **коса** и зулу Южной Африки, около половины которых принадлежат койсаноидному типу, а также лесных охотников Центральной и Восточной Африки, относящихся к пигмоидному типу. Предки последних, вероятно, перешли на нигеро-конголезские языки, утратив свою автохтонную речь.

В Восточной Африке существует небольшое количество этнических групп нигеро-конголезцев, имеющих отчётливые признаки эфиопского типа. К ним, в частности, можно отнести этносоциальные группы скотоводов хима и тутси в Уганде, Руанде и Конго, которые пришли сюда с севера уже в историческое время и переняли языки банту у своих оседлых соседей. Особая разновидность характеризует народ фульбе, носителей языка фула, распространённого в зоне Сахеля: она содержит черты как негроидного, так и средиземноморского типа. Генетические исследования в целом демонстрируют близкое родство между фульбе и негроидными народами Западной Африки.

По хозяйственно-культурному типу нигеро-конголезские народы в основном принадлежат к земледельцам и оседлым скотоводам, причём доля последнего типа неуклонно снижается. В долинах крупных рек Западной и Южной Африки разводят зерновые: рис, сорго, различные виды проса, а также завезённые сюда в Новое время культуры – в первую очередь кукурузу. В лесной зоне Западной и Центральной Африки более популярны зернобобовые (фасоль, вигна, мунгу, вандзея, на юге – соя) и корнеплоды (ямс, маниок, сладкий картофель, таро), а также масличная пальма. Сельскохозяйственными культурами,

занимающими львиную долю экспорта многих стран лесной зоны Западной Африки, являются какао, кофе, орехи кешью и арахис, а также фрукты – прежде всего различные разновидности бананов, манго, ананас и папайя. Нигеро-конголезские народы Южной Африки – например, зулу – сегодня выращивают большую часть сахарного тростника, экспортируемого из Африки, а их родичи – носители языков банту в Кении, Уганде и Руанде – лидируют по объёму производства чая. Из промышленных культур особое значение имеют хлопок в Нигерии и Уганде, сизаль в Танзании, Анголе и Мозамбике.

Скотоводство практикуется нигеро-конголезскими народами, живущими на засушливых пространствах Сахеля и саванны. К числу скотоводческих народов традиционно относятся фульбе в Западной и Центральной Африке, отдельные народы банту в Восточной и Южной Африке. Основное поголовье скота состоит из коров, однако разводят также коз, лошадей, свиней.

Небольшие группы охотников и рыболовов сохраняются в различных частях нигеро-конголезского ареала. В числе охотников можно назвать пигмоидные народы ака, мбути, эфе и других жителей экваториального леса, рыболовством традиционно заняты некоторые этнические группы, живущие по берегам океана или крупных рек, – такие как бозо в Мали.

Хотя сельское хозяйство остаётся традиционным занятием большинства африканцев, не менее 300 млн жителей континента сегодня проживает в городах. Нигеро-конголезские народы населяют целый ряд крупнейших городов Африки: среди них Лагос (Нигерия), Киншаса (Демократическое Конго), Йоханнесбург и Дурбан (ЮАР), Луанда (Ангола), Абиджан (Кот-д'Ивуар) и Найроби (Кения). Некоторые народы уже много веков развивают городские культуры – одни из древнейших в Африке, в т. ч. суахили на востоке континента, игбо и йоруба на западе.

6.2. История изучения

Изучение отдельных языков и языковых объединений, ныне входящих в состав нигеро-конголезской макросемьи, началось ещё в XVI–XVII вв., см. об этом выше. Что же касается генетического родства между ними, то лишь в 1955 г. в работе, суммирующей ряд статей предыдущих лет [Greenberg 1955], Дж. Гринберг впервые обосновал гипотезу о генетическом родстве нигеро-конголезских языков от Зелёного

мыса до мыса Игольного, а в 1963 г. [Greenberg 1963] прибавил к новому объединению также небольшую семью кордофанских языков в Центральном Судане. При всей критике, прозвучавшей в адрес Дж. Гринберга и его теорий за последующие полвека, стоит отметить, что его основными достижениями являются, во-первых, обоснование родства кордофанских и адамауа-убангийских языков с другими языками нигер-конго; во-вторых, определение места языков банту как одного из таксонов нижнего уровня в структуре одной из семей нигеро-конголезских языков (семьи бенуэ-конго); и, наконец, определение чёткого генетического положения языка фула, о происхождении которого в первой половине XX столетия существовало больше всего самых экзотических гипотез.

В результате родилась классификация, которая легла в основу современного сравнительного исследования языков нигер-конго: классификация эта изначально выглядела так (диаграмма 6.1).

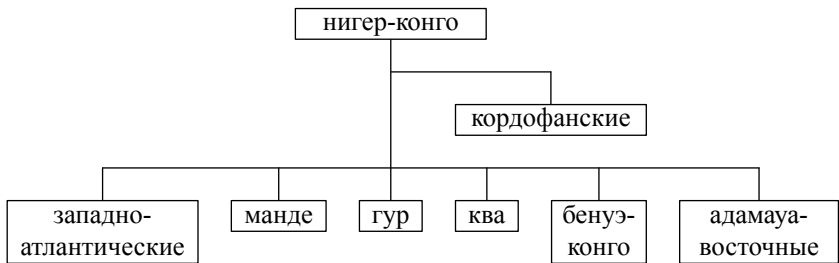

Диаграмма 6.1. Нигеро-конголезские языки (по Дж. Гринбергу)

Критике и попыткам пересмотра этой схемы было посвящено большинство работ по нигеро-конголезскому языкознанию, вышедших в свет во второй половине XX и начале XXI в.

Состав семьи ква уже к моменту выхода работ Гринберга вызывал множество вопросов, и сам он неоднократно менял его в своих работах. Уже вскоре после опубликования его теории К. Уильямсон сделала вывод, что иджоидные языки дельты Нигера, согласно лексикостатистическому анализу, столь же близки ква, как и бенуэ-конго (а скорее одинаково далеки от обеих), и должны, следовательно, рассматриваться как отдельная семья того же хронологического уровня [Williamson 1965]. Ещё несколько лет спустя П. Фоглер обосновал гипотезу о выделении языков кру Либерии и Берега Слоновой Кости в самостоятельную семью языков [Vogler 1974].

Более сложная ситуация сложилась вокруг группы т. н. остаточных языков Того (нем. *Togorestprache*, англ. *Togo Remnant*, в современной литературе чаще называются *GTM*, *Ghana-Togo Mountain Languages*, или «языки гор Ганы-Того») – группы языков горных областей Ганы, Того и Бенина. Лексикостатистика – основной метод классификации языков Западной Африки того времени – не давала чёткого ответа на вопрос об отнесении языков этого региона к какой-либо из семей. Их признавали отдельной семьёй языков, частью бенуэ-конголезской семьи или же просто считали «тёмным пятном» на языковой карте региона. Наконец, центральным вопросом внутренней классификации НК-языков в 1970-е гг. стал вопрос о взаимном положении семей ква и бенуэ-конго в составе макросемьи. Ещё сам Дж. Гринберг испытывал неуверенность в постулировании обеих семей. В 1966 г. в г. Яунде (Камерун) впервые прошло заседание рабочей группы по бенуэ-конголезским языкам, публикации по итогам которой отчётливо продемонстрировали, что твёрдых критериев проведения границы между двумя семьями языков нащупать не выходит. Прежде всего, было показано, что лексические единицы, общие для всех ветвей бенуэ-конголезской семьи Гринберга, находят соответствия также в одной или более группах семьи ква. Во-вторых, реконструкция именных классов префиксов в бенуэ-конго продемонстрировала, что те же аффиксы встречаются и в других семьях – и прежде всего в языках ква, т. е. собственно бенуэ-конголезских инноваций в этой области морфологии обнаружить не удаётся.

Это исследование особенно чувствительно ударило по главному типологическому критерию, использованному для разделения языков бенуэ-конго и ква: наличию показателей именных классов в первых и почти полному отсутствию во вторых. При более тщательном анализе выяснилось, что, в то время как в ряде бенуэ-конголезских языков именные классы отсутствуют (например, в языке **эфик** группы кроссривер), в некоторых языках ква классные системы вполне продуктивны (например, в **дегема**, **гаде**, **эга** и др.), хотя и выражаются обычно не префиксами, а суффиксами. Другая типологическая характеристика – преобладание лексических корней типа CV в языках ква – также оказалась несостоятельной для генетической классификации, особенно после того, как были найдены следы фонологической редукции слогов в эдоидных и игбоидных языках бенуэ-конго.

Решение вопроса было предложено в работе П. Беннета и Дж. Стерка [Bennett, Sterk 1977], предложивших более детальную классификацию

языков семьи с учётом достижений предшествующего десятилетия. Классификация Беннета – Стерка внесла ряд других существенных корректив в вопросы внутренней таксономической структуры нигеро-конголезских языков. Так, в отличие от Дж. Гринберга, её авторы предположили первичное разделение праязыка макросемьи на три ветви: собственно нигер-конго, кордофанскую и манде. Подобное «отдаление» языков манде от других ветвей призвано было примирить дискуссии между сторонниками их выделения из состава макросемьи и приверженцами гринбергианской модели. Вслед за Г. Мукаровским [Mukarovsky 1976–1977] ряд учёных полагают, что языки манде не относятся к нигер-конго; высказывалась точка зрения, что они родственны своим соседям языкам сонгаи и должны быть, возможно, отнесены к нило-сахарской макросемье. Этот вывод следовал как из наличия большого количества грамматических и лексических сходств между манде и сонгаи, так и из отсутствия в языках манде системы именных классов – одного из краеугольных камней нигеро-конголезской гипотезы.

Следующей по времени ветвью, отделившейся от языкового древа, Беннет и Стерк считали атлантические языки. Что же касается ядра макросемьи (в терминологии авторов – «центральные нигер-конго»), то оно было разделено в работе на две крупные ветви – северную (языки кру, гур и адамауа-восточные) и южную (ква, иджоидные и бенуэ-конголезские языки).

К началу 1980-х гг. название «адамауа-восточные», предложенное Дж. Гринбергом, было заменено в большинство работ на «адамауа-убанги». Эти языки, и поныне изученные, пожалуй, хуже всех остальных семей нигеро-конголезских языков, с точки зрения лексикостатистики демонстрировали относительно высокий процент совпадений с языками гур.

В 1980-е гг. Т. Шадеберг предложил на основе лексикостатистической базы данных Беннета – Стерка анализировать связи между лексемами на основе трёх методов – «ближайшего соседа», «дальнего соседа» и «средней оценки по группе». Путём сопоставления результатов анализа по всем трём методам были выделены наиболее надёжные, с точки зрения Шадеберга, генетические объединения в рамках нигеро-конголезской макросемьи. Итоги оказались неожиданными: наряду с традиционно принятыми семьями языков (в их числе оказались кру, гур, иджоидные, адамауа-убанги, ква и бенуэ-конго) отдельными ветвями дендрограммы оказались атлантические языки **фула**,

диола и **темне** [Schadeberg 1986]. Это свидетельствовало о том, что время, прошедшее с момента расхождения между этими тремя языками, если они и имели общего предка, чрезвычайно велико, и объём их общего лексического фонда в базовом списке Беннета – Стерка крайне незначителен.

В последние десятилетия вопрос об относительной хронологии отделения различных ветвей праязыка стал одним из наиболее пристально изучаемых в нигеро-конголезском языкознании. В науке образовался относительный консенсус о том, что атлантические, кордофанские языки и языки манде были в числе самых ранних ответвлений; нет единства мнений относительно положения ещё двух небольших семей – догон и иджоидной.

После выделения указанных семей оставшиеся нигеро-конголезские языки в настоящее время объединяются под термином «вольта-конголезские языки» (термин предложен Дж. Стюартом). Однако как развивалась хронология распада этой крупной общности, на сегодня остаётся загадкой. Тем же Дж. Стюартом была предпринята единственная на сегодняшний день попытка реконструкции модели вольта-конголезского праязыка – на основе строгого сравнительного анализа языков подгрупп поту и акан (семья ква) и банту. Эта гипотеза, впрочем, продолжает подвергаться серьёзной критике.

Современная модель классификации нигеро-конголезских языков в схематичной форме отражена на диаграмме 6.2 (с. 142).

Споры относительно принадлежности тех или иных групп и семей языков к нигеро-конголезской общности продолжаются. Это вызвано целым рядом объективных проблем, в той или иной степени характерных для всех четырёх макросемей Гринберга. Во-первых, большинство языков всё ещё не изучены или изучены крайне недостаточно, чтобы на основе имеющихся материалов строить надёжные выводы о классификации. В большинстве случаев лингвисты вынуждены иметь дело лишь с небольшими (100–500 вхождений) и весьма устаревшими словарями и лексическими списками, подготовленными ещё на заре эпохи дескриптивной лингвистики, содержащими уникальную орфографию, массу ошибок и неточностей при транскрипции речи, но не содержащими ни парадигматической, ни синтагматической информации о словарных единицах. Примерно половина из них никогда не были опубликованы и существуют лишь в рукописях, многие были изданы в университетах Африки и лишь с большим трудом могут быть добыты исследователем.

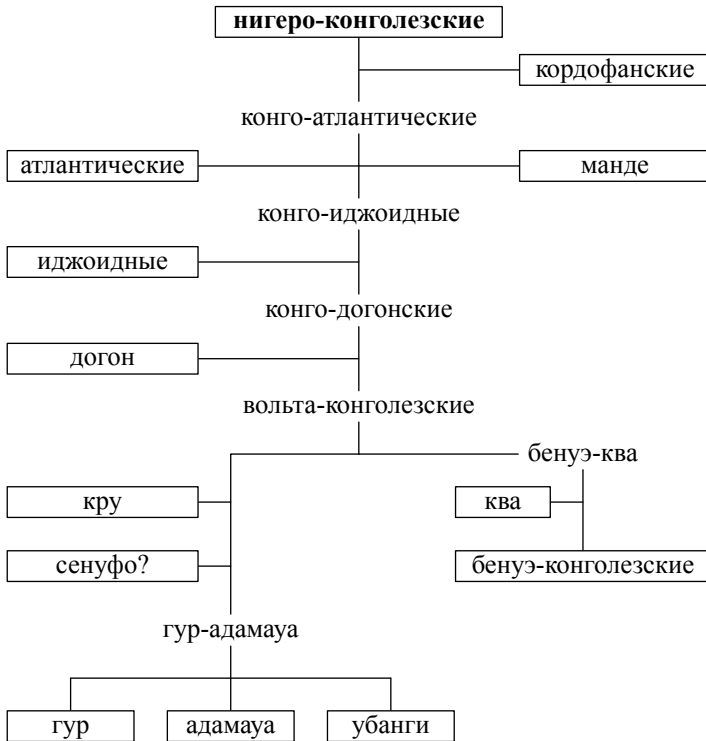

Диаграмма 6.2. Нигеро-конголезские языки
(современная классификация)

Среди наименее изученных нигеро-конголезских языков – представители почти всех крупных семей, отмеченных на диаграмме 6.2. Это языки, относимые к атлантическим – такие как **лимба** и **гола**; языки адамауа (например, группы мумуйе-янданг); целый ряд языков бенуэ-конголезской семьи (в т. ч. групп каинджи, платоидной, бантоидной); языки сенуфо; большинство кордофанских языков (прежде всего групп талоди и рашад); ряд языков центральной ветви семьи манде (группы самого, бобо); некоторые догонские языки. В центральной части бантуязычного ареала также имеется несколько десятков языков, о которых неизвестно ничего, кроме кратких лексических списков.

Следует отметить и проблему отсутствия исторического материала, необходимого для проведения сравнительно-исторического анализа. Успехи дальнего сравнения языков мира, таких как афразийские, сино-

тибетские и индоевропейские, надёжно опирались на историческую традицию, сохранившую для нас тексты древних языков. Африканские языки не дают исследователю такой возможности. Фактически в Тропической Африке мы можем в полном смысле говорить не о сравнительно-историческом, а лишь о сравнительном языкознании. Вплоть до появления европейцев на африканском континенте не засвидетельствовано богатой письменной традиции ни на одном из автохтонных языков⁵. Первый исторически известный словарь языка Тропической Африки был записан в 1523 г. (один из диалектов **эве**, семья ква), первое подобие разговорника (на языке **конго**, группа банту) появляется в 1578 г. Наконец, самый ранний грамматический очерк нигеро-конголезского языка (**ндонго**, группа банту) появился в печати в 1659 г. Для других семей языков первые достоверные записи относятся к ещё более позднему периоду.

Скудный исторический материал, имеющийся на сегодняшний день в распоряжении исследователей, включает также отдельные глоссы (преимущественно языков банту), встречающиеся в документах средневековой эпохи и ранее, термины из области природной лексики, а также ономастический материал: личные имена и географические названия. При этом на сегодняшний день историческая ономастика в Африке тоже изучена довольно посредственно, хотя сравнение современных и исторически засвидетельствованных этнонимов может пролить свет на важные события в истории народов континента и генезис различных языков. Чем больше глубина реконструкции, чем больше дистанция хронологического «разрыва» между засвидетельствованным языковым материалом и реконструированным праязыковым состоянием, тем сложнее оказывается задача реконструкции.

Наконец, важно учитывать и глубину реконструкции, и чрезвычайную интенсивность языковой конвергенции в нигеро-конголезском ареале. Глубина реконструкции в 10–12 тысяч лет, предполагаемая для нигеро-конголезского праязыка, представляет собой одну из самых больших трудностей для компаративиста. Это совершенно иной, более глубокий уровень реконструкции, нежели уровень языковой семьи. Подавляющее большинство семей языков Старого Света имеют глубину от четырёх (дравидийская) до восьми (уральская, семитская) тысяч лет.

---

⁵ Исключением, возможно, является язык **волоф** (атлантическая семья), для которого в историческое время использовался один из вариантов письменности аджами, созданной на основе арабского алфавита. Некоторые авторы датируют появление этой письменности XIV в. [Ngom 2010].

Что касается языков нигер-конго, то даже некоторые из отдельных семей, видимо, восходят к донеолитическому времени. Подобная глубина реконструкции означает очень слабую степень соотнесённости массы современных языков с праязыковым состоянием, как в области лексики, так и в области морфосинтаксиса. Если попытки обоснования языковых макросемей Евразии (сино-кавказской, ностратической, афразийской) даже при опоре на огромный исторический материал не всегда выглядят надёжно, то сравнительно скудный материал африканских языков, безусловно, подчас выглядит более чем спорно.

Языковые контакты в Субсахарской Африке, безусловно, всегда носили исключительно активный характер. Это особенно касается климатических зон Сахеля и саванн Западной и Восточной Африки, где открытые, ровные пространства и скотоводческий хозяйственно-культурный тип жизнедеятельности способствуют массовым миграциям населения, особенно при важных климатических, экономических или политических изменениях. Такие переселения фиксируются начиная с очень древних времён и хорошо известны историкам начиная с раннего Средневековья. Миграции занимали важное место и в мирное время, составляя естественный образ жизни скотоводов, охотников, собирателей, а также народов, живущих подсечно-огневым земледелием. Даже сегодня в Западной Африке происходят активные и вялотекущие миграционные процессы, связанные с поисками новых источников воды (колодцы здесь практически не используются), истощением небогатых почв тропического леса, поисками новых пастбищ, бегством от вооружённых конфликтов и другими факторами.

Помимо языковых контактов как результата миграций, как в древности, так и сегодня велика роль повседневного социально-экономического взаимодействия народов, языков и культур Тропической Африки. Этому всегда способствовали и небольшие размеры абсолютного большинства этнических групп, вынужденных осваивать языки соседних народов в целях торговли, и неравенство в эстимационных характеристиках различных этносов, вынуждающих носителей непрестижных языков использовать более престижные идиомы региона.

В результате сегодня вся Западная Африка состоит почти исключительно из многоязычных языковых сообществ, и практика многоязычия считается нормальным явлением повсеместно, что приводит к постоянному и глубокому воздействию конвергентных явлений на любой язык. Это не может не усложнять работы по реконструкции праязыкового состояния, особенно когда дело касается лексического состава праязыка.

Ареалами особенно интенсивных контактов являются саванная зона Западной Африки, район Великих озёр и долина Рифта в Восточной Африке, район озера Чад.

Одним из методологических решений для обоснования нигеро-конголезской гипотезы и классификации языков макросемьи должна стать ступенчатая реконструкция: сравнительный анализ языков небольших, но компактных подгрупп с последующим переходом на уровень более крупных таксонов – групп и семей. Вторым важным методом является использование парадигматической морфологии для обоснования классификационных моделей. В условиях дальнего родства нигеро-конголезских языков такие парадигматические системы, как именные классы, личные местоимения и показатели лица глагола, сохраняются в языках значительно дольше, чем большинство слов даже базовой лексики, и системное их сравнение резко повышает надёжность сравнительного анализа. Показатели именных классов нигеро-конголезских языков активно сравнивали П. Де Вольф, Дж. Стюарт, Т. Шадеберг. В 2013 г. вышло в свет комплексное сравнительное исследование [Бабаев 2013] о реконструкции нигеро-конголезских личных местоимений. Эти и другие работы подтвердили обоснованность в целом нигеро-конголезской теории, однако поставили вопросы о выделении из её состава отдельных групп и семей. На сегодняшний день наиболее важными вопросами состава нигеро-конголезской макросемьи являются вопросы генетического статуса иджойдных языков, языков семьи манде, отдельных языков семей адамауа и убанги.

6.3. Фонология

Важнейшими особенностями фонологии нигеро-конголезских языков можно назвать следующие.

1. Гармония гласных по признаку $\pm$ ATR

Системы вокализма большинства языков макросемьи состоят из 7–10 гласных фонем, с разделением их на два ряда, преимущественно по признаку открытости – закрытости. Это распределение, однако, дополняется ещё одной важной характеристикой – в пределах словоформы гласные все согласуются между собой по признаку $\pm$ ATR (продвинутость корня языка). Этот фонетический признак практически не известен за пределами африканского континента, хотя его близкие аналогии находят в некоторых языках Центральной Азии и Дальнего Востока, таких как монгольский, казахский, тунгусо-маньчжурские

(см. подробнее об этом явлении в главе 12). Чаще всего противопоставление по этому признаку имеют передние и средние гласные, однако нередко и наличие в языке противопоставления заднерядных (например, в диалектах макроязыка **акан**, семья ква).

2. Назализованные гласные

Другой особенностью вокализма языков нигер-конго является широкое распространение назальности, особенно в языках Западной Африки. Процессы образования носовых гласных отчётливо наблюдаются на синхронном уровне, так что нет оснований непременно возводить назальность на уровень нигеро-конголезского праязыка, хотя высказывались предположения о праязыковом характере носовых гласных. Этот признак легко распространяется с гласных на согласные и наоборот, влево и вправо, на один или несколько сегментов в структуре словоформы. Например, в **суахили** засвидетельствован процесс назализации гласных после назального сонанта: *mwalimu* [mwālimũ]. Распространено и явление компенсаторной назализации, когда выпадающий сонант назализует предшествующую или последующую гласную фонему.

3. Преназализованные смычные

В языках нигер-конго распространены преназализованные согласные *mb*, *ɲw*, *nd*, *nk* и др. В большинстве языков Запада и Юга Африки эти фонемы представляют собой единый сегмент, хотя они могут являться и кластером из двух фонем. Преназализованные согласные имеют различное происхождение и возникают в т. ч. на стыках морфем при необходимости ассимиляции сочетаний сонорного и смычного.

4. Гоморганная носовая фонема

Языки как Западной, так и Восточной Африки демонстрируют весьма интересную слоговую носовую фонему, обычно обозначаемую условно как *N*. Эта фонема играет вполне самостоятельную роль, в т. ч. и в морфологии, где она может играть роль личного или падежного показателя, показателя определённости. Гоморганность её заключается в том, что она принимает место образования последующего согласного звука, реализуясь как *m*- перед губными, *n*- перед зубными, *ɲ*- перед заднеязычными и *ɲ*- перед среднеязычными согласными. Особенное распространение данная фонема имеет в языках манде, кру, убанги, где она, находясь в начале и конце слова, может оказывать существенное влияние на последующие согласные.

5. Лабиовелярные и импловивные согласные

Практически повсюду в нигеро-конголезском ареале распространены двухфокусные согласные *kp* и *gb*, реже встречается также носовой

эквивалент *ɲt*. Они относительно редки лишь в кордофанских и банту, практически отсутствуют в атлантических языках и языках догон. Эти фонемы могут быть как эксплозивными, так и имплозивными по способу произнесения. В числе имплозивных фонем языков Западной и Центральной Африки следует в первую очередь назвать чрезвычайно распространённую звонкую лабиальную *b*, однако встречаются также зубные и велярные имплозивные согласные.

6. Открытые слоги и запрет вокалического анлаута

Языки нигер-конго используют преимущественно открытые слоги, за очень редким исключением (закрытые слоги распространены, например, в кордофанских языках, что соответствует типу слогов, распространённых в языках ареала). На конце слога может находиться гласная или носовой сонант, но не смычная согласная фонема. В большинстве языков макросемьи полнозначные лексемы также не могут иметь вокалического анлаута: эта возможность есть лишь у междометий, союзов, других служебных морфем, некоторых личных местоимений.

7. Развитая тонология

Абсолютное большинство нигеро-конголезских языков используют уровневые тоны, имеющие смысловоразличительную роль. Их количество может достигать до 5–6 (ср. язык **чори** [Dihoff 1977], хотя случаи такого рода не до конца изучены), однако наиболее распространёнными системами тонологии являются противопоставления между высоким и низким (нередко существует и средний тон). В языках Западной Африки, близких по типу к изолирующим (манде, кру, иджоидных и др.), тональные системы очень сложны и включают в себя различные явления тонального согласования между соседними слогами, даундрифта, формирования поверхностных тонов. Почти во всех семьях нигеро-конголезских языков зафиксированы грамматические тоны, выполняющие роль супraseгментных морфем – показателей различных именных и глагольных значений.

Некоторые из указанных особенностей характерны не только для нигеро-конголезских, но и для других макросемей Тропической Африки, прежде всего для нило-сахарских языков.

6.4. Морфосинтаксис

Что касается особенностей систем морфосинтаксиса, то в качестве отличительных особенностей нигеро-конголезских языков стоит упомянуть следующие.

1. Система именных классов

Вероятно, ещё в нигеро-конголезском праязыке существовала система именной классификации, основанная на семантической характеристике. В современных языках макросемьи она может включать классы людей, животных, сакральных существ, твёрдых, округлых и продолговатых предметов, жидкостей и др. В праязыке их показатели, по всей вероятности, функционировали как независимые морфемы и могли располагаться как слева от имени, так и справа от него. В современных языках нигер-конго их рефлексам чаще всего являются связанные морфемы: однако о прежде независимом статусе говорит то, что ими могут быть как префиксы (в банту, большинстве атлантических, кордофанских языках), так и суффиксы (в гур, убанги). Количество именных классов в языке варьирует от 2–3 до 40. Утрата именных классов характерна для языков догон и манде, однако в последних обнаруживаются следы древней классификации в виде начальных чередований согласных и тональных чередований в основе [Выдрин 2006]. Остатки старой классификации находят в догонских и иджоидных языках.

Именные классы в языках банту и атлантических формируют систему именного согласования, в рамках которой согласовательными аффиксами в клаузе могут маркироваться, помимо вершинного имени, все определения, а также сказуемое. Согласовательные показатели определений при этом могут не совпадать с показателями вершинного имени [Громова, Охотина 1995: 6, 12].

Исследования показывают, что древнейшие показатели именных классов являются одним из ярких парадигматических примеров для доказательства родства нигеро-конголезских языков (таблица 6.1).

2. Глагольные деривации

Глагольные суффиксы с залоговыми и актантно-деривативными значениями (каузатив, рефлексив, пассив, аппликатив и пр.) в бантуистике традиционно называются глагольными расширениями. Однако они обнаруживаются не только в банту, но и в других бенуэ-конголезских, атлантических языках, языках ква и гур. Попытки возвести определённые маркеры глагольных значений на праязыковой уровень выявили ряд интересных соответствий, которые могут свидетельствовать об их древнем происхождении: среди них **-ci/*-ti* (каузатив), **-na* (реципрок), **-ed* (директив, бенефактив) и др.

3. Роль кумулятивных грамматических показателей

Во многих языках, принадлежащих к различным семьям нигеро-конголезской макросемьи, действуют аналитические глагольные

Таблица 6.1. Сравнение показателей именных классов в нигеро-конголезских языках

Классы	I	II	III	IV	V	VI	VIa	IX	X
семантика	люди		длинные объекты		круглые объекты		жидкости	животные	
хейбан (кордофанские)	<i>gu-</i>		<i>gu-</i>	<i>j-</i>	<i>li-</i>	<i>ɲu-</i>	<i>ɲ</i>		
сев.-атлантические		<i>a-ba-</i>		<i>i-Ci-</i>	<i>e-de-</i>	<i>a-ga-</i>	<i>a-ma-</i>	<i>i-i/n-</i>	<i>a-na-</i>
оти-вольта (гур)	<i>u, -a</i>	<i>ba</i>	<i>-u, ɲu</i>	<i>i-, ɲi</i>	<i>di</i>	<i>a, ɲa</i>	<i>tu</i>		
ква	<i>o-</i>	<i>ba-</i>	<i>o-</i>	<i>i-</i>			<i>N-</i>		
банту (бенуэ-конго)	<i>mù-</i>	<i>bà-</i>	<i>mù-</i>	<i>mì-</i>	<i>ì-</i>	<i>mà-</i>	<i>mà-</i>	<i>ṅ-</i>	<i>ṅ-</i>

конструкции с клитическими показателями, выражающими одновременно целый ряд значений как субъекта, так и предиката. Один такой показатель, помещаемый перед глаголом или после него, может указывать на аспект, время, наклонение, полярность глагола, лицо, число и именной класс субъекта. Такая глагольная система в африканском языкознании обычно именуется «линейной» [Welmers 1974], она распространена прежде всего в языках Западной Африки. Подробнее о таких системах см. главу 13.

4. Сериализация глаголов

Явление сериализации, распространённое в языках мира, обнаруживается практически во всех семьях языков Западной и Центральной Африки. Такое значение, как ‘принести’, может выражаться цепочкой глаголов ‘пойти-взять-прийти-дать’. В той или иной степени сериализация отмечена во всех семьях языков нигер-конго. В языках с аналитической структурой, впрочем, не всегда бывает легко понять, имеем ли мы дело с цепочкой сериализации или с глагольной конструкцией, где один играет роль предиката, а второй лишь указывает на аспектуальное, модальное или иное значение, играя роль вспомогательного. В каждом конкретном языке решение этого вопроса приходится искать отдельно.

5. Противопоставление фактатива и имперфектива

В глагольных системах языков нигер-конго сложно выявить преобладание аспектуальных или темпоральных противопоставлений – скорее можно говорить об ареальной разнесённости языков различных типов. Важно, однако, что в аспектуальной семантике можно выделить

оппозицию двух основных значений: фактатива, близкого к перфективу и выражающего (в зависимости от семантики глагола) фактическое состояние или совершённое однократное действие, и имперфектива, выражающего процесс и незавершённость, действие в настоящем. Для многих языков Западной Африки значение фактатива является базовым и, как правило, выражается чистой основой глагола, в то время как имперфектив маркируется дополнительным показателем.

6. Несколько серий личных показателей

Показатели лица в нигеро-конголезских языках довольно отчётливо можно распределить по нескольким синтаксическим типам. Наиболее ярко это разделение проявляется в языках банту, где субъектные показатели выражены префиксами, объектные – инфиксами или суффиксами, в то время как местоимения со значениями топика или фокуса являются синтаксически независимыми. Начиная с работ А.-Э. Меюссена [Meussen 1965; 1967], в банту выделяют и четвёртую серию – притяжательную. В других языках нигер-конго (особенно принадлежащих к семьям бенуэ-конго и ква) это распределение в целом соблюдается. В Западной Африке первые две серии могут реализовываться как местоимения или связанные морфемы, но фокализованные местоимения всегда синтаксически независимы. В ряде языков они вытесняют более древние личные аффиксы, формируя новый, аналитический тип личного согласования.

Синтаксические структуры современных нигеро-конголезских языков сильно различаются по семьям. Основной порядок слов варьируется от SVO в бенуэ-конго, ква, атлантических и кордофанских до SOV в манде, догон, иджоидных и сенуфо. Гипотеза о том, что изначальным порядком слов в праязыке был SVO, пока не находит убедительных подтверждений.

Базовый словарь нигеро-конголезского языка был впервые реконструирован ещё Д. Вестерманом, и хотя за последнее столетие в этом направлении было сделано относительно немного, существует относительный консенсус среди лингвистов по вопросу не менее 40–50 лексем, возводимых к нигеро-конголезскому праязыковому состоянию. К сожалению, дальнейшая лексическая реконструкция наталкивается на проблемы мезоуровня: на уровне семей языков чаще всего не удаётся надёжно реконструировать стословный список базовой лексики Сводеша.

6.5. Бенуэ-конголезские языки

Языки бенуэ-конго составляют крупнейшую семью в составе нигеро-конголезской общности (около 1000 языков). По всей вероятности, пра-

родиной семьи является ареал в районе слияния рек Нигер и Бенуэ, в современной Центральной Нигерии, где праязыковое сообщество могло существовать не позже 6000–7000 лет назад. Сегодня же их носители заселяют огромную территорию от побережья Гвинейского залива до Индийского океана, от экватора и до южной оконечности континента.

Согласно общепринятой классификации языков бенуэ-конго, семья состоит из двух основных ветвей, которые, в свою очередь, включают десять групп (диаграмма 6.3) [Williamson 1989].

Диаграмма 6.3. Бенуэ-конголезские языки

Географическое распределение групп языков семьи чрезвычайно неравномерно: более 90 % площади ареала занимают языки самой многочисленной группы банту (более 500 языков). Они доминируют в обоих государствах Конго, Габоне, Экваториальной Гвинее, Танзании, Кении, Уганде, Руанде, Бурунди, Мозамбике, Анголе, Намибии, Замбии, Малави, Зимбабве, Ботсване, Свазиленде, Лесото, ЮАР и на Коморских островах, распространены также частично на территории Камеруна, ЦАР и Сомали (см. карту 9). Столь широкое распространение является результатом масштабных миграций носителей языков банту, начавшихся в I тыс. до н. э. с территории современных Нигерии и Камеруна на юг и юго-восток. Распространяясь по территории Субэкваториальной Африки, народы банту ассимилировали немногочисленные группы охотников-собирателей: этот процесс продолжается на юге и востоке континента и сегодня.

Распад языковой общности банту произошёл не более 2500 лет назад, так что языки группы смогли сохранить значительные сходства. Значительную роль в сохранении их близости сыграла и конвергенция языков в ходе миграций последних двух тысячелетий. Значительными

отличиями обладают лишь языки северо-западных подгрупп, находящиеся в тесном контакте с языками других групп и семей.

Генетическое родство языков банту было очевидно уже первым европейским мореплавателям, пересекавшим экватор. Португальские капитаны брали переводчиков в Конго, на Атлантике, и с успехом использовали их в Мозамбике, на берегах Индийского океана. Первая сравнительная грамматика языков банту была опубликована В. Бlikle (который является автором и самого термина «банту» в лингвистике) [Bleek 1862–1869], за ней последовали другие, более подробные исследования, в т. ч. К. Майнхофа [Meinhof 1899–1906]. Современное изучение языков банту базируется на трудах М. Гасри и А.-Э. Меюссена, составивших подробные реконструкции праязыкового состояния. М. Гасри, кроме того, является и отцом современной классификации сотен языков банту: языки группы разделены им на 15 крупных географических зон от А до S и 84 подгруппы (тоже чисто географических, не путать с генетическими объединениями), обозначаемые числами десятков: подгруппа А20, подгруппа С40 и пр. [Guthrie 1967–1971]. Несмотря на неоднократные попытки модифицировать классификацию Гасри, она в несколько видоизменённом виде широко используется по сей день. Сам Гасри признавал, что его классификация имеет чисто реферативное значение, поэтому использовать её при сравнительно-историческом анализе можно лишь с большой осторожностью. Что касается генеалогической классификации языков банту, то некоторые попытки её разработки были предприняты К. Эретом, учёными тервуренской школы, а также в работе Д. Нурса и Ж. Филипсона [Nurse, Phillipson 2003]. Все три классификации основываются на анализе лексических и морфологических инноваций, а роднит их то, что они единогласно выделяют северо-западные языки (зон А, В, частично С и Н по классификации Гасри) как наиболее раннее ответвление от праязыка банту. Другие предлагаемые ветви – такие как группа восточных языков и группа языков саванны – пока недостаточно обоснованы.

Языки банту весьма существенно выделяются из состава бенуэ-конголезских языков по своим характеристикам. Их фонологическая система выглядит проще, чем в других языках семьи, чего нельзя сказать о морфологии. Языки банту отличаются разветвлённой системой именной классификации, выражаемой при помощи именных префиксов. Глагол занимает центральное место в системе морфосинтаксиса. Практически во всех языках группы глагольная словоформа, вобравшая в себя множество агглютинативно-флективных грамматических маркеров,

является основополагающим звеном всего предложения. В системе показателей лица (префиксы для обозначения субъекта и инфиксы для обозначения объекта) присутствуют лишь формы 1–2 л., в то время как значение 3 л. выражается с помощью показателей именных классов.

Структуру глагольной словоформы в языках банту Д. Нурс представляет в виде следующей схемы:

$$Pre-SM + SM + NEG + TA + OM + \\ \text{корень} + \text{расширение корня} + FV + Post-FV,$$

где Pre-SM – пресубъектный глагольный префикс (имеет различные значения, но чаще всего выражает отрицание);

SM – показатель лица и числа субъекта;

NEG – показатель отрицания;

TA – показатель времени, аспекта и наклонения;

OM – показатель лица и числа объекта;

FV – конечный гласный суффикс (нередко его значение неясно);

Post-FV – факультативный конечный гласный суффикс [Nurse 2007].

Если на языках банту говорят жители 23 государств, то все остальные языки бенуэ-конголезской семьи в совокупности ограничены территорией лишь трёх: Бенина, Нигерии и Камеруна (см. карту 10).

И географически, и генетически к языкам банту примыкают бантоидные языки на территории Камеруна и Юго-Восточной Нигерии. Они расположены в холмистой зоне экваториального леса и характеризуются большой плотностью: около 150 языков на пространстве в сотню тысяч квадратных километров. Отдельные небольшие подгруппы языков, причисляемых к бантоидным, также распространены на плато Джос и в среднем течении р. Бенуэ в Нигерии. Наиболее крупными бантоидными языками по количеству носителей являются **тив** (ок. 2,5 млн чел.), **агем** (ок. 250 тыс. чел.), **самба-дака**, **тикар**. Из-за своего труднодоступного географического положения бантоидные языки в целом изучены значительно хуже языков банту, поэтому вопрос их классификации сегодня нельзя назвать окончательно решённым. Надёжно выделены лишь некоторые небольшие подгруппы близкородственных языков или диалектов – таких как **грассфилдс** в Камеруне. Кроме того, вряд ли возможно провести чёткую черту между северо-западными языками банту и их бантоидными соседями. Структурное сходство между ними и привело во второй половине XIX в. к образованию термина «бантоидные

языки», предложенного Г.-А. Краузе [Krause 1895] (в своё время бытовал также остроумный термин «полубанту»). Как и языки банту зоны А, бантоидные языки характеризуются аналитической грамматикой, относительно бедной морфологией, широко распространённой сериализацией глаголов, разветвлённой тональной системой. Интересны местоименные системы ряда бантоидных языков, характеризующиеся обилием сложных лично-числовых форм с такими значениями, как «я + ты», «я + вы», «мы + ты» и т. д.

По мере продвижения к западу степень изолированности в структуре языка в бенуэ-конголезских языках постепенно возрастает, а морфология упрощается как в имени, так и в глаголе. Бантоидным языкам близка небольшая группа языков кроссривер в бассейне одноимённой реки в Юго-Восточной Нигерии. Её принято делить на четыре небольшие подгруппы, выделяемые исключительно по нескольким лексическим инновациям. Как и в группах языков каинджи и джукуноидных в Центральной Нигерии, в языках кроссривер представлена относительно бедная морфология. Что же касается западных групп бенуэ-конголезской семьи (йорубоидные, игбоидные, эдоидные, нупоидные и идомоидные языки), то из них лишь отдельные языки обладают такими элементами морфологии, как аффиксы именных классов, связанные показатели лица и глагольные расширения. Большинство грамматических значений передаётся с помощью независимых маркеров. Словоформы в этих языках весьма кратки, а для смысловоразличения активно используется развитая тонология. Крупнейшими языками этих групп являются **йоруба**, **игбо** и **эдо**. Помимо указанных групп языков, в состав бенуэ-конго включают также ряд малых языков Нигерии, классификация которых затруднена прежде всего их низкой степенью изученности: **укаан**, **око**, **акпес** и некоторые другие.

6.6. Языки ква

Семья ква (термин предложен Г.-А. Краузе [Krause 1895]), по данным на сегодняшний день, насчитывает около 80 языков, распространённых в небольшом ареале у северного побережья Гвинейского залива. Носители языков ква населяют восточные районы Кот-д'Ивуара, Южную и Центральную Гану, распространены в Того и Бенине. Крупнейшим языком семьи является **акан**, распространённый на территории Ганы. Остальные языки семьи весьма малочисленны по количеству говорящих. Общее число носителей языков ква можно оценить в 30–35 млн человек.

Внешняя и внутренняя классификация языков ква остаётся предметом научных дискуссий в африканистике, о которых уже говорилось выше. В 1970-е гг. был введён термин «языки бенуэ-ква» (иное название – «восточные вольта-конголезские»), характеризующий новый таксономический уровень в рамках нигеро-конголезской макросемьи и объединяющий две семьи географически близких языков – ква и бенуэ-конго. С лингвистической точки зрения границы между ними остаются довольно размытыми, что позволяет рассматривать ветвь бенуэ-ква как единую языковую общность с пока недостаточно ясным делением. Принятая на сегодняшний день внутренняя классификация языков семьи ква (диаграмма 6.4) основывается на гипотезе Дж. Стюарта. Полуужирным шрифтом на диаграмме показаны группы и подгруппы языков семьи, светлым – отдельные языки.

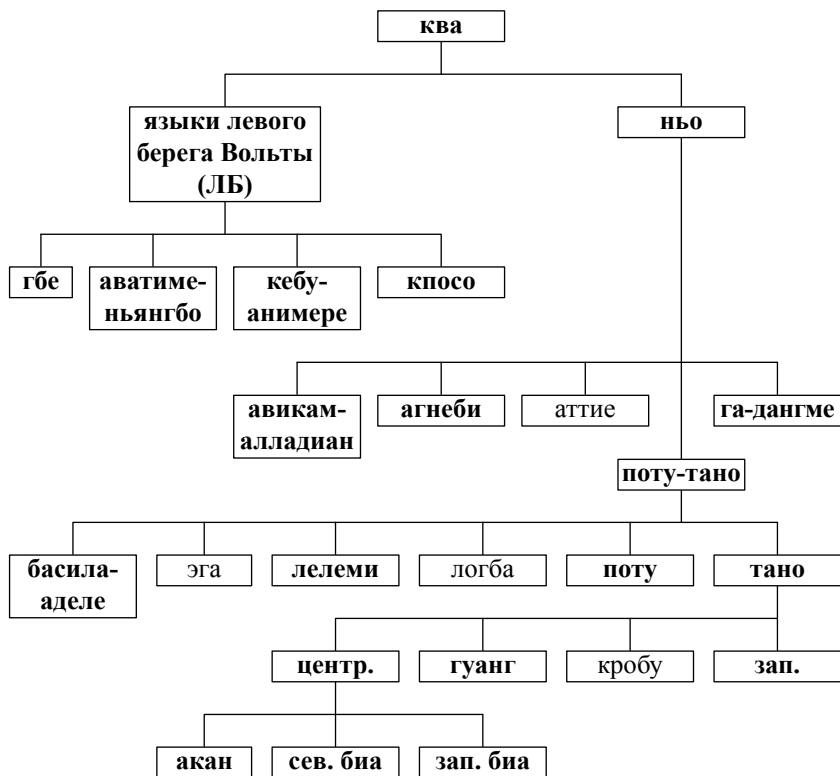

Диаграмма 6.4. Языки ква

Приведённая классификация не может считаться окончательной, в т. ч. и потому, что она в значительной степени основана лишь на отдельных лексических изоглоссах, рассматриваемых как общие инновации языков той или иной группы. Например, крупнейшая ветвь языков нью выделяется в основном в результате наличия в ряде её идиомов лексемы *no* 'два', а группа языков левого берега р. Вольты и вовсе остаётся скорее географическим подразделением, нежели генетическим, просто потому что в ней слово для числительного 'два' звучит по-другому. Кроме того, исторически в составе ква выделяют уже упоминавшуюся группу т. н. остаточных языков Того (так как, по выражению одного из современных исследователей, «никому не хочется быть остаточным»), в сегодняшней литературе принято более политкорректное название – «языки гор Того и Ганы», англ. *Ghana Togo Mountain languages* или *GTM*), в рамках которой обычно объединяют подгруппы языков лелеми, логба, базила-аделе, а также все языки левого берега, кроме подгруппы гбе.

Генетические отношения языков ква между собой исследованы недостаточно: до сих пор не существует разработанной системы фонетических и лексических соответствий между языками. В отсутствие этого стабильного методологического фундамента многие таксономические выводы построены и продолжают строиться лишь на сходстве грамматических показателей, выделении дюжины лексических инноваций или же типологических характеристиках. Некоторые языки не описаны в достаточной степени, чтобы судить об их генетических связях.

Более или менее надёжные сопоставления существуют для отдельных подгрупп, границы которых могут считаться надёжно установленными. Среди таких подгрупп – языки поту-тано, составляющие в сумме более половины всех языков ква и успешно исследованные в последние десятилетия. Надёжно сгруппированы между собой языки небольших и интуитивно прозрачных таксонов нижнего уровня: гадангме, авикам-алладиан, сев. гуанг, гбе, акан и некоторые другие небольшие подгруппы; однако взаимоотношения этих подгрупп между собой исследованы значительно хуже.

Фонология и морфосинтаксис языков ква объединяются рядом общих типологических свойств. Широко распространены начальные чередования согласных, часто обусловленные фонологическими правилами. Система именных классов представлена лишь в некоторых языках и формируется при помощи префиксов, сохранившихся в разной степени по различным языкам. Порядок слов в предложении в большинстве языков – SVO; определение следует за определяемым именем.

Широко распространены как именные послелогои, так и предлоги отглагольного происхождения. Так как по своему грамматическому строю языки ква являются преимущественно аналитическими, системы личных показателей представлены в основном автономными личными местоимениями, маркирующими субъект и объект глагола, а также притяжательность. Лишь в отдельных языках субъектно-объектные значения передаются клитическими или связанными глагольными показателями.

6.7. Языки гур

В состав семьи гур (название было введено Г.-А. Краузе в конце XIX в. благодаря созвучию глоттонимов гурма, гурунси, гурманчема и других и употребляется в англо- и немецкоязычной литературе; во франкоязычных работах устоялось название «вольтийские языки») входит около 100 языков, носители которых проживают в Буркина-Фасо и ряде соседних с ней государств Западной Африки: на юге Мали и Нигера, в северной части Кот-д'Ивуара, Ганы, Того, Бенина, на северо-западе Нигерии. Несмотря на разброс стран, можно говорить о значительной компактности языкового ареала гур: существующие в этом ареале анклавы языков других семей (прежде всего манде, но также кру и чадских) относительно невелики (см. карту 11).

Благодаря своему местоположению вдалеке от морского побережья языки гур сравнительно поздно стали известны лингвистам. Хотя первые сведения о них содержатся ещё в «Полиглотте» С. Кёлле, говорить о системном изучении языков семьи можно только начиная с середины XX столетия. Тем не менее благодаря активным усилиям команд полевых исследователей (прежде всего христианских миссионеров, а позже института SIL) на сегодняшний день существуют публикации грамматических очерков и словарей по большинству языков гур.

В основе принятой на сегодняшний день внутренней классификации языков семьи лежат работы М. Сводеша и Дж. Бендор-Самуэля, основанные целиком на лексикостатистическом анализе. Иной подход, с опорой на сравнительно-исторический метод, был использован в работах Г. Манесси, но полученные им результаты классификации лишь незначительно отличаются от дендрограмм предшественников. Классификация Манесси [Manessy 1979] без существенных изменений воспроизводится и в современной литературе (диаграмма 6.5; в скобках приведены сокращения для наименований групп языков, используемые в настоящей работе).

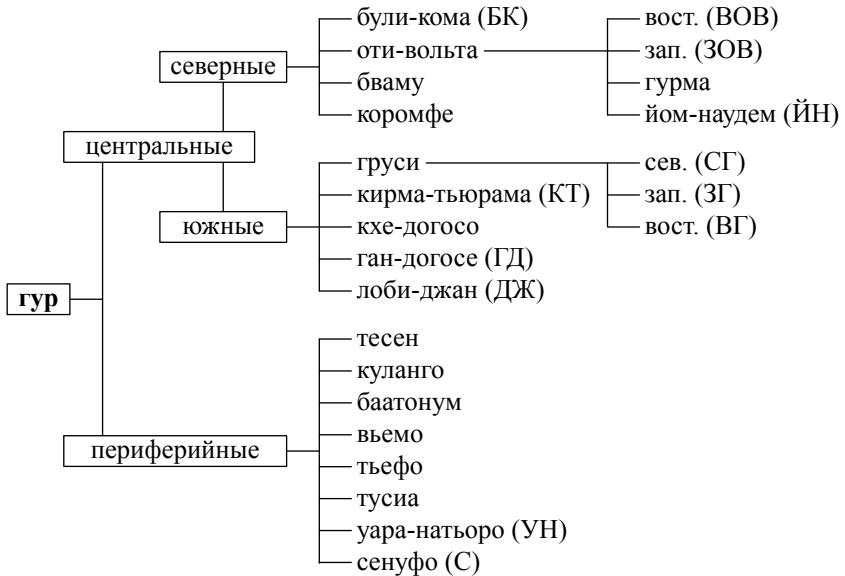

Диаграмма 6.5. Классификация языков гур [Ethnologue 2017]

Дискуссия о принадлежности к семье гур ряда групп языков не стихает. Языки гур довольно чётко делятся на две части: вполне гомогенную по своему составу центральную ветвь, объединяющую большинство идиомов семьи, и прочие языки, сгруппированные во многом по остаточному принципу терминами «вероятные центральные» (*Central possible*) и «сомнительные центральные» (*Central improbable*). Сюда относят языки групп тусиа, ура-натъоро, изолированные языки **теен**, **тьефо**, **вьемо** и **баатонум**, а также большую группу языков сенуфо, которые в последние годы выделяют из состава языков гур в самостоятельную семью. Однако если общее генетическое происхождение языков сенуфо представляется довольно прозрачным, то статус других «сомнительных» идиомов, географически расположенных на крайнем западе ареала языков гур, остаётся неясным. Данные языки мы будем далее называть периферийными языками гур, противопоставляя их центральным.

Привязка многих из периферийных идиомов к семье гур довольно условна и может объясняться географической близостью вкупе с недостаточным уровнем их изученности. Сравнительное исследование личных местоимений языков, проведённое в работе [Бабаев 2012],

показало, что по крайней мере некоторые из этих языков практически ничто не связывает с центральными языками гур.

В языках гур чаще всего отмечается 7- или 9-значный вокализм с противопоставлением гласных по признаку $\pm$ ATR. Большинство языков различают от 2 до 4 уровневых тонов, используемых в т. ч. для противопоставления грамматических значений. Именные классы обозначаются суффиксами, суффиксально же оформляются значения глагольной деривации. Показатели лица также чаще всего выступают в виде аффиксов.

6.8. Языки адамауа и убанги

Семья языков адамауа-убанги, впервые объединённая Дж. Гринбергом, скорее всего представляет собой как минимум две различные семьи. Даже в географически смежных языках **каре** (адамауа) и **бозом** (убанги) сравнение базовой лексики показывает не более 9% возможных генетически родственных пар. И адамауа, и убанги – небольшие по численности говорящих языки народов экваториального леса. Носители языков адамауа проживают на территории Восточной Нигерии, Северного Камеруна и южных районов Чада. Их соседи языки убанги (около 70 языков) занимают обширный ареал в самом сердце африканского континента. Большая часть этого ареала расположена в бассейне рр. Мбому, Уэле и образованной их слиянием реки Убанги, чем и объясняется название языковой семьи, выдержанное вполне в лингвонимических традициях африканского языкознания (ср. наименования лингвистических таксонов, образованные от названий бассейнов рек и озёр: нигер-конго, вольта-конго, бенуэ-конго, адамауа, чадские, шаринильские и пр.). Эта территория относится к Центральноафриканской Республике (ЦАР), северу Демократического Конго и отдельным

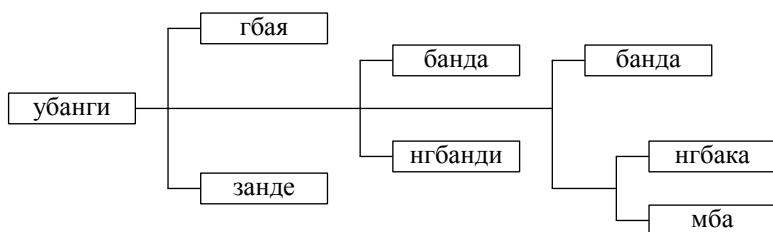

Диаграмма 6.6. Классификация убангийских языков [Ethnologue 2017]

районам Южного Судана. Общее число носителей языков обеих семей составляет примерно 12 млн человек, хотя крупных языков среди них почти нет. Крупнейший из более 100 языков адамауа, **мумуйе**, имеет не более 400 тыс. носителей. Около 600 тыс. жителей ЦАР говорят на **гбая**, крупнейшем языке семьи убанги.

Из-за низкой степени изученности и внешняя, и внутренняя классификация языков адамауа и убанги содержат больше вопросов, нежели ответов. В отсутствие системных сравнительных исследований на уровне семей очень сложно делать выводы о принадлежности той или иной группы языков. В последние годы высказываются сомнения в том, что языки убанги вообще принадлежат к нигеро-конголезским [Dimmendaal 2011]. Некоторая близость обнаружена между языками адамауа и гур, однако среди языков, причисляемых к семье адамауа, есть ряд явно сомнительных по происхождению (например, языки группы юнгур). К языкам этого ареала примыкают и два изолированных языка – **лаал** и **джалаа**, – чьё происхождение остаётся нераскрытым.

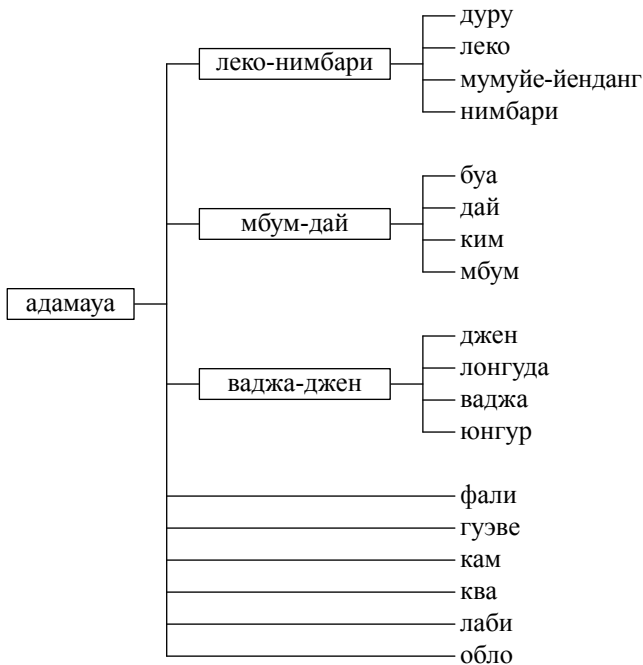
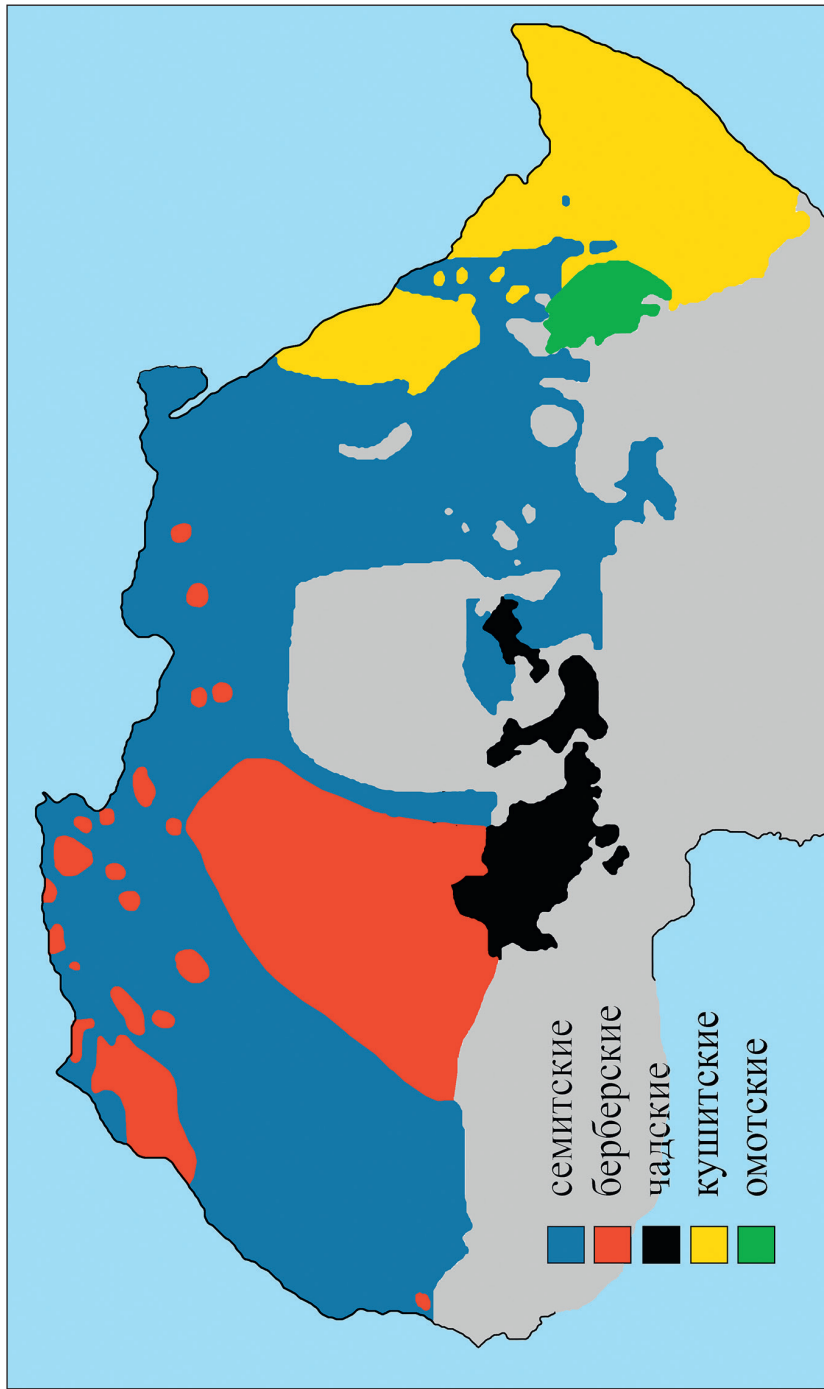

Диаграмма 6.7. Классификация языков адамауа [Ethnologue 2017]

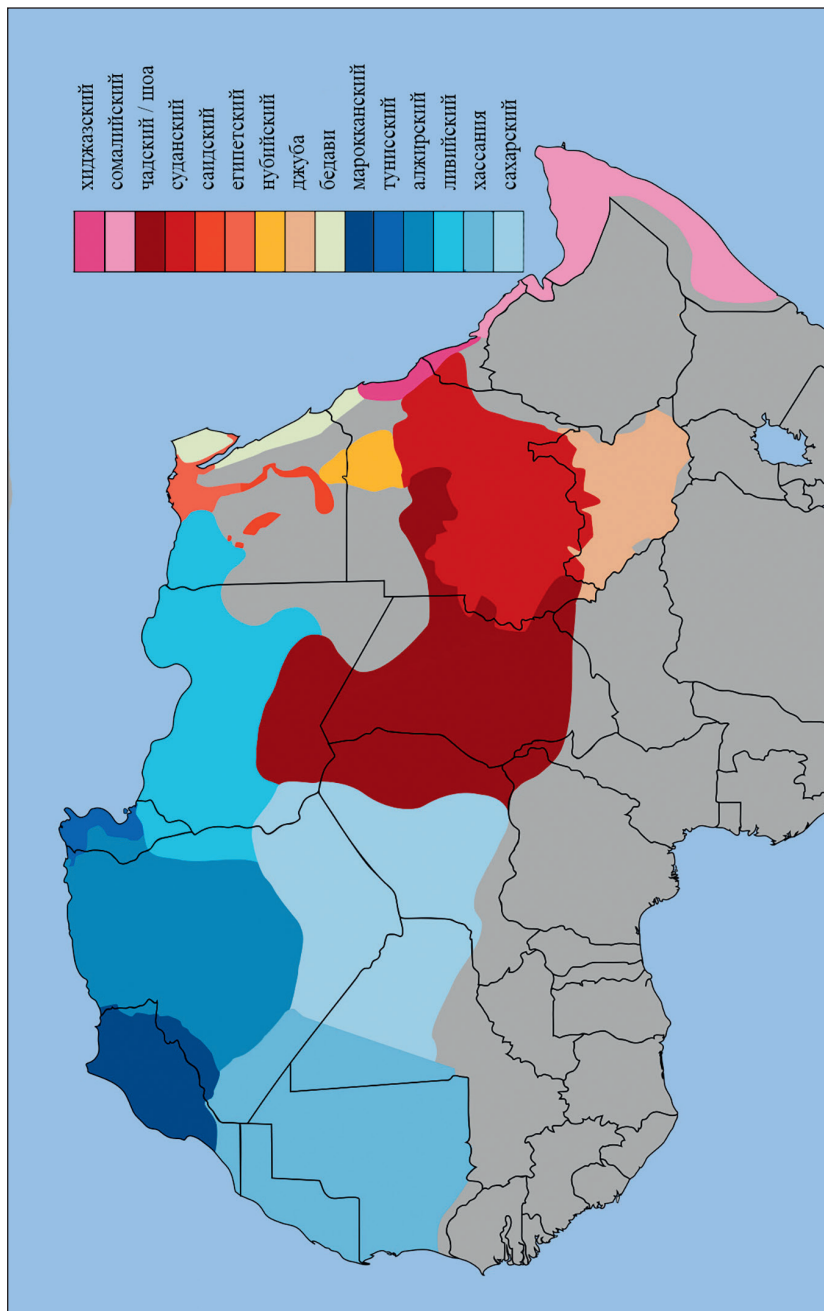

Карта 1. Четыре макросемьи языков Африки [Greenberg 1963]

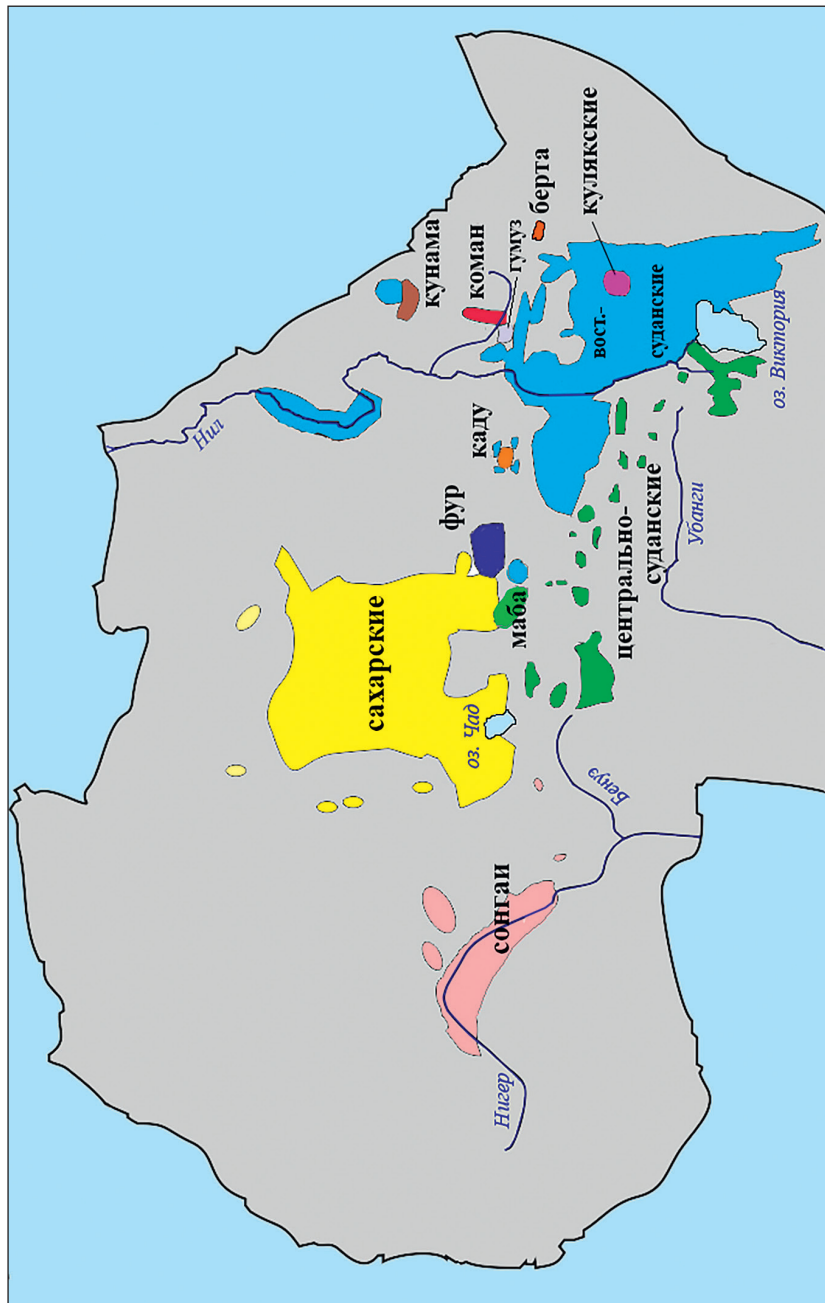

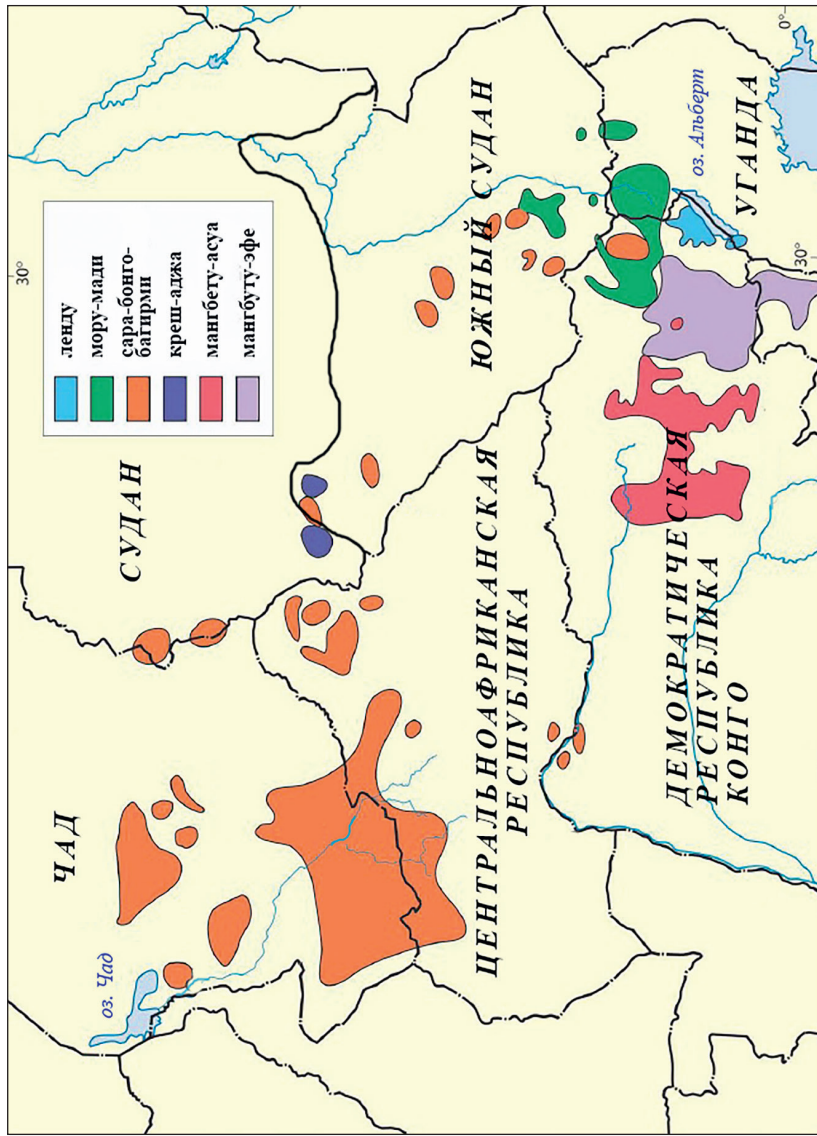
Карта 2. Афроазиатские языки (по материалам [Schuh 2003])

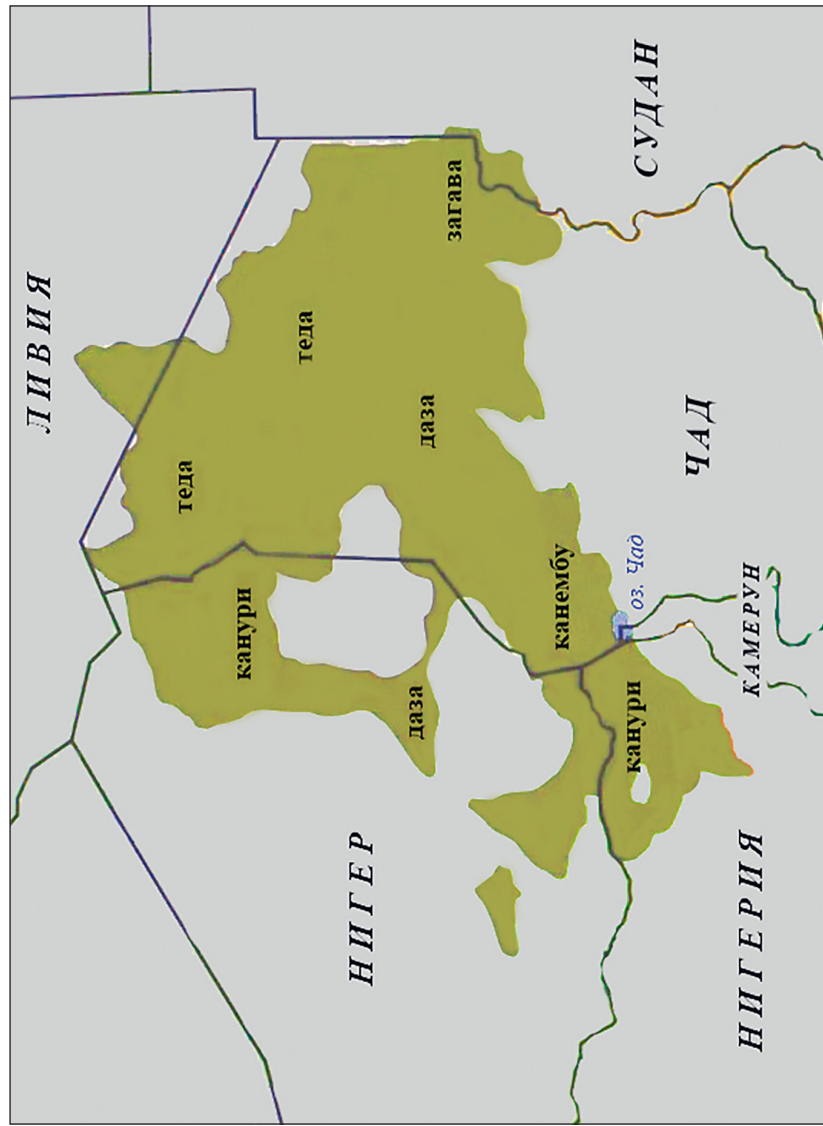
Карта 3. Діалекты сучаснаго арабскога языка (по матеріалам [Bateson 1967])

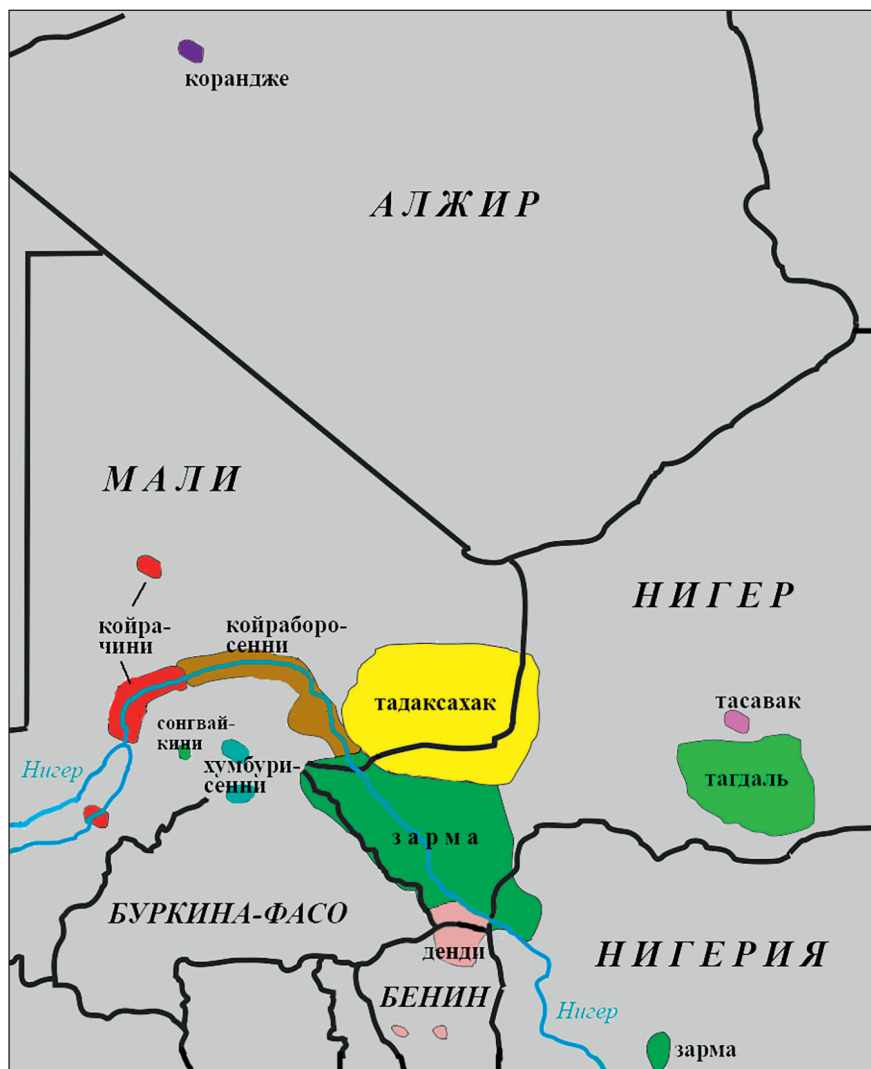
Карта 4. Нило-сахарские языки [Bender 2000]

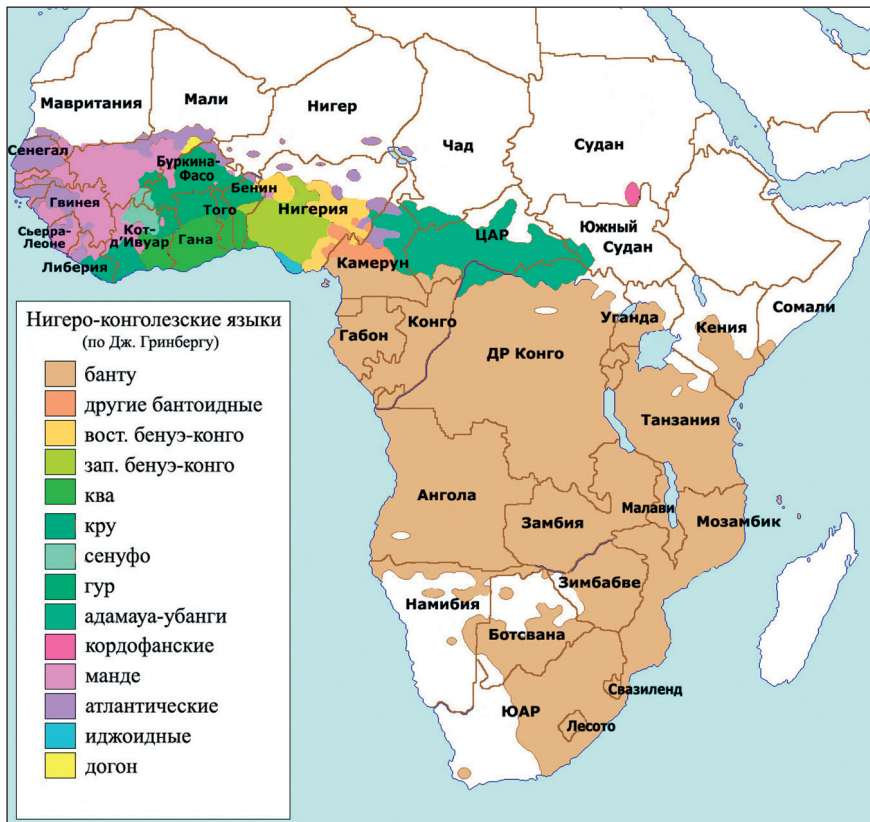
Карта 5. Центральносуданские языки (<http://www.rogerblench.info>)

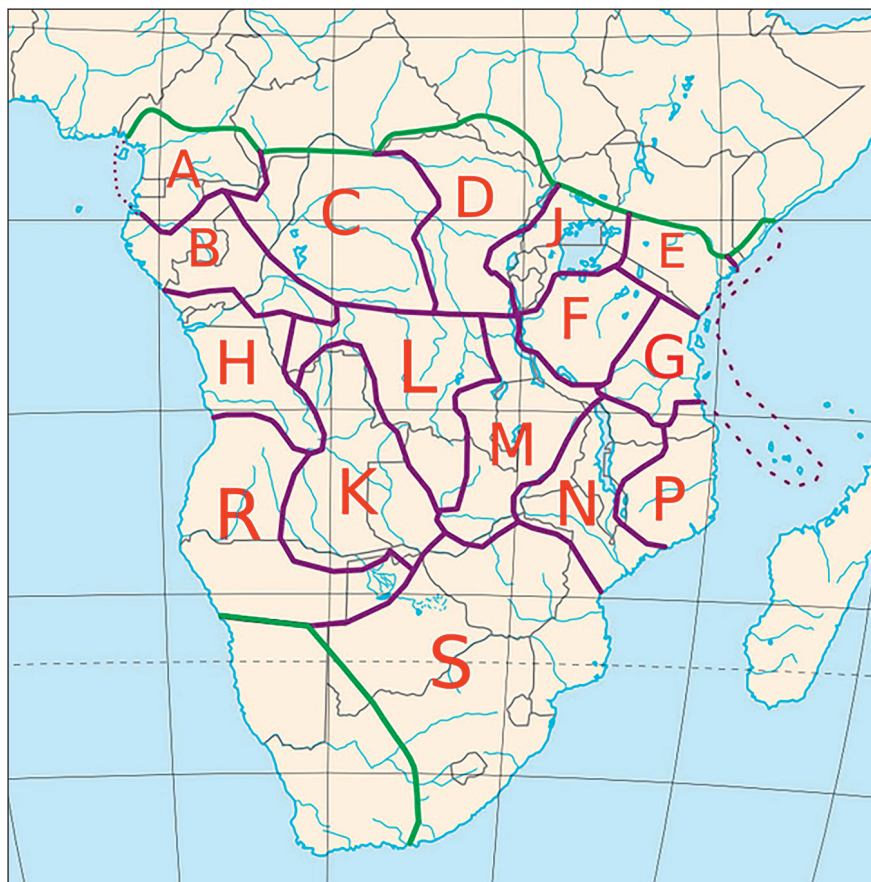
Карта 6. Сахарские языки (по материалам [Murdock 1959])

Карта 7. Макроязык (языки) сонгаи (<http://www.rogerblench.info>)

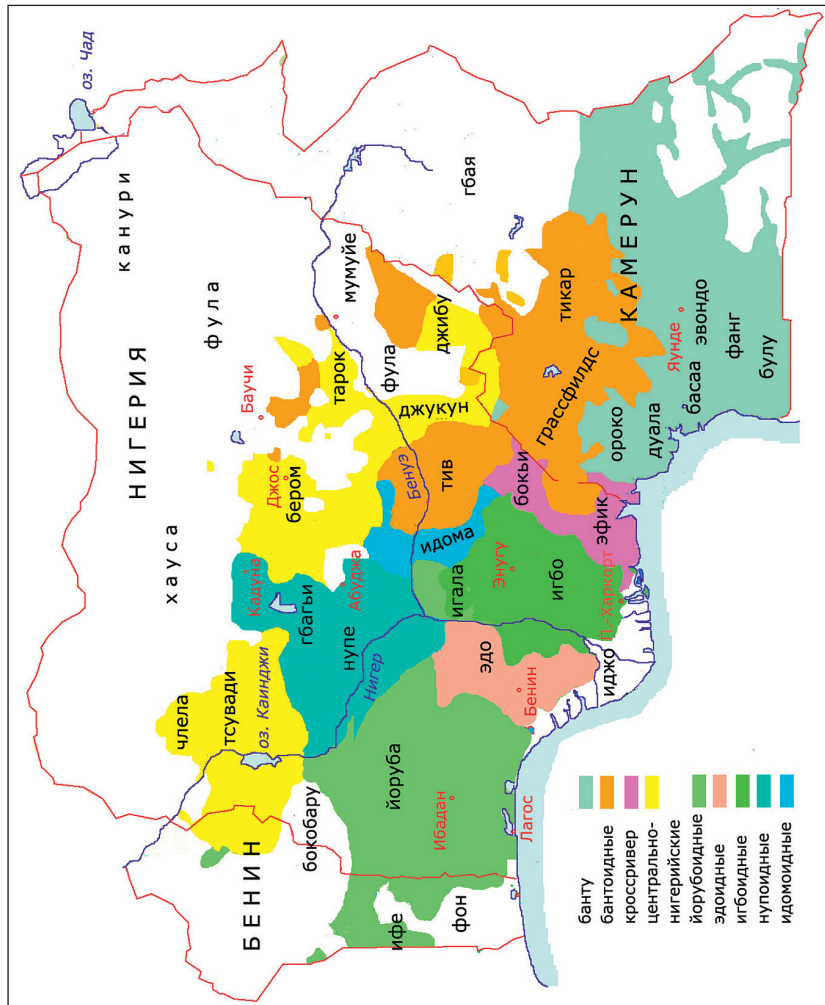

Карта 8. Нигеро-конголезские языки (автор У. Ламм)

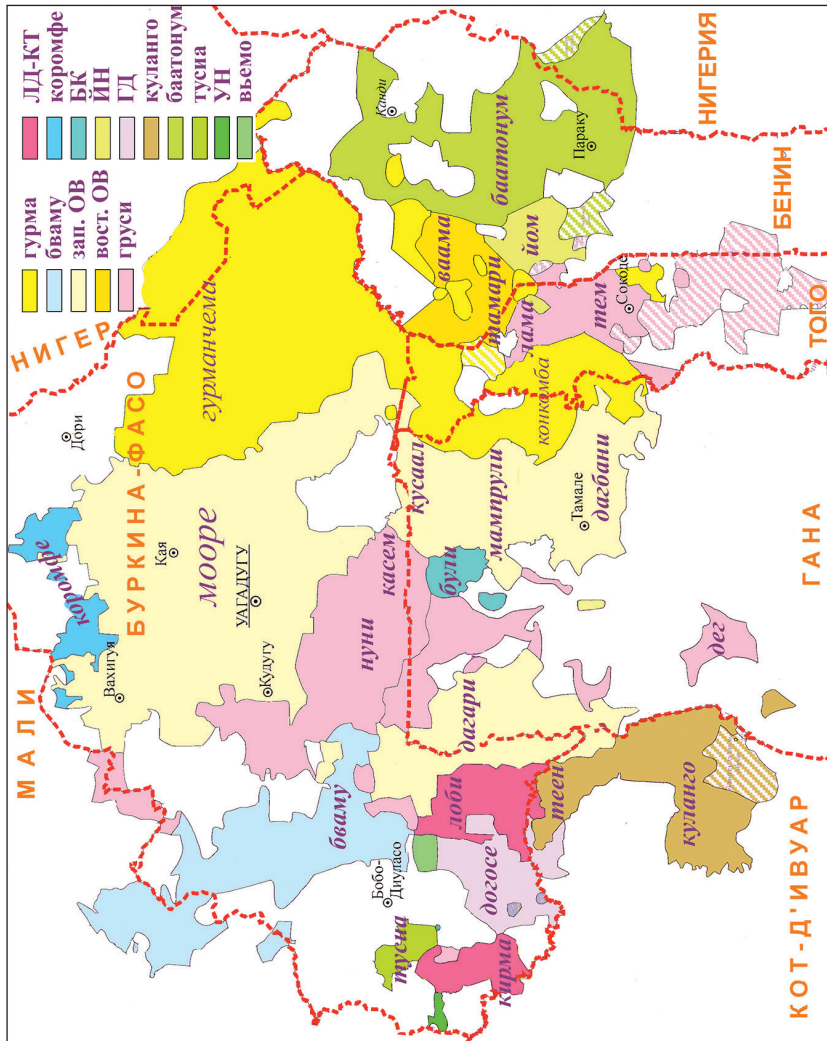

Карта 9. Языки банту [Guthrie 1967–1971]

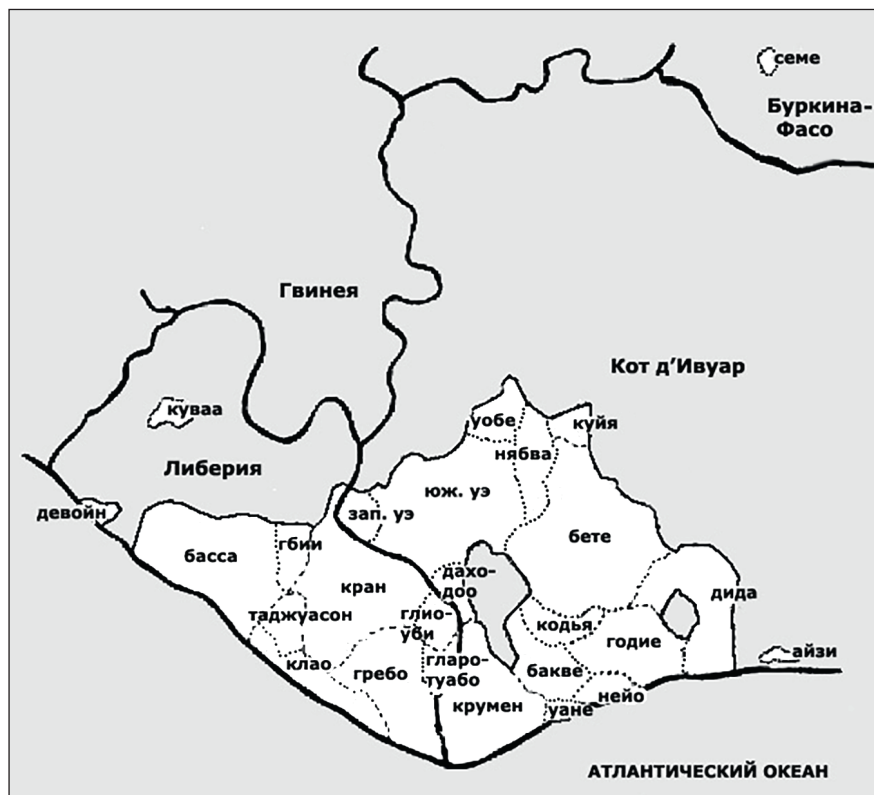

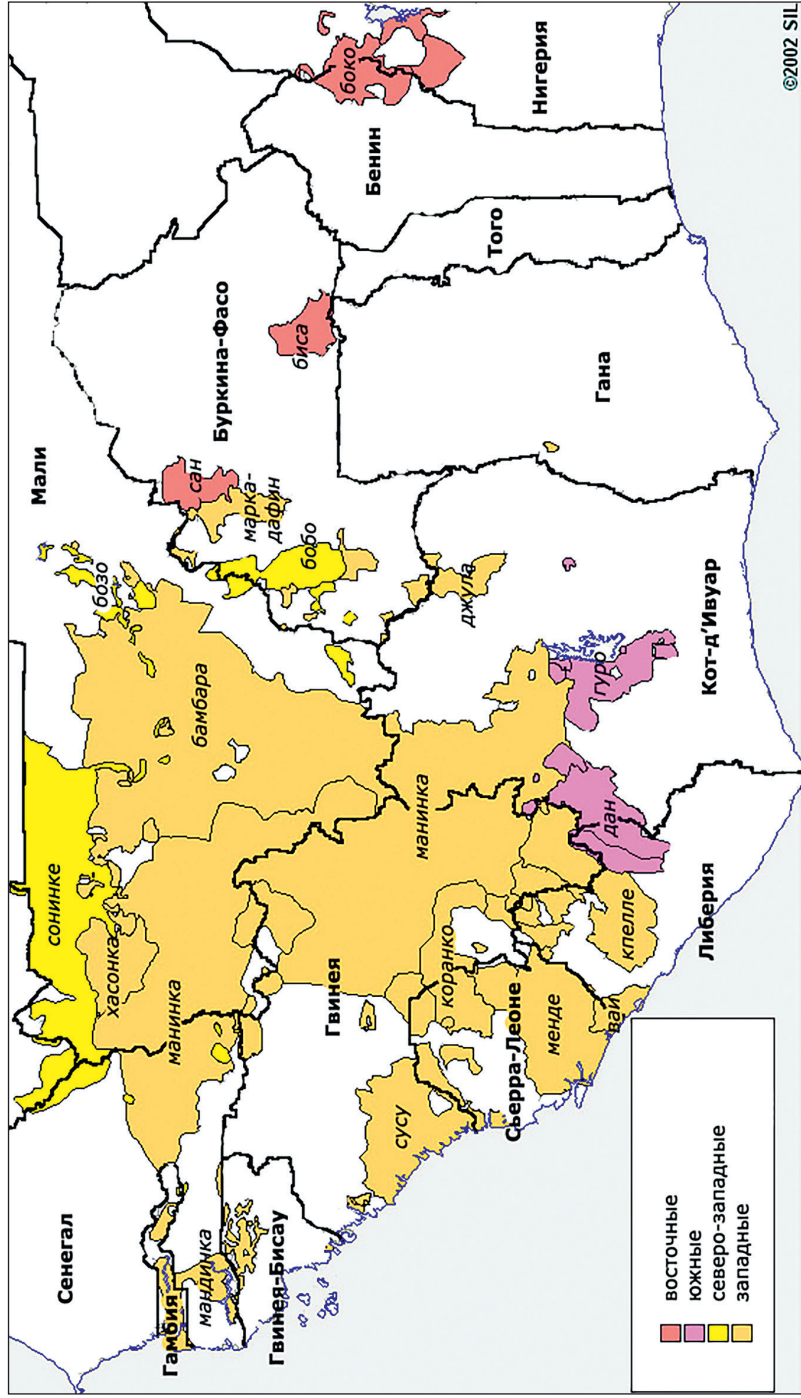
Карта 10. Бенуэ-конголезские языки (автор У.Ламм)

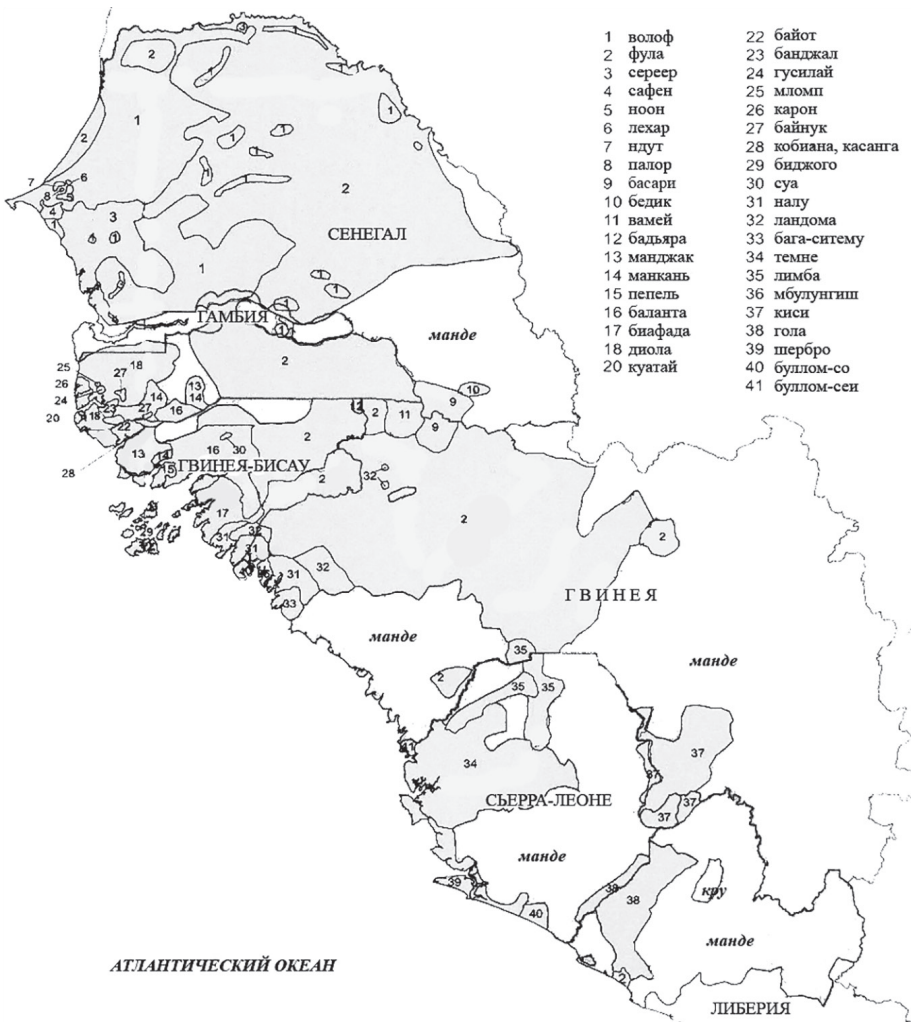
Карта 11. Языки гур (предоставлена Ю. Б. Коряковым)

Карта 12. Языки кру [Marchese 1989: 120]

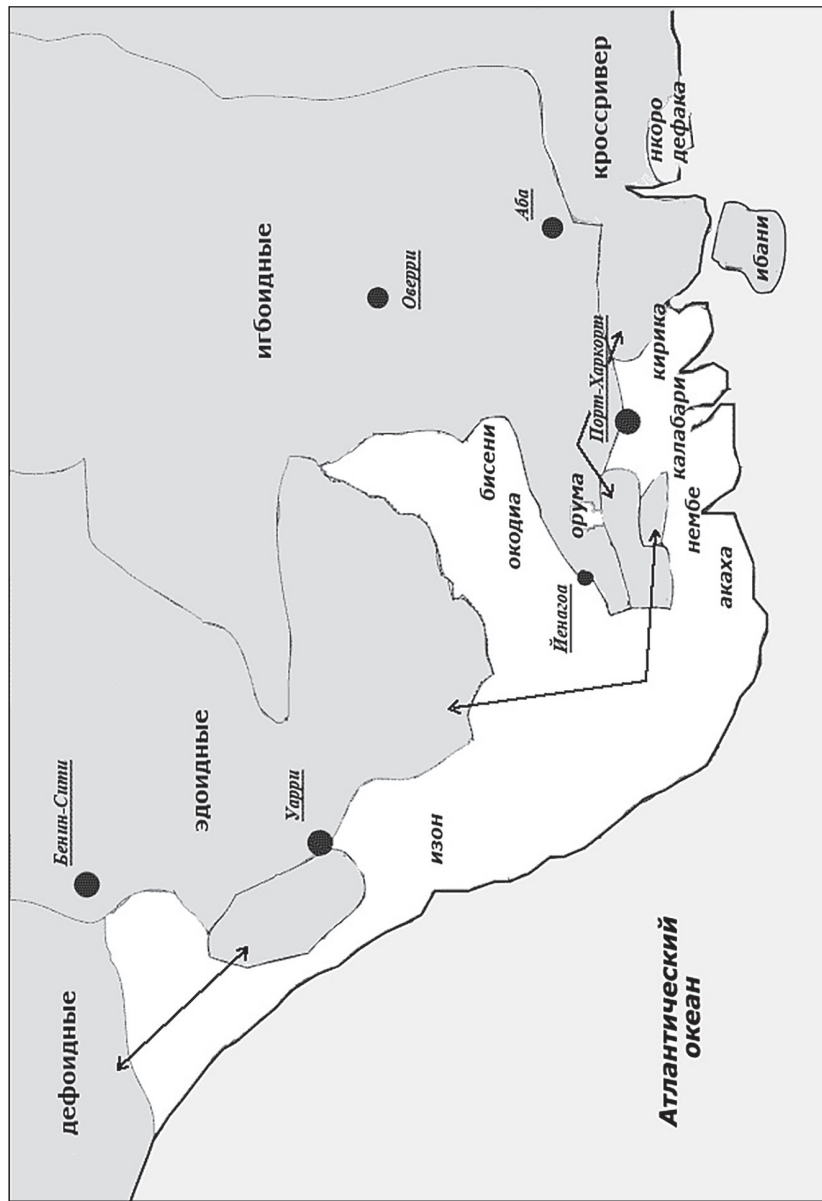

Карта 13. Языки манде (<http://www.sil.org>)

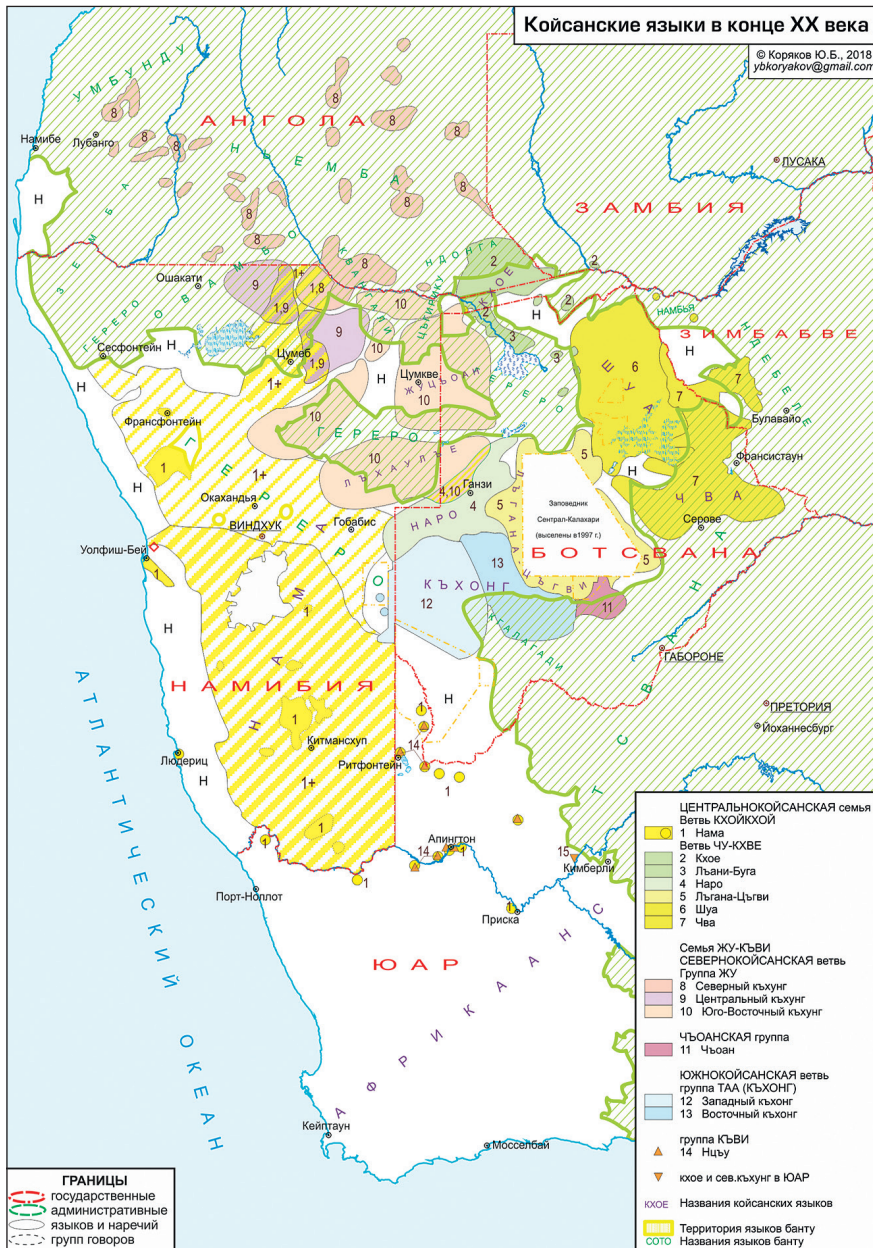

Карта 14. Атлантические языки (предоставлена Г. Сежером)

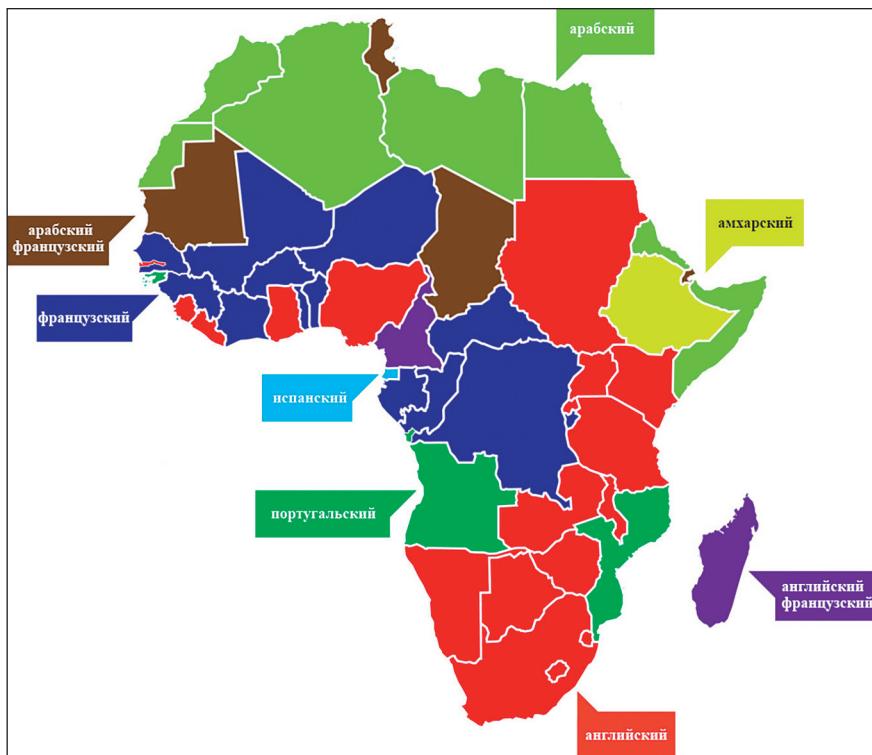

Карта 16. Иджойдные языки (по материалам [Jelencari 1989])

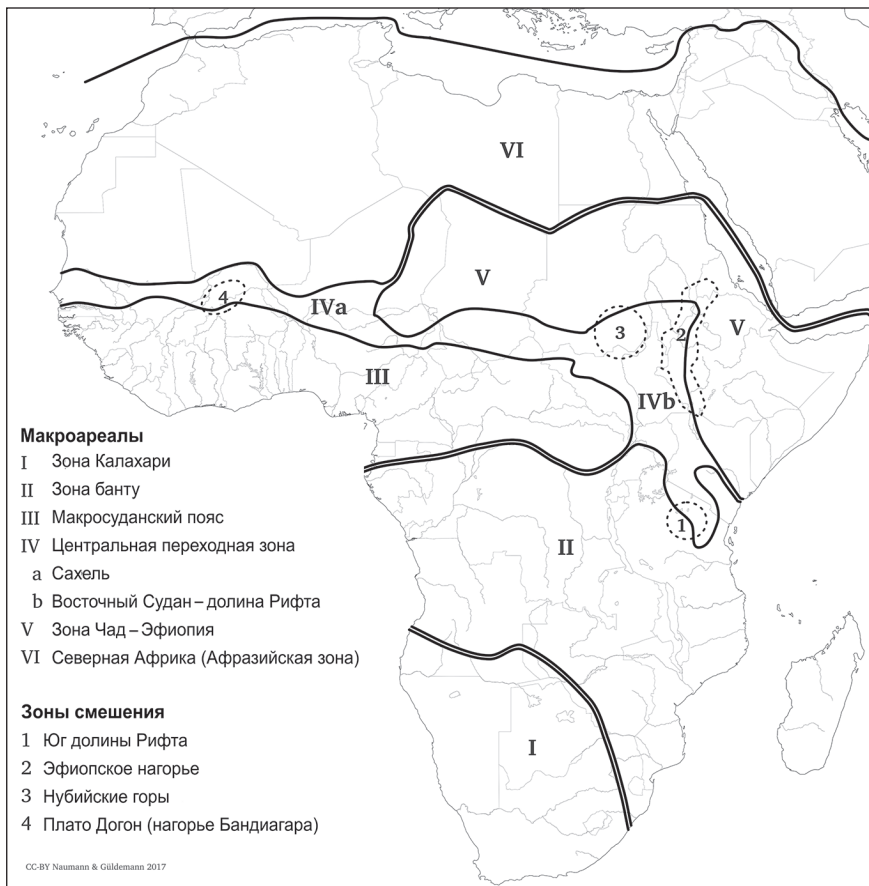

Карта 17. Койсанские языки (предоставлена Ю. Б. Коряковым)

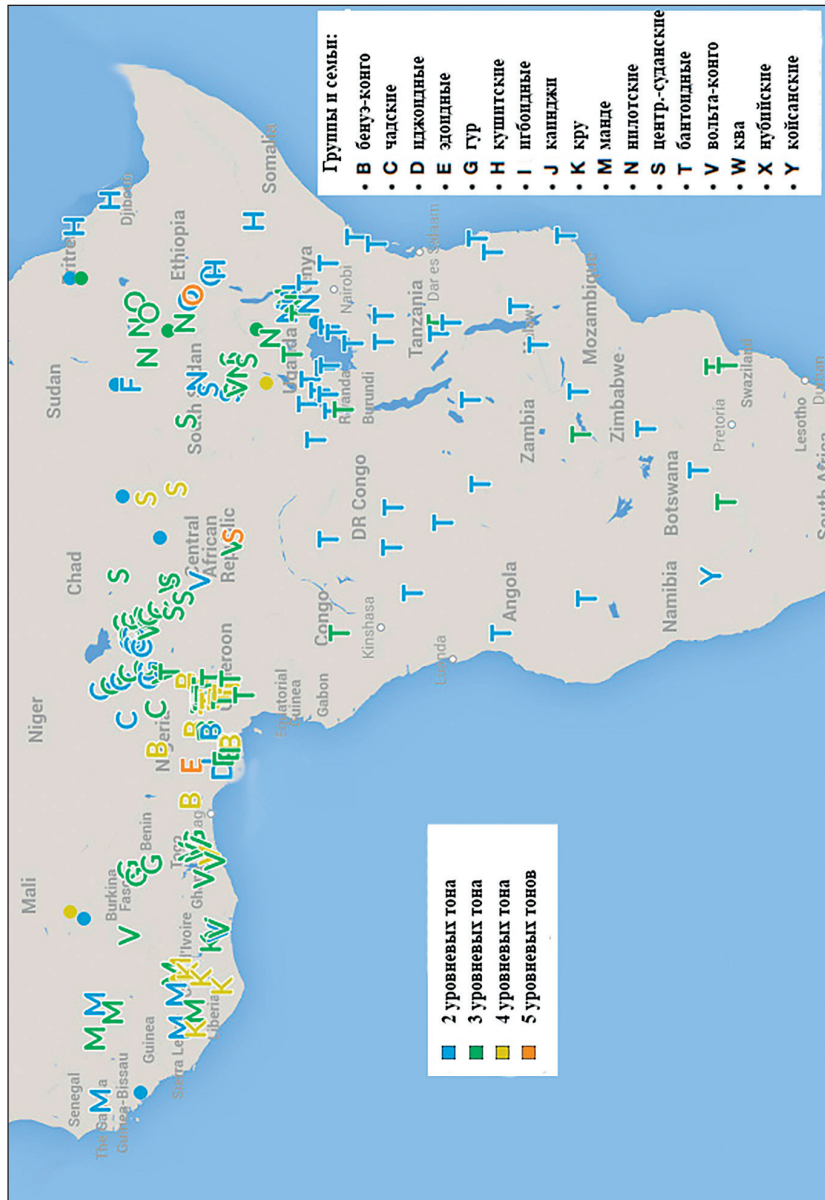

Карта 18. Официальные языки Африки

Карта 19. Макроареалы языков в Африке [Güldemann 2018]

Карта 20. Тоны в языках Африки [Нуман & al. 2015]

Общепринятая точка зрения помещает прародину языков адамауа на одноимённое плато в Северном Камеруне и Восточной Нигерии, а языков убанги – в западной части ареала их нынешнего распространения. Данные языка, фольклора и археологии сходятся на том, что основное направление экспансии убангийских народов шло с запада на восток, от большой излучины р. Убанги. Исследователи, однако, расходятся в мнениях о том, каким периодом можно датировать данные миграции. Наиболее оправданной представляется точка зрения о том, что передвижения эти довольно древние: распад убангийского праязыка на западную и восточную ветви, по данным глоттохронологии, датируется III тысячелетием до н. э. По-видимому, нынешний ареал распространения языков убанги сформировался в общих чертах в начале новой эры.

По своим типологическим характеристикам языки адамауа и убанги весьма схожи, что может объясняться и активными языковыми контактами в регионе. Системы вокализма отличаются важной ролью гармонии гласных, которая распространяется на грамматические показатели. Распространены преназализованные и импловивные согласные фонемы (*gb, ngb, mbr, nz* и др.). Грамматика в языках убанги в основном аналитическая, в адамауа – преимущественно агглютинативного типа. Именная классификация представлена суффиксами, однако уже теряет свою продуктивность. Лицо и число маркируются с помощью синтаксически независимых местоимений, при этом субъектное и объектное значение могут различаться исключительно с помощью тона. Широко распространена категория кляузности личных местоимений.

6.9. Языки кру

Языки кру можно назвать одними из наименее изученных среди языков нигер-конго. Ареал, населённый носителями языков кру, находится в относительно труднодоступной холмистой зоне влажных экваториальных лесов вдоль северного побережья Гвинейского залива. Климат данной местности не создаёт условий для значительного демографического роста и диктует относительно небольшую численность отдельных этносов и языковых сообществ (на сегодняшний день численность носителей кру не превышает 2 млн человек).

Жители прибрежных районов веками славились как хорошие матросы, и европейские корабли нередко набирали команды для транс-океанских рейсов именно отсюда. Собираательные английские названия *crew, crewmen, crewboys* ‘экипаж’, по одной из версий, и стали

в результате источником происхождения современного названия семьи языков кру и отдельных эндоэтнонимов и эндолингвонимов местных народов – таких как **клао** и **крумен**.

В последние десятилетия работа по описанию и лингвистическому анализу языков кру европейскими и американскими исследователями приобрела более интенсивный и системный характер, однако многие из них на сегодняшний день остаются практически неисследованными. Генетическая принадлежность языков кру остаётся предметом активных дискуссий. Д. Вестерман высказывал мнение об изолированном характере семьи. Хотя после работ Дж. Гринберга был достигнут относительный консенсус в том, что касается принадлежности семьи кру к макросемье нигер-конго, существует множество противоречивых мнений, высказанных в последние десятилетия о том, где именно на генеалогической дендрограмме следует её расположить. Сам Гринберг включил языки кру в состав крупного объединения ква, однако эта точка зрения весьма скоро была оспорена. Было показано, что по своим лексическим связям и типологическим характеристикам языки кру ближе к языкам гур внутренних районов Западной Африки, нежели к языкам ква побережья Гвинейского залива. Типологическое сопоставление выявляет и многочисленные параллели между языками кру и манде.

Более ясной выглядит внутренняя классификация языков кру. Ещё М. Делафосс в начале XX в. проницательно разделил семью на две ветви, западную и восточную. Предложенная им классификация разделяется и современными исследователями, так как подтверждается фонологическими противопоставлениями и лексическими изоглоссами. Восточные языки кру признаются наиболее гомогенными в области фонологии и морфосинтаксиса.

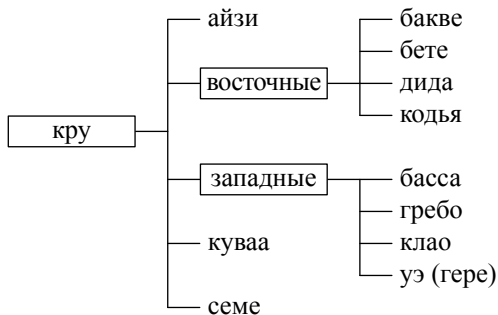

Диаграмма 6.8. Классификация языков кру

Общепринятая классификация языков кру приведена на диаграмме 6.8. Помимо семи групп языков, относящихся к двум основным ветвям (язык **кодья** изолирован в составе восточных кру), к семье кру принадлежат три языка, отделённые от основного ареала кру и географически. Это **айзи** в южной части Кот-д'Ивуара, **куваа** в западной части Либерии и **семе**, расположенный в южной части Буркина-Фасо.

Соответствия между различными семьями языков региона и языками кру дали почву для дискуссий о направлениях доисторических миграций носителей последних. По всей вероятности, языки кру ранее были распространены значительно севернее нынешнего ареала: возможно, в зоне лесосаванн Гвинеи и западных районов Кот-д'Ивуара, однако их носители были затем оттеснены на юг более развитыми и многочисленными народами семьи манде. Эта точка зрения поддерживается фольклорными, и историческими данными.

Таким образом, сегодня зона языков кру расположена на территории трёх государств Западной Африки: Буркина-Фасо, Либерия и Кот-д'Ивуар (см. карту 12). При этом в Либерии говорят только на языках западной ветви (и куваа), в Кот-д'Ивуаре – как на западных, так и на восточных языках.

Большинство работ последних десятилетий, посвящённых языкам кру, рассматривают прежде всего характерные аспекты их фонологической системы. Типичной для языков кру является 9-членная система гласных фонем с противопоставлением узких гласных по признаку $\pm$ ATR: *i / ɪ*, *u / ʊ*. В нескольких языках по этому признаку противопоставляются шесть пар гласных. Характерной чертой фонологии кру является гармония гласных по этому признаку. Языки восточной ветви развили особый средний ряд гласных, в то время как в западных языках кру важную роль играют назализованные фонемы, увеличивая инвентарь гласных фонем в **кляо** до 16. Системы согласных содержат до пяти рядов смычных: билабиальный, альвеолярный, палатальный, велярный, лабиовелярный. Слоги в языках кру всегда открытые, типов CV и CLV.

Выделяются языки кру и сильно развитой тонологией. Предполагается, что в праязыке кру существовало четыре уровневых тона, в большинстве современных языков их число варьируется от трёх до четырёх, дополняясь контурными тонами, возникшими из сочетания нескольких тонов в одном слого с долгой гласной фонемой. Тональные противопоставления играют огромную роль в морфологии и синтаксисе: с их помощью образуются формы мн. ч. имён существительных (например, в семе: *twě* 'пчела', мн. ч. *twé*), формируются грамматические

противопоставления в системе глагола. Роль тонов велика и в системах личного согласования, где нередко формы показателей различных лиц и чисел на сегментном уровне совпадают, различаясь лишь тонами. Крайним случаем здесь можно считать язык **восточный кран**, где из 6 местоимений имперфективной серии 5 имеют единую сегментную основу и противопоставлены только супraseгментными характеристиками: *á* ‘я’, *à* ‘ты’, *à* ‘мы’, *ā* ‘вы’, *ā* ‘они’.

6.10. Языки манде

Языковая семья манде состоит более чем из 70 языков, на которых говорит около 70 млн человек на территории Западной Африки. Наиболее компактно носители языков манде населяют Гамбию, юго-восток Сенегала, юго-западную часть Мали, восточные районы Гвинеи, большую часть территории Сьерра-Леоне, север Либерии, западные и центральные районы Кот-д’Ивуара. Отдельные эксклавы языков манде существуют также на юге Мавритании, на западе Буркина-Фасо, на севере Бенина и западе Нигерии, в Гане (см. карту 13). В этом обширном регионе языковое разнообразие очень велико: почти повсеместно можно наблюдать чересполосицу и тесные этнокультурные контакты носителей языков различных семей.

Семья манде, по-видимому, является одной из древнейших среди языков макросемьи: согласно лексикостатистическим подсчётам, носители праязыка манде среди первых отделились от нигеро-конголезского языкового сообщества. Между тем возраст семьи не так уж велик и сравним с возрастом хорошо изученных семей, например индоевропейской: данные глоттохронологического анализа датируют период распада общего предка современных языков манде второй половиной IV тысячелетия до н. э., хотя выдвигались и более ранние датировки [Vydrin 2009].

Структурные и лексические сходства между языками манде (особенно принадлежащими к группе манден) были очевидны исследователям уже начиная с середины XIX в. Тем не менее, хотя попытки классифицировать языки манде предпринимались с тех пор, как Сигизмунд Кёлле впервые сгруппировал их в своей «Полиглотте», на сегодняшний день внутренняя классификация семьи даже на уровне основных групп не является бесспорной. Более или менее консенсусной является точка зрения о делении языков манде на две ветви – восточные (включая южные) и западные; из числа последних в свою очередь выделяют

несколько групп северо-западных языков (сонинке-бозо и самого-бобо). Что касается генетической классификации более низкого таксономического уровня, то консенсуса на эту тему среди африканистов нет. Одна из гипотез представляет семью манде в виде диаграммы 6.9.

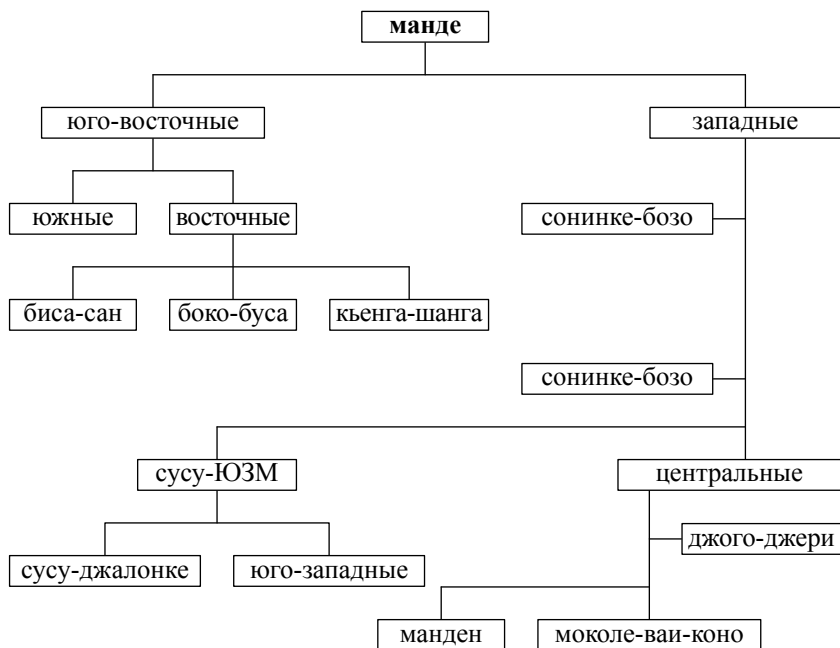

Диаграмма 6.9. Классификация языков манде [Ethnologue 2017]

Согласно данной диаграмме, языки манде делятся на две крупные ветви, из которых западная ветвь представляет собой наибольшее однообразие. Подгруппа манден, к которой принадлежат крупнейшие языки семьи (**бамбара**, **манинка**, **дьюла** и др.), представляет собой континуум близкородственных диалектов, образовавшихся после распада языка средневекового государства Мали.

Существующие сравнительные исследования языков манде большей частью анализируют фонологическую систему и лексический состав. Практически все языки характеризуются весьма сложной фонологией, с обилием гласных, противопоставленных по признакам открытости, назальности, долготы и $\pm$ ATR. Широко распространена гоморганная слоговая носовая фонема *N*. В системе согласных противопоставлены смычные и имплозивные, количество последних может

достигать 3–4 фонем. В юго-западных языках манде функционируют начальные фонетические чередования, обусловленные фонологией. Все без исключения языки манде обладают развитой тонологией, с различием от двух до пяти уровневых тонов. При этом правила сочетания тонов и их поверхностных изменений под влиянием соседних слогов чрезвычайно сложны. Морфосинтаксис языков манде тяготеет к изолирующему строю, так как большинство грамматических значений выражаются с помощью независимых или клитических показателей, расположенных перед глаголом или после него. Сливаясь с личными местоимениями, эти показатели формируют многочисленные (числом до 20) серии личных показателей, «собранных» в одной морфеме сразу все глагольные значения: в **зиало** в предложении *gèyù vâ* ‘я не приду’ глагол *vâ* ‘приходить’ не содержит ни одного грамматического показателя, он представлен чистой основой, в то же время все глагольные значения (1 л., ед. ч., желательное наклонение, проспективный аспект, отрицательная полярность) сосредоточены в личном показателе *gèyù*. Встречаются в языках манде и аффиксы, некоторые из которых супрасегментны, т. е. выражены только тоном.

Языки манде – одна из немногих семей языков нигер-конго, не имеющая систем именной классификации. Именно это было одним из решающих аргументов противников включения манде в состав нигер-конго. Однако, как блистательно показал в своих работах В. Ф. Выдрин [2006], следы такой классификации можно обнаружить в некоторых языках западной ветви манде: в их числе именной назальный префикс, различение окончаний мн. ч. для различных групп существительных и прочие признаки.

6.11. Атлантические языки

Атлантические языки, будучи первыми из языков Западной Африки, с которыми познакомились европейцы – португальские капитаны дона Энрике Мореплавателя в XV в., – изучены на сегодняшний день довольно основательно по сравнению с языками многих других семей Африки. Парадоксально, тем не менее, что атлантические языки представляют собой сплошную коллекцию загадок с точки зрения современного сравнительно-исторического языкознания. Объединение языков региона в единую общность изначально происходило не по генетическому, но по географическому и типологическому принципам классификации, в результате чего, по выражению Т. Чайлдса,

атлантическая ветвь превратилась в подобие «мусорной корзины» африканского языкознания [Childs 2003].

Абсолютное большинство атлантических языков расположено на территории шести государств Западной Африки, примыкающих к Атлантическому океану: с севера на юг это Сенегал, Гамбия, Гвинея-Бисау, Республика Гвинея, Сьерра-Леоне и Либерия. Выделяется из этого ареала лишь крупнейший атлантический язык **фула** (или пулаар-фульфульде), более 25 млн носителей которого расселены практически по всему Великому Судану между пятой и пятнадцатой параллелями северной широты – наиболее компактные ареалы располагаются в Нигерии, Сенегале, Гвинее, но отдельные группы скотоводов фула на территории вплоть до Эфиопии и Сомали (см. карту 14). Тем не менее, согласно наиболее общепринятой точке зрения и мифологии самих фульбе, прародиной языка фула также является область, близкая к атлантическому побережью, – регион Фута-Торо в Северном Сенегале. В современной науке фула иногда называют макроязыком или кластером независимых языков, насчитывающим до десятка идиомов, сохраняющих, однако, значительную близость между собой.

Крупными атлантическими языками по количеству носителей являются также **волоф** (4 млн человек) и **сереер** (более 1 млн человек) в Сенегале. Южная часть региона, занятого атлантическими языками, содержит такие крупные идиомы, как **темне** (крупнейший язык Сьерра-Леоне), **киси**, **лимба** и др. Наконец, множество совсем небольших по количеству носителей языков, причисляемых к атлантическим, рассыпаны по океанскому побережью от Южного Сенегала до Республики Гвинея: среди них есть языки, которыми пользуются лишь сотни человек (например, **касанга** в Гвинее-Бисау). Общее количество атлантических языков, согласно современным подсчётам, превышает 60.

Одной из основных типологических характеристик имени атлантических языков является наличие разветвлённой системы именных классов и классного согласования, пронизывающего всю систему грамматики. Количество классов в некоторых языках поражает воображение: представляется, что мировым лидером по этому показателю является язык **кобиана**, где их число приближается к сорока. В **налу**, напротив, именных классов насчитывается только три, однако среди атлантических нет ни одного языка, лишённого именной классификации.

Система классного согласования имени существительного с другими членами именной группы или клаузы в атлантических языках

развита неравномерно: так, в **мботени** она вовсе отсутствует, в **налу** распространяется только на указательные местоимения, в то время как, к примеру, в **темне** из всех частей речи лишь частицы, личные местоимения и некоторые наречия не охвачены согласовательным маркированием. Классные и согласовательные показатели выступают в виде префиксов (например, в темне или **лимба**) или суффиксов (например, в **фула**). В языках **гола** и **сереер** классные маркеры имеют характер циркумфлексов: схожая система предполагается и для более раннего состояния языка фула, где следы исчезнувших префиксов сохранились в виде системы начальных чередований согласных.

Такие чередования также являются одной из характерных черт морфологии атлантических языков. Три ступени чередований начальных согласных засвидетельствованы в фула, **биафада**, **сереер** и **волоф**. Некоторые признаки ранее существовавших мутаций начальных согласных найдены в подгруппе диола и нескольких южных идиомах. Во всех языках чередования следует считать морфонологическим явлением: они связаны с системой именных классов, а в ряде случаев – с глагольным словоизменением.

Ещё одной грамматической особенностью, распространяющейся на большинство атлантических языков, является значительная роль глагольных словообразовательных суффиксов (расширений, англ. *extensions*). Наиболее распространёнными значениями глагольных суффиксов в атлантических языках являются каузативное, реверсивное, а также различные директивные значения. В темне с помощью деривативных суффиксов вида *-C* обозначаются и некоторые падежные значения: бенефактив, датив, элатив, аллатив, инструменталис, а также значения актантной деривации: реципрок и рефлексив.

С. Кёлле, первым опубликовавший ряд материалов по языкам атлантического побережья Африки, поместил их в раздел «Неклассифицированные и изолированные языки» своей работы «Полиглотта» [Koelle 1854]. Насколько Кёлле понимал общность атлантических языков как генетическую или типологическую, неясно, однако с этого времени выделение атлантической (или «западноатлантической», как её ранее называли) семьи прочно вошло в традицию африканистики. Убедительного сравнительно-исторического обоснования для этой точки зрения, тем не менее, не существует. Лексикостатистические подсчёты демонстрируют, что атлантические языки скорее могут представлять собой несколько (до пяти-шести) генетических объединений. Процент лексических сходжений между языками различных групп подчас

находится на уровне 5–6 %, что не позволяет делать надёжных выводов о генетическом родстве.

Действительно, помимо общих типологических особенностей, ни лексические, ни грамматические данные не дают оснований говорить о существовании атлантической семьи языков как таксономической единицы. Несмотря на то что Дж. Гринберг поместил «атлантическую семью» на один уровень с другими семьями языков нигер-конго, критические оценки этой позиции стали появляться почти сразу после публикации его гипотезы. Когда из печати вышел фундаментальный труд Гринберга, исследователь атлантических языков У. Вильсон заявил, что *в деталях морфологии, синтаксиса и словаря западноатлантическая группа языков далека от единства* [Wilson 1963], а вскоре другой специалист, Д. Дэлби, предложил и вовсе отказаться от употребления термина «атлантические языки», утверждая, что их *единство так и не было никогда удовлетворительно установлено* [Dalby 1965].

Диаграмма 6.10. Классификация атлантических языков
(предоставлена К. И. Поздняковым)

Авторству Дэлби принадлежит одно из важнейших достижений атлантического языкознания второй половины XX в. – доказательство генетической общности языков менее глубокого уровня, а именно группы

мель. Ранее Дж. Гринберг предварительно помещал данные языки вместе с языками лимба в южноатлантическую группу. Дэлби было показано, что схождения между языками мель и прочими атлантическими весьма ненадёжны. Языки центральной и северной частей атлантического ареала продолжали всю вторую половину XX в. рассматриваться как представители единого генетического объединения. Их классификация, приведённая в работе Гринберга, была в 1971 г. модифицирована Д. Сэпиром [Sapir 1971]. Сэпир выделил крупную североатлантическую ветвь языков, состоящую из групп сенегальских языков (включая **фула**, **сереер** и **волоф**), языков чангин, бак (включая подгруппы или кластеры языков **диола**, **манджак** и **баланта**), язык **налу** и восточно-сенегало-гвинейскую группу (подгруппы тенда, джаад-биафада, ньюн-буй). В качестве изолированного языка семьи рассматривался **биджого**, а языки мель (с подгруппами темне-бага, шербро-булло-киси и **гола**), **лимба** и **суа** классифицировались Сэпиром как южноатлантические.

Уже в 1970-е гг. значительно более пристальное внимание стало уделяться изучению и сравнительному анализу морфологических элементов в грамматике атлантических языков. Однако основным материалом для сравнения оставались именные классы. Первым в отечественной литературе сравнительным исследованием атлантических языков – и снова прежде всего системы именных классов – становится монография К. И. Позднякова [1993]. В заключении этой работы констатируется, что *сравнительно-исторические данные по именным классам в языках каждой из рассмотренных подгрупп... не дают нам уверенности в том, что общеатлантический язык – это историческая реальность*. Вывод автора состоит вовсе не в том, что в родстве атлантических языков нужно сомневаться – речь идёт о том, напротив, что *морфемы именных классов всех атлантических языков, безусловно, являются родственными морфемами и, безусловно, родственны морфемам других нигеро-конголезских языков*. Однако под сомнение ставится положение о существовании атлантической языковой общности и правомерности праатлантической реконструкции вообще. В первом десятилетии XXI в. эта точка зрения завоёвывает всё более прочные позиции в российской и зарубежной африканистике. Вполне вероятно, что некоторые из языков, объединяемых под атлантической «маркой», на самом деле более близки другим нигеро-конголезским языкам, нежели соседям по атлантическому побережью. Принимая эту точку зрения, мы будем называть атлантические языки общностью, объединяемой по типологическим или географическим критериям, но не семьёй языков.

6.12. Прочие нигеро-конголезские языки

В состав нигеро-конголезской макросемьи сегодня включается ряд небольших семей языков Западной Африки: это языки догон в Мали и Буркина-Фасо, идждоидные языки Нигерии и кордофанские языки Нубийских гор Судана. Относительно их происхождения нет единого мнения. Вероятнее всего, что кордофанские и догонские языки являются ранними ответвлениями нигер-конго, так как они сохранили значительное количество и грамматических, и лексических изоглосс с другими языками макросемьи. Так, система именных классов в кордофанских языках имеет существенные материальные сходства с системами языков банту [Schadeberg 2011]. Дж. Гринберг, первым сравнивший их с другими языковыми семьями Субсахарской Африки, считал кордофанские языки наиболее ранней ветвью нигеро-конголезской макросемьи; эта гипотеза выдержала испытание временем, и большинство исследователей по сей день считают кордофанские языки первым ответвлением от нигеро-конголезской дендрограммы. Формированию особых фонологических и морфосинтаксических свойств кордофанских языков способствовал географический фактор: в отличие от всех остальных ветвей макросемьи, только кордофанские языки не граничат и не контактируют ни с одним другим языком нигер-конго, будучи окружёнными языками других макросемей.

Носители догонских языков населяют небольшую область на юго-востоке Мали и севере Буркина-Фасо (см. карту 15). Исторически жившие в труднодоступной местности и исповедовавшие весьма закрытые культурные традиции, догоны в течение столетий считаются загадочным народом в западной литературе и мировом научном сообществе. Это связано с нетривиальной и сложной космогонической традицией догонов, их разветвлённой и наполненной утончённым символизмом мифологией, обрядностью и обособлением догонов от соседей в религиозном, культурном, языковом аспектах. Несмотря на то что сегодня догоны живут и в городах, а большинство отошло от традиционных верований, в свет продолжают выходить монографии и статьи, пестрящие самыми различными гипотезами об истоках догонского этноса, культуры и языка. Об одном из самых закрытых народов Тропической Африки на Западе издано литературы больше, нежели о многих других – не столь «загадочных».

О языках догон, их генеалогической классификации до недавнего времени также существовали самые различные мнения учёных. Вплоть

до 1980-х гг. в лингвистике главенствовала точка зрения о едином языке догонов, имеющем многочисленные диалекты и входящем в состав языковой семьи гур. Однако надёжных лексических связей между языками догон и гур обнаружить не удалось, а количество схождений в составе базовой лексики колеблется на уровне примерно 30% (между языками гур оно достигает существенно более высокого уровня). К началу 1990-х гг. более детальные исследования языков догон, с одной стороны, и языков гур – с другой, привнесли в научную африканистику две существенные поправки: во-первых, диалекты догон приобрели статус отдельных языков; во-вторых, догонские языки были выделены из состава гур в отдельную семью. Согласно современной классификации, сегодня их насчитывают не менее двух десятков [Prokhorov 2010].

Что касается иджоидных языков (см. карту 16), то их сходство с соседними языками нигер-конго вполне может объясняться и процессами конвергенции. Как фонологически, так и грамматически иджоидные языки весьма сильно отличаются от языков соседних семей. В фонологии это проявляется, к примеру, в том, что в иджоидных языках допустимы именные и глагольные лексемы с анлаутной гласной – структура, совершенно нетипичная для языков нигер-конго. В ряде языков в дополнение к распространённой в Западной Африке гармонии гласных существует явление консонантной гармонии в рамках морфемы. В местоименной системе выделяется то, что личные местоимения 3 л. обладают категорией грамматического рода. Данная категория может включать граммы мужского, женского и среднего родов, параллельно с ней функционирует и категория одушевлённости. Во мн. ч. родовые различия нивелированы – кроме **иджо**, где и в плуралисе существует противопоставление форм для референтов-лиц и нелиц.

Анализ базовой лексики и грамматических показателей иджоидных языков позволяет утверждать, что они являются автохтонными языками побережья Гвинейского залива и, вероятнее всего, должны считаться независимой семьёй языков [Бабаев 2013].

Приложение. Текст на языке зиало (семья манде, НК)

Как Гиена и Заяц перестали быть друзьями [Бабаев 2011]

<i>Bùkí-y</i>	<i>òò</i>	<i>zábé-y</i>	<i>òò</i>	<i>tíyá</i>	<i>lɔ</i>	<i>té</i>	<i>yé-nì</i>	<i>wòlù.</i>	
гиена-DEF	и	заяц-DEF	и	они.FOC	COP	они	быть-PRET	вместе	
<i>Té</i>	<i>yé-nì</i>	<i>gà</i>	<i>bòlà</i>	<i>wòlà-y-tì.</i>	<i>Té</i>	<i>dòbá</i>	<i>té</i>	<i>yé:</i>	<i>“Àmóy</i>
они	быть-PRET	с	друг	большой-DEF-PL	они	же	они	говорит	пойдём

ná àmó bálí-y lè". Té yé (')-kpíizi.
 сейчас мы.INCL.IMP силки-DEF поднимать они делать этот-многочисленный

Nà ló tá vá bálí-y nàné sì (')-té nà
 когда COP они.IRR приходиться силки-DEF тот этот этот-поднять там

wò ilá, zábé-y yé bìkí-y wá sì: vè gèyà
 попасть один заяц-DEF сказать гиена-DEF DAT этот давать я.CNTR

zà, lìnà gélé, ná wó nà né yè gá
 сегодня завтра утро он.COND попасть тот мы.EXCL быть с

ì-dé-y. Pólúwà-y nà tá lì wòlù, é
 ты.POSS-вещь-DEF завтра-DEF когда они.IRR идти вместе он

wò-gò, nà wó lóólú, nà yé (')-má: áló
 попадаться-AOR тот попадаться пять тот сказать он.PF-PP он.IPFV

wò gá góótá-gò lìnà. Dóólú-gòy ná è wò-gò
 попадаться с шесть-DEF завтра пять-DEF сейчас чтобы.он попадаться-AOR

zá, nà yéle (')-fé gèyà wòlù. Zábé-y ló
 сегодня тот уже этот-давать я.CNTR опять заяц-DEF COP

gé-dé-y yéyé nà. Bùkí dé-y wá, tá
 он.POSS-вещь-DEF брать сейчас гиена собственность-DEF FOC несколько

là (')-bè. Té dòbá té yé (')-má: "Àmó nàtò wè
 не этот-для они TOP они сказать этот-на мы.INCL PROG встречаться

kpó-gì táá zù, àmó zéy, àmó kpóóló lé". Nà té
 толпа-DEF город в мы.INCL сидеть 1PL.INCL слово сказать когда они

vá wè, zábé-y gé-dé-y wù kòdà-y zù.
 приходит встречаться заяц-DEF он.POSS-вещь-DEF класть ступа-DEF в

É (')-síyá, é (')-fúká. Tíyá ló ná zéy-nì
 3SG этот-измельчать он этот-толочь они.FOC COP сейчас сидеть-PRET

gátébà-y zù. Áló bòtì kùlò-y ná gúlá è
 собрание-DEF в он.IPFV коробка малый-DEF сейчас вынуть чтобы.он

(')-tíli: kpéké-kpéké-kpéké. Bùkí-y ló yé ná dé ló
 этот-трясти ID гиена-DEF COP сказать сейчас что COP

yà? Áló yé ná: nè-jè-y ló. Gè yé-gò
 ты.CNTR он.IPFV сказать сейчас я.POSS-мать-DEF COP я делать-AOR

gè (')-péle-gò kòdà-y là, gè (')-góló-gò. Nàné ló yègì gè
 я этот-толочь-AOR ступа-DEF у я этот-бить-AOR это COP сейчас я

vá (')-mé. Pólúwà-y bìkí-y lì. É yé
 приходит этот-есть завтра-DEF гиена-DEF идти он сказать

gé-jé-y wá: vò lé ndè! Nà á vá
 он.POSS-мать-DEF DAT приходит IMP моя.мать когда он.IRR приходит

vélé kòdà-y là, é gètè-y yèyè, é (')-silé nà wà. É dòbá
 путь ступа-DEF к он пест-DEF брать он этот-опускать тот на он же
á bálá è (')-géyé, è (')-pú bòtì-gì zù,
 он.FOC тоже чтобы.он этот-брать чтобы.он этот-класть коробка-DEF в
Fóló fèlè-gò lònè tá vá wè gátèbà-y wà.
 день два-DEF проходить они.IRR приходить встречаться собрание-DEF на
Zábé-y gé-dé-y gúlá wòlù é (')-ké
 заяц-DEF он.POSS-собственность-DEF вынимать опять он этот-делать
kpéké-kpéké-kpéké. É dòbá è yá gé-dé-y gúlá.
 ID он же чтобы.он FOC он.POSS-вещь-DEF вынимать
Nà yá yé: kpókó-kpókó-kpókó gà nú yalè lètèlè-gì. Nà
 тот FOC сказать ID с человек кость только-DEF когда
dòbá nà yé (')-má: yè i-jè-y váá-gò ná?
 же тот сказать этот-DAT ты ты.POSS-мать-DEF убивать-AOR сейчас
Ná é yé (')-má: yèy. Nà yé (')-má: i-bòlò-wàà
 сейчас он сказать этот-DAT да тот сказать этот-DAT ты-сумасшедший-RES
lè dè! Néyá i-jè-y vá-á á wó
 быть правда если.ты ты.POSS-мать-DEF убивать-RES ты.IRR будешь
yé i-yàazù. Zábé-y dòbá é viliyè. Bùkì-y dòbá é
 делать ты.POSS-глаз заяц-DEF же он бежать гиена-DEF же он
zilé zábé-y wòlì mà. É yé nà (')-só. Nà yèlè tó
 следовать заяц-DEF искать DAT он быть тот этот-ловить тот именно COP
é bá tí-bólávà-y yàni-nì
 он причина они.POSS-дружба-DEF портить-PRET

Перевод

Гиена и Заяц были вместе. Они были большими друзьями. Однажды они сказали [друг другу]: «Пойдём поставим силки». Они [решили] пойти поставить силки на мышей. И они поставили много [силков]. Когда они поставили их тут и там и одна мышь попалась, Заяц сказал Гиене: «Дай мне эту мышь сегодня, а завтра утром всё, что мы поймаем, будет твоим». На следующий день, когда они снова отправились [ставить силки] и в них попало пять мышей, Заяц сказал: «Завтра поймем шесть. А те пять, что мы поймали сегодня, отдай их опять мне. Завтра, когда попадутся шесть [мышей], я их отдам тебе». Они делали так, пока у них не скопилось много [мышей]. Заяц забрал [всё] себе. Он сушил, сушил их. А Гиена ничего не получила. Потом они сказали друг другу: «Мы с тобой встретимся на ярмарке в городе, давай посидим, поговорим». И когда они собирались встречаться, Заяц положил свою добычу в ступу. Он измельчил и растолок

её. И вот сидят они на собрании. Он вытащил маленькую коробочку и потряс её, и [она зазвучала]: «кпеке-кпеке-кпеке». Он взял оттуда и чуть поел. Гиена спрашивает его: «Что это у тебя?» Он отвечает: «Это моя мать. Я её истолок в ступе и сделал из неё порошок. А теперь я его поедаю». Гиена приняла эти слова серьёзно и говорит: «О! Я тоже завтра истолку свою мать в ступе и сделаю из неё порошок». На следующий день она пошла. Она говорит своей матери: «Иди сюда, мам!» Когда мать пришла, она сказала: «Подойди сюда, к ступе, я посмотрю на тебя!» Когда та подошла к ступе, Гиена взяла пест и ударила её. А потом тоже взяла её, положила в коробку и носила эту коробку в руке. Через два дня они встретились на собрании, она и этот Заяц. Заяц взял свою добычу и снова стал делать «кпеке-кпеке-кпеке». Гиена тоже вынула своё приобретение. Но оно звучало как «кпоко-кпоко-кпоко», потому что там были только человеческие кости. Тогда Заяц спросил Гиену: «Ты что, убила свою мать?» И Гиена ответила: «Да». И тогда Заяц сказал: «Да ты просто сумасшедшая! Мыши, которых мы поймали, это они в моей коробке, и это их я ем сейчас. Если ты убил свою мать, горе тебе!» И Заяц убежал. Гиена побежала его искать. Она хотела его поймать. Вот как была испорчена их дружба.

Глава 7. Койсанские языки

7.1. Общие сведения

Самая малочисленная из макросемей африканских языков всегда привлекала к себе пристальное внимание лингвистов и антропологов. Структура койсанских языков – в особенности звуковая система – имеет мало аналогов на планете по своей сложности и своеобразию. Споры о происхождении, генетическом родстве и классификации койсанских языков продолжают в лингвистической литературе уже не первое десятилетие.

Койсанскими называют около 30 языков, на которых говорит чуть менее одного миллиона человек в Южной Африке. Их носители расселены по территории трёх стран региона – Ботсване, Намибии и Анголы, с небольшими анклавами в ЮАР и Зимбабве. Кроме того, представители двух языков, отнесённых Дж. Гринбергом к койсанским, – **хадза** и **сандаве** – проживают в Восточной Африке, в Танзании, в тысячах километров от основного ареала языков макросемьи (см. карту 17). Крупнейшим языком макросемьи является **нама**, на котором говорит более 200 тыс. человек; он же является единственным из койсанских языков, получившим статус официального (в Намибии). Большинство койсанских языков располагает не более 10 тыс. носителей.

По своему хозяйственно-культурному типу носители койсанских языков делятся на две чёткие группы: скотоводы кхой, в более ранней литературе известные как готтентоты, и охотники-собиратели сан, более известные как бушмены. Охотничье хозяйство народов сан пустыни Калахари можно назвать ярким реликтом неолитического образа жизни человечества. Они пользуются орудиями из камня, добывают воду из диких арбузов или съедобных корней и охотятся на дичь с помощью луков с отравленными стрелами, усыпляющими жертву. Быт, культура, мифология койсанских народов являются неисчерпаемым источником сведений о том этапе развития человечества, который уже тысячелетия назад исчез в Европе и большей части Азии.

Восточноафриканские сандаве в основном заняты земледелием, хотя имеются сведения о более раннем охотничьем характере их хозяйства. Хадза Танзании сохраняют традиционный уклад охотников-собирателей, одних из последних в Восточной Африке.

Койсанцев считают исконными обитателями юга африканского континента. Некогда ареал их расселения охватывал практически весь юг Африки, а если принимать во внимание возможное родство южноафриканских койсанцев с хадза и сандаве, то и восток континента к югу от экватора. Койсанские народы жили в основном охотой и собирательством, находясь в своём культурном развитии на уровне позднего каменного века. Они жили небольшими семейными группами, кочуя по территории саванн и полупустынь региона или занимаясь рыболовством на океанском побережье и в долинах крупных рек. Широкая полоса экваториальных лесов, отделявших вплоть до III–II тысячелетия до н. э. Субэкваториальную Африку от остальной части континента, фактически сделала жителей этого огромного региона изолированными от остального мира. В результате койсанские народы тысячелетиями контактировали друг с другом, выработав общие особенности антропологического типа, культуры, социальной организации, хозяйствования, а также и языка. Сделанные в XX в. археологические открытия на юге Африки продемонстрировали, что орудия труда и оружие охотников на стоянке возрастом ок. 40 тыс. лет практически идентичны тем, что бушмены используют сегодня. Изолированные от взаимодействия с другими народами и цивилизациями, койсанцы образовали своеобразный заповедник своей архаичной культуры.

Первой известной нам волной миграции в регионе стало прибытие в Южную Африку народов кхой, практиковавших скотоводство. Откуда они пришли сюда, остаётся неизвестным, однако очевидно, что обретение скотоводческих навыков произошло в более северных районах. В начале новой эры в результате активной экспансии народов банту, прибывавших на юг континента волнами из Западной Африки и региона Великих озёр, обладавших железным оружием, навыками скотоводства и земледелия, резко изменили ареал распространения койсанских языков. Уже к началу II тысячелетия н. э. охотники сан были вытеснены с побережья Индийского океана или ассимилированы земледельцами банту. Появление европейцев в Южной Африке в XVII в. привело к исчезновению койсанских языков крайнего юга континента – их носители были изгнаны со своих земель либо уничтожены. К концу XVIII столетия бушмены-сан оказались оттеснёнными

в малопригодные для жизни засушливые районы пустынь Калахари и Намиб, их поселения сохранились в лесах Южной Анголы.

Антропологические характеристики койсанских народов выделяют их в особый тип, весьма несхожий с другими расовыми типами африканцев. Койсаноидный тип характеризуется светло-коричневым цветом кожи, особым расположением жировых тканей, известным как стеато-пигия, прямой и узкой формой носа. Для них характерен и эпикантус – складка над верхним веком, придающая глазам узкий разрез, характерный для монголоидного населения Азии. Однако в Африке эта черта развилась самостоятельно. К койсаноидному антропологическому типу принадлежат, помимо собственно койсанцев, также носители некоторых языков банту юга Африки, предки которых, вероятнее всего, перешли на языки банту в течение последнего тысячелетия.

Тем не менее, несмотря на внешнюю однородность антропологических особенностей койсанцев, на генетическом уровне говорить об их близком родстве не приходится. Так, народы хадза Восточной Африки и жу-!хоан Южной Африки в генетической классификации на основе митохондриального ДНК находятся друг от друга дальше, нежели любые другие два этноса на африканском континенте [Knight et al. 2003].

Результаты геногеографических исследований койсанцев подтвердили то, о чём всё чаще в последние десятилетия стали говорить и лингвисты: объединение койсанских народов в одну языковую общность оправдано лишь по типологическим критериям, но их родство не может считаться доказанным.

7.2. История изучения и классификации

Изучение койсанских языков берёт начало ещё с XVII в., когда в Европе появляются первые сведения об охотниках и скотоводах, населявших земли вокруг Капской колонии Нидерландов. К 1620 г. относится первое упоминание особых двухфокусных согласных фонем – кликсов, – используемых в койсанских языках. Тогда же и были определены расхожие ныне наименования местного населения – готтентоты, т. е. «заики», и бушмены, «жители зарослей». В 1719 г. в России был опубликован труд И. Гибнера «Земноводного круга краткое описание», откуда о койсанских языках впервые узнал русский читатель: *В земле своей называются оные готтентотен, а говорят языком подобно как у нас куры кричат.* Это описание вполне соответствовало европейскому уровню знаний того времени о народах Африки.

Лишь в конце XIX и начале XX в. появились первые подробные описания и словари языков макросемьи, первым из которых стал словарь **нама** Й.-Г. Крёнлайна [Kronlein 1889]. При классификации языков Африки койсанские языки уже объединяли в рамках одной группы или семьи языков. Однако этот вывод не был результатом сравнительно-исторического анализа. Критериями служили типологические особенности языков – прежде всего наличие щёлкающих согласных. В большинстве исследований койсанские языки именно так и назывались – щёлкающие языки (англ. *click languages*). Согласно методам того времени, широко использовались экстралингвистические критерии: например, тип хозяйствования и расовый тип.

В период господства в африканском языкознании хамитской гипотезы К. Майнхофа скотоводы-готтентоты были удивительным образом объединены в одну языковую общность с туарегами Северной Африки, фульбе Западной Африки и маасаи Восточной Африки. В качестве одного из критериев выдвигалась общность экономики: в «хамиты» записывались практически все скотоводы Африки, особенно не принадлежащие к негроидной расе. Кроме того, в языке готтентотов нама существует категория грамматического рода, что также использовалось в качестве доказательства их неафриканского, «хамитского» происхождения. Наличие кликсов в их языке объяснялось субстратным влиянием. Однако уже вскоре род был обнаружен и в некоторых языках бушменов Юга Африки, а языкознание стало отходить от антропологических и экономических критериев при оценке родства языков. К середине XX в. хамитская теория окончательно исчерпала себя.

Термин «койсанский» (*Khoisan*) был впервые выдвинут антропологом Л. Шульце в 1928 г. с помощью сложения слов языка нама – *kʰoe* ‘человек’ (самоназвание нама) и *san* ‘собиратели’ (так нама называют бушменов, добывающих воду из корней пустынных растений). Применительно к языковому объединению этот термин был использован в 1930 г., однако получил известность только после выхода в свет работ Дж. Гринберга. До него идея генетического родства койсанских языков серьёзно не обосновывалась. Тогда же Д. Блик была выдвинута первая классификация языков бушменов, делившая их на три группы – северную, центральную и южную [Bleek 1929]. Несмотря на то что большое количество материала, собранного автором, оказалось фонетически неточным, классификация была поддержана Дж. Гринбергом, который включил в центральную группу также языки готтентотов на основании целого ряда изоглосс как в лексике, так и в грамматике.

Ему же принадлежит идея объединения койсанских языков юга Африки с языками хадза и сандаве в Восточной Африке в одну языковую макросемью. С тех пор термин «койсанские языки» вместо типологического приобрёл генетическое значение, и в большинстве работ по африканскому языкознанию, выходящих в мире за последние полвека, койсанская макросемья рассматривается как объединение родственных языков. Тем не менее среди специалистов по койсанскому языкознанию уже с момента выхода работ Гринберга развернулась дискуссия по ключевому вопросу: считать ли койсанские языки ареально-типологическим или всё же генетическим объединением, признавать ли разительные сходства между ними, видные невооружённым глазом, за свидетельство языкового родства или длительных контактных связей.

В этой дискуссии принимали участие такие койсанологи, как Э. Вестфаль, Э. Трейль, Г. Хонкен, Р. Фоссен, Б. Сэндс, африканисты К. Эрет и Т. Гюльдеман, а из российских учёных – Г. С. Старостин. На сегодня можно констатировать победу в этом споре «сплиттеров», считающих утверждение о родстве койсанских языков по меньшей мере недоказанным. Как типологические, так и лексические сходства между языками различных групп объясняются ими как результат тысячелетних ареальных связей, языковой конвергенции и лексических заимствований. Сторонникам койсанской макросемьи практически нечего на это ответить: сравнительный анализ базовой лексики койсанских языков показывает лишь 3–5 % сходжений между языками трёх основных групп. Эти цифры едва выходят за рамки статистической погрешности и в любом случае должны свидетельствовать о чрезвычайно древнем распаде макросемьи – не позже 15 тысяч лет назад. Такая датировка не учитывает сравнения с восточноафриканскими языками **хадза** и **сандаве**, которые, следовательно, должны были отойти от праязыковой общности ещё раньше. Исходя из современных методов анализа, доказательство родства такой глубины является чрезвычайно сложным. Мода на ареальную лингвистику, захватившая западное языкознание в начале нашего столетия, также внесла свою лепту в формирование современных взглядов на койсанские языки. Сегодня для доказательства языкового родства лингвистическое сообщество требует значительно более точных и надёжных изоглосс и этимологий, нежели ещё полвека назад. Принцип «никакой классификации без документации» (*No classification without documentation*), распространившийся в западном языкознании, фактически запрещает выдвигать какие-либо

гипотезы без опоры на строгие и подробные описания языков, многие из которых будут ждать своего описания ещё многие годы.

И тем не менее целый ряд поразительных сходств между койсанскими языками как на лексическом, так и на грамматическом уровне заставляет снова и снова обращаться к вопросу об их генетическом родстве. Этому способствует тот факт, что за последние несколько десятилетий объём материала койсанских языков вырос в несколько раз. Вышли в свет детальные описания целого ряда южно- и севернокойсанских языков, словари и грамматики. Достижения теоретической фонетики позволили существенно уточнить фонетические инвентари языков, в т. ч. и наименее изученные щёлкающие согласные. Были опубликованы труды по сравнительному анализу койсанских языков различных групп, из которых самой примечательной стала работа Р. Фоссена [Vossen 1997] по реконструкции праязыка центральнокойсанской ветви. Всё это позволяет получить более надёжные результаты исследований как в области грамматики, так и – прежде всего – лексикологии койсанских языков.

Несколько лет назад вышла в свет монография Г. С. Старостина [2013], в которой впервые предпринята попытка с помощью ступенчатого статистического анализа 50-словных списков базовой лексики протестировать гипотезу Дж. Гринберга о койсанской макросемье. Полученный автором результат свидетельствует, что среди койсанских языков можно выделить как минимум три вполне достоверные группы родственных языков:

- языки кхой-квати: 15–20 языков, включая центральнокойсанские языки Ботсваны и Намибии (встречаются также в Зимбабве, Анголе и Замбии), в т. ч. языки готгентотов с крупнейшим языком макросемьи – **нама**, а также ранее считавшийся изолированным вымерший язык **квати** в Юго-Западной Анголе;
- южнокойсанские языки (часто называемые также туу): 5 языков практически вымершей подгруппы !кви (!Kwi) в ЮАР и язык **къхонг** (!Xóǀ) в Ботсване, на котором говорит не более 2 тыс. человек;
- языки жу-†хоан (Ju-†Hoan) или кха (Kx'a): ок. 5 языков или диалектов группы жу (севернокойсанской) Ботсваны, Намибии и Анголы, а также вымирающий язык **†хоан** (†Hoan) в Ботсване, открытый и описанный в 1970-х гг.

Последние две группы показывают до 10–12 % общей базовой лексики между своими языками, что может быть как результатом

конвергентного развития, так и глубокого родства между ними (о генетическом статусе языков кхой-квади и жу-†хоан см. в работах [Güldemann, Elderkin 2010] и [Honken, Heine 2010] соответственно). Гипотетическую ветвь, состоящую из южнокойсанских языков и языков жу-†хоан, Г. С. Старостин называет периферийной.

Восточноафриканские языки **хадза** и **сандаве** занимают в представленных результатах исследования различные позиции. Язык сандаве по результатам анализа примыкает к группе кхой-квади на более высоком таксономическом уровне. В то же время связи хадза с южноафрикано-койсанскими языками не могут быть доказаны с помощью применяемой методологии. Более того, в базовой лексике хадза наряду с койсанским слоем обнаруживается весьма глубокий слой лексики, сравнимой с восточноафриканскими языками афразийской макросемьи – прежде всего омотскими. К сожалению, современный хадза весьма подвержен иноязычному влиянию и буквально пестрит многочисленными заимствованиями из окружающих языков, что существенно затрудняет анализ его лексики.

Однако такая важнейшая задача сравнительно-исторического анализа, как построение списка регулярных фонетических соответствий не только между языками трёх ветвей, но подчас и между языками в пределах одной из них, продолжает оставаться нереализованной. В то же время в связи с быстрым исчезновением языков койсанской семьи большого количества нового материала ожидать уже не приходится. Перспективы койсанского языкознания зависят от усовершенствования анализа фонетических структур и более углублённого исследования лексики и грамматики исчезающих койсанских языков.

7.3. Фонетика и фонология

Важнейшей проблемой койсанского языкознания была и остаётся проблема двухфокусных согласных – их происхождения, фонетических свойств, систематизации и классификации. Клиksы остаются важнейшим критерием, который в сознании многих лингвистов связывает между собой койсанские языки и служит одним из главных аргументов в пользу гипотез дальнего родства языков. Более того, учитывая расхождения в геноме различных койсанских народов, сохранивших клиksы, ряд учёных выдвинули гипотезу о том, что щёлкающие согласные являются рудиментами праязыка человека, сформировавшегося на африканском континенте на заре существования Человека

разумного, а быть может, и ещё раньше. Подобные точки зрения представляются весьма интересными для теории происхождения и развития человеческого языка, и тем больше растёт интерес представителей различных научных дисциплин к проблемам кликсов.

В последние годы предпринят ряд попыток объяснить появление кликсов редукцией согласных звуков в начале, исходе слова и в позиции между гласными. В частности, К. Эрет выдвинул самое известное на сегодняшний день соответствие между **сандаве** *ʔana* 'рог' и центральнокойсанским **ʔa* 'рог', предполагая, что латеральная база кликсов в последнем является отражением более древнего L-образного согласного, а назальный исход этого же кликса отражает исчезнувшую интервокальную носовую фонему. Так как слово 'рог' относится к базовой лексике языка, установление этого соответствия можно считать прорывным для теории развития кликсов в койсанских языках. Однако поиск других подобных соответствий пока не дал убедительных результатов.

Кроме того, обнаружилось, что кликсы имеют свойство довольно легко заимствоваться или сохраняться в качестве субстратного влияния и их наличие в различных языках далеко не всегда должно объясняться общим происхождением. Хорошо известно, что целый ряд языков народов банту, контактирующих с носителями койсанских языков не более 2–2,5 тысячи лет, развили подчас весьма сложные системы щелчковых фонем [Argyle 1986]. В языках **коса** и **зулу** имеется более десятка, используются они в **йейи**, **сото**, **гчирику** и **мбукушу**. В кушитском языке **дахало** (Танзания) обнаружен дентальный кликс, возможно свидетельствующий о древних контактах между восточноафриканскими койсанскими и кушитскими языками. В этой связи не сложно предположить, что сложные системы кликсов могли развиваться в некоторых койсанских языках Южной Африки в результате многотысячелетней конвергенции.

Важно отметить, что и сами по себе кликсы в различных языках не являются однородными – в восточноафриканских **хадза** и **сандаве** их типология и функционал существенно отличаются от южноафриканских. И хотя исследователи сходятся на том, что генетическое родство остаётся предпочтительной гипотезой при сопоставлении систем кликсов в различных койсанских языках, современные методы анализа пока не в силах представить тому убедительных доказательств.

Даже беглый взгляд на фонетические системы в большинстве койсанских языков может поразить лингвиста, впервые столкнувшегося

с этим явлением. Прежде всего, безусловно, это относится к подсистемам кликсов. Южнокойсанский языках **к̣хонг** (!хонг), возможно, является мировым лидером по комплексности фонетической системы. В нём иногда насчитывают более 80 щелчковых звуков, группирующихся по пяти типам основы (т. е. первичного места артикуляции: губные, зубные, альвеолярные, палатальные и латеральные) с 17 различными исходами (см. таблицу 7.1). Для праязыка группы жу реконструируется 60 кликсов (5 типов основы и 12 исходов). При этом среди исходов встречаются варианты артикуляции, уникальные для фонетических систем языков мира – например, сочетание назализации и придыхательности. Особенностью центральнокойсанских языков является оппозиция между двумя назализованными исходами, природу которых ещё предстоит определить. В последние годы всё чаще высказываются мнения о том, что кликсы могут являться не фонемами, а последовательностями фонем [Traill 1993; Guldemann 2000], что существенно снижает фонемный ассортимент в койсанских языках, «нормализует» его. Фонематический анализ кликсов пока не даёт окончательного ответа на вопрос, считать некоторые из них единичными фонемами либо же сочетаниями двух различных согласных: на этот счёт существуют различные точки зрения. Исследование затрудняет несовершенство записи уже исчезнувших языков и диалектов. Так как кликсы являются уникальной характеристикой койсанских языков, работающий с ними лингвист не имеет опоры на лингвистическую типологию и нередко вынужден оставлять всё новые неясные моменты «до дальнейшего выяснения».

В большинстве койсанских языков количество кликсов превосходит число прочих согласных, и в начальной позиции они встречаются существенно чаще. В разных группах встречаются языки с разными типами основ – в южнокойсанских языках и в **†хоан** функционирует лабиальная основа, отсутствующая в языках жу, а последние обладают уникальными ретрофлексными щёлкающими согласными.

Следует заметить, что по частоте употребления в языке различные типы щёлкающих звуков довольно неравномерны. Довольно редко встречаются южнокойсанские лабиальные кликсы, глухие носовые исходы. Но хотя, к примеру, такой редкий звук, как преназализованный увулярный придыхательный в сочетании с дентальной основой, употребляется только в экспрессивной лексике, другие низкочастотные кликсы встречаются и в базовой лексике (например, лабиальные кликсы – в словах со значениями ‘мясо’ и ‘дерево’).

Таблица 7.1. Согласные языка кьхонг [Traill 1974; 1986]

Аффрицированные			Шумные		Исходы
губные	зубные	латеральные	постальвеолярные	палатальные	
$k\textcircled{O}$	$k $	$k $	$k!$	$k\sharp$	Глухой непридыхательный (k)
$q\textcircled{O}$	$q $	$q $	$q!$	$q\sharp$	Глухой непридыхательный увулярный (q)
$\eta\textcircled{O}$	$\eta $	$\eta $	$\eta!$	$\eta\sharp$	Глухой носовой (η)
$g\textcircled{O}$	$g $	$g $	$g!$	$g\sharp$	Звонкий (g)
$g\textcircled{O}$	$g $	$g $	$g!$	$g\sharp$	(Преназализованный) звонкий увулярный (g, ng)
$\eta\textcircled{O}$	$\eta $	$\eta $	$\eta!$	$\eta\sharp$	Звонкий носовой (η)
$k\textcircled{O}^h$	$k ^h$	$k ^h$	$k!^h$	$k\sharp^h$	Придыхательный (k^h)
$\eta\textcircled{O}^h$	$\eta ^h$	$\eta ^h$	$\eta!^h$	$\eta\sharp^h$	Ингрессивный глухой носовой с отложенным придыханием ($\downarrow\eta^h$)
$k\textcircled{O}^x$	$k ^x$	$k ^x$	$k!^x$	$k\sharp^x$	Глухой аффрицированный (k^x)
$\eta\textcircled{O}$	$\eta $	$\eta $	$\eta!$	$\eta\sharp$	Преглоттализированный носовой ($\eta\eta$)
$q\textcircled{O}'$	$q '$	$q '$	$q!'$	$q\sharp'$	Увулярный эйективный (q')
$k\textcircled{O}^?$	$k ^?$	$k ^?$	$k!^?$	$k\sharp^?$	Глоттализированный ($k\eta$)
$g\textcircled{O}x$	$g x$	$g x$	$g!x$	$g\sharp x$	Звонкий велярный смычный + глухой велярный щелевой (gx, gkx)
$k\textcircled{O}'q'$	$k 'q'$	$k 'q'$	$k!'q'$	$k\sharp'q'$	Велярный эйективный + увулярный эйективный ($k'q'$, диал. kx')
$g\textcircled{O}q'$	$g q'$	$g q'$	$g!q'$	$g\sharp q'$	Звонкий велярный смычный + увулярный эйективный (gq' , диал. gkx')
$g\textcircled{O}h$	$g h$	$g h$	$g!h$	$g\sharp h$	Звонкий велярный смычный придыхательный (gh, gk^h)
	$g h$		$g!h$	$g\sharp h$	Звонкий (преназализованный) увулярный смычный + придыхание, велярный фрикативный или увулярный дрожащий (ng^h, ngx, ngr)

Подсистемы нещелчковых согласных звуков в койсанских языках оказываются не менее сложными, чем подсистемы кликсов, особенно в начальной позиции. Набор смычных согласных обычно весьма скуден, при этом характерна относительная редкость лабиальной артикуляции. В северокойсанских языках (жу) в исконных словах начальные губные *m*-, *b*- встречаются лишь в нескольких словах, а *p*- не засвидетельствована вовсе. При этом губные согласные довольно частотны в заимствованиях из языков банту и европейских языков. В южно- и центральнокойсанских языках сохранились увулярные смычные согласные. Помимо простых смычных, в системах консонантизма нередко функционируют звонкие и глухие придыхательные фонемы *t^h*, *d^h*, *k^h*, *q^h* и др., при этом глухие придыхательные встречаются чаще звонких. Особый ряд абруптивных согласных существует в южнокойсанских языках, там же засвидетельствованы особые преглоттализированные носовые сонанты.

В середине и конце словоформы набор фонем существенно беднее, нежели в анлауте. Между гласными в языках южной ветви допускаются только сонанты, а из смычных – лишь губная *-b*-. В ауслауте единственными возможными вариантами оказываются носовые сонанты. В тех языках, где базовой структурой слога является CVCV, второй слог обычно рассматривают как продуктивный или застывший суффикс, вероятно некогда маркировавший именные классы.

Признак звонкости представляет собой особое явление в койсанских языках. Нередко его описывают как «предозвончение» (*prevoicing*) глухого согласного, когда голосовые связки слегка вибрируют перед произнесением звука. Это позволяет некоторым языкам макросемьи использовать странные в типологическом смысле варианты артикуляции – например, в северокойсанских языках существуют глоттализированные согласные.

Важную роль во всех койсанских языках играют фрикативные согласные и аффрикаты. Основной оппозицией здесь является противопоставление свистящих и шипящих звуков, при этом количество рядов аффрикат может достигать шести – в т. ч. придыхательные и глоттализированные аффрикаты в языках северной ветви. В языках южной ветви и в **†хоан** в результате палатализации смычные зубного ряда перешли во фрикативные согласные.

Некоторым особняком в функционировании консонантных систем стоят центральнокойсанские языки. Здесь система выглядит более простой и несколько схожей с соседними языками банту. В частности,

большинство слов начинаются не с кликсов, а с обычных согласных; распространены начальные губные фонемы *p-* и *m-*, да и количество фонем в системе несколько меньше, нежели в южнокойсанских языках и в группе жу-!хоан. Число кликсов здесь также значительно меньше, чем в языках других ветвей, а необычные типы их основ (ретрофлексная и лабиальная) отсутствуют. Более того, реконструкция праязыка ветви свидетельствует, что его потомки продолжают существенно упрощать свои фонетические системы: в обычные однофокусные согласные превращаются альвеолярные, палатальные, а иногда и латеральные кликсы. В языке **нама** количество исходов кликсов не превышает пяти (сравним с 17 в **кхонг**). За этими процессами видны тесные языковые контакты между нама и языками его соседей банту.

Языки **квади** и **сандаве**, последний из которых родственен центральнокойсанским языкам, также демонстрируют довольно бедную систему шёлкающих фонем. Здесь функционируют дентальная и палатально-альвеолярная основы кликсов (в сандаве – также латеральная) с 4–5 исходами. В то же время квади весьма богат на латеральные фрикативные и аффрикаты, что типологически также позволяет сопоставить его с сандаве. В последнем представлены три латеральных аффрикаты (глухая, звонкая и абруптивная), а также глухая латеральная свистящая, уникальная для койсанской макросемьи.

С первого взгляда довольно простой выглядит система вокализма в койсанских языках. Она представлена пятью основными членами: *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, при этом средне- и заднерядные гласные почти повсеместно более частотны, чем переднерядные *e*, *i*. Нет в койсанских языках и гармонии между гласными по признаку $\pm$ ATR, характерной для языков других макросемей Тропической Африки. Однако здесь ситуация многократно осложняется различными типами фонации, имеющей смысловоразличительный характер. Фонологичными признаками гласных являются фарингализованная, назализованная, глоттализированная фонации, при этом они могут комбинироваться в одной просодической единице. Если признать, что фонация является неотъемлемой частью гласной фонемы, приходится постулировать системы гласных из более чем 25 членов (например, в языке кхонг), не учитывая признаков долготы и назализации, которые также могут представлять собой фонематические признаки. Здесь, впрочем, стоит ставить довольно актуальный сегодня в лингвистике теоретический вопрос об отнесении таких супрасегментных признаков, как фонация, к одной фонеме или

просодическому комплексу – море, слогу и т. п. По аналогии с тонами такие супraseгментные признаки вполне могут не «принадлежать» одной лишь гласной фонеме, и если эта точка зрения для койсанских языков окажется верна, это существенно упростит фонемный состав вокализма языков макросемьи.

Гласные с различной фонацией могут образовывать между собой подобия дифтонгов – последние вообще очень характерны для койсанских языков. Центральноекойсанские языки представляют более упрощённую систему вокализма с двумя типами фонации – повсеместной назальной и более спорадической фарингализованной.

Интересную картину представляет собой тонология койсанских языков. В языках северной ветви наблюдается до пяти регистровых тонов, хотя в большинстве языков их не более трёх. Сверхвысокий и сверхнизкий тоны встречаются чрезвычайно редко и, как это чаще всего бывает в африканских языках, в экспрессивной лексике и служебных словах. Интересно, что существует определённая корреляция между низкими тональными регистрами и упомянутой выше придыхательной фонацией гласных. Эти два супraseгментных признака очень часто совпадают в составе одной моры в языках северной ветви, хотя на сегодняшний день сложно сказать, насколько они взаимоувязаны и какой из признаков можно считать первичным. В некоторых языках засвидетельствованы контурные тоны (в **сандаве**, например, их не менее пяти), однако в большинстве случаев они не носят исторического характера и появляются лишь при контракции двух слогов.

Существуют ограничения по использованию тонов в первом и втором слогах словоформы. В **нама**, например, низкий тон никогда не употребляется во втором слоге, а в **сандаве** восходящий тон употребляется исключительно в слогах с долгими гласными – что, безусловно, является результатом стяжения двух слогов с различными тонами.

7.4. Просодия

Структура словоформы в койсанских языках представляет собой типологически весьма распространённую ситуацию: начальный корневой слог (чаще всего имеющий вид CV, хотя в центрально- и южнокойсанских языках возможны и закрытые слоги формата CVC) свободен в выборе гласных и согласных, в то время как второй слог, представляющий собой продуктивный или застывший суффикс, имеющий

форму CV, C или V, может использовать лишь ограниченный набор фонем. Выше уже указывалось, что согласной второго слога преимущественно является сонант – причём слоговой носовой может выступать и в качестве единственной фонемы слога. При этом сам второй слог не всегда легко идентифицировать как морфему, так как во многих случаях он представляет собой застывший, непродуктивный суффикс, на синхронном уровне являющийся неотъемлемой частью глагольной основы. На стыке двух слогов происходят многочисленные фонетические процессы, наиболее частотным из которых является стяжение. Так, если второй слог представляет собой гласную, она сливается с аналогичной по качеству гласной корневого слога, образуя долгую, либо формируя дифтонг – если гласные в обоих слогах различаются. Аналогичное явление характеризует тоны – два одинаковых тона сливаются в едином регистре, различные тоны образуют контурный рисунок. Фонационные особенности обоих слогов проходят тот же сложный путь стяжения.

Такая ситуация, наиболее отчётливо проявляющаяся в северных койсанских языках, в целом типична для всех языков макросемьи на Юге Африки. Односложные слова в койсанских языках довольно редки и чаще всего рассматриваются как результат стяжения корневого и древнего суффиксального слогов. Лишь в восточноафриканских койсанских языках – прежде всего в **сандаве** – двусложные слова состоят из двух равноправных слогов, не имеющих ограничений по выбору фонем. Однако это явление может быть результатом влияния соседних языков банту.

7.5. Морфосинтаксис

С грамматической точки зрения койсанские языки представляются несколько менее сложными, нежели с фонетической. Однако и здесь имеются весьма значительные расхождения между ветвями макросемьи. Если в центральнокойсанских языках строй грамматики агглютинативный, то прочие койсанские языки Юга Африки в основном используют аналитическую структуру. Можно предполагать, что в древности все южноафриканские койсанские языки обладали продуктивными системами именных классов, однако различные языки макросемьи сохранили их в разной степени. Так, в северокойсанских языках, где именная морфология весьма бедна, класс не маркируется на самом существительном, но присутствует в реликтовом виде:

например, в употреблении различных указательных местоимений при существительных разных семантических типов. В противоположность этому, в языках южной ветви системы именных классов чрезвычайно сложны и выражаются при помощи многочисленных суффиксов, маркирующих не только имя, но и согласующийся с ним глагол. К сожалению, большинство ранних исследователей (до 1970-х гг.) не проводили систематизации показателей именных классов либо же вовсе игнорировали именную классификацию, из-за чего сведения о ней по различным языкам довольно обрывочны. Однако известно, что количество аффиксов, маркирующих мн. ч. существительных в некоторых койсанских языках, может достигать двух десятков, что сопоставимо с самими сложными системами в таких «классических» языках именных классов, как нигеро-конголезские.

Таблица 7.2. Система именных классов в /кунг
[Güldemann, Vossen 2000]

класс	личное местоимение	притяжательное местоимение	неодушевлённые имена	одушевлённые имена
1	<i>ha</i>	<i>mà</i>	растения	ед. ч.
2	<i>sì</i>	<i>hì</i>	-	групповое мн. ч.
3	<i>ká</i>	<i>gá</i>	части тела	
4	<i>hì</i>	<i>hì</i>	длинные объекты	мн. ч.

В отличие от северо- и южнокойсанских языков, в языках центральной ветви именная классификация проводится по признаку грамматического рода, а не класса. Здесь мы видим систему из трёх родов – мужского, женского и среднего. Эта классическая для языковых семей Евразии и Северной Африки система стала в своё время одним из главных аргументов К. Майнхофа для включения готтентотских языков в состав «хамитских» и для сравнения их с афразийскими языками. И действительно, именная грамматика центральнокойсанских языков по набору оппозиций весьма схожа с системами, например, семитских языков. Имя существительное присоединяет суффиксальные показатели рода / числа, при этом категория числа имеет три значения – единственного, двойственного и множественного. Существительные среднего рода редко маркируют сингулярис, для мужского и женского рода грамматические показатели обязательны во всех трёх числах. Согласование

по родам и числам распространяется на зависимые члены предложения, включая, например, и именные предлоги с падежными значениями.

К центральнокойсанским по наличию категории рода примыкает язык **квати**, где также имеется три рода, выражаемые при помощи именных суффиксов, а также **хадза** и **сандаве**, где имеются два рода – мужской и женский. Весьма вероятным представляется развитие категории грамматического рода из более древней и более разветвлённой системы именных классов. В хадза существительные мужского рода принимают согласование женского рода в случае, если речь идёт о необычно круглых предметах. В то же время некоторые длинные предметы, даже будучи изначально женского рода, принимают согласование в мужском роде. В сандаве к каждому роду принадлежат конкретные семантические типы существительных, что заставляет предположить, что их показатели на каком-то этапе фонетически совпали, превратив систему классов в систему двух родов. Однако эта гипотеза требует более глубокого исследования.

Что касается категории падежа, то в явном виде она отсутствует практически повсюду в койсанских языках. В языках центральной ветви отмечаются суффиксы с отдельными падежными значениями (аккузатив, агентив, ассоциатив), однако сведений о них слишком мало, чтобы на этом материале делать выводы о формировании или, наоборот, реликтовости падежной системы. Некоторые падежные отношения (датель, бенефактив, инструменталис) в центральнокойсанских языках обозначаются с помощью суффиксов глагола, а не имени.

Глагольная морфология развита весьма неравномерно по различным ветвям койсанских языков. Если в южных и северных языках она практически отсутствует, а глагольные значения аспекта / времени, полярности, модальности, актантно-derivативные значения выражаются с помощью независимых морфем, то центральнокойсанские языки характеризует весьма сложная система глагольной морфологии с цепочками агглютинативных суффиксов, выражающих многочисленные (и не всегда даже объяснённые в литературе) значения. Базовыми являются категории времени (настоящее, будущее, претерит), аспекта (имперфектив и перфектив), полярности, а также derivативные значения – каузатив, репетитив, пассив, рефлексив и реципрок. Личное спряжение в южноафриканских койсанских языках отсутствует (оно зафиксировано в обоих восточноафриканских языках), а лично-числовые значения субъекта и объекта высказывания выражаются с помощью независимых личных местоимений, которые обладают категориями рода, числа и ключивности.

Таблица 7.3. Личные местоимения в языке !ора

	м. р.	ж. р.	общ. р.
1 ед.	<i>ti -re</i>	<i>ti -ta</i>	
2 ед.	<i>sa -ts</i>	<i>sa -s</i>	
3 ед.	<i>!ʼāi -b</i>	<i>!ʼāi -s</i>	<i>!ʼāi -'i</i>
1 дв. экскл.	<i>si -kham</i>	<i>si -sam</i>	<i>si -m</i>
1 дв. инкл.	<i>sa -kham</i>	<i>sa -sam</i>	<i>sa -m</i>
2 дв.	<i>sa -kharo</i>	<i>sa -saro</i>	<i>sa -khao</i>
3 дв.	<i>!ʼāi -khara</i>	<i>!ʼāi -sara</i>	<i>!ʼāi -kha</i>
1 мн. экскл.	<i>si -tjē</i>	<i>si -sē</i>	<i>si -da</i>
1 мн. инкл.	<i>sa -tjē</i>	<i>sa -sē</i>	<i>sa -da</i>
2 мн.	<i>sa -kao</i>	<i>sa -sao</i>	<i>sa -du</i>
3 мн.	<i>!ʼāi -ku</i>	<i>!ʼāi -dē</i>	<i>!ʼāi -n</i>

Различаются в койсанских языках и синтаксические структуры. Даже базовый порядок слов по различным языкам сильно варьируется – если в центральнокойсанских языках и **сандаве** он имеет структуру SOV, то в северо-, южнокойсанских и **хадза** – SVO. Что же касается порядка слов в атрибутивной конструкции, то центральнокойсанские языки используют схему «определение – определяемое», остальные языки макросемьи – обратную схему. В аналитических языках южной и северной семей грамматические показатели располагаются преимущественно между субъектом и предикатом, тогда как агглютинативные центральные языки используют в основном суффиксы, следующие за глагольным предикатом.

Приложение. Текст на языке нама (центральнокойсанская семья)

Кто царь зверей [Hagman 1977]

хам-и ke 'a /úru-ñ hòá-ñ tì kào-'ao
 лев-он де COP зверь-они.N все-они.N GEN править-мужчина

kái-se-p 'a /ai-sa /óm //xái xápú kxáo tsĩ
 большой-ADV-он COP сильный-ADJ толстый грудь худой бёдра и

!háé-se ra !xóé-s !'aróma. tsĩ mǎá-tse-kám //óá-ka-s
 быстрый-ADV IPFV бегать-она потому.что и какой-день-ADJ утро-ADV-она

hòá-s-à-p ke xam xam-à !áro-p !nāa 'óá tsĩ //i-p tì
 все-она-SUBJ-он де молодой лев-он лес-он в выходить и он-он GEN

/aí-sì-p-à síí kè-rè /noó-ku náú /úrí-ñ
 сильный-ABS-он-SUBJ приходит PST-IPFV мерять-REC другой зверь-они
/xáa. tsĩ mǎá tsèe-s hòá-s-à-p ke //’i-p-à kè=-rè
 с и который день-она все-она-SUBJ-он де он-он-SUBJ PST-IPFV
’óá-!xii tàñ-’ao-se. tsĩí nee #hòá-s ke /úrí-ñ
 вернуться-прийти завоевать-человек-ADV и этот новости-она де зверь-они
!hiú-p hòá-rá-ka-p !nǎa kè //nàú-hè tsĩí #’áñ-hè ’ii
 земля-он все-он в PST слышать-PASS и знать-PASS COP.PST
xam-i ’a /úrí-ñ tì kàò-’ao /xái-s-à. tsĩ mǎa
 лев-он COP зверь-они GEN править-мужчина говорит-она-SUBJ и что
tsèe-s hĩi ’a-p kè-rè ’óá-!xii tàñ tsĩí-s
 день-она который-он PST-IPFV вернуться-приходить завоевать и-она
kxáó-!áá ’oo-s ke //’i-p tì //ũu-s-à kè-rè koá-pi
 после потом-она де он-он GEN родитель-она-SUBJ PST-IPFV хвалить-его
tíi ’óá-ts-e /óm !nóró-ts-e xápú kxáó-ts-e /óm
 мой ребёнок-ты-VOC толстый шея-ты-VOC узкий бёдра-ты-VOC толстый
//xái-ts-e ’áo-re kxòe-ts-e tí xape-s ke /úi-tse-kám
 грудь-ты-VOC человек-ADJ человек-ты-VOC говорит но-она де один-день-ADJ
//óá-ka kxǎi-mǎá tsĩ-p kè #xam xam-à kàró-sn
 утро-ADV подпрыгнуть-стоять и-он PST молодой лев-SUBJ тянуться-REC
’oo !xóó-/xáa-pi /óm //xái-ts-e /óm !nóró-ts-e xam
 когда хвалить-его толстый грудь-ты-VOC толстый шея-ты-VOC лев
//’óá-ts-e xápú kxáó-ts-e tí !xóó-/xáa-pi tóá tsĩí
 плечо-ты-VOC узкий бёдра-ты-VOC говорит хвалить-его закончить и
kè mĩi ’am ’a-se-ta ke ra #óm saá-ts mǎa /úrí-ñ
 PST сказать правда-ADV-я де IPFV верить ты-ты который зверь-они
hòá-ñ xaa ’a /aí-sa /xái-s-à mǎa tsèe-s
 все-они чем COP сильный-ADJ говорит-она-SUBJ который день-она
hòá-s-à-ts ke saá-ts-à #’óá /áro-p !nǎa tsĩí ra
 все-она-SUBJ-ты де ты-ты-SUBJ выходить лес-он в и IPFV
//au-te ’am ’a-se-ts saá-ts-à ’a /úrí-ñ tì
 показать-мне правда-ADV-ты ты-ты-SUBJ COP зверь-они GEN
kàò-’ao /xái-s-à xape tíi ’óá-ts-e /úi tsèe-ts
 править-мужчина говорит-она-SUBJ но мой ребёнок-ты-VOC один день-ты
ke nĩi #’óá /áro-p !nǎa tsĩí #’óá tsĩí-ts /áro-p !nǎa ra
 де FUT выходить лес-он в и выходить и-ты лес-он в IPFV
!ũu-mǎa hĩi ’a-ts ke #xari xuu-ró-p #hanú-se ra /ũu
 идти-вокруг когда-ты де маленький вещь-DIM-он прямой-ADV IPFV идти

!xoó-tì *!nǎa* *#mǎa* *tàná-se-p-à* *nǐi* *mǐuu* *tsǐi* *tíi*
 плечо-она в сидеть.PF голова-ADV-он-SUBJ FUT видеть и мой
'óá-ts-e */óm* *//xáí-ts-e* */óm* *!nóró-ts-e* *xáru*
 ребёнок-ты-VOC толстый грудь-ты-VOC толстый шея-ты-VOC узкий
kxáó-ts-e *//nǎa* *ǫxari* *xuu-ró-p* */xáa-ts* *kà-rà* */háó-'ú*
 бёдра-ты-VOC тот маленький вещь-DIM-он с-ты IND-IPFV сойтись-с
tsèe-s *//nǎa-s* *'ái-s* *ke* *sóre-s-à* *nǐi* *ǎa*
 день-она который-она на-она де солнце-она-SUBJ FUT войти
'óá-/xii *tama-ts* *háa* *hǐi'a* *//nǎa* *xuu-ró-p* *tì* */'ón-s*
 вернуться-прийти не-ты PF когда который вещь-DIM-он GEN имя-она
ke *kxòe-p* *tí* *ra* *ǎi-hè*
 де человек-он говорит IPFV звать-PASS

Перевод

Лев – царь всех зверей, потому что он сильный, у него широкая грудь, узкие бёдра и бегаёт он быстро. Каждое утро молодой лев ходил в лес и состязался в силе с другими животными. И каждый день он возвращался с победой. Новости распространились по всему животному миру, что лев – царь зверей. Каждый день он возвращался с победой, и мать хвалила его: «Мой сын! Толстая шея! Широкая грудь! Настоящий мужчина!» Но однажды утром, когда лев проснулся и потягивался, она похвалила его, сказав: «Широкая грудь! Толстая шея! Львиные плечи! Узкие бёдра!» А потом закончила хвалить и сказала: «Я и вправду верю, что ты сильнейший из всех зверей. Каждый день ты ходишь в лес и возвращаешься, и показываешь мне, что и в самом деле царь зверей. Но, сын мой, однажды ты пойдёшь в лес, и когда ты будешь ходить по лесу, ты увидишь небольшое создание, которое ходит прямо, а голова его на плечах его. И, сын мой, широкая грудь и толстая шея, узкие бёдра, в тот день, когда ты встретишь это маленькое создание, в тот день солнце сядет, а ты не вернёшься. И зовут это маленькое создание человеком».

Глава 8. Языки других семей и изоляты в Африке

Помимо языков, относимых к четырём макросемьям Дж. Гринберга, в состав африканских языков входят также некоторые языки других семей, а также целый ряд языков-изолятов.

8.1. Язык африкаанс

Язык африкаанс – единственный исконно африканский язык, относящийся к индоевропейской семье (германская группа). Он сформировался в XVII–XVIII вв. в результате взаимодействия европейских колонистов на территории Капской колонии в Южной Африке. Основой африкаанс стали креолизованные диалекты нидерландского языка южных районов Голландии и Северной Фландрии, уроженцы которых, называемые бурами, селились в Капской колонии с начала XVII в. Позднее в его формировании приняли участие французские колонисты-гугеноты, а также немцы, англичане, потомки переселенцев из Юго-Восточной Азии, которых здесь использовали как рабочую силу. Первые два века африкаанс функционировал исключительно в качестве разговорного языка, в то время как письменным языком оставался литературный нидерландский. Лишь в конце XVIII в. появляются первые тексты на африкаанс, а во второй половине XIX столетия в свет выходят печатные издания и учебники. Большую роль в укреплении престижа языка африкаанс сыграла англо-бурская война и завоевание Южной Африки Великобританией: результатом этого стал резкий рост национального самосознания буров и кодификация норм литературного африкаанс. И хотя в Южно-Африканском Союзе, созданном в 1910 г., официальным языком оставался нидерландский, уже в 1925 г. его сменил африкаанс, остававшийся государственным языком страны вплоть до прихода к власти чёрного большинства в 1994 г.

Сегодня африкаанс является одним из 11 официальных языков ЮАР и вторым по широте распространения в стране после английского.

Его роль в обществе постепенно сокращается, так как для большинства народов страны африкаанс остаётся языком апартеида, и многие предпочитают учить более политически нейтральный английский. Тем не менее среди СМИ, выходящих на африкаанс, – лидирующие издания страны, на нём выходит обширная литература, ведётся преподавание в школах и вузах. Помимо ЮАР, африкаанс остаётся распространённым языком межэтнического общения в соседних странах, в т. ч. в Намибии, где он также имеет официальный статус. Общее число носителей африкаанс достигает 10 млн человек.

Фонологическая система языка остаётся близкой нидерландскому. Основным отличием можно назвать ослабление и выпадение согласных в африкаанс: это чаще всего происходит в позиции между гласными (нид. *regel* ‘правило’, африк. *reël*). В позиции перед некоторыми согласными выпадает зубная носовая *n*, вызывая компенсаторную назализацию и удлинение предшествующей гласной. Исчезновение согласных произошло и в результате упрощения сочетаний согласных, в т. ч. в конце слова (нид. *post* ‘почта’, африк. *pos*).

В системе гласных противопоставление по долготе / краткости и открытости / закрытости являются основными оппозициями, в которых участвуют все гласные, кроме среднерядных [э] и [ø]. Чрезвычайно многочисленны дифтонги. Безударные гласные нередко редуцируются до нейтральной [ə], огублённые гласные под ударением часто утрачивают лабиализацию.

Африкаанс считается языком с наиболее продвинутым аналитизмом грамматики в германской группе языков. Как и другие креолизованные языки, он сильно редуцировал морфологию и практически утратил флексию, свойственную нидерландскому языку. Например, в африкаанс полностью отсутствует грамматическая категория рода, в глагольной системе утрачены спряжение и свойственное германским языкам противопоставление сильных и слабых глаголов. Падежная система сохранилась только в системе личных местоимений, в то время как имена существительные её утратили. Падежные отношения выражаются при помощи предлогов, предлога нередко требует даже прямое дополнение. Синтетические видовременные формы глагола также утеряны, их место заняли аналитические конструкции с использованием вспомогательных глаголов и единственного в языке причастия.

Лексика африкаанс является в основе своей южнонидерландской. В числе наиболее крупных групп заимствований – французские слова, есть немного заимствований из немецкого. Довольно много лексики

воспринято из малайско-португальского креола, который некогда распространился по всему побережью Индийского океана – это слова как малайского, так и португальского происхождения. В современной речи носителей африкаанс важное место занимают «новомодные» заимствования из английского языка. Что касается заимствований из других африканских языков (преимущественно банту), то в африкаанс они в основном сосредоточены в сфере природной лексики и отражают южноафриканские природные реалии.

Благодаря своему относительно молодому возрасту африкаанс не успел выработать устойчивых диалектных форм. Иногда выделяют три группы говоров – восточную (в Йоханнесбурге и Претории), капскую (в Кейптауне) и оранжевую (в бассейне одноимённой реки); на последних говорит некоторое количество потомков смешанных браков между бурами и готтентотами.

8.2. Малагасийский язык

Малагасийский язык является государственным языком Мадагаскара и распространён на принадлежащем Франции острове Майотта в Индийском океане, общее количество его носителей составляет ок. 20 млн человек. Единственный в Африке язык, принадлежащий к австронезийской семье, входит в состав группы языков барито, распространённых в южной части индонезийского острова Калимантан (Борнео). История появления этого языка в Африке уникальна: он оказался здесь в результате миграции, предпринятой доисторическими мореплавателями не позже начала I тысячелетия н. э. Преодолев 7000 км через Индийский океан, азиатские поселенцы обосновались на Мадагаскаре, где до этого, вероятно, уже существовали группы охотников африканского происхождения. Последующие миграции народов банту и арабских мореплавателей на остров, следовавшие с X в., не сумели вытеснить малагасийского языка. Исследователи выделяют как минимум два периода тесных контактов между африканскими поселенцами группы банту и малагасийцами, отразившихся как на антропологических особенностях жителей побережья Мадагаскара, так и на диалектах их языка. Население горных районов острова сохранило относительную чистоту и облика, и речи. К XV в. относятся первые литературные тексты, написанные на малагасийском одной из разновидностей арабского алфавита. С её же помощью был изготовлен первый нидерландско-малагасийский разговорник, созданный

в начале XVII в. С 1823 г. для языка создан новый алфавит на основе латинской графики.

Малагасийский сохранил структуру и лексический состав, унаследованные из австронезийских языков Калимантана. Система гласных весьма проста и содержит пять фонем: *i, e, o, u, a*. Консонантная система характерна наличием преназализованных звонких и глухих смычных, возникших, вероятно, под влиянием языков банту. В сложных грамматических формах и некоторых аналитических глагольных конструкциях происходят чередования начальных согласных второй морфемы: щелевые переходят в смычные.

Грамматическая система соответствует основным канонам морфологии и синтаксиса австронезийских языков. Глагольные формы – временные и залоговые – образуются с помощью системы префиксов. Выделяются три времени и три залога. В малагасийском существует чрезвычайно сложная система указательных местоимений: насчитывается семь степеней удалённости предмета от говорящего, причём в каждой из них проводится также различие по эвиденциальности: видим предмет для говорящего или нет. В отличие от имён существительных, указательные местоимения также различаются по числам.

Базовая лексика малагасийского почти на 80 % совпадает с близкородственными ему языками Южного Калимантана. Существует некоторое количество заимствований из арабского, языков банту, французского. Выделяют свыше десятка диалектов, из которых основой литературного языка стал диалект древнего государства Мерины, в XIX в. завоевавшего контроль над всем островом. Диалект **буши**, на котором говорит ок. 40 тыс. человек на о. Майотта, иногда считают отдельным языком; он испытывает сильное влияние **коморского** языка (группа банту, НК).

8.3. Изолированные и неклассифицированные языки

В Африке насчитывают до нескольких десятков языков, генеалогический статус и место в классификации которых до конца не определены: их называют изолированными языками. В большинстве случаев речь идёт о малоисследованных или вовсе не исследованных языках Субсахарской Африки, находящихся к тому же под угрозой исчезновения. Материала по ним часто недостаточно, чтобы судить об их внешних связях, поэтому отнесение того или иного языка к изолированным требует нередко весьма скептического отношения. Сегодняшняя «мода»

на изолированные языки в африканском языкознании на самом деле может маскировать лишь недостаток данных или анализа этих данных. То же можно сказать и о некоторых древних языках Африки, чьё генетическое происхождение ещё предстоит разгадать: например, **меро-итском** языке Судана. Кроме того, стоит принимать во внимание, что в Тропической Африке сохранились целые группы языков, отнесение которых к той или иной генетической общности остаётся проблематичным: например, языки группы юнгур (семья адамауа, НК), некоторые периферийные языки семьи гур (НК), языки группы сере (семья убанги, НК), целая семья иджоидных языков (НК), эфиопские языки **берта, гумуз и кунама**, которые принято относить к нило-сахарским. Практически для всех этих и других языков существуют гипотезы об их отнесении к той или иной языковой макросемье.

Ниже приводится таблица с указанием древних и современных африканских языков, причисляемых к изолятам, и их актуального статуса.

Таблица 8.1. Изолированные языки Африки

Язык	Кол-во носителей	Страна	Актуальный статус
бунг	< 10	Камерун	Вероятно, сохраняется в речи не более трёх носителей. Иногда отождествляется с мамбилоидными языками (бенуэ-конголезская семья, НК). Носители переходят на более престижные фула (атлантическая семья, НК) и кванджа (бенуэ-конголезская семья, НК).
джалаа (чентуум)	< 200	Нигерия	Носители переходят на соседние языки семьи адамауа, в языке используется довольно много заимствований, что затрудняет анализ.
йени	вымерший	Камерун	Впервые заявлен в работе [Connell 1995]. Из обращения исчез, некоторые жители деревень, говорящие на кванджа (бенуэ-конголезская семья, НК), помнят песни на языке, других данных о нём практически нет.

Язык	Кол-во носителей	Страна	Актуальный статус
куджарге	< 1000	Чад, Судан	Распространён в семи деревнях пограничья Чада и Судана. Известен 200-словный список лексики. Имеет параллели с чадскими и кушитскими языками (АА) и, возможно, является связующим звеном между ними как генетически, так и географически.
лаал (гори)	< 700	Чад	Хорошо изучен, родство с соседними языками адамауа (НК) и чадскими языками (АА) не подтверждается исследованиями.
луо	< 10	Камерун	Вероятна генетическая связь с бантоидными языками (НК).
луфу	3000	Нигерия	Известен по словнику из нескольких десятков слов. Вероятны связи с платоидными языками (НК), однако статус остаётся под вопросом.
мава	вымерший	Нигерия	Исчезнувший язык одной или нескольких деревень в штате Баучи. Крайне мало информации – возможно, само упоминание языка является результатом путаницы; язык с тем же названием существует в Чаде.
мероитский	вымерший	Судан	Язык древнего государства Мероз, распространённый в средней части долины Нила в VIII в. до н. э. – IV в. н. э. Мeroитские надписи пока не получили удовлетворительного перевода и толкования, существует несколько гипотез о происхождении языка, наиболее вероятны связи с восточносуданскими языками нубийской или нилотской группы (НС) [Rilly, De Voogt 2012].

Язык	Кол-во носителей	Страна	Актуальный статус
онгота	10–12	Эфиопия	Часто классифицируется как восточнокушитский (АА), однако имеет ряд характеристик, сближающих его с нило-сахарскими языками.
оропом	вымерший	Уганда	Известен по единственной работе [Wilson J. 1970], содержащей небольшой список слов. Попытки сближения с койсанскими, кулякскими (НС) и другими языками Восточной Африки убедительного обоснования не имеют.
уейто	вымерший	Эфиопия	Неописанный язык охотников на гиппопотамов на оз. Тана, перешедших на амхарский (НС) к XX в.
фер (кара)	5000	ЦАР	В последнее время ассоциируется с группой языков бонго-багирми центральносуданской семьи (НС).
хадза	< 800	Танзания	Иногда хадза относят к койсанским языкам благодаря наличию кликов и другим признакам (см. главу 7), однако на уровне лексического анализа это родство представляется весьма ненадёжным.
шабо (микейир)	400	Эфиопия	Исчезающий язык охотников саванны, иногда связывается с нило-сахарскими языками. Носители постепенно переходят на соседние языки шеккачо (омотская семья, АА) и маджанг (восточносуданская семья, НС).

Глава 9. Европейские языки в Африке

На сегодняшний день не менее 350 млн человек, или треть всего населения Африки, ежедневно пользуется одним из европейских языков, принесённых на континент в течение последних пяти столетий. Из 54 независимых государств континента 45 используют один из европейских в качестве официального языка, в большинстве остальных стран английский или французский язык являются языками образования и средств массовой информации. В восьми из девяти государств, не установивших официального статуса ни для одного европейского языка, таким статусом обладает арабский. Таким образом, лишь одно государство Африки – Эфиопия – использует в качестве официального исключительно автохтонный африканский язык.

Европейские языки появились в Африке в XV в., после основания первых португальских крепостей и колоний на атлантическом побережье. Однако если в XVI–XVIII вв. они оставались уделом местной элиты, использовавшей европейские языки преимущественно для коммуникации с поселенцами и торговли, то со второй половины XIX в., с началом раздела Африки между колониальными державами, их языки начинают активно проникать во внутренние области континента, а также во все сферы общения. С образованием колониальных империй знание европейского языка становится необходимым для получения школьного образования, работы в государственных учреждениях и коммерческих компаниях. Система образования, администрирования и массовой информации практически повсюду в Африке строилась на основе одного из европейских языков.

После обретения африканскими странами независимости сфера употребления европейских языков не сузилась, а продолжает расширяться, несмотря на рост национального и этнического самосознания народов Африки [Bamgbose 1991]. Государственная политика многонациональных государств Африки опирается на европейские языки как альтернативу доминированию одного африканского языка над другими: последнее многими этническими группами рассматривалось как

неприемлемое. Несмотря на националистические тенденции во внутренней политике целого ряда государств Африки в 1960–1980-е гг., власти редко решались на ограничение сферы действия европейских языков, призванных сбалансировать влияние различных этносов в стране и сплотить их в единую нацию. Кроме того, власти хорошо понимали, что языки бывших колониальных держав, как и прежде, открывают путь к качественному европейскому и американскому образованию и международному сотрудничеству. Остонавливала политиков и необходимость разработки официальной документации и системы государственного делопроизводства на африканских языках, не обладающих современной терминологией. Всё это привело к тому, что даже в тех странах, где крупные автохтонные языки стали официальными, европейские языки также сохранили этот статус. Многие государства приняли европейский язык в качестве единственного официального, чтобы не усложнять межэтнические отношения в стране.

Европейские языки играют важную роль *lingua franca*, языков межэтнического общения. В условиях бурного роста уровня урбанизации и значительного скопления людей в составе крупных городских агломераций именно европейские языки стали играть эту роль, так как воспринимаются нейтрально всеми этническими группами, в отличие от местных языков, даже наиболее престижных. Европейские языки остаются языками бизнеса, высшего и нередко среднего образования. На них продолжает выходить большинство печатных изданий, на их долю приходится не менее 70% книгопечатного рынка. Кроме этого, почти четверть от общего объёма книг в Африке направляется на континент извне – из Европы и Америки – различными гуманитарными организациями, что также способствует росту влияния европейских языков [Kamwangamalu, Makoni 2000].

Европейские языки повсеместно доминируют в популярной культуре, активно расширяющей своё влияние на общество. Музыкальные исполнители, писатели, кинематограф и телевидение используют преимущественно адаптированные формы европейских языков, понятные абсолютному большинству городского населения, нежели местные африканские языки. В последние годы, с ростом уровня компьютеризации, растёт влияние социальных сетей и электронных СМИ, абсолютное большинство из которых также использует европейские языки.

В результате освоения европейских языков широкими массами населения в городах Африки уже с начала XX в. начали вырабатываться различные диалектные формы, получившие на сегодняшний

день широкое распространение. Этот процесс следует рассматривать в рамках явления креолизации, а именно как начальную стадию процесса образования пиджинов и креольских языков в современной Африке. Образование говоров и диалектов европейских языков в целом ряде случаев ведёт к образованию пиджинов. В ходе этого процесса европейские языки заимствуют большое количество лексики из языков Африки, их фонетика и синтаксис принимают ряд существенных изменений, характерных для явления креолизации. Заметно меняется интонационный строй языка. Как правило, на одной и той же территории африканских городов сегодня функционируют несколько разновидностей европейского языка: официальный язык прессы, корреспонденции и документации, разговорный язык высших социальных слоёв населения (близкий к стандартному языку) и «народный» язык местных жителей, включая молодёжные формы и различные виды аргота. В некоторых странах «народный» язык приобретает стандартизованную форму. См. об этих явлениях подробнее в главе 10.

В Африке в различной степени распространены четыре европейских языка: английский, французский, португальский и испанский. Помимо них, в городах Намибии ещё используется немецкий язык.

Английский язык является официальным языком 22 государств и территорий Африки, 26 стран считаются англофонными благодаря большому количеству англоязычных жителей. Около 200 млн человек в Африке ежедневно использует английский [Plonsky et al. 2013].

Английский язык впервые закрепился в Африке в конце XVIII в. В течение около столетия это был язык солдат, купцов и миссионеров, работавших в растущих британских колониях на континенте. Уже к концу XIX в. с ростом завоеваний Британской империи английский стал доминирующим европейским языком в южной и восточной частях континента, а также в ряде стран Северной Африки. В течение лишь двух-трёх десятилетий в конце XIX и начале XX в. Великобритания получила контроль над всем Югом Африки (кроме Анголы и Мозамбика), Египтом и Суданом в Северной Африке, территориями нынешних Ганы, Гамбии и Сьерра-Леоне в Западной Африке, Кенией, Угандой и частью Сомали в Восточной Африке. Практически все эти государства, за исключением Судана и Сомали, на сегодняшний день являются англофонными.

Сфера распространения английского языка в Африке продолжает расти. Общие процессы глобализации и распространения западной культуры, а также компьютеризация повышают роль английского языка в повседневной жизни всех стран региона, включая и те, где

исторически преобладают другие европейские языки. В частности, в 1990-е гг. английский стал третьим официальным языком Руанды (наряду с **киньяруанда** и французским), при этом де-факто французским языком пользуются в стране только старшие поколения. Некогда франкоязычные Сейшельские острова также перешли к английскому языку на официальном уровне. В том же направлении предпринимают шаги власти Габона и Бурунди, где официальным языком остаётся французский. В Эфиопии расширяется сфера английского языка в школьном образовании, а университетское образование полностью переведено на английский. Несмотря на отсутствие официального статуса, широкое распространение английский язык приобрёл в Египте, в особенности в сфере бизнеса и в туристической индустрии страны [Plonski et al. 2013].

Одним из наиболее устоявшихся диалектов английского языка на африканском континенте является южноафриканский диалект, родной для каждого десятого жителя ЮАР и используемый также англоязычными жителями соседних государств – Зимбабве, Намибии, Ботсваны и Замбии. Английский здесь активно распространяется с начала XIX в., и хотя в годы правления националистов в ЮАР во второй половине XX в. он был повсюду в официальной сфере заменён языком африкаанс, английский оставался языком бизнеса и высшего образования. Южноафриканский диалект выделяется целым рядом отличий от стандартного языка в области фонетики: [a] является чрезвычайно открытой и заднеязычной фонемой, большинство гласных имеют тенденцию к продвижению вперёд (т. е. $a > e$, $e > i$ и т. д.), t и d произносятся как аффрикаты [tʃ] и [dʒ] соответственно, а h - в начале слова имеет тенденцию к озвончению. Ряд дифтонгов монофтонгизировался (например, [au] > [a:]). Южноафриканский английский относится к «ротацирующим» диалектам, т. е. r здесь не исчезает в позиции после гласных (например, в слове *bar*). В области лексики в речи англоязычных жителей ЮАР встречается множество слов, заимствованных из африканских языков (прежде всего **африкаанс**, **зулу** и **сото**), а на востоке страны – также из индийских и малайского языков. Среди заимствованных лексем можно назвать такие, как *lekker* ‘красивый’ или *jol* ‘вечеринка’. Некоторые предметы и явления, характерные для местного быта и природы, также проникли в язык в результате заимствований. Некоторые из них распространились и в литературный английский язык, а оттуда и в русский: как *apartheid* ‘апартеид’, *veld* ‘вельд, южноафриканская саванна’, *trek* ‘пеший поход’.

Развитие английского языка в Африке привело к появлению целого ряда пиджинов и креольских языков, описанных в следующей главе. Одним из наиболее успешных примеров развития креольского языка следует назвать **крио**, наиболее распространённый сегодня разговорный язык Сьерра-Леоне (подробнее в главе 10).

Около 120 млн африканцев ежедневно используют французский язык – второй по численности носителей европейский язык Африки. В 31 африканском государстве французский принят в качестве официального языка, в 12 из них он является единственным официальным. История французского языка в Африке восходит к XVII в., когда первые торговые фактории Франции появляются на атлантическом берегу Африки. В течение XIX в. Франция приобрела контроль над огромной территорией Северной, Западной и Центральной Африки, образовав здесь ряд колоний, которые после обретения независимости остались франкофонными государствами. В Центральной Африке были созданы бельгийские колонии Конго и Руанда-Урунди (территория нынешних Демократического Конго, Руанды и Бурунди), где языком администрации также стал французский. На сегодняшний день более половины всех носителей французского языка в мире проживают в Африке.

В течение первых десятилетий после завоевания независимости ряд правительств африканских государств предпринимали попытки отказаться от французского в качестве официального языка и ограничивали сферу его действия, мотивируя это стремлением отказаться от колониального наследия. Так, правительство Гвинеи запретило употребление французского и объявило государственными шесть языков крупнейших этносов страны, однако это нововведение породило хаос в системе государственного управления и вскоре было отменено, а французский восстановлен в качестве официального.

После освободительной войны в Алжире французский утратил статус официального языка страны, однако сегодня он продолжает оставаться языком школьного и университетского образования, прессы и телевидения. В Марокко и Тунисе, где французский также не имеет официального статуса, он распространён повсюду, особенно в городах, и является языком общения для высших классов городского общества, которые в массе своей билингвальны. Южнее Сахары французский также является доминирующим среди городского населения. Вторым по величине франкофонным городом в мире (после Парижа) сегодня является Киншаса, столица Демократического Конго.

В некоторых городских агломерациях Африки – таких как Абиджан (Кот-д’Ивуар) и Либревиль (Габон) – французский из языка межэтнического общения превратился в основной язык местного населения, утратившего автохтонные языки. При этом и здесь, и в других крупных городах континента формируются своеобразные диалекты французского языка. Сегодня в Африке можно выделить четыре крупных диалектных зоны:

- Магриб (Алжир, Тунис и Марокко);
- Западная и Центральная Африка;
- Джибути в Восточной Африке;
- Маскаренские и Сейшельские острова.

Повсюду диалекты французского обладают рядом особенностей, характерных для процесса креолизации, – упрощением синтаксиса и морфологии, утратой артиклей, многочисленными заимствованиями. К примеру, ивуарийский диалект французского языка существенно упростил как фонетику, так и грамматику. Практически повсеместно французская вулярная [R] заменяется более привычной африканцу альвеолярной [r]. Наиболее обиходные глаголы и существительные нередко заменяются новообразованиями или заимствованиями из местных языков, в язык введены многочисленные метафоры, узнаваемые только в Африке. Есть и грамматические инновации: например, частая замена формы повелительного наклонения на конструкцию с *il faut* ‘нужно’, вытеснение всех личных местоимений мн. ч. безличным *on*. Весьма схожие процессы происходят и в других крупных городах Западной и Центральной Африки – Уагадугу (Буркина-Фасо), Дакаре (Сенегал), Ломе (Того), Котону (Бенин). Совокупность этих говоров, которую в колониальный период было принято называть **пти-негр** («маленький негритянский язык»), сегодня именуют **пти-франсэ** или просто народным французским языком. Он остаётся языком улицы, в то время как образование, СМИ и в целом письменный язык основаны на литературном французском.

Дальнейшее развития диалектов ведёт в ряде случаев к образованию пиджинов и впоследствии креольских языков. Например, ответвлением ивуарийского диалекта является пиджин **нуши**, о котором речь пойдёт в следующей главе. На островах Индийского океана на базе французского языка развились маскаренские креольские языки, один из которых – **сешелва** – является официальным языком Сейшельских Островов. В других странах сегодня африканские диалекты французского языка активно кодифицируются, в печати появляются различные словари диалектных лексических норм.

Около 30 млн человек в сегодняшней Тропической Африке использует португальский язык в качестве первого или второго обиходного языка. Это жители бывших португальских колоний в Западной и Южной Африке (т. н. лузофонных стран): Гвинеи-Бисау, островных государств Кабо-Верде и Сан-Томе и Принсипи, а также Анголы и Мозамбика. В 2007 г. португальский стал также одним из трёх официальных языков Экваториальной Гвинеи. Диаспоры португалоязычных жителей существуют в некоторых других странах – например, в ЮАР, где количество носителей португальского достигает 300 тыс. человек (преимущественно это выходцы из Анголы). При этом в странах Западной Африки португальский повсюду соседствует с креольскими языками, также созданными на основе португальского как языка-лексификатора: это **криуло** в Гвинеи-Бисау, **фа-дамбо** в Экваториальной Гвинеи, **форру** и **анголар** в Сан-Томе и Принсипи и **кабовердинский** креол.

Из всех европейских языков в Африке португальский имеет самую длительную историю, его появление здесь датируется второй половиной XV в. Уже спустя столетие португальский стал языком общения элиты христианизированных королевств Конго и Лоанго, им владели члены правящих семейств целого ряда государств Гвинейского залива. Уже в XVI–XVII вв. в прибрежных районах Анголы и Мозамбика наблюдалось всеобщее двуязычие, а португальский стал языком межэтнического общения между носителями различных языков банту. Во внутренние районы Африки португальский проник только в первой половине XX в. После получения независимости португальскими колониями в 1975 г. язык получил официальный статус во всех новых независимых республиках, хотя владеют им преимущественно в городах.

Португальский в современной Африке испытывает жёсткую конкуренцию со стороны английского языка как языка мирового бизнеса и международных организаций. Представители политической и деловой элиты лузофонных стран вынуждены осваивать английский для контактов как с коллегами из Европы, США и Китая, так и с представителями соседних государств. В то же время в некоторых странах Африки, в первую очередь в Анголе, в последние годы наблюдается приток португалоязычных мигрантов – как поселенцев новой волны из Португалии, так и потомков бывших рабов из Бразилии.

Португальские диалекты в Африке сохранили относительную близость к стандартному литературному языку, обогатив его некоторым количеством лексики из местных языков, а также рядом грамматических особенностей. Например, составные видовременные конструкции

повсюду в лузофонной Африке довлеют над синтетическими, допускается употребление объектных местоимений перед глаголом или после него. Существует и ряд фонетических отличий от литературного языка. Всё это объясняется и тем, что, в отличие от французского или английского языков, португальский практически нигде (кроме островных государств) не является единственным в употреблении, но повсюду – одним из двух языков, которыми свободно пользуются билингвальные носители. Африканские говоры оказали некоторое влияние на современный разговорный португальский язык после массового возвращения в Португалию репатриантов из бывших африканских колоний.

Испанский язык в Африке активно используется лишь в четырёх странах: Марокко (в северной части), Алжире (также только на севере), Западной Сахаре и Экваториальной Гвинее. Последняя является единственной африканской страной, где испанский имеет статус официального языка. В Марокко испанский является вторым языком населения северных областей, бывших до второй половины XX в. протекторатом Испании. Здесь испанский лидирует по числу студентов, изучающих иностранный язык в школе, так как из Марокко в Испанию идёт постоянный поток мигрантов. В Западной Сахаре – некогда испанской колонии, частично аннексированной Марокко, – испанский также остаётся вторым языком городского населения, а в районах, контролируемых частично признанной Сахарской Республикой (часть Западной Сахары), он используется в административных целях наряду с арабским. Около 200 тыс. человек пользуются испанским языком в Алжире, где ранее также располагались испанские колонии. Довольно крупные диаспоры испаноязычных студентов существуют в Кот-д'Ивуаре и Камеруне. Нельзя забывать и о Канарских островах, географически относящихся к Африке, а также о двух принадлежащих Испании городах на побережье Северной Африки – Сеуте и Мелилье, население которых также говорит на испанском языке. Общая численность испаноговорящего населения Африки достигает 5 млн человек. Выделяют три диалекта испанского языка в Африке – западносахарский (или **сахарави**), подвергшийся значительному влиянию арабского языка **хассания**; экваториально-гвинейский, испытывающий влияние языков банту, а также португальского языка; и диалект Канарских островов, развивающийся с XVI в. и сохранивший ряд элементов, восходящих, по-видимому, к ныне исчезнувшему языку гуанчей – коренного бербероязычного населения островов.

Глава 10. Контактные языки Африки

10.1. Пиджины и креольские языки

Африка представляет собой идеальный полигон для исследования конвергентных явлений в языках. Здесь засвидетельствовано не менее двух десятков контактных языков различного происхождения – причём как древних, так и относительно новых.

Пиджином называют контактный язык, используемый в общении между носителями различных языков, но не имеющий исконных носителей. Он создаётся в краткие сроки (иногда в течение лишь 10–20 лет или даже менее) в результате активного взаимодействия между представителями различных, чаще всего не близкородственных этносов – например, в ходе интенсивной торговли. Пиджины хорошо известны во всех частях света, включая и Европу, где один из пиджинов – руссенорск – в течение нескольких веков использовался русскими и скандинавскими купцами при торговых сношениях в Заполярье. Характерной особенностью пиджинов является отсутствие взаимопонимания с языками-источниками. Вопреки расхожему мнению тех, кто слышит речь на пиджине, его нельзя просто симитировать упрощением живого языка, а приходится учить, как и всякий другой язык.

При этом пиджин не имеет носителей в строгом смысле слова: оба контактных этноса используют в быту свои родные языки. Статус креольского языка пиджин приобретает в том случае, если рождаются дети, использующие его как родной язык. В такой ситуации пиджин быстро кодифицируется, обретает стабильную структуру и уже в течение жизни одного поколения может стать полноценным языком со всеми атрибутами последнего.

При формировании пиджина и креольского языка один из контактных языков-источников становится лексификатором, т. е. наполняет новый язык основной частью его словарного запаса. Как правило, не менее 90 % словаря пиджина и креола происходят из языка-лексификатора: в Африке им становится наиболее престижный

из языков-источников – как правило, европейский язык. Грамматика же чаще всего сохраняет характеристики автохтонного языка (или языков).

Отношение лингвистической науки к пиджинам и креольским языкам за последнее столетие претерпело резкие изменения. В парадигме младограмматической лингвистической науки пиджинам места не находилось: ещё в начале XX в. их было принято считать испорченными, временными версиями исходных языков либо диалектами последних. Конвергентный характер происхождения пиджинов не давал возможности построить их в генеалогическую классификацию: неясно, к какой группе или семье можно отнести, скажем, язык **крио** в Сьерра-Леоне, если словарь в нём на 85 % составлен из слов английского происхождения, но грамматика во многом сохранила структуру языка **йоруба** (бенуэ-конголезская семья, НК). Отсутствие в языке устойчивой нормы, характерное для пиджинов, сильно снижало их престиж в глазах учёного, делая неприемлемыми в качестве языков в классическом понимании этого слова. Кроме того, видя в пиджинах и креолах лишь изменения канонической формы европейского языка, европейцы полагали такие изменения лишь деградацией и порчей. В результате в обществе и в науке укоренилось представление о пиджинах как об «уродливом явлении», искажённых вариантах европейских языков, плохо выученных африканскими туземцами.

Во второй половине прошлого столетия отношение к креолам и пиджинам начало меняться: их стали изучать как отдельное самостоятельное явление в рамках теорий конвергентного развития языка. В 1950-е гг. появились грамматические описания отдельных креольских языков Африки, за ними последовали сводные труды, сопоставляющие пиджины и креолы различных районов африканского побережья. К концу столетия эти языки стали изучать и в рамках новых дисциплин в языкознании – социолингвистики и психолингвистики, а также науки об усвоении языка детьми. Оказалось, что пиджины и креолы несут в себе массу полезной информации о механизмах формирования человеческого языка в целом и могут дать ценный материал в т. ч. для сравнительно-исторического языкознания.

Тем не менее до сих пор многие контактные языки африканского континента описаны недостаточно, а то и вовсе не описаны в научной литературе.

Важнейшей особенностью пиджинов и креольских языков с типологической точки зрения является редукция фонетической и грамматической структуры по сравнению с языками-источниками. Осваивая

чужой для себя язык, говорящий на пиджине старается устранить незнакомые, нелогичные или неудобные для себя явления, упростить сложные конструкции или создать новые, более простые в образовании. А так как одновременно это делают оба участника процесса, то в результате пиджины – и рождающиеся на их основе креольские языки – структурно значительно упрощены по сравнению с обоими исходными языками. Фактически создатели пиджина идут по пути формирования быстрого для освоения и простого в употреблении языка: именно эти стимулы играют главную роль при создании и искусственных языков типа эсперанто.

Упрощённая структура фонологии и морфосинтаксиса пиджинов и креольских языков Африки по сравнению с исходными языками является результатом следующих процессов:

- редукция коды слога (англ. *hoversack* ‘заплечная сумка’ > крио *abasa* ‘сума’);
- устранение или упрощение групп согласных (англ. *ground-nut* ‘земляной орех’ > крио *granat*);
- упрощение вокализма до системы из 5–7 гласных фонем;
- элиминирование или ослабление тонологии и других супraseгментных явлений фонологии;
- дефлексия: замена флективных форм грамматических показателей на аналитические конструкции для выражения видовременных, модальных и других значений глагола (англ. *we saw* ‘мы видели’ ~ крио *wi bin si*);
- повышение роли редупликации для выражения значений усиления, множественности, постоянства признака имени или аспектуальных значений глагола (крио *bega* ‘просить’ ~ *begabega* ‘попрошайничать’);
- упрощение морфонологии вплоть до полной редукции различных видов фонологических и грамматических чередований, сандхи и схожих явлений;
- упрощение структуры предложения: элиминирование встроенных клауз, разложение сложноподчинённых предложений на несколько простых;
- относительная бедность лексики, утрата лексических оппозиций, расширение семантики наиболее употребительных терминов, устранение супплетивизма.

Большинство известных нам контактных языков Африки появилось на свет в результате конвергенции между европейскими и автохтон-

ными языками в прибрежных районах на западе и (реже) востоке континента. Этот процесс начался в XVII в. и достиг пика во второй половине XIX в. и начале XX в. в связи с интенсивным освоением европейскими державами побережья Африки. Особенно активно развивались пиджины в гвинейской социолингвистической зоне: на побережье Западной Африки от устья р. Сенегал до устья р. Конго. Сюда же после запрета международной работорговли прибывали корабли с освобождёнными рабами. Последние, будучи по рождению представителями самых различных народов Африки, вынуждены были в кратчайшие сроки создавать систему коммуникации на своей новой родине. В конце XIX в. и начале XX в. пиджины также создавались там, где концентрировалось большое количество наёмных рабочих различного происхождения: на шахтах и приисках Южной Африки, на плантациях Восточной и Центральной Африки, в вооружённых силах колониальных держав.

Пиджины и креолы Африки чаще всего классифицируют по языколексификатору, на основе которого они были сформированы. В этой классификации выделяют следующие группы пиджинов и креольских языков:

- на основе английского (**крио** в Сьерра-Леоне, **нигерийский пиджин**, **камерунский пиджин**);
- на основе французского (**морисьен** на о. Маврикий, **реюньонский креол** на о. Реюньон, **сешелва** на Сейшельских островах);
- на основе португальского (**кабовердинский** на островах Зелёного Мыса, **криуло** в Гвинее-Бисау, **анголар** и **форру** на островах Сан-Томе и Принсипи, **фа-дамбо** на о. Аннобон у берегов Экваториальной Гвинеи, а также малоизученные пиджины Анголы и Мозамбика);
- на основе языка африкаанс (малоизученные пиджины **орламс** и **цочиталь** (правильнее – тсочиталь), сформировавшиеся на шахтах и приисках Южной Африки и ныне существующие как языки криминальных сообществ ряда городов и провинций ЮАР);
- на основе зулу – пиджин **фанагало** в ЮАР, Зимбабве.

Наиболее исследованным из креольских языков с европейским лексификатором является крио. История его формирования насчитывает несколько столетий – с того момента, как в XVII в. английские колониальные власти начали поселять в Сьерра-Леоне рабов, освобождённых на территории королевства. Поток новых поселенцев усилился во второй половине XVIII в., когда сюда были доставлены освобождённые

рабы, воевавшие на стороне Великобритании в англо-французских войнах в Северной Америке и Войне за независимость США. В середине XIX в. город Фритаун стал воротами в Африку для тысяч рабов, освобождаемых британским флотом с невольничьих судов по всей Атлантике в рамках борьбы с трансокеанской работорговлей. Разумеется, население Сьерра-Леоне становилось всё более пёстрым в языковом и этническом отношении (именно здесь в 1854 г. С. Кёлле составил свой компендиум «Polyglotta Africana» [Koelle 1854], опросив носителей более ста африканских языков). Кроме того, поселенцы смешивались с исконным населением региона – народами менде, темне, шербро, лимба и проч. В результате и родился язык **крио**, которым сегодня владеют несколько миллионов жителей Сьерра-Леоне (хотя родным он является всего для 300 тыс. человек).

Крио пользуется относительно высоким престижем среди языков страны, однако функционирует преимущественно в крупных городах на бытовом и разговорном уровне, в то время как роль официального языка выполняет английский. На крио выходит несколько периодических изданий (старейшее – газета «For Di People» во Фритауне, издаваемая с 1983 г.), письменная литература представлена несколькими авторами. Формируется единая литературная норма языка, которая со временем позволит ему развиваться в официальном статусе, хотя пока скорее можно говорить о политической маргинализации языка в республике.

Язык крио характеризуется рядом особенностей, свойственных креольским языкам. В языке функционирует 7-значная система вокализма (плюс 4 дифтонга), набор согласных фонем состоит из 19 единиц, среди которых нет распространённых в регионе лабиовелярных или имплозивных согласных. Тон, также характеризующий абсолютное большинство языков региона, в крио утрачен, хотя может сохраняться в некоторых заимствованиях из автохтонных языков Сьерра-Леоне. Место тона в языке заняло динамическое ударение, имеющее свободный характер.

Имя существительное не использует именной классификации, распространённой в большинстве языков Западной Африки. Единственной грамматической категорией имени существительного является число: значение множественности выражается постпозитивной частицей *dem*, восходящей к англ. *them* ‘их’. Падежные отношения выражаются с помощью ограниченного набора полисемантических предлогов: например, предлог *ran* имеет значения ‘от, на, из, после’ и др.

Личные местоимения происходят из английских форм, за исключением формы 2 л. мн. ч. *uni* ‘вы, вас, вам’, которую выводят из языка **игбо** (бенуэ-конголезская семья, НК). Указательные местоимения различают две степени удалённости – *dis* ‘этот’, *dat* ‘тот’, их плюральная форма аналогична личному местоимению 3 л. мн. ч. *dem* ‘они, их, им’.

Весьма сложная видовременная система, характерная для западноафриканского глагола, в крио полностью перестроена и расщепилась на две независимые категории – времени (прошедшее, будущее и немаркированное настоящее) и аспекта (перфектив, имперфектив, хабитуалис). В числе наклонений – императив / оптатив, дебитив, кондиционалис / субъюнктив и ирреалис. Все перечисленные значения выражаются клитическими приглагольными показателями, происходящими из глагольных форм: прош. вр. *bin* < англ. *been* (причастие глагола ‘быть’), буд. вр. *go* < англ. *go* ‘идти’, оптатив *le* < англ. *let* ‘позволять’, перфект *dɔn* < англ. *done* (причастие глагола ‘делать’). Интересно, что в крио действуют две глагольные связки – утвердительная *na* и отрицательная *nɔto*:

Dis olide na gladi awujɔ ‘Этот праздник – радостное торжество’;
Lepet nɔto enibɔdi we una de fred ‘Леопард – не тот, кого вы боитесь’.

Влияние африканских языков проявляется в синтаксических конструкциях, из которых стоит отметить распространённую в крио сериализацию – бессоюзное соположение нескольких глаголов с единой синтаксической функцией:

I de waka go rɛn jɔmp, sote i ric watasai ‘Он быстро шёл (букв. ‘шёл пешком – шёл – бежал – прыгал), пока не достиг реки’.

Другой чисто африканской особенностью является широко распространённая редупликация, имеющая значение интенсификации как в имени, так и в глаголе:

Na mɔnin mɔnin di grani go was di pikin ‘Рано утром бабушка пошла мыть ребёнка’;
Una ka nɔ sidɔn sidɔn sidɔn ‘Вы не приходили, всё сидели и сидели’;
Elifan dem de waka waka waka to di wata ‘Слоны очень долго шли к водопаду’.

Заметим, что в последнем предложении заметно ещё одно чисто западноафриканское синтаксическое явление – дублирование именного субъекта местоименным показателем *dem* ‘они’.

Костяк лексики крио составляют слова из пиджина на основе английского языка, однако весьма существенную группу – не менее 8 % – составляют слова из **йоруба** (бенуэ-конголезская семья, НК), на котором говорили многие рабы, в своё время вывезенные европейцами с Невольничьего берега (ныне Бенин). Идентифицированы, кроме того, заимствования из французского, португальского и автохтонных языков Сьерра-Леоне, прежде всего **темне** и **лимба** [Дьячков 1981].

Не только европейские языки становились катализаторами образования новых пиджинов и креолов в Африке. Особое место занимают несколько языков, созданных с помощью арабского языка, выступившего лексификатором.

Наиболее известным из них является **суданский пиджин** (или **джуба**), используемый в качестве языка межэтнического общения в столице Южного Судана Джубе и в других районах Экваториальной провинции страны. Джуба является языком потомков солдат Англо-Египетского Судана, набранных на военную службу в экваториальных областях Судана в конце XIX в. и изучивших основы арабского языка. Вернувшись со службы, они использовали арабский как язык межэтнического общения с представителями многочисленных народностей региона. Есть сведения, что к середине XX в. джуба был родным языком для нескольких десятков тысяч человек, приобретя, таким образом, статус креольского языка. Современное количество его носителей определить весьма сложно, однако сегодня оно определённо падает. По своему грамматическому строю джуба представляет собой сильно упрощённый суданский диалект арабского языка с преимущественно аналитической грамматикой [Mahmud 1983].

Сходное происхождение имеет креольский язык **нуби**, на котором говорят потомки суданских солдат, компактно поселённых британской колониальной администрацией в Уганде и Кении. На сегодня насчитывается более 40 тыс. носителей нуби. Язык весьма слабо описан, однако известно, что около 10 % лексики составляют слова неарабского происхождения, а грамматика подверглась существенному упрощению. А в южных районах Чада в 1970-е гг. был зафиксирован **бабалия** – креольский язык на основе чадского варианта разговорного арабского, на который перешли носители вымершего ныне центральносуданского языка **бераку**. Насчитывается не более 3 тыс. носителей бабалия, их язык вряд ли проживёт больше 1–2 поколений [Heine 1982].

Логично предположить, впрочем, что в Тропической Африке, с её многообразием языков, интенсивными миграциями малых языковых

коллективов, постоянной конвергентной средой, пиджины и креолы могли появляться и до прихода европейцев и арабов. В последние десятилетия началось пристальное изучение автохтонных языков Африки, имеющих признаки креольских.

Одним из таких языков, чьё креольское происхождение можно считать подтверждённым, является **санго**, государственный язык Центральноафриканской Республики. Пиджин санго образовался в результате взаимодействия нескольких этнических групп Центральной Африки ещё в начале XIX в., а после прихода сюда французов в конце того же столетия стал интенсивно развиваться в колониальной администрации и вооружённых силах. Лексификатором санго стал язык **нганди** (семья убанги, НК), однако в формировании словаря и грамматики участвовали также языки **якома** и **денди** (также убанги), много культурной лексики заимствовано из французского языка. Французская администрация и католические миссионеры активно продвигали санго и способствовали повышению его социального статуса в глазах местного населения, упрощая таким образом для себя взаимодействие с десятками этносов, живущих в регионе. Сегодня количество носителей санго составляет до 0,5 млн человек, однако пользуются им примерно в 10 раз больше людей, включая жителей смежных с ЦАР областей Демократического Конго и Чада.

В числе других пиджинов и креольских языков исконно африканского происхождения можно назвать пиджин **фанагало** на основе языка **зулу** (группа банту, НК) в Южной Африке, а также пиджины **гибанауа** и **бариканчи**, сформировавшиеся на основе языка **хауса** (чадская семья, АА) в военных казармах Северной Нигерии. Все они изучены весьма слабо.

10.2. Креолизация

В последние годы исследование различных аспектов креолизации живых языков всех регионов мира резко активизировалось. Креолизация не предполагает создания новых языковых сущностей, однако может серьёзно изменить структуру того или иного языка при попадании его носителей в определённые социолингвистические условия. При интенсивных контактах представителей нескольких этносов наиболее престижный из их языков имеет шансы стать *lingua franca* для носителей нескольких идиомов, однако в этом случае его усвоение приводит к явлениям, характерным для креольских языков: редукции

фонологии и грамматики, замене флективных конструкций аналитическими, утрате определённых грамматических категорий. Язык не становится креольским по происхождению, однако по структуре начинает напоминать его – это и называется явлением креолизации [Dimmendaal 2011].

В Африке можно выделить целый ряд языков, для которых креолизация является характерным явлением. Подчас она носит весьма древний характер, а иногда формируется на наших глазах.

Среди примеров «старой» креолизации нужно назвать язык **китуба** (группа банту, НК), созданный в результате интенсивного взаимодействия нескольких этносов в бассейне р. Конго. В качестве его лексификатора выступил язык **конго**, однако в процессе формирования китуба приняли участие и другие языки банту, распространённые в регионе. Вероятно, катализатором для формирования китуба выступило одно из централизованных государств региона – это могло быть одно из протогосударств, существовавших ещё до прихода европейцев в бассейне Конго (например, Луба или Лунда), а также Королевство Конго, созданное при помощи португальцев в XVI в. в низовьях одноимённой реки. В XVIII–XIX вв. развитие китуба продолжилось на португальских факториях, где работали представители многочисленных африканских этносов. Сегодня на китуба говорят в крупных городах прибрежной зоны обоих государств Конго (где он имеет статус официального языка под названием киконго), а также на севере Анголы.

И фонетика, и морфосинтаксис китуба довольно существенно отличаются от структур соседних языков. В частности, здесь засвидетельствована простейшая 5-членная система вокализма, полностью отсутствуют дифтонги, характерные для языков региона. Тон, являющийся неременным атрибутом фонологии языков банту, сохранился, но приобрёл позиционные ограничения – в частности, высокий тон может стоять только на предпоследнем слоге. В системе консонантизма также заметно упрощение: исчезли наиболее маркированные согласные фонемы – такие как лабиовелярные, весьма характерные для языков зоны банту.

В грамматике система именных классов подверглась сильной эрозии, флективные классные показатели заменились клитическими. Вместо связанных личных показателей глагола – одной из характерных черт глагольной системы языков банту – используются автономные личные местоимения, а видовременные значения выражаются с помощью аналитических перифрастических конструкций. Эти и другие

явления указывают на то, что в формировании китуба принимали участие, возможно, не только языки банту, но и другие, ныне исчезнувшие языки лесной зоны Центральной Африки, а позже и португальский. Китуба, безусловно, должен считаться одним из примеров «старых» креольских языков [Fehderau 1962].

В числе древних креолизованных языков, процесс формирования которых изучен пока довольно слабо, следует назвать **менде** (семья манде, НК) в Сьерра-Леоне, **бедик** (атлантическая семья, НК) в Сенегале, макроязык **сонгаи** (НС) в нескольких странах Западной Африки. История их происхождения различна, однако всегда указывает на интенсивные контакты различных этносов. В частности, язык менде сформировался при адаптации мигрантов из государства Мали в лесной зоне Западной Африки, бедик, возможно, стал результатом конвергенции между земледельцами и охотниками Сенегала, а сонгаи развился в качестве языка межэтнического общения разноплеменного населения позднесредневекового государства Сонгаи.

Последний фактор, вероятно, играл важнейшую роль при формировании креольских и креолизованных языков Африки. Любое государственное образование стремилось обеспечить централизованное управление на своих землях, внедряя для своих разноплеменных подданных и свою культуру, и религию, и язык. Освоение языка иноплеменниками приводило к его трансформации, поэтому языки крупных доевропейских государств Африки чаще всего носят признаки креолизации.

Признаки креолизации наглядно представлены в языке **африкаанс** – единственном индоевропейском языке, созданном в Африке (см. о нём подробнее в главе 8). По сравнению со своим прямым предком – нидерландским языком раннего Нового времени – здесь произошли процессы, характерные для креолизации: уменьшение числа согласных фонем, разрушение склонения и спряжения, утрата категории грамматического рода, замена флективного морфосинтаксиса аналитическим, утрата особого типа неправильных глаголов. Всё это сделало язык проще для усвоения многочисленными этническими группами, переходившими на него – французских, английских, немецких и португальских колонистов, а также их южноафриканских соседей. Предполагается также, что одной из причин креолизации языка и формирования современного африкаанс является диффузия между языковыми системами различных социальных слоёв. Дети белых колонистов проводили много времени с прислугой, няньками и чернокожими рабами, что приводило к упрощению структуры речи и в течение всего лишь

нескольких поколений позволило развиваться принципиально новому языку [Беликов, Крысин 2001].

Другим примером того же рода служит **суахили** (группа банту), язык торговой цивилизации Восточной Африки, в формировании которого принимали участие несколько языков банту, а также арабский и персидский языки мигрантов с Ближнего Востока [Громова, Охотина 1995]. По сравнению с близкородственными ему языками суахили действительно обладает теми признаками, которые характеризуют креольские языки. Здесь упрощена морфология, утрачено многообразие тональных противопоставлений, развилось ударение, фиксированное на предпоследнем слоге. В грамматике утрачен ряд глагольных категорий, а структура предложения упрощена. Многочисленные лексические заимствования дополняют картину креолизации суахили как языка межэтнического общения.

Любопытно, что тот же суахили, который считается примером «старой» креолизации, становится сегодня источником новых пиджинов в городах Восточной Африки. Здесь во второй половине XX в. началось бурное развитие диалектов и арго, имеющих ещё более отчётливые признаки креолизации – например, **городского суахили**, или **шенга**, в Найроби (Кения). Этот вариант суахили, называемый в литературе то сленгом, то жаргоном [Githiora 2002], сформировался в 1950-е гг. в трущобах кенийской столицы и вобрал в себя элементы и заимствования многочисленных автохтонных языков Кении (**луо**, **кикуйю** и др.), а также английского. По структуре шенг ещё более редуцирован по сравнению с суахили – утрачен целый ряд грамматических форм и фонологических явлений. Распространению городского суахили способствует его активное употребление на радио и телевидении, в молодёжных шоу, в поп-музыке и интернете.

В Западной Африке схожее явление представляет собой молодёжный сленг, получивший широкое распространение в бедных кварталах г. Абиджана, под названием **нуши́**. Возникнув в начале 1980-х гг., нуши быстро распространился среди безработной молодёжи городских окраин и был подхвачен популярными музыкальными исполнителями. Учитывая, что 65 % жителей Абиджана составляют жители возраста до 25 лет, можно считать, что для завтрашнего поколения ивуарийцев нуши будет основным разговорным языком. По своему происхождению он представляет собой диалект разговорного французского, подвергшийся сильному влиянию фонетики, грамматики и лексики нескольких африканских языков, в первую очередь **дьюла** (семья манде, НК),

бете (семья кру, НК) и **бауле** (семья ква, НК). В результате этих влияний французская основа сильно креолизировалась, и уже сегодня можно говорить о функционировании в Абиджане полноценного пиджина с несколькими языками-лексификаторами. Французская лексика нуши составляет лишь 30% его словарного состава, ещё треть составляют заимствования из африканских языков, треть – слова неясного происхождения или лексические инновации.

Как и другие пиджины, нуши находится в процессе утраты глагольной именной морфологии: например, в речи не различаются мужской и женский род, утрачено спряжение французских глаголов *avoir* ‘иметь’ и *être* ‘быть’. Резко упрощена видовременная система: фактически используются лишь три простых времени, из которых прошедшее и будущее образованы аналитически (на основе французского перфекта и ближайшего будущего соответственно). Очень интересным является формирование системы тонологии из трёх уровневых тонов, которые используются в т. ч. для различения грамматических значений слова. Ряд деривативных аффиксов в нуши заимствованы из африканских языков [Sande 2015].

Вероятно, более глубокое изучение других языков Африки поможет обнаружить и другие следы креолизации на континенте, а возможно, и определить креольское происхождение ряда современных языков, формирование которых состоялось ещё в доисторический период.

10.3. Смешанные языки

Особое место среди языков Африки занимают т. н. смешанные языки – ещё одна разновидность контактных языков, статус которых до сих пор до конца не определён ни типологами, ни компаративистами. Понятие и концепция смешанного языка распространились после публикации работы [Bakker 1997], хотя по сей день набор критериев такого языка недостаточно определён, а список смешанных языков в различных регионах мира сильно варьирует. В отличие от пиджинов, которые создаются в результате контакта этносов, незнакомых с языками друг друга, смешанные языки возникают в ситуации полного двуязычия. Оба этноса свободно владеют языками друг друга и при общении используют оба – так создаётся смешение языков. Однако смешанный язык не всегда подразумевает смешение кодов – часто он создаётся как весьма правильная система. Более престижный язык, как правило, становится суперстратом и даёт новому языковому

образованию систему морфологии и синтаксиса, а лексика может по-разному представлять оба языка-источника.

Смешанные языки, обычно формирующиеся при взаимодействии относительно небольших этносов, предполагают и культурное их слияние в результате брачных связей и совместного проживания в рамках одних и тех же общин. Они появляются быстро – иногда в пределах 1–2 поколений – и в течение нескольких десятилетий становятся родными для детей, появившихся в результате такого этнического союза. Дети хорошо знают и оба языка своих родителей, используя их в общении с другими сообществами, однако между собой уже пользуются языком, «придуманном» предыдущим поколением. В дальнейшем знание исходных языков может уйти, оставляя смешанный по происхождению язык единственным языком коммуникации в общине.

Подобные ситуации, довольно редкие для народов Евразии, в Тропической Африке вовсе не столь редки. Сильное дробление этнических групп и частые миграции небольших племён приводят к ситуации, когда две общины вынуждены объединяться в одну, чтобы выжить в условиях жёсткой конкуренции за ресурсы. Такие примеры хорошо описаны для районов Великих африканских озёр, а также зоны экваториальных лесов. В качестве наиболее изученного смешанного языка Африки обычно приводят пример языка **ма'а** (или **мбугу**, Танзания), а также различные языки пигмоидных народов Центральной Африки.

Язык ма'а (мбугу) стал известен после выхода в свет работ М. Моуса (например, [Mous 2003]). Народность с самоназванием ма'а (называемая соседями мбугу) проживает в нескольких деревнях на севере Танзании и является результатом слияния двух ранее различных народов – скотоводов кушитского происхождения и земледельцев банту. Согласно Моусу, сегодня в сообществах ма'а используется два регистра разговорного языка. Один из них представлен языком банту, второй содержит смешанную лексику из банту и кушитских языков. При этом грамматика обоих регистров идентична, т. е. для смены регистра достаточно заменить слова в предложении, оставив конструкцию нетронутой. В коммуникации между членами общины используются оба регистра, свободно варьируя между собой.

Выдержки из бытовой беседы на ма'а представлены ниже (подчёркнуты морфемы, принадлежащие к регистру банту, курсивом выделены морфемы смешанного регистра; остальные морфемы употребляются в обоих регистрах):

áni ní mborá ní-tét-é jangu já u-borá
 я COP девочка я-сказать-SUBJ 10.мой 10.CON 14-девочка
 ‘Я была девочкой, нужно ли мне говорить о моём детстве?’

ní ku-vína bí
 COP 15-танец только
 ‘Это был только танец’.

te-m-ló ingí
 не-ты-иметь другой
 ‘У тебя больше ничего нет?’

háli ya ku-yó
 другой 9.CON 15-говорить
 ‘Что-то ещё сказать?’ [Mous 1994: 177].

Как труды Моуса, так и вообще концепция смешанных языков подвергаются сильной критике лингвистов в африканистике и вне её. Многие компаративисты указывают на невозможность существования смешанных языков – ведь базовая лексика языка преимущественно относится к одному из языков-источников (хотя в ма’а она тоже существует в двух вариантах). Звучат мнения, что смешанные языки некорректно описаны, что в рамках общины сосуществуют два языка, используемых в различных социальных контекстах. Сторонники компромиссного подхода допускают существование смешанного языка на синхронном уровне, однако считают его временным и непродолжительным явлением, возникшим в результате той или иной ситуации коммуникативного кризиса. Весьма вероятно, что по прошествии 1–2 поколений смешанный язык обретает стабильность в качестве стандартизированного креольского языка.

Помочь понять явление смешанных языков может, в частности, исследование современных молодёжных говоров в городах Камеруна в Западной Африке, называемых **камфранглé** или **франанглé**. Получив независимость, Камерун объединил под единой государственностью франкоязычные и англоязычные районы, и в крупных городах царит практически полное двуязычие. Дети и подростки в крупных школах и интернатах свободно используют слова обоих языков в рамках одного предложения, например:

Tu as go au school? ‘Ты ходил в школу?’

Tu as sleep hier? ‘Ты хорошо спал прошлой ночью?’

Tout le monde hate me, wey I no know ‘Меня все ненавидят, не знаю почему’;

Je veux go ‘Я хочу уйти’;

Il est come ‘Он пришёл’;

Tu play le damba tous les jours? ‘Ты каждый день играешь в футбол?’
[Niba 2007].

Влияние камфрангле растёт при помощи популярных исполнителей, использующих смешанную речь, чтобы завоевать популярность у обеих аудиторий – и франкоязычных северян, и англоязычных южан. В результате в Дуале, крупнейшем городе страны, новый контактный язык стремительно вытесняет из устного общения молодёжи **каме-рунский пиджин**, ранее самый популярный язык межэтнического общения в стране. Ни кодификации, ни письменной традиции этого удивительного языка пока не создано, а власти страны активно борются с его употреблением, вводя в школах «французские» и «английские» дни, когда общение допускается только на одном из двух литературных языков. Однако это не останавливает роста влияния камфрангле, который на наших глазах становится ещё одним языком Африки, претендующим на статус «смешанного».

Разумеется, многие подобные разновидности речи в Африке не дошли до наших дней или пока не получили своего описания, так что окончательная научная разгадка явления смешанных языков ещё впереди.

Приложение. Текст на языке крио

Почему Черепаха живёт в воде [Дьячков 1981]

<i>Wan sɔnde</i>	<i>trɔki</i>	<i>wer</i>	<i>in</i>	<i>gud</i>	<i>klos</i>	<i>en</i>	<i>in</i>
один	воскресенье	Черепаха (Ч)	одевать	его	хороший	одежда	и его
<i>felt at,</i>	<i>i go</i>	<i>tel</i>	<i>Got</i>	<i>adu.</i>	<i>So</i>	<i>Got</i>	<i>bin</i>
фетр	шляпа	он	идти	сказать	Козёл (К)	привет	итак
<i>kicin</i>	<i>de</i>	<i>bwel</i>	<i>petete.</i>	<i>Got</i>	<i>ka</i>	<i>mit</i>	<i>Trɔki</i>
кухня	IPFV	варить	картофель	К	приходить	встретить	Ч
<i>sidɔn</i>	<i>de</i>	<i>tɔk.</i>	<i>Naim</i>	<i>Got</i>	<i>tel</i>	<i>Trɔki</i>	<i>se</i>
сесть	IPFV	говорить	итак	К	сказать	Ч	что
<i>petete</i>	<i>na</i>	<i>faya</i>	<i>fɔ</i>	<i>bwel</i>	<i>am.</i>	<i>So</i>	<i>den</i>
картофель	в	огонь	для	варить	его	итак	потом
<i>tɔk,</i>	<i>te</i>	<i>di</i>	<i>petete</i>	<i>dɔn</i>	<i>bwel.</i>	<i>Got</i>	<i>lef</i>
говорить	пока	этот	картофель	PFV	варить	К	оставить
							Ч
							в

pala fɔ go was di pɔt. Trɔki tek sɔm wam
 гостиная для идти мыть этот горшок Ч братъ немного горячий
petete na tebul, put am insai in at en wer am na ɛd.
 картофель в стол класть его внутрь его шляпа и одевать его в голова
Got ka insai en aks Trɔki, wetinmek i de swet pan
 К прийти внутрь и спросить Ч почему он IPFV потеть после
swet, we ples nɔ wam. Trɔki tel i jɔs fil bad.
 потеть где место не горячий Ч сказать он только.что чувствовать плохой
I tel Got, se i nɔ de it di it, i de go. Na trit
 он сказать К что он не IPFV есть этот еда он IPFV идти в улица
Trɔki pul in kiap, ɔl in ia na in ɛd dɔn rut, en in
 Ч снять его кепка весь его волосы в его голова PFV падать и его
ɛd de bɔn am. I rɔn go na wata fɔ go kol in
 голова IPFV жечь его он бежать идти в вода для FUT охлаждать его
ɛd, en pan da tem i de tap na wata.
 голова и после тот время он IPFV жить в вода

Перевод

В одно воскресенье Черепаха надела свой хороший костюм и фетровую шляпу и пошла поприветствовать Козла. Козёл был на кухне и варил картофель. Он вышел встретить Черепаху в гостиной, они посидели, поговорили. Козёл сказал Черепахе, что только что поставил картофель на огонь для варки. Они разговаривали, пока картофель не сварился. Козёл оставил Черепаху в гостиной, чтобы пойти и помыть горшок. Черепаха взяла со стола немного горячего картофеля, положила его в свою шляпу и надела её на голову. Козёл вернулся в дом и спросил Черепаху, почему она вспотела, ведь не жарко. Черепаха сказала, что плохо себя чувствует, что есть не будет и уходит. На улице Черепаха сняла шляпу и поняла, что все волосы у неё на голове выпали, а кожа жжёт от ожога. Она побежала в воду, чтобы остудить голову, и с тех пор живёт в воде.

Глава 11. Языковая ситуация и языковая политика в современной Африке

Социолингвистические исследования в Африке насчитывают чуть более полувека. Это объясняется как молодостью самой дисциплины (понятие социолингвистики ввёл в научный оборот американский учёный Г. Карри в 1952 г., хотя взаимоотношения языка и общества исследовались и учёными первой половины XX в.), так и поздним знакомством с языками Африки в целом. Специальные исследования в области социолингвистики системно проводятся на африканском континенте лишь с 1960-х гг.

Между тем Африка представляет для социолингвиста несомненный интерес. Относительная молодость большинства государств, столкновение современного общества и традиционного уклада на большей части территории континента, зарождение и развитие новых языковых явлений в мегаполисах буквально на глазах исследователя – всё это факторы, делающие Африку настоящим полигоном для изучения социальных явлений в языке.

11.1. Социолингвистические ареалы

Как и с точки зрения лингвистической типологии и сравнительного анализа, для социолингвиста Африка чрезвычайно неоднородна. Это обусловлено как огромными различиями в этнической и политической истории отдельных областей континента, так и существенными различиями в процессах, происходящих в них в течение 60 лет независимости. С целью более детального и предметного анализа в Африке принято выделять несколько основных социолингвистических зон [Виноградов и др. 1984].

1. *Северная Африка*, включая территорию Сахары, характеризуется исторически сложившимся доминированием арабского

языка и культуры, укоренившегося ещё в Средневековье ислама, а также относительно низким статусом языков национальных меньшинств: прежде всего берберских языков (АА) в западной части ареала и нубийских языков (НС) Египта и Судана. В качестве языка межэтнического общения в каждой из стран региона принята местная разновидность разговорного арабского языка (см. главу 4), в литературе и периодической печати также используется классический арабский язык. Кроме того, в крупных городах в общественно-политической жизни государств довольно важную роль играют европейские языки (французский – в странах Магриба, английский – в Египте и Судане), обогатившие речь городских жителей многочисленными заимствованиями.

2. К североафриканской зоне с юга примыкает *зона Сахеля* Западной и Центральной Африки. К зоне Сахеля можно отнести также государства Африканского Рога – Джибути, Сомали и Эритрею. Важнейшими особенностями зоны являются культурное и этнополитическое наследие традиционных африканских государств, существовавших в регионе в доколониальный период (Мали, Сонгаи, Канем-Борну, Дарфура, Вадаи, султанаты Сомали и др.), сформировавшийся в течение многих столетий синкретизм ислама с местными традиционными верованиями (прежде всего анимистическими культурами), высокий уровень урбанизации торгового типа (особенно в долине Нигера и Северной Нигерии) и вертикальный способ образования наддиалектных форм – койне и *lingua franca*. Ряд местных идиомов приобрели статус языков межэтнического общения ещё до прихода европейцев: в их числе **хауса, фула, канури, манинка, бамбара, сонгаи**, тугарегские языки. Во многих районах зоны Сахеля присутствует богатая традиция устного эпоса на крупнейших языках региона, со времён Средневековья существует письменная традиция. Особую роль в регионе сыграл и арабский язык, ставший языком богатых научных и образовательных центров Сахеля – таких как Тимбукту и Дженне в Мали. Во всех странах региона влияние европейских языков (английского, французского, итальянского) не является определяющим.
3. *Лесная зона* Запада и Центра Африки охватывает территорию пояса влажных экваториальных лесов, протянувшегося от Гвинеи на западе до Танзании на востоке. Сюда же можно отнести территорию самого молодого государства Африки – Южного

Судана. Данную зону характеризуют этноязыковая мозаичность и пестрота (именно в лесной зоне проживают носители почти половины всех африканских языков, относящихся ко всем четырём языковым макросемьям Африки), консервация элементов родоплеменной организации и племенных границ, отсутствие державной традиции. При стабильном сохранении значения традиционных анимистических культов за влияние в этой зоне уже несколько столетий борются христианство и ислам, что приводит к межэтнической напряжённости и многочисленным конфессиональным конфликтам.

4. *Прибрежная (гвинейская) зона*, включающая побережье Атлантического океана от Сенегала до Южной Африки. Здесь наиболее заметны результаты взаимодействия африканских и европейских языков, в т. ч. развитие контактных языков (пиджинов, креолов и др., см. главу 10). Сильное европейское цивилизационное влияние выражается в современном (индустриальном) типе урбанизации (в ряде районов сменившем традиционный торговый тип – например, в дельте Нигера), распространённом европейско-африканском двуязычии, важной роли христианства. Отчасти к этой же зоне можно отнести Мозамбик на побережье Индийского океана.
5. *Зона суахили* включает районы Восточной Африки от Сомали на севере до Мозамбика на юге, близлежащие острова (прежде всего Занзибар), а также частично территорию Уганды, Руанды, Бурунди, Демократической Республики Конго. Как следует из названия, зона характеризуется прежде всего традиционным влиянием языка и культуры суахили. Он является родным или вторым языком для 70 % населения региона. Прибрежные районы данной зоны также характеризуются устойчивой традицией ислама и древней торговой урбанизацией. В районе Великих озёр сохраняется политическое значение традиционных государств региона.
6. Особняком выступает *зона Эфиопского нагорья* и сопредельных районов саванны (входящих в состав Эфиопии), которую можно выделить в особую социолингвистическую зону с преобладающим влиянием **амхарского** языка и эфиопской письменной традиции, а также христианства монофизитского толка. В состав зоны входят многочисленные народности, говорящие на языках различных семей, однако на данном этапе они поддерживают консенсус определяющего влияния амхарского языка. Городская

цивилизация Эфиопии в основном принадлежит к традиционному типу, с сохранением таких древних политических, торговых и религиозных центров, как Гондэр, Харэр, Лалибела.

7. Наконец, *Юг Африки* выделяется относительно высоким уровнем близости большинства языков (группы банту), преобладанием английского и **африкаанс** как языков межэтнического общения, устойчивым влиянием многочисленных европейских и местных протестантских конфессий, урбанизацией индустриального типа. Кроме того, именно здесь расположена одна из самых высокоразвитых экономических держав Африки – ЮАР.

Важно отметить, что территория некоторых современных государств Африки располагается в нескольких социолингвистических зонах. Среди таких государств можно отметить Нигерию, север которой расположен в зоне Сахеля, а юг – в прибрежной зоне. В разной мере это относится к таким странам, как Мали, Чад, Уганда, Танзания и ряд других стран. Такие условия, приводящие нередко к социальной напряжённости, а нередко и к кровопролитным гражданским конфликтам, стали результатом ряда факторов, повлиявших на формирование языковой ситуации в Африке, – о них мы расскажем ниже.

11.2. Факторы языковой ситуации

Важнейшее значение для языковой ситуации практически во всех регионах континента имеет *искусственность большинства государственных границ*. Сегодняшние межгосударственные рубежи начали складываться в период колониального раздела Африки (середина XIX – начало XX в.), впоследствии они были в основном сохранены при формировании независимых государств в 1960-х и 1970-х гг. Около 80 % границ в сегодняшней Африке не соответствуют ни природным, ни этнополитическим рубежам. Не были учтены и границы государственных и предгосударственных образований, существовавших в Африке до прихода европейцев. Например, носители близкородственных языков группы манден (семья манде, НК), потомки жителей средневекового государства Мали, в колониальный период оказались разделены между португальской, французской и английской территориями, а сейчас проживают как минимум в семи странах Западной Африки.

На территории новых независимых государств должны были складываться принципиально новые языковые сообщества, а многие уже сложившиеся сообщества, в т. ч. довольно крупные, оказались

на территории сразу нескольких государств. Например, на языке **сомали** разговаривают в Сомали, Джибути, Эфиопии и Кении, берберо-язычные туареги проживают в Алжире, Тунисе, Ливии, Мали, Нигере и Буркина-Фасо – и повсюду в этих странах являются лишённым автономии меньшинством. Трансграничные языки, как принято называть их в социолингвистике (в Африке к ним относятся также **суахили**, **фула**, **манинка**, **хауса** и ряд других), являются как источником спорадической напряжённости между государствами, так и мостом, стимулирующим региональное единство, помогающим создавать и поддерживать экономические, политические и культурные объединения на континенте.

Языковая ситуация осложняется тем фактором, что на большей части территории Африки *чрезвычайно высок уровень языкового разнообразия с преобладанием небольших языковых общностей*. На континенте проживает не менее 3 тыс. этнических групп, говорящих на 2 тыс. языков. Многие языки насчитывают менее 100 тыс. носителей. Государств, где какой-либо язык является языком большинства граждан, в Африке не более 20 (из 55), они, как правило, расположены на севере континента (как Ливия или Египет), на прилегающих островах (как Кабо-Верде или Мадагаскар) или же являются небольшими по размеру (как Свазиленд и Лесото). Крупные же государства объединяют подчас по несколько десятков и даже сотен этнических групп, говорящих на различных языках, при отсутствии одного доминирующего этноса – например, Нигерия, Камерун и Танзания. При этом для многих стран характерна невысокая степень языковой близости: на их территории проживают носители языков самого различного происхождения. Даже если они сближаются с точки зрения происхождения, то нередко являются взаимонепонимаемыми и не воспринимаются носителями как близкородственные.

Количество языковых сообществ в Африке в реальности даже превышает количество известных языков. Это вызвано нечёткостью терминологической границы между языком и диалектом – не только в африканском, но и в мировом языкознании в целом. Критерии разделения языков и диалектов наукой на сегодняшний день не установлены. В то же время интенсификация работы по описанию африканских языков, углубление и усложнение исследований, рост значения диалектологии – всё это приводит к тому, что в последние десятилетия количество официально признанных языков Африки постоянно растёт. Учитывая ускоряющийся процесс выхода из употребления и исчезновения множества малых языков, этот факт выглядит парадоксально. Тем

не менее в ряде случаев он представляется оправданным. Например, группа йорубоидных языков Нигерии (бенуэ-конголезская семья, НК) ранее считались диалектами языка **йоруба**, однако они не являются взаимопонимаемыми и содержат множество различий на уровне даже базовой лексики. То же можно сказать и о двух десятках языков семьи догон (НК), ранее также считавшихся диалектами единого языка.

Сохранение множества диалектных разновидностей даже довольно компактных по расположению языков провоцирует *отсутствие письменности и устоявшейся литературной нормы*. Письменная норма, как правило, способствует быстрому элиминированию близкородственных говоров, сведению их к единому стандарту уже в течение 1–2 поколений. При отсутствии такой нормы диалектный континуум даже на весьма ограниченной территории позволяет давать самые разные оценки количества идиомов. На сегодня в полной мере литературными языками можно назвать не более 50 языков Африки, ещё около 200 обладают письменностью (обычно разработанной в последние годы учёными или миссионерскими организациями), но из литературы полагают только переводом Библии.

В условиях отсутствия письменной нормы носители близкородственных языков или диалектов, даже осознавая родство с соседями, часто противопоставляют себя им с точки зрения языка и культуры. Это может быть связано с экстралингвистическими критериями идентификации: например, с методами хозяйствования, кастовыми различиями или историческими условиями. Народы хамар, банна и башада в Эфиопии говорят на одном языке (**хамар-банна**, омотская семья, АА), однако стоят на разных ступенях сложившейся в регионе социальной иерархии и различаются типом хозяйства: банна и хамар скотоводы, башада известны как умелые кузнецы. Они признают родство своей речи, однако считают свои языки различными. Различия в языке подчёркивают туареги Западной Африки и живущие рядом с ними белла – традиционные домашние рабы туарегов, отличающиеся от своих хозяев цветом кожи. При этом и туареги, и белла говорят на **тамашек** (берберская семья, АА), их говоры различаются крайне незначительно. В Руанде касты скотоводов тутси и земледельцев хуту признают диалектные особенности речи друг друга, хотя, согласно научной классификации, говорят на одном языке **киньяруанда** (группа банту, НК).

Пестрота этноязыкового состава в Тропической Африке дополняется традиционно *активными миграционными процессами*, которые за короткий срок могут существенно изменить языковую ситуацию

в целом регионе. Пустыни Сахара и Калахари, пояс Сахеля, саванны восточной и южной частей континента издревле являются полем перемещения больших и малых народов. В истории Африки причинами миграций были прежде всего экономические – такие, как недород, засухи, падеж скота, эпидемии, а также политические – вооружённые конфликты, насильственное переселение, религиозные факторы. Миграции уничтожают целые языки и этносы, создают новые, приводят к появлению новых языков межэтнического общения и контактных языков. Большинство сегодняшних этнических групп в долине р. Омо (Южная Эфиопия) появились на свет не позже XVIII–XIX вв. в результате формирования племенных союзов различного происхождения. В частности, народ даасанеч говорит на кушитском языке (АА), однако считает своими родичами соседние нилотские народы (НС). Народ арборе сохранил предания о своём происхождении из союза трёх разноязычных племён, созданного с целью защиты пастбищ от набегов соседей.

Одной из крупнейших миграций в истории Африки стало расселение народа фульбе (носителей атлантического языка **фула**, НК) по огромной территории от Гвинеи до Эфиопии. Приняв ислам ещё в XV в., скотоводы фульбе, чьей прародиной была территория Сенегала, с XVII столетия начинают активные миграции по Западной Африке под флагом борьбы с неверными. К началу XIX в. они создают государственные образования на территории современных Гвинеи, Сенегала, Мали, а затем могущественный халифат Сокото, под контролем которого оказалась огромная территория: Северная Нигерия, часть Мали, Нигера, Камеруна. В течение всего столетия фульбе являлись наиболее могущественным народом Западной Африки, продолжая расселяться по региону, а их язык фула стал одним из важнейших языков межэтнического общения. Сегодня фульбе проживают как минимум в 12 странах региона.

Важнейшим фактором языковой миграции в саванной Африке является торговля. С XVI в. в зоне Сахеля и саваннах Западной Африки получил распространение язык **хауса** (чадская семья, АА). Города-государства этого народа на территории Северной Нигерии не вели политической или военной экспансии, однако создали обширную торговую сеть по всему региону, направляя купцов на запад до Сенегала, а на юг до побережья Гвинейского залива. Параллельно с торговлей шло распространение ислама, чьими ревностными приверженцами были купцы хауса. Это повышало престиж языка, и уже к XVIII в. можно говорить о хауса как *lingua franca* обширного региона. Местные жители не переходили на хауса в бытовом общении, однако свободно

владели им в качестве языка торговли в городах и на рынках Западной Африки. В XIX в. города хауса были завоёваны фульбе, однако правители халифата Сокото вскоре сами перешли на язык хауса. Активная торговая деятельность способствовала распространению на африканском континенте таких языков, как **дьюла** и **манинка** (семья манде, НК) на гвинейском побережье и **суахили** (группа банту, НК) на побережье Индийского океана.

Миграции характерны не только для скотоводов и торговцев, живущих в движении, но и для многих земледельческих народов. Экстенсивные методы земледелия быстро обедняют почву, особенно в зоне экваториальных лесов, так что здешние поселения вынуждены примерно раз в 50–70 лет, а иногда и чаще, менять дислокацию. В последние десятилетия многие земледельческие деревни в лесной зоне Западной Африки «двигаются» поближе к большим дорогам и рынкам. Нередко их жители покидают родные места, чтобы переселиться в соседние общины, что приводит к созданию новых языковых сообществ.

Основной тип миграции в Африке периода независимости (с 1960 г.) – *массовое переселение сельских жителей в города*. По темпам урбанизации современная Африка далеко обгоняет другие континенты, хотя доля городских жителей и сегодня не превышает 40 % [Freire et al. 2014]. Традиционные городские цивилизации были характерны лишь для нескольких районов континента: помимо Северной Африки, это городская цивилизация суахили на восточном побережье континента, города йоруба и игбо в районе устья Нигера, торговые города Сахеля. Появление и рост современных городов по всей Африке начинается с приходом европейцев и принимает взрывной характер во второй половине XX в. Основанный в 1886 г. Йоханнесбург к 1900 г. населяли свыше 100 тыс. человек, в 1936 г. – более 600 тыс. человек, в 1980 г. – ок. 2,5 млн человек, в 2011 г. агломерация насчитывала ок. 8 млн жителей. Бедность, быстрый и неконтролируемый рост населения, засухи и опустынивание, политические проблемы – всё это гонит людей из сельской местности в города.

В 2015 г. на территории Африки насчитывалось 37 городов-миллионеров, вокруг каждого из которых формируются агломерации со смешанным этноязыковым составом населения. Города представляют собой настоящий полигон исследований в области социолингвистики. Здесь на глазах формируются новые языковые сообщества, различные типы контактных языков, многочисленные социолекты и регистры одного и того же языка.

Таким образом, оба описанных выше основных фактора – многообразие небольших языковых сообществ и интенсивные миграции – создают ситуации языковых контактов и языковой интерференции. Так, в отличие от многих стран Европы, *двуязычие* и *многоязычие* являются в Тропической Африке совершенно нормальными явлениями. Например, многие живущие в Мали догоны с детства свободно владеют, помимо языка своей родной деревни, также одним или двумя догонскими языками соседних общин, языками **фула** (традиционно престижным языком региона), **бамбара** (национальным языком Мали) и французским (языком межэтнического общения и официальным языком Мали). Догоны, занятые в туристической индустрии, также осваивают английский. Владение несколькими языками, один из которых, как правило, является европейским или арабским, считается нормой для жителей практически всех государств Западной и Центральной Африки.

Двуязычие может проявляться в трёх наиболее характерных ситуациях. Наиболее типичным случаем является общее двуязычие: употребление более престижного в регионе *lingua franca* наряду с родным языком. В то время как первый используется на рынке, в транспорте, других общественных местах, второй всё более ограничивается рамками бытового общения в кругу семьи или родной деревне. Выезжая на работу в город, носитель малого языка не находит там достаточно крупной общины соплеменников и вынужден пользоваться приобретённым языком практически постоянно. Через 1–2 поколения интенсивного двуязычия его родной язык остаётся уделом пожилых сельских жителей.

Иной разновидностью является ситуация функционального двуязычия, когда второй язык используется исключительно для коммуникации с соседним этносом. Повсюду в Африке известны селения, где проживают носители нескольких, иногда совсем не близкородственных языков. Разумеется, всё население является в этом случае двуязычным, однако ни один из языков не пользуется повышенным коммуникативным статусом. Жители соседних общин встречаются на рынке или коммунальном собрании и ведут диалог на одном из свободно варьирующих языков, а иногда и на обоих регистрах одновременно. Таким образом, языки влияют друг на друга, но не вытесняются из принятых сфер коммуникации.

Между этими двумя разновидностями двуязычия лежит третья: широко распространённое в Африке владение европейским или арабским языком (об их распространении см. подробнее в главах 4 и 9).

Повсюду, где существовали колонии европейских держав, европейский язык продолжает обладать высоким коммуникативным статусом и в абсолютном большинстве стран Африки имеет также официальный статус. Несмотря на негативное отношение, существовавшее по отношению к языкам колонизаторов сразу после обретения африканскими странами независимости, в первую очередь на государственном уровне, очень скоро стало понятно, что использование английского, французского или португальского не только является неизбежным, но и может быть весьма полезным инструментом государственной политики. В отличие от исконно африканских языков, получивших официальный статус, европейские языки не несут в себе шлейфа исторических взаимоотношений между этносами, их эстимационная характеристика в глазах африканцев нейтральна. Выяснилось, например, что в Нигерии с её взрывоопасным соперничеством христианского юга (языки межэтнического общения – **йоруба** и **игбо**, НК) и мусульманского севера (преобладание языка **хауса**, АА) английский язык может служить единственным компромиссным вариантом национального языка, приемлемого для всех граждан страны.

В условиях многоязычия понятие *социального престижа языка* продолжает играть огромную роль. В традиционной Африке каждое языковое сообщество обладало чёткой, общеизвестной иерархией находящихся в обращении языков. В языковом сообществе эта иерархия последовательно выдерживалась, меняясь обычно лишь при резкой смене этнополитического ландшафта. Социальная иерархия языков означает, что при контакте носителей различных языков используется тот, чей престиж выше. Каждый язык, участвующий в такой иерархии, имеет свою чётко очерченную сферу употребления [Виноградов и др. 1984].

Как правило, на нижней ступени этой стратификации находятся языки небольших народностей, чей ареал не выходит за пределы деревенского круга общения. Нередко данные народности сохраняют традиционный образ жизни и традиционные верования. Выше оцениваются языки более крупных этносов региона (включая и тех, что ранее образовывали свои государства), а также этнических групп, исповедующих одну из мировых религий. Ещё выше стоят языки торговли – весьма уважаемого в Африке вида деятельности. Часто именно они становятся языками межэтнического общения на довольно большой территории, где действуют торговые связи их носителей. В Западной Африке это **дьюла**, **хауса**, **манинка**, **фула**, в Восточной – **сомали** и **суахили**, в Центральной Африке – **санго**, **китуба** и **лингала**.

В качестве примера социальной иерархии языков в пределах языкового сообщества можно привести гвинейский народ **зиало**. **Зиало** используют свой язык (семья манде, НК) исключительно для бытового общения в пределах общины, более престижный и близкородственный **лоома** – для коммуникации на близлежащем рынке или на собрании старейшин разноплеменных деревень. В общении с представителем власти – например, полицейским или работником мэрии районного центра – используется язык **манинка** (также семья манде). Официальным письменным языком и языком школьного образования при этом является французский. Члены языкового сообщества **зиало** настолько хорошо усвоили эту иерархию, что только с большим трудом смогут воспроизвести, например, содержание официального документа на своём родном языке. При этом во многих деревнях **зиало** проживают также носители атлантического языка **киси**, который **зиало** хорошо понимают, однако с точки зрения иерархии оценивают примерно вровень со своим собственным.

Социальная иерархия языков формирует не только внешнюю оценку каждого языка (престижность, нейтральное отношение или предубеждение), но и внутреннюю самооценку языка со стороны его носителей. Отношение к родному языку может варьировать от этнической гордости до комплекса неполноценности. Например, туареги Сахары гордятся своими этническими традициями и своим языком, хотя на государственном уровне он маргинализован. В Северном Камеруне небольшие народности, недавно принявшие ислам и не имеющие мусульманских традиций, предпочитают скрывать от чужаков свой язык, называя себя **фульбе** – т. е., в их понимании, настоящими мусульманами. Ситуация, когда носители испытывают к своему родному языку чувство стыда и неполноценности, неминуемо приводит в скором времени к исчезновению языка, ассимиляции его более престижным идиомом.

Коммуникативный статус языка подвержен быстрым изменениям в случае смены политических или экономических обстоятельств в коммуникативной среде. Например, язык **канури** (сахарская семья, НС) обладал высоким престижем на берегах озера Чад, пока оставался государственным языком Канем-Борну, но после падения этого государства сфера его употребления резко сократилась. Язык **фула**, в XIX в. обладавший высоким коммуникативным статусом в регионе западноафриканского Сахеля, в начале XX в. начал терять его, уступая статус языка межэтнического общения французскому, английскому и **хауса**. В странах Тропической Африки нередки случаи, когда политические процессы приводили к власти в стране представителя малого народа, после

чего престиж родного языка правителя в считанные годы поднимался до небес. Так произошло, к примеру, после прихода к власти в Либерии президента Сэмюэля Доу в 1980 г. Доу принадлежал к небольшой народности кран, чей этнический престиж в стране был весьма низок. Однако уже вскоре после переворота в Либерии была установлена диктатура кран, и престиж языка **кран** заметно возрос – чтобы вновь резко упасть после 1990 г., когда С. Доу был свергнут и убит.

Ломка сложившейся иерархии социального статуса языков остаётся одной из причинной межэтнической напряжённости и конфликтов в Тропической Африке.

Помимо многоязычия, в Африке большую роль играет феномен *диглоссии между «высоким» и «низким» вариантами одного языка*. Такие разновидности, называемые социолектами, в литературе часто именуется также диалектами, пиджинами, сленгами, жаргонами, арго или же, в более общем смысле, регистрами языка. Различие между ними функционально: переключение регистра происходит в зависимости от стиля общения, взаимного статуса собеседников, речевой ситуации в целом. Кроме того, различные регистры применяются для устного и письменного языка. Наглядным примером диглоссии является использование арабского языка в странах Северной Африки. Языком религии, литературы, образования, большинства периодических изданий, официальных документов является литературный арабский язык (фусха), однако в качестве разговорного языка употребляется один из региональных вариантов (аммия), сильно отличающихся между собой. Жители Египта и Мавритании смогут поддерживать беседу между собой только на литературном арабском языке.

В прибрежной зоне Западной Африки переключение регистра происходит между стандартной формой европейского языка и распространённым в регионе контактным языком – пиджином или креолом. Так, образованный житель Лагоса (Нигерия), помимо родного языка, **йоруба** и английского, при бытовом общении в магазине или на автозаправке объясняется на **нигерийском пиджине**, общепринятом в городе. Уровень образования играет большую роль: стандартный французский в Кот-д'Ивуаре знают только представители высших классов общества, в то время как большинство населения использует ивуарийский диалект с его изменённой структурой грамматических конструкций и многочисленными заимствованиями из местных языков.

Особым типом речи в крупных городах Африки стали *молодёжные языки*, основанные на наиболее распространённых в городе язы-

ках межэтнического общения. Выше (глава 10) уже рассказывалось о «городском суахили» **шенг** в Найроби, молодёжном сленге **нуши** в Абиджане и **камфрангле** в Дуале. Языков городской молодёжи в Африке можно насчитать не менее десятка: к ним относятся и **индубиль** в Киншасе и Браззавиле (Конго; на базе языка **лингала** группы банту, НК), и **искамто** в Йоханнесбурге (ЮАР; на базе языка **зулу** группы банту, НК), и **энгш** в крупных городах Кении (на базе английского), и др. Их можно рассматривать и как контактные языки, и как социальные разновидности языка. Подобно любому аргю, эти языки используются в целях самоидентификации молодёжи, отстройки от языка и общества взрослых. Распространению таких социально значимых разновидностей речи способствуют как использование их в массовой культуре (интернет, популярная эстрада, граффити), так и преследование молодёжных языков со стороны официальных властей в университетах и школах. Благодаря гонениям со стороны «взрослых» молодёжные языки приобретают героический ореол и большую популярность.

Механизм формирования молодёжных социолектов отчасти моделирует известную в Тропической Африке традицию функционирования *тайных языков* – ещё одного яркого социолингвистического явления континента.

Тайные языки ассоциируются с мужскими и женскими тайными обществами, существовавшими во многих регионах Тропической Африки с глубокой древности. Члены тайных обществ координировали экономические отношения в регионе, осуществляли взаимопомощь, регулировали вопросы социальных конфликтов между общинами и племенами. Наряду со сложной обрядностью, закрытым характером церемоний и условий приёма в состав членов, тайные общества нередко формировали собственный особый язык, понятный лишь их участникам и ограниченному кругу лиц за пределами общества. Таким образом, тайный язык служил простейшим средством групповой идентификации: узнать «своего» можно в любых обстоятельствах, обратившись к нему на языке тайного общества. Тайные языки создаются искусственным образом, однако базой для них является естественный язык. Работы по тайным языкам **лаби** и **то** в бассейне р. Убанги (Каме-рун и Центральноафриканская Республика) показали, что языком-лексификатором для них мог быть один из существующих здесь языков либо же ранее существовавший, но исчезнувший язык аборигенов [Samarin 1971]. Нередко для увеличения различий с живыми языками

региона проводится искусственное изменение гласных или согласных звуков в словах, перемена мест слогов. С типологической точки зрения тайные языки весьма просты по структуре и используют очень ограниченный лексикон – обычно не больше нескольких сотен слов. Подобные механизмы создания секретных языков характерны и для других регионов мира – например, Австралии и Новой Гвинеи. К сожалению, по понятным причинам их весьма нелегко исследовать – учитывая, что за последнее столетие тайные общества в Африке сильно утратили свой вес и многие традиции забываются.

11.3. Языковая политика

Проблема национального языка стала (и остаётся по сей день) одним из ключевых вопросов для внутренней политики практически всех новообразованных африканских государств, особенно к югу от Сахары.

Языковая политика колониальных держав в Африке в XIX–XX вв. была направлена прежде всего на распространение европейских языков и упрочение их позиций по отношению к африканским языкам. Во французских, португальских и испанских колониях местные языки было запрещено использовать в официальных целях, образование в начальной и средней школе осуществлялось только на языке метрополии. Положение было несколько легче в Бельгийском Конго, где миссионеры активно развивали церковное образование на различных африканских языках, прежде всего **лингала** (группа банту, НК), и в английских колониях, где в первых трёх классах школы преподавание могло вестись на местных языках, а в дальнейшем ученики могли продолжить их изучение в качестве факультативного предмета.

К моменту обретения независимости колониальные языки прочно вошли в обиход повсюду в Африке как языки официального документооборота, законодательства, технического обеспечения, школьного и университетского образования. Немногочисленные средства массовой информации – газеты, журналы и радиостанции – также публиковались и вещали в основном на европейских языках.

Несмотря на желание правительств новообразованных государств, исконно африканские языки объективно не могли полностью заменить европейские языки в указанных сферах, поскольку не обладали ни достаточным лексическим запасом, ни повсеместной узнаваемостью. Нередко они не имели и устойчивых норм письменности. Это касалось даже моноэтничных стран и стран с преобладанием одного языка.

В этой ситуации в наиболее комфортном положении оказались новые независимые государства Северной Африки, объединённые давней традицией использования арабского языка в качестве *lingua franca*. Арабский язык был повсеместно известен и мог быстро заменить английский, французский и итальянский языки практически во всех сферах письменной коммуникации. В шести странах он получил статус единственного официального языка (Алжир, Египет, Ливия, Марокко, Судан, Тунис). В некоторых государствах арабский был принят в качестве одного из двух официальных наряду с европейским языком (Мавритания, Джибути, Чад, Эритрея).

В полиэтничных странах Тропической Африки правительства вынуждены были повсеместно идти на разграничение понятий официального (государственного) и национального языка. Конституции африканских государств указывают европейский язык (или два языка) в качестве официального, однако содержат положение о необходимости развития национальных языков, призванных однажды в будущем получить официальный статус. В качестве таковых принимаются крупнейшие языки страны, в ряде случаев – все языки, носители которых проживают в стране (Ангола, Бенин). Официальные языки остаются языками администрации, образования, законодательства и экономики, в то время как статус национальных языков и сфера их использования законом чаще всего не определены и остаются размытыми. Ряд государств целенаправленно выделяют средства на образовательные программы на национальных языках, издание учебников, словарей и литературы.

Ниже приведена таблица с указанием официальных и национальных языков современных государств Африки.

Таблица 11.1. Официальные и национальные языки Африки

Государство	Официальные языки	Национальные языки
Алжир	арабский, тамазигт	арабский, тамазигт
Ангола	португальский	все признанные языки страны
Бенин	французский	все исконные языки страны
Ботсвана	английский	тсвана
Буркина-Фасо	французский	–
Бурунди	французский	кирунди, суахили

Государство	Официальные языки	Национальные языки
Габон	французский	–
Гамбия	английский	–
Гана	английский	–
Гвинея	французский	фула, малинке, сусу, киси, кпелле, лоома
Гвинея-Бисау	португальский	–
Джибути	французский, арабский	–
ДР Конго	французский	чилуба, китуба, лингала, суахили
Египет	арабский	арабский
Замбия	английский	–
Зимбабве	английский, шона, ндебеле	шона, ндебеле
Кабо-Верде	португальский	–
Камерун	французский, английский	–
Кения	английский, суахили	суахили
Коморские О-ва	французский	–
Конго	французский	–
Кот-д'Ивуар	французский	–
Лесото	английский	юж. сото
Либерия	английский	–
Ливия	арабский	арабский
Маврикий	английский, французский	–
Мавритания	арабский, французский	хассания
Мадагаскар	французский	малагасийский
Малави	английский, чева	чева
Мали	французский	–
Марокко	арабский, тамазигт	арабский
Мозамбик	португальский	–
Намибия	английский	немецкий, африкаанс, гереро, ошивамбо

Государство	Официальные языки	Национальные языки
Нигер	французский	–
Нигерия	английский, французский	хауса, игбо, йоруба
Руанда	французский, английский, киньяруанда	киньяруанда
Сан-Томе и Принсипи	португальский	–
Свазиленд	свати, английский	свати
Сейшельские О-ва	французский, английский	сешелва, английский, французский
Сенегал	французский	диола, малинке, фула, сереер, сонинке, волоф
Сомали	сомали, арабский	сомали
Судан	арабский	арабский
Сьерра-Леоне	английский	–
Танзания	английский, суахили	суахили
Того	французский	–
Тунис	арабский	арабский
Уганда	английский, суахили	суахили
ЦАР	французский, санго	санго
Чад	французский, арабский	–
Экваториальная Гвинея	испанский, португальский	–
Эритрея	–	тигринья, тигре, кунама, сахо, билин, нара, афарский
Эфиопия	амхарский	амхарский
ЮАР	английский, африкаанс, венда, зулу, коса, юж. ндебеле, свати, сев. сото, юж. сото, тсвана, тсонга	–
Южный Судан	английский	–

Как можно видеть, лишь несколько стран континента присвоили исконно африканским языкам официальный статус – хотя в последние

годы их количество растёт. Лишь в Эфиопии автохтонный язык является единственным официальным (см. карту 18). Некоторыми государствами национальные языки не определены вовсе (хотя и предусмотрены основными законами).

Правительства африканских государств принимали различные стратегии формирования национальной языковой политики, которые можно типологически разложить на несколько типов.

1. В странах с установившейся государственностью и наличием т. н. Великой традиции [Fishman 1971] язык доминирующего этноса, даже не обладающего абсолютным большинством в стране, был принят консенсусом в качестве национального языка. В качестве типичного примера такого государства следует назвать Эфиопию, где **амхарский** язык является родным для ок. 35 % граждан, однако пользуется традиционным уважением и престижем и не оспаривается в качестве государственного даже после перехода верховной власти к представителям других этносов. Другими примерами являются страны Восточной Африки, принявшие **суахили** в качестве официального языка (хотя и наряду с английским), – Уганда, Кения и Танзания.
2. В странах, где сосуществуют две или три примерно равновеликие по уровню престижа языковые общности, либо количество языковых сообществ велико, выстроить грамотную языковую политику наиболее сложно. Единственным компромиссным вариантом является использование «внешнего», европейского языка в качестве официального. Классическим примером является Нигерия, где английский остаётся единственным официальным языком для нескольких сотен языковых общностей. Большинство полиэтничных государств континента пошли по тому же пути, хотя декларируют цели развития национальных языков. Нередко последние становятся официальными региональными языками для определённых административных районов страны, как это происходит в федеративных республиках Нигерии и Эфиопии.
3. В странах с отсутствием доминирующих языков правительства нередко принимали решение повысить статус автохтонных языков и снизить – обычно по политическим соображениям – статус языка европейских поселенцев. Эта стратегия предполагает предоставление официального статуса сразу нескольким «равновеликим» языкам автохтонного населения. Такой курс был

взят в Гане, Гвинее, Бенине после обретения независимости. Например, в 1960-е и 1970-е гг. в Гвинее существовало от 5 до 8 официальных языков. Из литературы и системы образования вытеснялся французский язык, учителя обязаны были переводить школьные учебники на местные языки своими силами. Эксперимент вызвал неразбериху в официальной документации и резко снизил качество образования, так что вскоре Гвинея вернула французский в качестве единственного официального языка. Схожий эксперимент происходит в наши дни в ЮАР, где с 1996 г. статус официальных имеют 11 языков, включая английский и **африкаанс**.

4. В некоторых полиэтничных государствах после обретения независимости был взят курс на придание одному из языков страны (родному для пришедшей к власти группы политической элиты) статуса национального. В тех случаях, когда данный язык не обладает достаточным престижем среди жителей страны, это приводит к росту нестабильности. Элита лишается возможности коммуникации с массой иноязычных сограждан в чрезвычайных обстоятельствах. Основным стимулом освоения национального языка становится получение государственных должностей. В сфере образования проводится последовательное возвышение нового языка в ущерб родным языкам большинства населения. После создания Республики Мали её государственным языком был провозглашён **бамбара**, язык чернокожей элиты юго-западной части страны. В глазах живущих на севере страны туарегов он обладал весьма низким престижем, учить его туареги отказывались. Многочисленные восстания и конфликты между туарегами пустыни и малийской армией вызваны в первую очередь нежеланием туарегов признавать власть над собой чернокожего большинства страны, и статус языка бамбара является одним из факторов нестабильности.

При любой стратегии национальной языковой политики государства используют стандартный набор инструментов для её имплементации. Одним из наиболее эффективных направлений в этой области является формирование стандартного литературного языка. Это предполагает и разработку стандартной грамматики, и сведение диалектных форм лексики к единой словарной норме, и издание официальных словарей, и стандартизацию письменности. За последние десятилетия в этом направлении было сделано весьма много. Была разработана

письменность для нескольких сотен языков Африки (преимущественно на основе латинского алфавита), сформированы литературные лексические и грамматические нормы. В 1980-е гг. Национальным языковым центром Нигерии по предложению лингвиста Кей Уильямсон был разработан паннигерийский алфавит для использования большинством языков страны, принадлежащих к различным языковым семьям. Схожий алфавит принят к употреблению и в соседнем Камеруне. Такие шаги способны существенно упростить систему начального образования и повысить уровень национальной идентификации граждан многонациональных государств.

Стандартизация языков и создание единой литературной нормы является одной из важнейших задач не только правительств африканских государств, но и международных научных институтов, работающих в Африке. Стандартизация служит не только для структурирования классификации африканских языков, но и в первую очередь для упрочения официального и социального статуса языков, который во многих случаях по сей день не определён. В частности, в африканском языкознании используется целый ряд терминов для языковых континуумов с неопределённым статусом. Это упоминавшиеся выше макроязыки, в западной литературе именуемые также «группами диалектов» и «диалектными кластерами» (для языков, не имеющих стандартизованного варианта) или же «языками с ассоциированными диалектами» (в случаях, если стандарт уже выработан). В качестве наиболее известных примеров языков такого рода можно назвать **сонгаи**, **акан**, **игбо**, **йоруба** и другие – большинство из них расположено в Западной Африке. Схожие с ними языковые идиомы подчас именуются диалектами, подчас – отдельными языками – притом что строго научного разграничения этих понятий языкознание предложить пока не может.

Накопление литературной традиции играет важную роль в процессе формирования национальных языков. Курс, взятый некоторыми государствами Африки на создание собственных национальных языков, не может дать результатов, пока данные языки не будут обладать значительным корпусом художественной и публицистической литературы, периодическими изданиями, популярными интернет-ресурсами. При этом распространение литературы сталкивается с объективной трудностью – отсутствием в Тропической Африке традиции письменной культуры. Большинство коренных народов Африки принадлежат к народам устной цивилизации и психологически весьма настороженно относятся к письменной речи. Для многих африканцев и по сей день

письмо ассоциируется с инструментами государственного принуждения, а чтение книги или газеты рассматривается как блажь интеллигента или канцелярская работа.

К моменту обретения независимости абсолютное большинство африканских государств имело не более 1 % граждан с высшим образованием, литература на автохтонных языках существовала лишь в нескольких странах. За последние полвека был создан значительный объём литературы на языках Африки (в т. ч. младописьменных), растёт объём переводной литературы. Практически во всех государствах континента выходят периодические издания на местных языках. Растёт число электронных изданий и информационных сайтов на африканских языках; в «Википедии» в 2018 г. насчитывалось более 30 000 статей на языках **африкаанс**, **суахили** и **йоруба**.

Создание литературы, в свою очередь, требует существенной работы по расширению лексического запаса африканских языков, создания тысяч терминов из самых различных областей лексики. На сегодняшний день лишь единицы из языков Африки (например, суахили и **хауса**) могут быть использованы, к примеру, для написания научных трудов, законодательных актов, технической документации. Накопление словарного запаса языка, как правило, идёт по самому лёгкому пути – массовых терминологических заимствований из европейских языков.

Глава 12. Фонологические структуры

Системы фонологии языков Африки поражают богатством и разнообразием инструментов. Среди двух тысяч языков континента можно найти абсолютное большинство известных современной науке фонетических явлений. В то же время многие из них не имеют аналогов нигде в мире – например, щёлкающие согласные кликсы в койсанских языках, – а некоторые вообще кажутся логически невозможными – как, например, носовые щелевые согласные в **умбунду** (группа банту, НК) [Schadeberg 1982].

Африка привлекает к себе всё больше внимания со стороны лингвистов, особенно в последние десятилетия, при общем росте интереса к теоретической фонологии и типологии фонологических структур. В этой области Африка стала настоящим полигоном для исследований: именно африканские языки дали основной материал для формирования теории автосегментной фонологии, разработанной Дж. Голдсмитом [Goldsmith 1979] и остающейся одним из наиболее популярных направлений развития теоретической фонологии. Другие дисциплины, для возникновения и развития которых материал языков Африки стал краеугольным камнем, включают теорию тонологии и тоногенезиса, а также морфонологию, изучение которой в настоящее время во многом также базируется на данных африканских языков.

Вплоть до начала прошлого столетия африканские фонологические системы рассматривались в основном через призму традиционного взгляда на фонетику, основанного на изучении преимущественно европейских языков. В частности, абсолютное большинство грамматических описаний того времени не учитывало тонов, играющих смысло-различительную роль в большинстве языков Субсахарской Африки. Инструментарий полевых наблюдений также не позволял качественно проанализировать явления, характерные для африканской фонетики. Первым сводным исследованием, призванным описать нехарактерные для Европы звуковые характеристики африканских языков, следует считать работу Д. Вестермана [Westermann 1930]. За ней последовал

ряд важных описаний западноафриканских языков (особенно работы И. Уорд [Ward 1933; 1938], А. Такера и М. Брайан [Tucker, Bryan 1956], У. Уэлмерса [Welmers 1950]) с акцентом на исследование тоновых оппозиций. В конце 1960-х гг. П. Ладефогедом [Ladefoged 1968] были впервые описаны механизмы формирования ряда характерных для Субсахарской Африки фонем, в т. ч. широко распространённых эйективных, лабиовелярных и импловивных. В том же десятилетии Дж. Стюарт [Stewart 1967] совершил прорыв в исследовании вокализма африканских языков, описав оппозицию гласных по признаку продвинутости корня языка – фундаментальное явление для множества языков Западной, Центральной и Восточной Африки. В те же годы внимание лингвистов к разрывным морфемам произвело масштабное переформатирование теории морфонологии.

В настоящее время углубление анализа звуковых данных и усложнение инструментального аппарата исследований (в т. ч. развитие специального программного обеспечения для анализа звучащей речи) приводит к открытию всё новых уникальных фонетических явлений в африканских языках. Наиболее характерные из них будут рассмотрены в настоящей главе.

12.1. Ареальная типология в Африке

На начальном этапе развития африканского языкознания (примерно до начала XX в.) в литературе часто встречалось отнесение отдельных типологических характеристик к африканским языкам в целом: в отсутствие чёткой генетической классификации те или иные явления объявлялись типично «африканскими» (притом что сам термин «африканские языки» часто употреблялся, а иногда и поныне употребляется для обозначения языков южнее Сахары). Эти утверждения касались и морфологии, и синтаксиса, однако значительно чаще такие обобщения делались на материале фонологии языков континента. Подобная генерализация встречается в литературе и сегодня: несмотря на то, что не существует фонологических характеристик, присущих всем двум тысячам языков континента, некоторые явления и процессы называются характерными для языков Африки. Задачу определить «африканообразные» черты фонологии ставил перед собой и Дж. Гринберг [Greenberg 1959; 1983]. Однако это оказалось практически невозможной задачей. Языки обширного континента относятся к различным по происхождению семьям и представляют столь различные типы

фонологических систем, что говорить об «африканской фонологии» или «африканской фонетике» на сегодняшний день не представляется возможным. Разумеется, существуют отдельные явления, которые широко распространены на континенте (например, стремление к открытости слога или набор глухих смычных), но всегда найдутся обширные регионы, где эти явления не встречаются или не являются типичными. Выделяются также черты фонетики, которые более характерны для Африки, чем для языков других континентов: в их числе, например, преназализованные и имплозивные смычные, а также уникальные именно для Африки кликсы. Однако называть эти явления типично африканскими, разумеется, невозможно, так как они характерны лишь для определённых, иногда и весьма небольших, ареалов. И хотя современный анализ, во всяком случае, оправдан уже тем, что исследователи могут оперировать значительным массивом данных и делать выводы о распространённости и статистической частотности тех или иных явлений по всем основным регионам континента, термин «африканские языки» становится всё менее типологическим и всё более только географическим.

Рост накопленного материала о фонологии африканских языков к началу XX в. привёл к выделению географических ареалов, для языков которых уже можно говорить об определённых общих фонологических явлениях. Ещё за столетие до рождения такой лингвистической дисциплины, как ареальная лингвистика, учёным уже были хорошо известны фонетические явления, свойственные языкам отдельных регионов, – такие как согласные-кликсы койсанских языков Юга Африки, эйективные согласные языков Северной и Восточной Африки, тональные противопоставления в фонологии языков Западной и Центральной Африки. Более того, именно типологические характеристики и легли в основу ранних классификаций языков Африки (см. главу 3) – как позже стало понятно, безосновательных с исторической точки зрения, однако вполне здравых с точки зрения ареальных исследований.

Оформление этих первых, частично интуитивных обобщений в чёткую систему ареальной фонологии языков Африки произошло только во второй половине XX в. Ареально-типологические исследования языков Африки были подняты на высокий уровень публикацией широко известной монографии У. Уэлмерса [Welmers 1974]. Дж. Гринберг, отец современной генеалогической классификации африканских языков, стал и одним из первых, кто показал необходимость их ареально-типологической классификации [Greenberg 1983]. В последующие

десятилетия был издан целый ряд сборников, описывающих системы фонологии, морфологии и синтаксиса языков Африки в ареально-типологической перспективе. Среди наиболее свежих публикаций можно назвать коллективные монографии и сборники статей [Heine, Nurse 2000; 2008; Aikhenvald, Dixon 2001; Creissels 2005]. Развивается и направление теоретических исследований: отметим работу [Nichols 1992], в которой была обоснована концепция «зон распространения» языковых характеристик (*spread zones*). Большую роль в повышении популярности ареального подхода продолжает играть «Всемирный атлас языковых структур» (WALS) [Haspelmath et al. 2008].

Ареально-типологический подход становится одним из наиболее значимых трендов развития современного африканского языкознания. Выделение крупных и малых конвергентных ареалов или языковых союзов на территории Африки могут дополнить (а по мнению некоторых современных западных учёных [Güldemann 2008], впоследствии заменить) ставшее привычным деление африканских языков по генеалогическому принципу на четыре макросемьи. Основой для ареально-типологической классификации при этом являются именно фонетические, фонологические, просодические изоглоссы.

Подходов к такой классификации может быть несколько. Ряд исследователей в своём анализе отталкиваются от устоявшихся географических ареалов, принятых в научном изучении целого ряда дисциплин – к таким ареалам относятся Северная Африка, Арабский Магриб, Сахара, Сахель, Западная Африка, Восточная Африка, Центральная Африка, Южная Африка и др. При таком подходе анализируются типологические особенности, характеризующие языки данного ареала, однако исследователь не выходит за его границы, что подчас может привести к дисбалансированным выводам: к примеру, если рассматриваемые им языковые явления присущи не только идиомам данной зоны, но и отчасти смежным зонам. При другом подходе за точку отсчёта берётся одна типологическая характеристика или грамматическая категория. Например, в книге К. Кёниг [König 2008] африканские языки сгруппированы по типам систем падежного маркирования.

Наиболее продуктивным, впрочем, оказался третий подход, а именно лингвогеографическая группировка по нескольким изоглоссам одновременно, т. е. методика, предложенная ещё Н. С. Трубецким в его теории языковых союзов. При этом составляется пучок фонологических, морфологических и синтаксических изоглосс, что снижает возможность случайного совпадения. По этой методике Африку,

например, довольно легко разделить по широтному признаку на две части, условной границей между которыми будет южная и восточная границы пустыни Сахара. Подобные мысли уже высказывались, например, в работе [Wald 1994]. Языки этих ареалов, довольно точно совпадающих с историко-культурным делением Африки на *Северную* и *Субсахарскую* (или *Тропическую*), демонстрируют довольно рельефные различия в фонетике, приведённые ниже в таблице.

Таблица 12.1. Фонологические особенности языков Африки севернее и южнее Сахары

Явления	Севернее Сахары	Южнее Сахары
Системы вокализма	3/5-элементная	7/9/10-элементная
Гармония гласных	отсутствует	чаще присутствует
Оппозиция гласных ±ATR	отсутствует	чаще присутствует
Эйективные согласные	очень частотны	редки
Имплозивные согласные	отсутствуют	распространены
Лабиевелярные согласные	практически отсутствуют	распространены
Преназализованные согласные	отсутствуют	распространены
Удвоенные / напряжённые согласные	частотны	редки
Скопления согласных	обычны	практически отсутствуют
Начальные гласные	обычны	редки
Закрытые слоги	обычны	редки
Просодия	обычно силовое ударение	обычно тон

Разумеется, это деление можно назвать наиболее схематичным – что называется, с птичьего полёта. При уточнении характеристик африканские языки дробятся на более мелкие ареалы: в последние годы было выделено пять-шесть таких макроареалов или зон [Clemens, Riailand 2008; Güldemann 2018]. Каждая из них характеризуется набором типологических черт, обнаруживаемых в большинстве языков

в её составе (см. карту 19). При этом из шести лишь две последние более или менее совпадают с границами генетических объединений языков Африки.

Наиболее очевидной из них можно назвать *Северную Африку*, которая и в историко-культурном, и в этническом отношении всегда стояла и стоит особняком, будучи теснее связанной с ближневосточным, чем с африканским миром. В данную зону попадают прежде всего афразийские языки: региональные разновидности арабского макроязыка, берберские языки, разбросанные небольшими анклавами по всем странам региона, кроме Судана, и кушитский язык **беджа**. Помимо них, в Северной Африке присутствуют и языки других макросемей: из нило-сахарских языков здесь расположены диалекты **сонгаи** в Алжире, сахарские языки ливийского Феццана (**теда**, **загава** и др.), нубийские языки Судана и Египта, из нигеро-конголезских – небольшие общины языка **фула** в Мавритании и Судане.

Характерные фонетические изоглоссы языков Северной Африки практически полностью повторяют те, что перечислены выше во втором столбце таблицы 12.1, так что отдельно останавливаться на них мы не будем. Можно с уверенностью утверждать, что эпицентром распространения типологических особенностей языков региона послужили именно афразийские языки – для азиатских языков макросемьи характерны те же особенности. Весьма интересен материал исследования диалектов языков региона, носители которых, проживая в Северной Африке в афразийском языковом окружении, модифицировали свой язык по афразийским «канонам» фонетики. В качестве примера можно назвать северные разновидности макроязыка сонгаи, прежде всего **корандже** [Souag 2010].

В рамках Северной Африки иногда выделяют такую типологическую зону, как Магриб, однако с точки зрения лингвистики это наименование в большей степени касается лишь диалектов арабского языка.

Север Восточной Африки часто выделяют в качестве зоны под условным названием «*Африканский Рог*» (используется также более общее название *Восточная зона* или *Зона Чад – Эфиопия*). Зона охватывает территорию Эфиопии, Эритреи, Сомали и Джибути, а также некоторые районы Судана, Южного Судана и Северной Кении. Эпицентром распространения изоглосс в этом ареале, вероятно, служит *Эфиопское нагорье* (часто выделяемое также в отдельную контактную зону), где уже ок. 2500 лет доминируют афразийские языки семитской группы. Другие языки данной зоны, принадлежащие в основном к омотской

и кушитской группам афразийской макросемьи (но также к нило-сахарской макросемье языков), содержат также ряд особенностей фонологии, характерных для языков Центральной Африки.

Широкая зона Сахеля и саванны, протянувшаяся от Атлантики до Эфиопского нагорья к югу от Сахары, в африканистике получила название *Суданского* или *Макросуданского пояса* – хотя до побережья Индийского океана он не распространяется. В ареал входят территории государств как Западной, так и Центральной (среди последних – ЦАР и северная часть ДР Конго), и Восточной Африки (южная часть Судана и Южный Судан). Данная зона выделяется среди типологических ареалов Африки сразу по нескольким признакам – и прежде всего по количеству языков, являясь крупнейшим из признанных ареальных объединений на континенте. К языкам с «суданским» типом фонологии принадлежат в основном нигеро-конголезские языки (всех семей, кроме большинства языков банту); весьма вероятно, что многие структурные особенности этого типа унаследованы из праязыка нигеро-конголезской макросемьи, включая и наиболее известную из таких особенностей – грамматический и лексический тон. Однако помимо нигеро-конголезских, Суданский пояс охватывает и большинство нило-сахарских языков, а также чадскую группу афразийской семьи. Последняя, вероятнее всего, восприняла характерные «суданские» особенности фонетики, находясь в окружении языков иного происхождения и под их влиянием.

В рамках обширного Суданского пояса можно выделить несколько меньших по охвату ареалов, из которых в западной части выделяется *прибрежная зона* (северное побережье Гвинейского залива с его преимущественно изолирующими тональными языками; не соответствует прибрежной зоне в социолингвистическом делении Африки, см. главу 11), а в восточной – *горы Нуба (область Кордофан)*, где несколько десятков языков различного происхождения в результате многовековой конвергенции выработали специфические черты как фонетики, так и грамматики.

В состав *зоны банту* входят южные области Центральной и Восточной Африки, а также весь Юг континента, за исключением Калахарского бассейна, формирующего особый макроареал. К языкам этой зоны относится большинство языков банту, кроме групп А, В и частично С (по классификации М. Гасри, см. главу 6), тяготеющих больше к Суданскому поясу, и нескольких языков Южной Африки, относимых чаще к зоне Калахари. Таким образом, зона банту

с генетической точки зрения является наиболее гомогенной из всех ареальных объединений – в её состав можно включить лишь несколько языков иного происхождения: это кушитские языки Танзании и расположенные там же языки **хадза** и **сандаве** (изолированные или относимые к койсанским). В отдельную зону иногда выделяют *долину Рифта*, объединяющую части Кении, Танзании, Уганду, Руанду и Бурунди.

Наконец, *зона Калахари* охватывает языки Калахарского бассейна (не путать с пустыней Калахари, находящейся в его центре), относящиеся к койсанской макросемье и группе банту (НК). Бесспорно, что источником характерных особенностей вокализма и консонантизма языков этой зоны стали именно койсанские языки: скорее всего, группы охотников-койсанцев в процессе контактов с земледельцами и скотоводами банту переходили на более престижные языки, «унаследовав» от своей исконной речи некоторые особенности фонетики – прежде всего согласные-кликсы.

Разумеется, выделение столь крупных ареалов в любом случае является некоторым обобщением, и при более детальном рассмотрении входящие в них языки можно сгруппировать и по более мелким ареальным объединениям. Критика ареально-типологического подхода основана именно на том, что общие изоглоссы позволяют объединить языки в крупные ареалы лишь схематично, с большими допущениями. Например, в работе [Human et al. 2015] предложены варианты более детального районирования такого обширного ареала, как Суданский пояс, с точки зрения выделения более специфических и небольших по объёму ареалов, объединяемых общими изоглоссами в области как фонологии, так и морфосинтаксиса, а существование самого такого пояса ставится под вопрос. В Африке, с её чрезвычайно высоким уровнем языковых контактов и столь же высокой мобильностью населения, процессы взаимовлияния языков никогда не прекращались, так что исследователи всегда найдут здесь благодатную почву для углубления и расширения ареально-типологических исследований.

По мнению сторонников ареально-типологического подхода к классификации языков Африки, в результате более тщательного учёта контактных явлений пересмотр гринбергианской модели станет в африканском языкознании неизбежным. Так, в последние годы подвергнута радикальному пересмотру койсанская гипотеза: в работе [Güldemann, Vossen 2000] и ряде других работ последних лет предложено считать койсанские языки ареальным объединением, возникшим в результате

многотысячелетних контактов между языками различного происхождения. Это мнение на сегодняшний день превалирует среди африканистов [Dimmendaal 2011: 407; Старостин 2013]. Общая «рыхлость» нило-сахарского объединения, по версии Дж. Гринберга, позволяет по-новому взглянуть с ареально-типологической точки зрения и на языки Суданского пояса. Однако ареальный подход не даёт точных ответов на многие вопросы и в методологическом смысле, разумеется, уступает математическому методу сравнительного анализа.

12.2. Вокализм

Как уже указывалось выше в сопоставительной таблице основных фонологических особенностей языков Северной и Субсахарской Африки, одно из различий между данными макроареалами заключается в наборе фонем в составе систем вокализма. Если для языков Северной Африки и Эфиопского нагорья характерны системы, состоящие из 5 гласных, то в Тропической Африке, и особенно в языках Центра и Запада континента, превалируют системы из 7–10 фонем. Для языков банту, чьи ареалы примыкают к суданской зоне, также характерны системы из большого количества гласных, хотя большинство языков группы банту демонстрируют системы из 5 или 7 фонем [Нупан 2003: 15].

Таким образом, наиболее распространёнными системами гласных фонем на континенте являются следующие:

Таблица 12.2. Системы гласных фонем в языках Африки

	5-значные		7-значные ⁶		9-значные ⁶	
высокий подъём	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>i ɪ</i>	<i>u ʊ</i>
средний подъём	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>e ε</i>	<i>o ɔ</i>	<i>e ε</i>	<i>o ɔ</i>
низкий подъём	<i>a</i>		<i>a</i>		<i>a</i>	

Мы видим, что все три указанных типа системы являются симметричными, обладая парами передне- и заднерядных гласных. Во многих языках континента *a* является единственной гласной центрального ряда, в некоторых из них её дополняет гласная среднего подъёма *ə*. Общее число гласных фонем в языке редко превышает 10 (в качестве

⁶ Различие гласных одного подъёма может проводиться как по признаку $\pm$ ATR, так и по признаку открытости – закрытости.

десятого члена системы добавляется среднерядная ə). Расширение их ассортимента, как правило, в первую очередь происходит за счёт назализованных фонем или противопоставления долготы. Однако не всегда имеется возможность постулировать фонематический статус таких оппозиций. То же касается супrasegmentных явлений фонации, характерных, например, для гласных в некоторых койсанских языках – где выделяются шепотные, глоттализированные, фарингализованные, назализованные гласные звуки, а также те, что совмещают два из этих признаков. Однако их представление как отдельных сегментных единиц (доводящее количество гласных, например, в языке **къхонг** до 40 и даже 80 фонем), вероятнее всего, некорректно.

Одной из реальных фонемных оппозиций, характерных для вокализма языков Субсахарской Африки, является противопоставление гласных по признаку продвинутости корня языка (англ. *advanced tongue root*, *ATR*). Эта специфическая характеристика была впервые детально описана Дж. Стюартом на материале языка **акан** (группа ква, НК) [Stewart 1967], после чего её стали обнаруживать практически во всех регионах Тропической Африки. Суть оппозиции заключается в расширении гортанной полости, которое происходит при одновременном продвижении вперёд корня языка и понижении гортани. Именно поэтому гласные, обладающие признаком +ATR, в литературе называют также «расширенными» (*expanded*).

Данная оппозиция наиболее характерна для языков Суданского пояса, принадлежащих к нигеро-конголезской и нило-сахарской макросемьям. Она также довольно частотна в языках банту Центральной Африки (подгрупп С, D) и языках долины Рифта в Восточной Африке. Чаще всего оппозиция ±ATR ограничивается гласными высокого и (чуть реже) среднего подъёма, формируя, таким образом, две серии гласных фонем, обозначаемых либо диакритическими знаками, либо с помощью отдельных символов (например, в большинстве диалектов акан: *i*, *u*, *e*, *o* для более высоких гласных +ATR, *ɪ*, *ʊ*, *ɛ*, *ɔ* для более низких гласных –ATR). Однако, например, в языках календжин (восточно-суданская семья, НС) имеется также противопоставление гласных низкого подъёма: *a* / *ɑ*.

Оппозиция по продвинутости корня языка считается специфической чертой языков Тропической Африки: в мире она встречается чрезвычайно редко (возможно, лишь в диалектах казахского и в монгольском языке). Вообще, в целом частотность такого явления, как две серии гласных высокого подъёма, в языках Суданского пояса и отчасти

долины Рифта в Восточной Африке в несколько раз выше, чем в языках мира в целом.

В африканских языках данное противопоставление является одним из наиболее распространённых инструментов для формирования гармонии гласных, известной языкам всех четырёх макросемей – хотя и в различной степени. Гармонию гласных в пределах словоформы можно назвать одним из наиболее типичных явлений для языков Субсахарской Африки, и наиболее распространённым признаком её формирования является именно признак $\pm$ ATR. Некоторые учёные возводят вокалическую гармонию к праязыковому состоянию (например, К. Уильямсон возводила это явление к нигеро-конголезскому праязыку [Williamson 1989]), а некоторые учёные [Hulst, Weijer 1995] и вовсе считают его ареальной характеристикой языков Африки. Разумеется, это не совсем так, поскольку языкам севернее Сахары это явление практически не известно. Максимальная плотность языков, обладающих данной особенностью, наблюдается в ареале Суданского пояса – в особенности в прибрежной зоне, в Центральной Африке и долине Рифта.

Суть вокалической гармонии чаще всего состоит в том, что гласные аффиксов подвергаются чередованиям в зависимости от типа корневой гласной, соответствуя её по определённому признаку, а сами корневые гласные могут сочетаться, только если совпадают по этому признаку. Например, в языках календжин таким признаком является $\pm$ ATR:

корень *par* ‘убивать’ (–ATR): *ki-a-par-in* ‘я убил тебя’;

корень *keer* ‘видеть’ (+ATR): *ki-a-keer-in* ‘я увидел тебя’ [Clements, Riialand 2008].

В языках банту, где явление гармонии по признаку продвинутости корня языка распространено не особенно широко, часто встречается несколько иная разновидность гармонии – по высоте. Здесь корневые открытые гласные среднего подъёма *ɛ* и *ɔ* понижают подъём гласных следующих слогов. Например, в языке **киса**, обладающем 5-значным набором гласных фонем (*i e a o u*), глагольный аппликативный суффикс *-il-* меняет гласную на *-e-* после гласных *-o/-e-* в корне:

-bis-il-a ‘прятаться’, но *-rek-el-a* ‘ставить ловушки’, *tsom-el-a* ‘прокальвать’.

Сущность обоих типов гармонии гласных во многих языках кажется весьма схожей, и, возможно, они имеют общую природу. Оба

типа подчас встречаются даже в одном и том же языке: так, в **била** глагольная система демонстрирует гармонию по признаку $\pm$ ATR, в то время как в именах действует гармония гласных по высоте [Kutsch Lojenga 2003].

Гармония обоих типов редко бывает в языке универсальной: часто одни аффиксы подчинены ей, а другие не меняют своего облика в зависимости от корневого вокализма. В языке **маасаи** (восточносуданская семья, НС) некоторые суффиксы с «закреплёнными» гласными +ATR могут даже распространять этот признак на корень и префиксы – т. е. гармония идёт не вправо, а влево:

/ISOj-ɪʃɔ-re/ *isujiʃore* ‘помой (чем-то)!’;
 /ISOj-ɪʃɔ/ *isujiʃɔ* ‘помой!’;
 /a-rɔk-u/ *aroku* ‘я почернел’;
 /a-tV-rɔk-a/ *atɔrɔka* ‘я почернел’ [Rose, Walker 2011: 255].

В таких языках признак +ATR называют доминантным, а –ATR – рецессивным.

Характерной чертой вокализма в Субсахарской Африке, и прежде всего в языках Суданского пояса, является широкое применение носовых гласных. Это нередкое явление для языков мира в целом, и назализованные гласные фонемы известны в целом ряде европейских языков – таких как польский, французский или португальский. Однако в языках Суданской зоны они встречаются, по некоторым подсчётам, на 60 % чаще, чем в языках вне африканского континента [Clements, Rialland 2008]. Носовые гласные, например, являются обычным явлением в языках манде, гур, адамауа, ква и убанги, а также в бантоидных языках Нигерии и Камеруна. И хотя в языках банту они не сильно распространены (известно о назализованных фонемах в **бембе**, **умбунду** и **йейи**), есть основание считать, что в праязыке банту назальность гласных была фонематическим признаком [Dimmendaal 2001]. Однако во многих языках Суданского пояса удаётся показать, что назальность является не фонематической, а фонетической и зарождается под влиянием окружения из носовых сонантов. Так, в языке **локо** (семья манде, НК) фонемный статус носовых гласных (в т. ч. всех долгих носовых) сомнителен: в абсолютном большинстве контекстов они представляют собой позиционные варианты соответствующих неносовых гласных в назальном окружении. Вне такого окружения носовые гласные фонемы употребляются в единичных лексемах (например, *fɔ̀̀ɛ̀̀* ‘выжимать’, *kɔ̀̀ì̀* ‘пчела’) [Бабаев 2011б]. В языке **зиало** (семья

манде, НК) назализация гласной может происходить в результате выпадения носового согласного, обозначаемого в именных основах как (*ŋ*):

téné(ŋ) ‘понедельник’ ~ *téné gólà-ŋ* ‘большой понедельник’;
mè(ŋ) ‘есть’ ~ *gè mè-gò* ‘я это ел’, *mé-gi* ‘еда’;
gú(ŋ) ‘сто’ ~ *gú gíla* ‘одна сотня’ [Бабаев 2011].

Фонемный статус назализованных гласных обычно легко проверяется путём поиска и сопоставления минимальных пар.

Помимо Судана, ещё одним ареалом с высокой частотностью носовых гласных является зона Калахари – в койсанских языках их также возводят к праязыку. Таким образом, можно предположить, что назальность имела как минимум два центра происхождения на африканском континенте.

Долгота гласных присутствует в большом количестве языков и характерна более всего для языков Западной, Центральной и Восточной Африки. На севере континента долгота гласных практически нигде не различается. Однако даже там, где постулируется различие долготы, её природа не до конца изучена и систематизирована. Долгие гласные во многих языках представляют собой не единый сегмент, а последовательность двух сегментов. Это установлено там, где присутствует такая характерная для языков Субсахарской Африки особенность, как неизменность длительности моры. Например, в языке **хауса** (чадская группа, АА) слоги могут быть краткими (формы CV) и долгими (формы CVX). В последнем случае на месте X может находиться вокалический или консонантный сегмент, т. е. вариантами долгого слога являются CVC и CVV. Сверхдолгих слогов язык не допускает, так что ни долгий гласный, ни дифтонг не могут предшествовать конечному согласному в том же слоге. Аналогичная ситуация наблюдается в языке **шиллу** (восточносуданская семья, НС), где добавление к слогу с долгой гласной вокалического суффикса приводит к редукции гласной за счёт удлинения согласной, т. е. длительность остаётся неизменной: *ciino* ‘кишки’, *ciino-e* > *cinne* ‘его кишки’.

То, что длительность моры играет более важную роль, чем долгота входящих в неё звуков, хорошо иллюстрируется примером из **лудикья**, искусственного языка, используемого в игровых целях носителями языка **ганда** (группа банту, НК). Игра заключается в создании слов-перевёртышей, в ходе которого структура моры не меняется, но как согласные, так и гласные её составляющие легко меняют долготу:

báana > *náaba* ‘дети’;
jjúba > *bbáju* ‘голубь’;
muyízzi > *ziyímmi* ‘охотник’.

Таким образом, долгие гласные и удвоенные согласные не имеют в ганда фонематического характера.

Говорить о фонемной долготе можно в тех тональных языках, где тонема всегда распространяется на всю долгую гласную. Такие языки засвидетельствованы и в Западной, и в Восточной Африке. В западно-нилотских языках (НС), из которых лучше других изучен **динка**, мы имеем дело сразу с тремя степенями долготы гласных, имеющей фонемный характер:

$\grave{a}$ - $t\grave{d}\eta$ ‘ты его зажигаешь’;
 $\acute{a}$ - $t\acute{d}\eta$ ‘он его зажигает’;
 $\grave{a}$ - $t\grave{c}\grave{c}\eta$ ‘он постучал’ [Andersen 1987].

Происхождение столь любопытного явления раскрывается при сравнении данных динка с данными близкородственных языков. Оно показывает, что третья степень долготы (ультрадолгие гласные) развилась в динка путём компенсаторного удлинения корневой гласной при отпадении конечного аффикса, ср. данные **пэри** (макроязык **луо**, НС):

динка *riéem* ‘кровь’ ~ пэри *rimɔ*;
 динка *tɛ̃uɲ* ‘рог’ ~ пэри *tùjɔ́*;
 динка *baáaj* ‘дом’ ~ пэри *pàajɔ*;
 динка *cĩin* ‘кишки’ ~ пэри *ciinó* [Andersen 1990].

12.3. Консонантизм

Хотя количество согласных в языках Африки сильно варьирует – в литературе встречаются цифры от 11 фонем (в языке **мура** чадской группы, АА [Maddieson 1984]) до 141 фонемы (в одном из койсанских языков группы жу [Snyman 1970]), – в целом африканские консонантные системы обладают довольно богатым ассортиментом сегментных единиц. Как правило, в их состав входит несколько серий смычных фонем, распределённых по различным признакам, из которых можно выделить звонкость / глухость, эксплозивность / имплозивность, преназализация и напряжённость. По месту образования системы смычных редко уходят дальше вглубь гортани, чем веллярные. Набор щелевых

фонем беднее, чем набор смычных, и наиболее частотными являются зубные *s* и *z*, а также различные постальвеолярные и губные фрикативные. В число частотных носовых фонем входят губная *m*, зубная *n*, альвеолярная *ɲ* и велярная *ŋ*. Список типичных сонантов дополняют *l*, *r*, *w* и *y*.

Со статистической точки зрения некоторые типы фонем могут считаться типично или нетипично африканскими, если они обнаруживаются в языках континента чаще, чем в языках вне его. Такие типы фонем перечислены в таблице 12.3. (дополнено из [Clements 2000]):

Таблица 12.3. Редкие и частые типы согласных в языках Африки

Более частотные типы фонем	Более редкие типы фонем
имплозивные	увулярные
лабиовелярные	ларингальные
преназализованные	ретрофлексные
кликсы	придыхательные
лабиальные одноударные	аффрикаты

При этом в большинстве языков наряду с базовыми сегментными сериями присутствуют и более редкие типы фонем. Африка, вероятно, лидирует среди континентов по разнообразию сегментных разновидностей в консонантных системах. И хотя, вероятно, нет ни одного явления консонантизма, которое характеризовало бы все языковые семьи или все географические ареалы африканского континента, ряд уникальных явлений можно считать типичными для определённых, и подчас довольно обширных, областей.

Одним из них является наличие имплозивных смычных фонем. Они не являются эндемичными для Африки, так как встречаются в языках Юго-Восточной Азии и в бассейне Амазонки. Однако большинство языков мира, использующих этот тип фонем, сосредоточены в Суданском поясе и сопредельных областях Центральной и Восточной Африки, их можно также обнаружить среди языков группы банту Юга Африки (подгруппа S). Согласно некоторым подсчётам, доля языков с имплозивными согласными в языках Суданского пояса и Восточной Африки составляет не менее 50 %, в то время как во всём мире вне африканского континента их доля не достигает и 4 % [Clements, Rialland 2008]. И хотя имплозивность обнаружена в 13 % известных языков планеты, абсолютное большинство из них – многочисленные языки Западной и Центральной Африки [Maddieson 2008].

Во время произнесения имплозивного звука гортань движется вниз, вытесняя воздух из лёгких, что образует ингрессивный воздушный поток (хотя эта особенность не является единственным дистинктивным признаком имплозивов). Наиболее типичными имплозивными фонемами африканских языков являются звонкие: губная *b* и зубная *d*. Ранее считалось, что первая является универсальной для языков с имплозивными согласными, однако в последнее время в долине Рифта обнаружены языки, где единственной имплозивной является *d*. Менее распространены велярный имплозив *g*' (например, в диалектах **сомали**, **АА**, и языке **эга**, **НК**) и палатальный *f* (в атлантических языках **фула** и **серепер**, а также в **суахили**).

О статусе имплозивных согласных в литературе продолжается дискуссия: было выдвинуто мнение [Stewart 1989; Creissels 1994], что по своим звуковым характеристикам они должны быть отнесены не к смычным, но к носовым согласным. Основаниями для этого являются некоторые аспекты их функционирования в языке: как и сонанты, они часто исключаются из преназализованных консонантных кластеров типа *NC*, не понижают тон соседних гласных (как это делают смычные) и могут находиться в комплементарной дистрибуции с сонантами (чередования типа *m/b* и *l/d* весьма типичны для языков Суданского пояса). Кроме того, как и сонанты, имплозивы в африканских языках обычно звонкие.

Все эти особенности вовсе не универсальны: имеется достаточно примеров языков, где они вовсе не соблюдаются. Тем не менее особая близость имплозивов и сонантов является очевидным фактом. Более аккуратным определением имплозивных согласных мог бы являться термин «нешумные» (*non-obstruent*), введённый в работе [Clements, Osu 2002].

Эпицентром распространения имплозивных согласных, вероятно, является Западная Африка. Их наличие реконструируется для чадских языков [Newman 1977], языков гур [Manessy 1979], манде [Grégoire 1988], с меньшей долей вероятности – даже для нило-сахарских [Bender 1996] и ядра нигеро-конголезских [Stewart 2002] языков. Возникновение имплозивов в языках банту также выглядит довольно древним явлением. Во многих языках Африки развитие этой разновидности согласных происходит под явным контактным влиянием, а источником их формирования могут являться как звонкие смычные, так и лабиовелярные согласные.

Двухфокусные лабиовелярные смычные являются ещё одной характерной изоглоссой для языков Тропической Африки: вне пределов

Чёрного континента такие фонемы зарегистрированы лишь в нескольких языках Новой Гвинеи (где, как часто говорят лингвисты, можно найти любое языковое явление) и островов Меланезии, а также в королевских наречиях Южной Америки, куда они были принесены африканскими рабами⁷. В Африке они являются одной из наиболее характерных фонологических изоглосс для языков Суданского пояса, но в других макроареалах встречаются довольно редко.

Дж. Гринберг [Greenberg 1983] был убеждён, что лабиовелярные фонемы являются наследием праязыка нигер-конго. И действительно: они присутствуют во всех семьях языков нигеро-конголезской макросемьи, кроме семьи догон, и вполне могли, как предполагал Гринберг, распространиться в центральносуданские языки (НС) и другие языки региона. В диалекте **денди** (макроязык **сонган**, НС), чьи носители в Бенине окружены языками нигер-конго, лабиовелярные присутствуют, однако в более северных диалектах их нет.

Лабиовелярные согласные образуются путём почти одновременных смычек губ и гортани, при этом гортань может использовать как ингрессивный, так и эгрессивный механизм: подробный фонетический анализ содержится, например, в работах [Ladefoged 1968; Connell 1994]. Их фонемный статус легко доказывается рядом диагностических тестов: прежде всего наличием минимальных пар между лабиальными, велярными и лабиовелярными согласными. В **иджо** (идждиодная семья, НК) эта тройная оппозиция дополняется также оппозицией с имплозивными и лабиализованными велярными. В отличие от сочетаний согласных, между элементами лабиовелярной фонемы невозможно вставить иных звуков. Наконец, они часто употребляются в начале слога в таких языках, где кластеры согласных невозможны в принципе. Там же, где сочетания велярного и лабиального согласных имеются, можно найти минимальные пары между ними и лабиовелярными – ср. **эггон** (бантоидная группа, НК) *kri* ‘умирать’ ~ *kri* ‘становиться на колени’.

По своему фонетическому статусу лабиовелярные стоят ближе к губным, чем заднеязычным согласным – этим объясняется тот факт, что нередко в языке происходит трансформация звонких лабиовелярных в имплозивные фонемы.

---

⁷ Следует проводить различие между собственно лабиовелярными и лабиализованными велярными смычными – например, *k^w/g^w* в индоевропейских и других языках, которые в русскоязычной литературе также часто именуется «лабиовелярными».

Наиболее частотными лабиовелярными фонемами можно считать глухую *kp* и её звонкий эквивалент *gb*. Несколько реже встречаются носовая *ŋt* (например, в языке **дангме** семьи ква, НК) и более экзотические разновидности – такие как лабиовелярный дрожащий, постулированный для **яка** (группа банту, НК) [Thomas 1991], но даже не имеющий пока соответствующего символа в алфавите МФА. Преназализованные варианты включают *ŋgb* в убангийских языках (НК), *ŋtgb* и *ŋtkp* в иджоидных и атлантических (НК) – в последнем случае, заметим, преназализация также становится двухфокусной.

Преназализация смычных – чрезвычайно распространённое явление в языках Тропической Африки, охватывающее несколько макроареалов. Преназализованные согласные известны в языках Суданского пояса, восточной зоны и частично зоны банту, однако практически отсутствуют в языках Северной Африки и на юге континента. Для языков банту это явление считается весьма характерным и одним из самых известных – многие названия бантуязычных народов и государств содержат преназализованные смычные (например, Уганда, Бурунди, Ангола, Мозамбик), как и самоназвание *ba-ntu* ‘люди’. Вероятно, данная разновидность согласных должна быть реконструирована и для праязыка банту. Языки банту Юга Африки претерпели трансформацию преназализованных в придыхательные согласные (т. е. *nt > tʰ*) под влиянием койсанского субстрата.

За пределами Африки преназализованные согласные известны в языках Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, в австронезийских языках Океании. И тем не менее Африка является континентом с наибольшей плотностью языков, содержащих данное явление.

Фонетически преназализованные согласные реализуются как последовательность потока воздуха через открытую носовую полость и смычки, в результате чего смычному звуку предшествует короткий носовой призвук. Последний по месту образования соответствует смычному, так что формируемые сочетания принимают форму типа *mb*, *nd*, *nj* или *ŋk*. Эта гоморганность согласуется с правилом, что все преназализованные согласные имеют в языке смычные соответствия [Maddieson 1984: 68].

В отличие от описанных выше разновидностей согласных, имеющих строго фонематический статус, сочетания типа *NC* в африканских языках либо представляют собой сочетания двух отдельных сегментов, либо – хотя синхронно и служат как единая фонема – диахронически могли произойти из таких сочетаний. Например, в **киси** (атлантическая

семья, НК) преназализованные согласные функционируют как единые фонемы, однако можно показать, что источником их происхождения являются сочетания согласных на стыках морфем:

lèèŋ (корень) + *-léŋ* (показатель именного класса) > *lèèndéŋ* ‘мачете’ [Childs 2003: 63].

Это объясняет тот факт, что преназализованные звуки никогда не встречаются в конце словоформы и довольно редко – в абсолютном начале, если только и это не является результатом стяжения префикса и начальной согласной. Обычная их локализация – в середине слова, где и могли происходить сандхи. И хотя во множестве африканских языков происхождение преназализованных согласных из консонантных сочетаний ещё не доказано, это объяснение остаётся наиболее перспективным.

Проблема сочетаний типа NC и преназализации дополняется интересным явлением слоговых носовых сонантов, нередко встречающихся в языках Тропической Африки – как на территории Суданского пояса, так и в зоне банту. В сочетаниях NC первый элемент может формировать слог и обладать всеми его основными характеристиками, в т. ч. и тоном.

Слоговые носовые обычно появляются в результате редукции гласной в позиции перед последующим согласным – например, при соединении служебной и корневой морфем, ср. **суахили** (банту, НК):

mi- (показатель именного класса) + *ke* (корень) > *míke* ‘супруг(а)’.

Мы видим, как в результате редукции показатель именного класса лиц приобрёл слоговой характер и несёт на себе грамматический тон.

В языках Западной и Центральной Африки слоговой носовой элемент, как правило, гоморганен последующему согласному, т. е. согласуется с ним по месту образования. Он артикулируется как *m-* перед губными, *n-* перед зубными, *ɲ* перед палатальными и *ŋ-* перед заднеязычными согласными. Во многих языках нигеро-конголезской макросемьи этот элемент служит личным показателем 1 л. ед. ч. в притяжательных формах существительного или личных формах глагола, ср. в **бауле** (семья ква, НК):

N ti baulé ‘Я говорю на бауле’;

M bá aiman ‘Я приду завтра’.

В таком виде данный личный показатель может быть реконструирован на уровне праязыков различных групп и даже семей языков НК,

в т. ч. ква, бенуэ-конго, кру [Бабаев 2013]. Весьма вероятно, что слоговая носовая фонема для обозначения показателя 1 л. ед. ч. существовала и в праязыке НК макросемьи.

В других языках гомоганный носовой показатель служит для обозначения определённости, плюральности и других именных и глагольных значений. Ср. в **фанте** (макроязык **акан** семьи ква, НК):

ɔ̀ sɛ̀sáú m̀-̀bà̀bá bɔ̀ m̀-̀bɔ̀dɔ̀m-̀n̩
она собирать PL-камень бить PL-собака-DEF

‘Она собирает камни, чтобы кидать в собак’ [Clements, Rialland 2008].

Одним из наиболее любопытных явлений, связанных с носовыми согласными, можно считать явление т. н. фантомного носового звука в языках манде (НК) Западной Африки [Tourville 1990]. Языки групп манден и юго-западной утратили носовую фонему *ŋ на конце слова, сохранив её рефлекс в виде сандхи, проявляющихся на последующей согласной – принадлежащей как аффиксу, так и корню следующего слова. Кроме того, сандхи вызываются и рефлексом анлаутной *ŋ-, служившей личным или референтным показателем. Наличие или отсутствие рефлекса этой «фантомной» фонемы формирует систему чередований последующих согласных. Ср. в **банди** (юго-западная группа семьи манде, НК):

lómáŋgì ‘рубашка’ ~ *ndòmàŋgì* ‘рубашка’ (опред.);
mìtá ‘ложка’ ~ *yítá* ‘моя ложка’;
pèlélí ‘дом’ (опред.) — *ŋgì-vélèlì* ‘его дом’ [Бабаев 2011a].

Заметно, что при чередованиях меняется не только начальная согласная слова, но и тон первого слога: исчезнувшая фонема оставила тональный рефлекс, который продолжает нести грамматическое значение.

В других языках рефлекс конечной *ŋ видны в образовании носовых гласных фонем, ср. в диалекте одиенне языка **дьюла** (группа манден):

kàǹ̩ ‘живот’ ~ *kàǹ̩̀* ‘жемчужина’;
bi ‘идти за водой’ ~ *bì* ‘трава’ [Braconnier 1982].

Носовые гласные проявляются только в позиции перед гласной, щелевой или сонорной фонемой, а также перед паузой.

В ряде языков Суданского пояса отмечено полное отсутствие носовых согласных на фонологическом уровне – признак, находящийся

в обратной зависимости от наличия или отсутствия носовых гласных фонем. Там, где носовые гласные имеют фонематический характер, носовые сонанты могут появляться только в предшествующей им позиции, в то время как неносовые сонанты и импозивы появляются только в позиции перед неносовыми же гласными [Clements, Rialland 2008]. Если эта точка зрения верна, то носовые сонанты являются лишь аллофонами соответствующих неносовых.

Проблемы назальности в языках Западной Африки не исчерпываются описанными явлениями. Пожалуй, на сегодняшний день это один из самых интересных и сложных аспектов африканской фонологии.

Начальные консонантные чередования, описанные выше для языка зиало, являются одним из распространённых фонологических явлений в языках Суданского пояса, и вовсе не всегда их действие вызвано результатом исчезнувшего носового сегмента. Самыми известными языками с мутацией начальных согласных являются атлантические (НК), где эта особенность наиболее широко распространена. В зависимости от фонетического окружения начальная согласная слова меняется по строгим правилам на некоторое соответствие – обычно звук схожей артикуляции, но иного способа образования. Например, в атлантическом языке **биафада** существует три серии начальных согласных, некоторые из которых приведены ниже:

Таблица 12.4. Начальные чередования в биафада
[Sapir 1971: 68]

I ступень	<i>f</i>	<i>r</i>	<i>s</i>	<i>h</i>	<i>bw</i>	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>j</i>	<i>g</i>	<i>bw</i>	<i>l</i>
II ступень	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>c</i>	<i>k</i>	<i>bw</i>	<i>bb</i>	<i>dd</i>	<i>j</i>	<i>gg</i>	<i>gb</i>	<i>r</i>
III ступень	<i>mp</i>	<i>nt</i>	<i>nc</i>	<i>ηk</i>	<i>mbw</i>	<i>mb</i>	<i>nd</i>	<i>nj</i>	<i>ηg</i>	<i>ηgb</i>	<i>nr</i>

Выбор начального согласного имени существительного зависит от предшествующей клитики или кластера.

Начальные чередования согласных засвидетельствованы также в ряде языков зоны банту и как минимум в одном языке Калахари. Причины их появления, скорее всего, различаются во всех трёх макроареалах.

Последней характеристикой консонантизма, которую хотелось бы отметить здесь для Суданского ареала, является наличие в языках данной зоны лабиальных одноударных фонем (*labial flaps*). Дж. Гринберг был, вероятно, первым, кто отметил этот любопытный феномен, чья география ограничивается языками Западной и (особенно) Центральной

Африки, относящимися к адамауа, убангийским, бантоидным (НК), чадским (АА) и центральносуданским (НС) языкам. Явление зафиксировано также в нескольких языках банту Юга Африки, а за пределами Африки – только в австронезийском языке сика на индонезийском острове Флорес.

Артикуляция одноударного лабиального звука чаще всего происходит при помощи нижней губы, которая перед произнесением звука уходит за верхние зубы, а затем с усилием выходит обратно. Участие верхних зубов означает, что звук должен быть назван лабиодентальным, однако известен также вариант с участием обеих губ – билабиальный. Подробный фонетический анализ изложен в работе [Olson, Hajek 2003], где изложена версия происхождения лабиальных одноударных фонем из языков адамауа в Камеруне, откуда они могли распространиться по Центральной и частично Западной Африке.

Основной отличительной особенностью консонантных систем зоны Калахари, а также трёх языков Восточной Африки (**хадза**, **сандаве** и **дахало**) является использование щёлкающих согласных, о которых уже подробно говорилось выше в главе 7. Кликсы принято считать едва ли не особым классом фонем, однако с фонетической точки зрения они ведут себя во многом так же, как и другие разновидности согласных, и используют те же оппозиции. Единственным важным отличием кликсов является комплексная структура их образования. Фонетически кликсы формируются путём сочетания двух смычек, называемых обычно «входом» или «основой» (англ. *base*, *influx*) и «исходом» (англ. *efflux*). Первая из них образует собственно кликс, будучи артикулирована губами и кончиком языка с помощью ингрессивного механизма, и производит интенсивный шум, делающий кликсы столь заметными на слух. Вторая смычка задействует спинку языка: именно поэтому исход всех кликсов может быть только заднеязычным или гортанным звуком.

Известно шесть основ кликсов в зависимости от места их образования, а также шесть наиболее распространённых вариантов исхода, многие из которых могут комбинироваться между собой. В нижеследующей таблице показаны знаки МФА для обозначения и основ, и исходов – последние для наглядности приведены с дентальной основой.

Из шести основ лабиальная встречается лишь в отдельных языках, а ретрофлексная и вовсе является сверхредкой, засвидетельствованной только в севернокойсанских языках и, возможно, генетически восходящей к латеральной основе [Старостин 2013: 460]. Точно так же

Таблица 12.5. Основы и исходы кликов в койсанских языках

Основа	Артикуляция	Исход	Артикуляция
○	лабиальная	[ʘ]	глухая
	дентальная	[ǀ]	звонкая
‡	палатальная	[ǃ]	назализованная
!	альвеолярная	[ǃʰ]	придыхательная
!!	ретрофлексная	[ǃʰʷ]	глоттализованная
	латеральная	[ǁ]	шепотная

и некоторые виды исходов – прежде всего шепотной – встречаются нам лишь sporadически. В отдельных случаях можно встретить и вовсе экзотические варианты – такие как убийственный «шепотной латеральной аффрикатаобразный клик» [Maddieson 1984: 421].

Основной проблемный вопрос фонологического статуса кликов – считать ли их едиными фонемами или бифонемными кластерами – на сегодняшний день окончательно не решён. Если принять их сегментный характер, то инвентарь согласных в некоторых койсанских языках будет невероятно обширен. Однако большинство учёных, похоже, сегодня склоняются ко второму варианту, что делает консонантные системы ряда койсанских языков менее уникальными, но зато типологически более оправданными.

Другой характерной особенностью консонантизма языков зоны Калахари являются эйективные (называемые также абруптивными) согласные, типичные также и для Восточной Африки, однако вне пределов континента довольно редкие – они встречаются также в языках Кавказа и некоторых языках Южной Америки. Несколько лет назад была выдвинута любопытная гипотеза о связи между эйективами и высотой над уровнем моря, на которой обитают носители языка [Everett 2013]: и действительно, большинство языков Африки, где присутствует этот тип фонем, локализируются в горной местности.

Эйективные звуки образуются при помощи быстрого смещения гортани вверх при закрытом глоттисе, после чего следует расслабление смычки. Чаще всего эйективы бывают глухими, хотя попадаются и редкие звонкие варианты.

Если в Калахари эйективные согласные присутствуют в койсанских языках и нескольких языках банту, то на Востоке Африки они функционируют в основном в языках афразийской семьи – семитских, кушитских и омотских, в соседних с ними языках банту, некоторых

восточносуданских и других нило-сахарских языках, а также в **хадза** и **сандаве**. Вопрос о том, развились ли эйективные согласные независимо на Юге и Востоке континента или же, подобно кликсам, могут являться древним субстратным явлением, остаётся нерешённым. Варианты плоттализованных согласных реконструируются для праязыков как койсанской, так и афразийской макросемьи, в другие же языки они могли попасть в результате ареального влияния. В Северной Африке соответствием восточноафриканским эйективным являются эмфатические согласные, известные по классическому арабскому языку.

Интересно, что эйективы находятся в дополнительной дистрибуции с имплозивными фонемами, рассмотренными выше: языков, где эти два типа согласных сосуществовали бы, засвидетельствовано чрезвычайно мало.

12.4. Супрасегментные единицы

Именно в Тропической Африке наиболее чётко противопоставлены два уровня фонологической репрезентации – сегментный и супрасегментный, которые функционируют в словоформе независимо и подчас отдельно друг от друга. Поэтому не удивительно, что рождение уже упоминавшейся теории автосегментной фонологии Дж. Голдсмита стало возможным именно на материале африканских языков. В число супрасегментных единиц в языках Африки включают и ударение, и различные виды гармонии гласных и согласных фонем, признаки назализации, палатализации и лабиализации, фонационные характеристики. Однако основной и самой репрезентативной супрасегментной единицей в Африке является тон.

На страницах данной работы уже неоднократно говорилось, что языки Африки выделяются среди языков мира развитой тонологией. Суданский пояс и в меньшей степени соседние с ним макроареалы Тропической Африки являются одним из нескольких регионов сосредоточения тональных языков мира, наряду с Восточной и Юго-Восточной Азией и Мексикой. И хотя, казалось бы, три указанных региона не охватывают большей части поверхности Земли, тональные системы в том или ином виде присутствуют, по некоторым подсчётам, в двух третях языков мира.

На африканском континенте эта доля ещё выше – восемь из десяти языков континента используют тон. Однако распределение тональных языков по территории Африки неравномерно. Это одна из самых

очевидных изоглосс, объединяющих языки Тропической Африки в противопоставлении языкам Северной Африки, где тональные различия практически не представлены. Оппозиция языков с силовым ударением (Северная и частично Восточная Африка) и тональных языков (остальные регионы континента) была известна учёным ещё задолго до рождения такой научной дисциплины, как тонология, в первой половине XX в.

Сопоставление тональных языков Азии и Африки отчётливо демонстрирует основную характерную особенность африканского типа тонологии. В отличие от азиатских языков, где тонемы преимущественно имеют контурный характер, Африке свойственны уровневые тоны. Наиболее распространённая разновидность тональной системы языка Тропической Африки – два уровневых тона, называемые условно высоким и низким и различающихся исключительно показателем фундаментальной частоты F0. Особенное распространение такие системы имеют в зоне банту и долине Рифта [Human et al. 2015].

При этом не менее 30 % тональных языков Африки обладает тремя или более регистрами, и количество их может достигать шести (в языке **чори** платоидной группы, НК), не считая контурных. Языки с тремя уровневыми тонами в основном сосредоточены в Суданском поясе (особенно к югу от озера Чад) и Восточной Африке (западнее и южнее Эфиопского нагорья). Иногда третий – сверхвысокий – тон используется лишь в нескольких междометиях или частицах, как это происходит в **знало** (семья манде, НК). Контурные тоны особенно характерны для языков прибрежной зоны Суданского пояса (район сосредоточения языков семей кру и манде, НК), однако во многих случаях они маркируют последовательности гласных фонем и, соответственно, также должны считаться последовательностью тональных единиц – см. выше дискуссию о долготе гласных (см. карту 20).

Другим отличием африканского тона от тонов языков Азии является широкое использование не только лексического (глубинного), но и грамматического тона – а иногда и только его, например в кушитских языках. Лексический тон является неотъемлемой частью лексемы наряду с сегментными фонемами. Грамматические тоны являются самостоятельными морфемами, они создают морфологические оппозиции и участвуют в образовании грамматических парадигм; с их помощью различаются различные типы синтагм. Именно поэтому система тонологии крайне важна для описания грамматики языков Тропической Африки, хотя использование её началось лишь в середине XX в.

Грамматический тон может служить показателем грамматических значений имени и глагола даже безо всякой сегментной основы – для лексического тона ситуация невозможная. Нижеследующий пример из работы [Childs 2003: 77] хорошо демонстрирует многочисленные оппозиции как лексических, так и грамматических тонов даже в языке с простым (бинарным) противопоставлением уровневых тонов, как **киси** (атлантическая семья, НК):

- a) *sàá* ‘овца, овцы’;
sàà' ‘Саа’ (имя собственное);
sáá ‘осенний месяц’;
- b) *sáá* ‘хватать’ (императив);
sàá ‘хватать’ (хортатив);
sàá ‘хватать’ (перфект);
sàà ‘хватать’ (хабитуалис);
- c) *sàà sáá sàà* ‘Саа [обычно] хватает овец’.

Примеры (a) показывают три имени существительных, обладающих различным лексическим тоном. В примерах (b) показаны аспектуальные и модальные формы глагола, тон которых является единственным показателем их грамматического значения – здесь мы имеем дело с грамматическим тоном.

В африканистике уже долгое время не утихает дискуссия о том, какая именно единица должна считаться минимальным носителем тона [Yip 2007]. У. Уэлмерс [Welmers 1962: 85] считал, что носителем первичного тона является морфема, приводя соответствующие примеры из языка **кпелле** (семья манде, НК). Есть мнение, что минимальной единицей является мора. Однако, по-видимому, единого ответа здесь найти не удастся. Во многих языках грамматические тоны могут варьировать даже внутри односложной морфемы, а в других распространяются сразу на несколько слогов, не говоря уже о взаимовлиянии лексических единиц друг на друга в составе синтагмы. В приведённых выше примерах киси видно, что имя собственное *Sàà'*, помимо тоном на обеих гласных, имеет также т. н. плавающий тон на конце, который не выражается при изолированном произнесении, однако будет влиять на первый слог последующего слова в предложении. В предложении (c) мы видим, как под воздействием этого плавающего супрасегмента тональный рисунок глагольной формы хабитатива *sàà* меняется на *sáá*, с повышением тона первой гласной. Именно это изменение

позволяет понять, что слово *Sàà'* обладает плавающим тоном: в синтагме он как бы «уплывает» на соседнюю словоформу.

Наличие плавающих тональных единиц – ещё одно существенное отличие африканского тона от тона в языках Азии, где такие явления не зафиксированы. Тональные правила, подобные изложенному, широко применяются в языках Суданского пояса, где лексический тон некоторых слов нередко очень сложно установить. Например, лексический тон в **зиало** (семья манде, НК) можно назвать типичной «скрытой» категорией [Плунгян 2003: 150 прим.], которая во многих лексемах (особенно именах) никогда не обнаруживает себя на поверхностном уровне. Как правило, лексический тон определяется при изолированном произнесении, однако имена неотчуждаемой принадлежности (например, ‘рука’) не могут употребляться изолированно. Под влиянием синтаксического окружения лексемы (в т. ч. личного аффикса в сочетании типа ‘моя рука’) её исконный лексический тон модифицируется в соответствии с определённым, иногда довольно сложным, набором тоновых правил. Именные тоны меняются под воздействием расположенных слева аффиксов лица, референтности, глагольные – под влиянием личных показателей, а клитические морфемы вообще могут не иметь глубинного тона, их тональный рисунок варьирует в зависимости от окружения, также подчиняясь некоторым правилам.

Наиболее распространённым из автоматических тональных правил в языках Западной Африки является даундрифт (*downdrift*). Он характеризуется понижением частоты F0 высокого тона, если ему предшествует низкий тон. Таким образом, в последовательности типа *c'v-c'v-c'v* абсолютная высота тона третьего слога будет ниже, чем у первого, хотя их тонемы одинаковы. В длинных словах или синтагмах создаётся подобие нисходящей лестницы, где каждый последующий высокотоновый сегмент в абсолютном выражении ниже предыдущего. Это относительное понижение тона обычно отмечается краткой вертикальной чертой перед слогом: *c'v-c'v-'c'v*. Детальное описание явления даундрифта для африканских языков можно изучить, к примеру, в работе [Odden 1996]. Разновидностью его является процесс даунстепа (*downstep*), когда выпадение исторического низкотонового сегмента между двумя высокотоновыми оставляет след в виде понижения второго высокотонового сегмента, ср. в **локо** (семья манде, НК; высота тона обозначена цифрами от низкого 1 до высокого 5): *na²ha⁵a²-na⁴* ‘женщина-DEF’ > *na²ha⁵-na⁴* [Бабаев 2011б].

Тональные процессы во многих языках ещё недостаточно изучены и объяснены – как в синхронном, так и в диахроническом плане. Собственно, и источник происхождения тонов в Африке остаётся предметом дискуссии, в отличие от тонов в языках Азии, чьё происхождение уже давно было убедительно объяснено редукцией безударных слогов или согласных финалей [Haudricourt 1954]. Некоторые процессы изменения тональной системы выглядят очень необычно и не находят убедительных причин. К ним относятся, в частности, процессы расщепления тонов или тональной инверсии. К примеру, близкородственные языки **зиало** и **банди** (юго-западная группа семьи манде, НК) имеют зеркальные системы лексических тонов:

банди *hàà* ‘умирать’ ~ зиало *sá*;
 банди *mèni* ‘слышать’ ~ зиало *méni*;
 банди *njà* ‘вода’ ~ зиало *já*;
 банди *tèi* ‘чёрный’ ~ зиало *téy*.

Инверсия тонов, по всей вероятности, является инновацией двух соседних языков группы, **лоома** и **зиало**, однако причины этого – не единичного для Западной Африки – явления пока не установлены.

Значение тона для языков Африки сложно переоценить. Тональный рисунок слова может оказаться более важным для носителя, чем его звуковой состав. Не случайно во многих тайных языках при образовании новых слов меняют звуки или слоги, однако тональный рисунок остаётся неизменным, как в языке **кпве** (группа банту, НК): *mǎkǎ* > *kǎmǎ* ‘один человек’, *kwéli* > *likwè* ‘падение’ [Hombert 1986: 178]. Известное явление «языка тамтамов», с помощью которого в Западной и Центральной Африке передаются сообщения между поселениями, также основано на музыкальной репродукции тонального рисунка слов – такой чисто супrasegmentный язык понятен получателям безо всяких фонем.

Всё, что было сказано выше о тонах, относится исключительно к языкам Тропической Африки: в языках севера континента и Эфиопского нагорья функции тона отчасти выполняет ударение. Опозиция «ударение / тон» является одной из наиболее чётких изоглосс, делящих Африку на два крупнейших макроареала. Однако граница между двумя явлениями, как ни странно, довольно размыта, так как в кушитских языках Африканского Рога их сложно отделить друг от друга. Во многих языках зоны банту также имеется т. н. тональное ударение (*tonal stress*) – опозиция между высоким тоном и его

отсутствием. Такие языки можно характеризовать и как тональные, и как акцентуальные. Кроме того, существуют и переходные системы тонологии, где в определённых формах и синтагмах действует тон, а в других – ударение. И тем не менее акцентуальные системы характеризуют прежде всего афразийские языки. Очевидная теоретическая разница между ударением, даже тональным, и собственно тоном состоит в том, что первое носит синтагматический характер, а второй – парадигматический. Ударение принадлежит одному определённому слогу, который противопоставлен прочим, безударным слогам. Тон же присущ всем слогам в словоформе и представляет выбор из определённого набора тоном.

Ударение в том или ином виде нередко ищут (и находят) в тональных языках. Однако при этом следует помнить, что его основными диагностическими признаками являются:

- существенное (по сравнению с соседними слогами) усиление гласного, которое любая программа анализа речи отражает как резкое увеличение амплитуды колебаний звуковой волны;
- относительное увеличение долготы гласного (особенно в языках, где фонологически долгие гласные отсутствуют);
- модификация тембровых характеристик, особенно для безударных гласных;
- редукция гласных в безударных слогах.

Для большинства тональных языков Африки эти признаки являются нерелевантными, так что говорить о полноценном ударении в них представляется некорректным.

Тон и ударение являются наиболее известным и изученным, но далеко не единственными супraseгментными инструментами фонологии и морфонологии. Среди других супraseгментных средств, используемых в языках Африки южнее Сахары, можно назвать также назализацию и гармонию гласных (о них уже говорилось выше), а также палатализацию, глоттализацию и лабиализацию согласных. Все эти средства могут формировать грамматические парадигмы.

Одним из наиболее наглядных примеров действия супraseгментных признаков в грамматике являются процессы, отмеченные в языке **чаха** (семитская группа, АА) [Нуман 2003]. Здесь показателем объекта 3 л. ед. ч. м. р. является признак лабиализации, модифицирующий некоторые (но не все) смычные, щелевые и носовые согласные, ср. таблицу 12.6.

Таблица 12.6. Грамматическая лабиализация в чаха

Глагол	Нет объекта	Объект в 3 ед. м. р.
‘ударять’	<i>dænæg</i>	<i>dænæg^w</i>
‘находить’	<i>nækæb</i>	<i>nækæb^w</i>
‘открывать’	<i>kæfæt</i>	<i>kæf^wæt</i>
‘кусать’	<i>nækæs</i>	<i>næk^wæs</i>
‘казаться’	<i>mæsær</i>	<i>m^wæsær</i>

Заметно, что мы имеем дело именно с супraseгментной морфемой, причём, как и плавающий тон, не имеющей постоянного места в словоформе: там, где последняя оканчивается на согласную, не имеющую огублённого варианта, лабиализация уходит на предшествующую ей согласную фонему, вплоть до инициали. Схожую функцию несёт палатализация – например, оба супraseгментных признака участвуют в формировании безличных форм глагола: *käfätäm* ‘он открыл’ ~ *käf^wäčim* ‘его открыли’.

Изучение супraseгментного уровня репрезентации – относительно новое направление исследования фонологии африканских языков, и не подлежит сомнению, что многие важные явления ещё ждут своего открытия и объяснения.

Глава 13. Морфология и синтаксис

Разделить морфологию и синтаксис в африканских языках подчас довольно сложно. Традиционная морфология работает со словом (словоформой), но такой подход не позволяет учитывать функционирование грамматических процессов в языках некоторых типов, распространённых в Африке. В частности, в языках с аналитической и изолирующей грамматикой приходится иметь дело с цепочками синтаксически самостоятельных морфем, имеющих единое грамматическое значение. В слабоагглютинативных языках могут существовать групповые флексии, не позволяющие ограничивать анализ такой единицей, как слово. Наконец, в полисинтетических языках весьма сложно провести грань между словом и предложением, и классическая морфология во многих случаях также даёт сбой. В то же время морфосинтаксический подход позволяет учитывать многие из тех особенностей языков Африки, о которых пойдёт речь в настоящей главе.

13.1. Классификация морфосинтаксических систем

С точки зрения грамматического строя в языках Африки выделяют (хотя и весьма теоретически, как будет показано ниже) четыре типа систем, которые можно расположить от максимальной синтаксической самостоятельности морфем к их максимальной связанности.

1. Языки, близкие к изолирующему типу, в которых соотношение морфемы к слову близится к 1 : 1. В таких языках – лингвистическая традиция обычно оперирует примерами из языков Восточной и Юго-Восточной Азии – не имеется собственно морфологии, так как все слова являются неизменяемыми. Зависимых морфем нет, а роль служебных морфем значительно снижена, и большинство из них способно функционировать в качестве полнозначных лексем. Структура словоформы не допускает иных вариантов, кроме моносиллабичных.

2. В аналитических языках грамматические значения и отношения между лексемами передаются при помощи служебных морфем,

имеющих клитический характер. В отличие от изолирующих языков, аналитическая грамматика поддерживает более тесную связь между основными и вспомогательными морфемами в предложении, а также использует различные отношения зависимости внутри синтагмы.

3. Синтетические языки используют связанные морфемы (аффиксы) для выражения грамматических значений. Принципы, по которым знаменательные и служебные морфемы несут грамматическую информацию и связываются между собой в пределах словоформы, могут различаться – по этому признаку принято выделять агглютинативные языки, где морфемы соединяются без изменений и каждая из них имеет только одно значение, и флективные, где у одного форманта может быть несколько значений. И те и другие языки могут использовать фузионный принцип для соединения морфем, в этом случае они подвергаются различным чередованиям при объединении в словоформу.

Отдельным, хотя и не очень распространённым в Африке типом часто называют полисинтетические языки, где в единую слабоделимую словоформу сливаются все или основные члены предложения – в частности, подлежащее, дополнения и сказуемое.

4. Наконец, для Африки в качестве отдельной разновидности следует выделять языки, где грамматические значения выражаются супрасегментными морфемами – тоном, тональным ударением, назализацией, палатализацией, лабиализацией и другими вокалическими и консонантными чередованиями, не выделяемыми на сегментном уровне. По распространённости этого типа грамматики африканские языки (точнее, языки нескольких ареалов Африки) довольно отчётливо выделяются среди всех языков мира.

Однако, как уже было замечено, чёткой границы между указанными типами не существует практически ни в одном языке, и однозначно отнести язык к одному из типов редко бывает возможно. В **хауса** (чадская семья, АА) в качестве основного средства словоизменения используется флексия, однако она может следовать правилам агглютинации или использовать фузию. При этом некоторые значения выражаются при помощи супрасегментных показателей – грамматического тона. Языки, абсолютно лишённые флексии (как сегментной, так и супрасегментной), в Африке, вероятно, можно пересчитать по пальцам, даже среди языков, стремящихся к изолирующему типу. В каждом конкретном языке скорее можно вести речь об общей тенденции – как, например, в английском, который считается в целом близким к изолирующему, есть и большое количество

чисто аналитических конструкций, и рудименты флексии различных типов – как агглютинативной, так и фузионной.

Изолирующие языки Африки сосредоточены в основном в макроареале Суданского пояса. К ним относится большинство языков таких семей, как манде, ква, кру, адамауа, убанги и бенуэ-конго, – за исключением большинства языков группы банту, чей ареал располагается за пределами Суданского пояса. Многие центральносуданские и нилотские языки также традиционно относят к изолирующим. За пределами Суданского макроареала изолирующие языки редки.

С углублением исследования супraseгментной морфологии стало понятно, что именно моносиллабичные языки, близкие к изолирующему типу, наиболее склонны образовывать модели т. н. вертикальной флексии, когда грамматические значения выражаются не сегментной аффиксацией (т. е. расширением слова «по горизонтали»), а супraseгментным маркированием. В работе [Andersen 1992–1994] хорошо показано, как тональные маркеры участвуют в выстраивании парадигм глагольных форм в **динка** (восточносуданская семья, НС):

à-wéḗc ‘ты делаешь шаг сюда’;

à-wéḗc ‘он делает шаг сюда’;

à-wéḗc ‘он делает шаг’.

Языки с развитой «вертикальной морфологией», относимые к четвёртому из перечисленных выше типов, распространены также в макроареале Суданского пояса. Помимо этого, супraseгментные морфемы, хотя и в меньшем количестве, зафиксированы во всех остальных ареалах Тропической Африки (ср. приведённые в главе 12 примеры из языков **чаха** и **киси**, расположенных соответственно на западной и восточной окраинах африканского континента).

Для языков Суданского пояса характерна аналитическая грамматика: именные значения множественности, падежа и определённости передаются при помощи послелогов и (реже) предлогов, личные местоимения и глагольные показатели лица являются синтаксически независимыми, совокупность глагольных значений времени, аспекта, модальности и polarity передаётся при помощи служебных частиц различной степени связанности. В языках с аналитическим строением глагольных конструкций подчас весьма сложно понять, как различить аффикс и клитику, клитику и знаменательный глагол. В частности, в языках Западной Африки многочисленные глагольные значения аспекта, модальности, деривативные значения передаются при помощи вспомогательных

глаголов (обычно обозначаемых в литературе как AUX), которые одновременно используются в языке в своём основном, лексическом значении, так что их соположение может представлять собой как цепочку сериализации, так и аналитическую глагольную конструкцию. Грань между клитиками и аффиксами в каждом языке определяется по-своему, и единственным надёжным способом установить синтаксический характер служебной морфемы является возможность размещения какого-либо члена предложения (чаще всего объекта) между этой морфемой и сказуемым, как в **зарма** (макроязык **сонгаи**, НС):

fà:tí sí fòjǒ: hìnà

Фаати не суп.DEF готовить

‘Фаати не готовил суп’ [Creissels 2000: 240].

Аналитическая грамматика функционирует в ряде языков зоны Калахари, относимых к северно- и южнокойсанским языкам. Грамматические показатели глагола располагаются между субъектом и предикатом в виде частиц, в то же время собственно глагольная морфология чрезвычайно бедна. Именные показатели в этих языках также чаще всего носят независимый характер: например, реликты системы именных классов выражены на дейктических маркерах, но не на самом имени существительном.

Языки зоны банту преимущественно относятся к агглютинативному типу: глагольные и именные показатели присоединяются к лексическому корню как справа, так и слева, формируя цепочки служебных морфем. Базовая структура глагольной словоформы в языках банту (или «глагольного комплекса», как его иногда называют в бантуистике) уже приводилась в главе 6. Примером реализации такого рода схемы служат следующие предложения **суахили**:

wa-toto wa-ta-wa-pik-i-a wa-tu ugali

CL-ребёнок CL-FUT-OBJ-готовить-APP-IND CL-человек каша

‘Дети приготовят людям кашу’;

juma h-a-ku-m-pik-i-a

Ahmed ugali

Джума не-SUBJ-PST.NEG-OBJ-готовить-APP-IND Ахмед каша

‘Джума не готовил Ахмеду кашу’ [Childs 2003: 105].

Интересной чертой строя языков банту являются полиаффиксы – комбинации нескольких показателей, выражающих одно значение. Наиболее частым случаем такого рода показателя служат циркумфиксы:

комбинации префикса и суффикса. Циркумфиксы распространены и в других ареалах: особенно часто они используются в именной и глагольной морфологии африканских языков Северной, Восточной и Западной Африки. Например, показатель ж. р. в берберских языках имеет вид *t-...-t*: **тамашек** *t-ame-t* ‘женщина’.

К преимущественно агглютинативным относятся центральноафриканские языки, чья сложная система глагольной морфологии отчасти напоминает банту. Основные маркеры именных и глагольных значений сосредоточены справа от основы, т. е. являются суффиксальными. Нило-суданские языки (восточносуданская семья, НС) и другие нило-сахарские языки Восточной и Центральной Африки в основном используют агглютинативную структуру, за исключением западнонилотских языков, где в результате редукции конечных согласных образовалась внутренняя флексия, схожая с флексией семитских языков.

Не только в семитских, но и в других африканских языках Севера и отчасти Востока Африки доминирует флективный тип грамматики. Языки этой макросемьи обладают особенностью, восходящей ещё к праязыку макросемьи: внутренней вокалической флексией, основой для которой служит двух- или трёхсложный корень. Этот архаичный тип формирования именных и глагольных значений лучше всего сохранился в семитских и берберских языках, в то время как в чадских, кушитских и омотских языках значительно шире используется аффиксальное словоизменение и словообразование.

Таким образом, сопоставляя типологию грамматического строя с картой макроареалов Африки, можно заключить, что какого-либо одного типа структуры, характерного для всего континента, не существует. Большинство макроареалов, однако, весьма чётко распределяется по типам грамматики:

- 1) Северной Африке присущи языки флективного типа с элементами фузии;
- 2) Суданский пояс является основной зоной преобладания аналитической грамматики, часто с наличием супrasegmentных показателей – что особенно характерно для моносиллабических языков, близких по сегментной структуре к изолирующим;
- 3) зона банту представляет собой обширный ареал с доминированием агглютинативной флексии, с отдельными примерами флексии полисинтетического типа;
- 4) в Восточной Африке засвидетельствованы языки аналитического, агглютинативного и флективного типа, что связано с их

различным происхождением: именно здесь сталкиваются языки всех четырёх макросемей, делая Восток наиболее гетерогенной ареальной зоной на континенте;

- 5) наконец, в зоне Калахари присутствуют как аналитические языки (даже с тенденцией к формированию изолирующего типа), так и флективно-агглютинативные центральнокойсанские языки и соседние с ними языки группы банту.

Ниже будут рассмотрены другие морфосинтаксические изоглоссы и особенности морфосинтаксических структур, присущих основным макроареалам языков Африки.

13.2. Именные системы

Наиболее отчётливый водораздел между языками африканского континента, замеченный исследователями уже на заре африканского языкознания и на века ставший едва ли не определяющим критерием классификации языков Африки, относится к именным системам. Речь идёт о выборе стратегии именной классификации – выборе между системой именных классов и её разновидностью, системой грамматических родов.

Ещё в 1659 г. в Риме была издана первая грамматика языка **конго**, где было дано первое детальное изложение системы именных классов конго, характерных для языков банту в целом. К началу XIX в. стало понятно, что именные классы распространены по территории почти всей Тропической Африки, что дало основание И.-Х. Аделунгу и И.-С. Фатеру в своей первой глобальной классификации языков «Митридат» использовать этот критерий для обоснования родства языков Тропической Африки. Фактически он господствовал в африканистике вплоть до первой половины XX столетия и выхода в свет работ Д. Вестермана, однако и позже критерий наличия или отсутствия систем именных классов неоднократно привлекался учёными для подтверждения принадлежности языка к той или иной генетической общности.

Семантической основой систем именных классов являются такие оттенки значения, как размер, форма и агрегатное состояние. Во всяком случае, именно эти три критерия используются наиболее часто при формировании систем именной классификации. Самыми распространёнными классами являются классы людей и животных, за ними следуют классы жидкостей, длинных, узких и плоских предметов,

шарообразных предметов. Дискуссия о происхождении показателей именных классов в языках Тропической Африки пока не дала убедительных гипотез, хотя отдельные этимологии в тех языках, где формы показателей развились относительно недавно, говорят об их именном происхождении.

Именные классы обнаруживаются в большинстве языков Суданского пояса и зоны банту. Системы классов существуют в живом или остаточном виде в койсанских языках зоны Калахари и нилотских языках Восточной Африки. Этот тип именной классификации довольно легко реконструируется для нигеро-конголезского праязыка, что подтверждается как структурными, так и лексическими соответствиями между парадигмами показателей класса в таких удалённых друг от друга семьях языков, как атлантические на Западе Африки, кордофанские в Нубийских горах и банту на юге континента [Schadeberg 2011]. Из всех языковых семей, входящих в состав макросемьи нигер-конго, лишь манде, иджоидные и догонские не обладают системой именной классификации, однако следы застывших именных классов обнаруживаются и в этих языках. В языках с «классическими» системами классов – таких как банту и атлантические (но также и в южно-койсанских) – функционирует полноценная система согласования, когда показателями именного класса маркируются все зависимые от имени члены синтагмы, включая прилагательные, указательные местоимения и сказуемое, ср. примеры из (а) **суахили** (группа банту, НК) и (б) **темне** (атлантическая семья, НК):

(а) *ki-tu hi-ki ki-kubwa ki-lianguka*
 CL-вещь этот-CL CL-большой CL-упал
 ‘Эта большая штука упала’;

(б) *kə-bap ə-ke ku-yiŋe ku-bana*
 CL-топор этот-CL CL-быть-не CL-большой
 ‘Этот топор не большой’ [Wilson 1961: 16].

За пределами нигер-конго именные классы встречаются в отдельных нило-сахарских языках Центральной Африки – где они могли сформироваться под влиянием соседних НК-языков – и в языках северной группы (жу) койсанской макросемьи. В последних их образование также могло стать результатом длительных контактов с языками банту, но может и быть реликтом древнего состояния: отдельные рудименты именной классификации находят и в других койсанских языках. В этом

случае на африканском континенте, вероятно, нужно признать существование двух очагов развития классных систем.

Именные классы привлекали к себе повышенное внимание учёных не только широким распространением в Тропической Африке, но и своей относительной уникальностью. За пределами Чёрного континента они встречаются в некоторых языках Северной Америки, Кавказа и Тихого океана, однако в целом довольно редки, и Субсахарская Африка остаётся крупнейшим ареалом распространения этой морфологической изоглоссы.

Языкам с именными классами противостоят языки, где классификация существительных основана на категории грамматического рода. Языки с родовым противопоставлением характерны для Севера и Востока Африки – в основном они принадлежат к афразийской макросемье (многие чадские языки Западной и Центральной Африки также имеют категорию рода). Род используется и в большинстве восточносуданских языков Северо-Восточной и Восточной Африки, в языках групп каду, гумуз и коман (все НС) – скорее всего, здесь он мог развиваться в результате контакта с афразийскими соседями. Другим очагом распространения категории рода является зона Калахари: он широко используется в центральнокойсанских языках.

Из языков нигеро-конголезской макросемьи род засвидетельствован лишь в нескольких убангийских (**занде**, **мба**), в иджоидных языках и языках кру. Во всех трёх указанных семьях языков по родам различаются в основном лишь личные и указательные местоимения: в результате редукции именных показателей маркирование именной классификации сохранилось лишь в местоимениях. Категория рода в этих языках является результатом развития более древней системы именных классов: это хорошо видно на примере языков кру, где местоимения 3 л., различающиеся по родам, восходят к классным показателям [Marchese 1988].

Основными граммемами рода в нило-сахарских и афразийских языках являются мужской и женский, в языках кру (**бакве**, **убе** и **нябва**) и центральнокойсанских языках (например, **нама**) их дополняет средний (неличный) род, маркирующий животных и предметы. Нередко мужскому роду противостоит общий, в рамках которого женщины, животные и другие существа приравниваются к неодушевлённым существительным. В именных системах м. р. чаще всего остаётся немаркированным – например, в берберских языках показателю ж. р. *t-..t* противостоит нулевой показатель мужского рода.

Таким образом, если именные классы характеризуют прежде всего языки Суданской зоны и зоны банту, то языки Северной и Восточной Африки чаще демонстрируют категорию грамматического рода. Зона Калахари и Восток Африки являются в этом смысле неоднородными. Некоторые компаративисты не без оснований полагают, что именные классы должны быть реконструированы для праязыков нигеро-конголезской и нило-сахарской макросемей [Gegersen 1972], иногда подобная точка зрения высказывается и для койсанских языков. Если эти гипотезы верны, то изначальной границей классовых и родовых систем следует считать пустыню Сахара.

Распространение категории именного падежа в целом повторяет границы распространения категории рода. Языкам Суданского пояса, зоны банту и большей части языков зоны Калахари именные падежи практически неизвестны – из нигеро-конголезских языков их используют лишь единицы (в качестве редких примеров можно назвать **темне** атлантической семьи и **игбо** бенуэ-конголезской семьи). Связанные падежные показатели характеризуют языки Северной и Восточной Африки – т. е. прежде всего афразийские (за исключением чадских), а также восточносуданские, которые могли развить её в результате длительных ареальных контактов. Падежные формы реконструируются для афразийского праязыка и хорошо сохранились в большинстве групп макросемьи. В афразийских языках показатели падежа преимущественно выражены суффиксально, в восточносуданских языках падеж маркируется аффиксами или энклитиками.

Интересной ареально-типологической особенностью целого ряда языков Восточной и Центральной Африки, относящихся к афразийской (кушитские, омотские) и нило-сахарской макросемьям, является особое маркирование номинатива. В таких языках базовым, немаркированным падежом является аккузатив, который используется для большинства синтаксических значений имени в предложении. Номинативная же форма является производной от аккузатива и маркируется связанным или клитическим показателем [König 2008]. К языкам с маркированным номинативом, в частности, относятся столь разные по происхождению, как **иракв** (кушитская группа, АА), **фур**, нубийские и **кунама** (все НС) в Восточной Африке и **канури** (сахарская группа, НС) в Западной Африке. В других макроареалах Африки маркированный номинатив присутствует редко – среди интересных примеров можно отметить **нама** (центральнокойсанская семья, К) и некоторые берберские диалекты Северной Африки. В целом в языках мира

именные системы с маркированным номинативом (их также называют абсолютно-номинативными системами) довольно редки и распространены ещё лишь в одном ареале – на западе Северной Америки.

Методы маркирования значений числа в африканских языках не сильно отличаются от методов, используемых в языках других частей света. Префиксация особенно распространена в агглютинативных языках нигеро-конголезской макросемьи, где категория плюральности сильно увязана с системой именных классов: показатели классов функционируют «парами», и каждому сингулярному классу соответствует конкретный плюральный класс, как в **луба** (группа банту, НК) *tu-kaji* ‘женщина’ – мн. ч. *ba-kaji*. Суффиксация отличает флективные языки афразийской семьи, а также языки Суданского пояса, где нередко различается несколько разновидностей множественности. Например, в **локо** (семья манде, НК) используются суффиксы определённой, неопределённой и ассоциативной множественности – последний присоединяется к личным именам: *Mómóni* ‘Момо и те, кто с ним’ [Бабаев 2011б].

Следует также отметить корневые чередования (умлаут) при маркировании плюралиса, особенно характерные для семитских языков Северной и Восточной Африки, ряда родственных им кушитских языков, а также некоторых других языков Восточного Судана – таких как **динка** и **нуэр** (восточносуданская семья, НС) и изолированный язык **лаал**. В языках Суданского пояса активно используется супрасегментное маркирование числовых форм имени с использованием различных тональных рисунков, ср. **нгити** (центральносуданская семья, НС):

katà ‘вождь’, мн. ч. *kámá*;
màlàyikà ‘ангел’, мн. ч. *màlàyiká*;
màlimò ‘учитель’, мн. ч. *màlimó*;
adòdu ‘мой брат’, мн. ч. *adódu* [Kutsch Lojenga 1994: 135].

Нередко аффиксация и тональные маркеры могут комбинироваться, как в **мамву** (центральносуданская семья, НС). Маркеры плюральности могут также выступать в качестве синтаксически независимых частиц, сопровождающих имя, – в **киси** (атлантическая семья, НК) они согласуются с существительным при помощи маркеров именного класса.

Наконец, редкой разновидностью систем обозначения числа в Африке является маркированный сингулятив: в **ари** (омотская семья, АА) плюральные имена выступают в корневой форме, в единственном же

числе они маркируются суффиксом. Нередки и супплетивные основы для обозначения числовой оппозиции.

Отдельно стоит упомянуть особенности такого класса лексем, как имена прилагательные. Как и в некоторых других языковых ареалах мира – например, в Юго-Восточной и Восточной Азии, – в языках Тропической Африки подчас весьма сложно провести границу между прилагательным и глаголом. В языках Западной Африки, близких к изолирующему типу, критерии выделения прилагательных могут быть исключительно синтаксическими, но даже они не всегда работают: слова со значением качества выполняют все функции предиката и по роли в предложении неотличимы от глаголов качества. Для многих языков это заставляет делать вывод о том, что прилагательные в них отсутствуют, а их функции возложены на стальные качественные глаголы, либо же о существовании единого класса предикативов.

Некоторые языки демонстрируют небольшую группу «истинных» прилагательных как будто в виде исключения: они способны определять вершинное существительное в атрибутивной синтагме, но не обладают определяющими морфологическими и синтаксическими свойствами ни существительного, ни глагола. В **зиало** (семья манде, НК) прилагательные отличны от качественных глаголов по следующим признакам:

- а) не могут присоединять аффиксов, выражающих значения вида, времени и модальности,
- б) не образуют деривативов – отглагольных существительных и причастий;
- в) не могут употребляться в предикативных конструкциях.

Однако таких «настоящих» прилагательных в **зиало** насчитывается всего пять – это наиболее употребительные в языке определения: *gòlà* ‘большой’, *kúló* ‘маленький’, *níná* ‘новый’, *pàdà* ‘хороший, приятный, красивый’, *póló* ‘старый’. Подобные ограниченные классы прилагательных характерны для языков Западной и Центральной Африки.

13.3. Системы личного маркирования

В системах личного маркирования африканских языков основные вариации лежат в области синтаксической роли личных местоимений и показателей лица в целом. Характерной особенностью языков всех основных ареалов и макросемей на территории Африки является оппозиция синтаксически независимых местоимений, маркирующих фокус

и другие разновидности эмфатического выделения субъекта, и связанных показателей, обозначающих лицо и число субъекта (часто также объекта) глагола или именную принадлежность. Связанные глагольные показатели лица присущи языкам Северной Африки, Восточной Африки, зоны банту, отчасти Калахари. Отсутствие связанных показателей лица характеризует только близкие к изолирующему типу языки Суданского пояса, однако в некоторых из них оно компенсируется супrasegmentной флексией. Крайним случаем здесь можно считать язык **восточный кран** (семья кру, НК), где из шести личных местоимений имперфективной серии пять имеют одинаковую сегментную основу *a* (таблица 13.2) [Marchese 1986: 61].

Таблица 13.2. Личные местоимения имперфективной серии в восточном кран

	ед. ч.	мн. ч.
1 л. ед. ч.	á	à
2 л. ед. ч.	â	ã
3 л. ед. ч.	ã	ã̃

Впрочем, даже в стремящихся к изолирующим языкам Суданской зоны несвязанные показатели лица глагола не всегда можно считать «настоящими» местоимениями. Так, в языках юго-западной группы семьи манде (НК) приглагольные показатели лица субъекта не обладают синтаксической автономностью. Они неотделимы от глагольной группы: единственными элементами, которые могут быть помещены между этими личными показателями и предикатом, являются либо группа прямого объекта (в составе глагольной группы), либо маркеры глагольных значений (аспекта, модальности, полярности). Такие личные показатели не могут использоваться независимо от предиката и не образуют высказываний. Они также не участвуют в образовании бытийных предложений, т. е. не применяются при именном сказуемом. Личные показатели такого рода иногда называют местоименно-предикативными показателями (МПП).

Существенные различия в инвентаре значений, выражаемых личными местоимениями, с одной стороны, и МПП – с другой, имеются в целом ряде языков Суданского пояса. Так, в языках манде, кру, бенуэ-конго и атлантических местоимение выражает только грамматические категории актанта, а именно лицо и число. В то же время МПП, помимо указанных значений, принимают на себя также ряд

грамматических значений глагола: время / аспект, полярность и модальность, – в то время как сам глагол не изменяется, оставаясь в базовой форме, ср. в **зиало**:

gèy và kòvì-y zù
я   приходить двор-DEF в
'Я не приду домой' [Бабаев 2011].

В данном примере МПП *gèy* выражает целый кластер значений: 1 л., ед. ч., проспективный аспект, отрицательная полярность. Глагол *và* 'приходить' остаётся неизменяемым. Такая особенность свойственна множеству языков Субсахарской Африки, включая такие разнородные и относящиеся к различным ареалам, как **волоф** (атлантическая семья, НК), **гребо** (семья кру, НК), **дабида** (группа банту, НК) и **хауса** (чадская группа, АА). Различие между личными местоимениями и МПП показывает, что последние скорее являются частью глагольной, а не местоименной системы.

Другим важным синтаксическим свойством МПП является их неспособность выступать субститутами подлежащего – т. е., собственно говоря, являться местоимениями. В случае если подлежащее выражено полной именной группой, в предложении необходим дублирующий её МПП 3 л., ср. в **зиало**:

nú-y-tì táta lì Màsàdà
человек-DEF-PL они идти Масанта
'Люди [они] идут в Масанту'.

В приведённом примере МПП не заменяет субъектную именную группу, как это делают личные местоимения, однако дублирует её, будучи употреблённым в функции повторного (называемого также «рекапитулятивным» или «резумптивным») личного показателя с кластером значений. Такая конструкция распространена по всей Западной Африке, в ареале Суданского пояса и за его пределами: она употребляется, в частности, в языках бенуэ-конго, гур, ква, в некоторых чадских языках.

Категориальное расщепление между местоимениями, МПП и связанными показателями в личном маркировании является распространённой чертой в африканских языковых системах. Д. Креселем [Creissels 2005] была предложена типологическая классификация МПП (которые он называет «местоименными маркерами») в различных африканских языках, распределяющая предикативные маркеры на три категории согласно степени их синтаксической автономности

в предложении, а также стадии грамматикализации во вспомогательные морфемы. К сожалению, далеко не для каждого языка мы обладаем достаточной информацией для проведения подобного анализа и определения того, связанным, клитическим или автономным является тот или иной личный показатель.

С точки зрения позиции в составе глагольной словоформы или конструкции личные показатели субъекта чаще всего располагаются слева от основы (как префиксы в языках банту и большинстве языков нигер-конго), объектные маркеры, напротив, чаще следуют за ней. Частым явлением в языках как Суданского ареала, так и Восточной Африки является контаминация субъектных и объектных показателей глагола в составе единого аффикса. Контаминированные личные показатели субъекта характерны для многих нилотских языков, ср. в **маасаи** (восточносуданская семья, НС) [Tucker, Mraayei 1955: 201]:

<i>ki-dəl</i>	<i>nánó</i>	<i>ki-dəl</i>	<i>nínyè</i>
ты.меня-видеть я		он.тебя-видеть он	
‘Ты меня видишь’;		‘Он тебя видит’.	

Среди наиболее распространённых грамматических категорий личных местоимений в языках Тропической Африки – т. н. расширенное 1 л. мн. ч., имеющее граммемы инклюзива, эксклюзива и дуалиса. Формы с одним или несколькими из этих значений распространены в языках всей субсахарской части Африки. Особенно сложные системы наблюдаются в бантоидных языках (НК) Нигерии и Камеруна, относящихся к Суданскому макроареалу. В этих языках местоимения с расширенными лично-числовыми значениями («я и ты», «мы и они» и т. д.) по своей структуре являются композитными и диахронически формировались путём соположения двух местоимений. Так, в **мундабли** составные местоимения строятся путём редупликации первого компонента с добавлением союза *ā* ‘и, с’ и второго местоименного компонента: *bī* ‘мы’, *wà* ‘ты’, *bī-byā-wà* ‘мы и ты’, букв. ‘мы: мы и ты’ [Good et al. 2011].

В близкородственных языках **бамбили** и **нгиембон** уже заметны процессы контаминации, вокалической ассимиляции и редукции составных форм местоимений: бамбили *bεε* ‘мы’, *gu* ‘ты’, *bεεgu* ‘мы и ты’; нгиембон *pég* ‘мы (эксклюзив)’, *ə* ‘ты’, *pégə* ‘мы (инклюзив)’ [Cysouw 2003: 173–174]. Наконец, полная морфологизация составных местоимений заметна в **нони**: *bese* ‘мы (эксклюзив)’, *ben* ‘вы’ (притяжат. *-ne*), *beene* < *be-se-ne ‘мы (инклюзив)’ [Lux 2003; Cysouw 2003: 177]. Показанная здесь цепочка грамматикализации, весьма возможно,

является источником образования местоимений со значениями дуализа и кляузности также в других языках региона. Однако именно в бантоидных языках это явление получило максимальный размах: так, по некоторым подсчётам, в языке **гомала** используется восемнадцать форм лично-числовых значений местоимений [Wiesemann 1986: viii].

В качестве одной из уникальных африканских особенностей местоименных систем называют категорию логофоричности. Логофорические местоимения используются для референции к человеку, чья речь или мысли сообщаются в предложении. Они, таким образом, несут обязательную кореферентность между субъектом или объектом зависимой клаузы и субъектом основной клаузы – например, чтобы показать, что субъекты обеих клауз представляют собой одно и то же лицо или различных лиц. Логофорические конструкции широко используются в языках Суданского пояса, относящихся к трём макросемьям языков: их используют практически все семьи нигеро-конголезских языков ареала, а также языки групп сонгаи, бонго-багирми и мору-мангбету, относимые к нило-сахарской макросемье, и чадские языки (АА). Логофоричность считается одной из наиболее характерных ареально-типологических черт Суданского пояса [Güldemann 2008]. Ср. в **мупун** (чадская семья, АА):

(a) *wu sat né dî nas an*
 он сказать что он.LOG бить я
 ‘Он₁ сказал, что он₁ ударил меня’;

(b) *wu sat né wu nas an*
 он сказать что он бить я
 ‘Он₁ сказал, что он₂ ударил меня’ [Frajzyngier 1993: 108].

По мнению ряда учёных, подлинная логофоричность присуща исключительно языкам Тропической Африки – собственно, на материале африканских языков она и была впервые описана в работе [Hagège 1974] – и не встречается на других континентах [Heine 2008]. В последнее время признаки логофоричности возвратных местоимений обнаруживают в японском и китайском языках.

13.4. Глагольные системы

Системы глагола в африканских языках, как и именные системы, демонстрируют огромный типологический разброс. Существенные отличия имеются не только между языками двух основных макроареалов

континента – севером и Субсахарской Африкой, – но и между языками практически всех ареалов, из-за чего вычлениить собственно «африканские» особенности глагольных систем довольно сложно. К тому же исследованию глагольных систем в совокупности – их сопоставлению по языкам различных типов, ареалов и языковых семей – не было уделено достаточно внимания в литературе. Среди наиболее интересных западных публикаций на эту тему можно назвать [Nurse 2007; Human 2007; Dimmendaal 2011], а в России – прежде всего [Плунгян 2003].

Выше уже говорилось о распределении языков Африки по структуре выражения грамматических значений и отношений. Специфической особенностью глагольных систем в языках Суданского пояса является т. н. линейная система [Welmers 1974], при которой один копулятивный показатель глагола (клитический или связанный) содержит в себе до пяти различных глагольных значений, включая значения аспекта, модальности, полярности, лица и числа. Образцом линейного предложения может служить пример (с. 293) в предыдущем разделе, взятый из языка **зиало**. Как и другие языки семьи манде, зиало маркирует большинство глагольных значений на МПП, которые образуют замкнутые парадигматические серии. Разнообразие МПП в таких языках может объясняться историческим слиянием личных местоимений с клитическими показателями аспекта, модальности и полярности, а также с бытийными, копулятивными и вспомогательными глаголами. В результате МПП абсорбировали кластеры значений и стали основными носителями грамматической информации в клаузе, тогда как форма глагола не меняется. В **банди** (семья манде, НК) выделяется тринадцать серий субъектных МПП, несущих различные глагольные значения: аспекта (фактатив, имперфектив, прогрессив, проспектив, хабитуалис), модальности (субьюнктив, кондиционалис), полярности, а также падежное значение (комитатив) и значение фокуса/ топики.

Следствием линейной системы является то, что в языках Западной Африки (Суданского пояса и соседних с ним областей) бывает невозможно выделить собственно показатели тех или иных грамматических категорий – практически каждый маркер содержит в себе комбинированные значения, так что анализ системы следует строить от конкретных форм, а не от грамматической семантики. Глубокий и последовательный анализ значений одного глагольного показателя в языках кру или манде (НК) выявляет, что среди них одновременно могут быть вычленены, например, претерит, результатив, ирреалис, намерение и каузатив. Аналитическим языкам Субсахарской Африки свойственно

выражение одним показателем трёх едва ли не противоположных залоговых значений – пассива, каузатива и декаузатива [Галямина 2001]. Эта особенность, впрочем, не является уникальной для Африки и известна также в близких к изолирующим языках Юго-Восточной Азии [Бабаев, Самарина 2018].

Иная система функционирует в большинстве языков банту, где, как мы уже видели по схеме выше, глагол образует агглютинативную цепочку аффиксов, каждый из которых относится к определённой грамматической категории. Он может выражать одно или несколько значений: флективная агглютинация весьма распространена в языках банту. В атлантических языках Западной Африки (например, **волоф** и **сереер**, НК) ярко выражена фузия глагольных показателей.

Наконец, в Северной Африке мы имеем дело с флективно-фузионными глагольными системами, близкими к классическому европейскому типу, где лично-числовые показатели глагола выстраиваются по парадигмам, свойственным тем или иным грамматическим значениям времени, аспекта, модальности и полярности. Такие системы свойственны в основном языкам, относящимся к афразийской макросемье.

Языки аналитического типа (и близкие к изолирующему типу) Суданского пояса и зоны Калахари, где глагольные значения выражаются при помощи вспомогательных глаголов и клитических частиц, демонстрируют ещё одну интересную особенность: наличие обширной периферии грамматических конструкций, не сводимых к чётким регулярным парадигмам. Вспомогательный глагол может быть свободно заменён другим без утраты значения или использован в конструкции с иным, иногда весьма далёким значением. Значение целого ряда конструкций со вспомогательными конструкциями бывает сложно установить – носители употребляют их столь вольно, что трактовка может быть весьма затруднена. Некоторые конструкции употребляются лишь с узкой семантической группой предикатов.

Такие явления следует объяснять исходя из синтаксического статуса конструкции. Глаголы, которые принято называть вспомогательными, могут находиться на различных стадиях грамматикализации, и большинство из них продолжают употребляться в языке в качестве полнозначных предикатов. Сочетания глаголов, внешне сходные с аналитическими глагольными конструкциями типа «AUX + V» (вспомогательный + основной глаголы), могут оказаться цепочками сериализации двух полнозначных глаголов. С такими явлениями приходится довольно часто сталкиваться при анализе языков Суданской зоны,

преимущественно относящихся к семьям манде, кру, иджойдных или адамауа [Creissels 1998].

Грамматикализация в целом играет важнейшую роль в развитии глагольных систем в языках Африки. Нередко можно видеть, как на синхронном уровне происходят процессы постепенной утраты более древних флективных систем с выражением глагольных значений при помощи связанных показателей на системы с аналитическими глагольными конструкциями. Этот процесс особенно отчётливо заметен в языках афразийской макросемьи в Северной и Восточной Африки, не исключая и разновидностей арабского языка, однако присутствует и в языках Суданского пояса. В массе языков указанных ареалов этот процесс не завершился, и в глагольной системе продолжают сосуществовать старая (флективная) и новая (аналитическая) подсистемы, причём нередко одни и те же значения могут факультативно маркироваться либо аффиксом, либо клитикой, либо обоими инструментами одновременно. В языках Центральной Африки (чадских, сахарских) и некоторых языках востока континента (кушитских, омотских) глаголы подразделяются на два класса, которым присущи различные типы спряжения [Суетина 2003].

Набор грамматических категорий и их граммем в африканских языках также весьма неоднороден. В Субсахарском макроареале принято говорить о неразвитости такой категории, как глагольное время, и преобладании аспектуальных противопоставлений. Однако это не совсем верно: время как устойчивая глагольная категория широко распространено в большинстве макроареалов Африки, включая Север, Восток, зону банту и Калахари. По всей вероятности, лишь Суданский пояс и примыкающие к нему области Западной и Центральной Африки демонстрируют преобладание аспектуальных систем над временными. И всё же африканское глагольное время имеет свои характерные особенности.

Прежде всего, языки Западной Африки используют т. н. семантическое время – временная характеристика глагола в тексте зависит от его семантики. Стативным глаголам свойственно изначальное указание на прошедшее время, глаголам со значением длительного действия – указание на настоящее. Дезидеративные глаголы и конструкции с ними чаще указывают на действие в будущем. Однако эксплицитное маркирование категории времени в языках этого ареала практически не применяется: специальные показатели отражают в основном аспектуальные значения.

Второй интересной особенностью языков Западной и Восточной Африки является т. н. ретроспективное время: конструкции глагола, указывающие на временное взаимоотношение двух ситуаций. Такие конструкции особенно характерны для текстов, где в рамках повествования происходит ретроспективный сдвиг в предшествующее или последующее состояние. Ретроспективный сдвиг оформляется специальными показателями в нилотских языках Восточной Африки, в атлантических, некоторых языках манде и гур на западе континента. Интересно, что показатель ретроспективного времени отмечен и в креольском языке **крио** в Сьерра-Леоне [Плунгян 2003].

К категории ретроспективного времени относится и консекутив – особое временное значение, также обычно используемое в нарративных текстах и подчёркивающее хронологическую последовательность действий или состояний. Глагольная форма, обозначающая первое из таких действий, маркирует время или аспект, а последующие снабжены специальным консекутивным маркером (называемым также *subsecutive* или *sequential*), ср. в **туркана** (восточносуданская семья, НС):

è-à-ìmòj-ì   ekàsukow-ùt k-iyar-a-kin-ì
он-PST-есть-RES старик-NOM он.CONS-рыгать-DAT-VOC
'Старик поел и отрыгнул' [Dimmendaal 1983: 176].

Консекутив является одной из особенностей, присущих языкам зоны банту, но также существует в ряде языков Суданского пояса, имеющих различное происхождение, в сахарских и восточносуданских языках (НС). Эту категорию часто сопоставляют с конвербными конструкциями в афразийских языках Востока Африки – кушитских и семитских, где только первый глагол в цепочке последовательных действий маркирован временным показателем.

В зоне банту и языках Калахари категория времени распространена чрезвычайно широко, эти языки принято считать «временноориентированными» (в английской терминологии *tense-prominent languages*). Для койсанских языков типичными граммемами являются те же, что и для русского – претерит, настоящее, будущее. Во многих языках банту существует целый ряд показателей временной соотнесённости, маркирующих различную степень удалённости ситуации от момента речи. Таких степеней удалённости может существовать до десятка: до шести в сторону прошедшего и до четырёх – в сторону будущего времени. Стоит отметить, что в некоторых языковых описаниях значения таких «нескольких прошедших» или «нескольких будущих» ясно

не обозначено: например, в работе [Fleisch 2000] для языка **лучази** (группа банту, НК) постулируется три будущих времени – простое, определённое и отдалённое, однако фразовые примеры на все три значения содержат наречие «завтра», так что оппозиция здесь явно не (только) временная. Вероятнее всего, следует рассматривать такие случаи и с точки зрения аспектуальной соотнесённости.

Время как грамматическая категория, несомненно, существовало уже на ранних этапах существования предка языков группы банту и, вероятно, в праязыках отдельных ветвей койсанской макросемьи. Ещё одним эпицентром распространения этой категории считают языки гур (НК) в Западной Африке. Сегодня эта категория продолжает формироваться и развиваться на контактной основе во многих языках Западной и Центральной Африки.

И всё же доминирующей грамматической категорией в рамках комплекса ТАМ (Tense – Aspect – Modality) в Субсахарской Африке является аспект. Аспектуальные противопоставления являются основой глагольной грамматики практически во всех языках нигеро-конголезской макросемьи [Nurse 2007], из которых все, кроме банту, можно назвать *aspect-prominent* («аспектоориентированными»). Аспект столь же широко распространён в нило-сахарских и койсанских языках. Основные макроареалы Африки различаются лишь набором граммем категории.

Можно назвать пять основных аспектуальных значений, наиболее типичных для африканских языков:

- 1) фактатив / перфектив, являющийся во многих языках базовой, немаркированной глагольной формой и указывающий на фактическое состояние в настоящем или однократное действие в прошлом, а в оппозиции имперфективу – завершённое действие [Comrie 1976: 18, 19]. У. Уэлмерс был первым, кто обратил внимание учёных на особенности фактатива в языках Западной Африки [Welmets 1974], и эта форма является одной из наиболее примечательных черт глагольных систем в языках Тропической Африки. Функции фактатива могут быть необычайно широки: в языке **оболо** (бенуэ-конголезская семья, НК) он может обозначать как завершённое, так и продолжающееся действие для любого глагола, а в **йоруба** (бенуэ-конголезская семья, НК) и вовсе маркировать прошлое, настоящее или будущее, так что форма *то-о* может переводиться как ‘я иду’, ‘я шёл’ или ‘я пойду’, а уточнение значения происходит лишь при помощи наречия времени;

- 2) перфект, довольно часто называемый в африканистике «ретроспективом», однако по своим функциям стоящий близко к результативу, он обозначает ситуацию, которая имела место или началась в прошлом, но релевантна и для настоящего;
- 3) имперфектив противостоит фактативу / перфективу и обозначает незавершённое действие в настоящем или прошлом;
- 4) в состав кластера с имперфективными значениями входит прогрессив – указание на продолжающееся действие, как правило происходящее в момент речи. Прогрессив обычно маркируется при помощи вспомогательных глаголов движения;
- 5) наконец, хабитуалис / итератив также примыкает к имперфективному кластеру и обозначает действие или состояние, характерное для определённого периода времени или повторяющееся – как в настоящем, так и в прошлом.

Оппозиция между имперфективом и фактативом является наиболее распространённой аспектуальной оппозицией в языках всего континента. Во многих языках она отражена связанными или клитическими маркерами, занимающими одну и ту же позицию в словоформе или аналитической конструкции. Например, во многих языках Суданского пояса и зоны банту, относящихся к нигеро-конголезской макросемье, таким маркером является конечная гласная глагольной формы:

локеле (группа банту) *to-kol-i* ‘мы сделали’ ~ *to-kol-a* ‘мы делаем / будем делать’;

занде (семья убанги) *sir-i* ‘слизал’ ~ *sir-a* ‘лизет’;

дигаммари (семья гур) *o twək-á* ‘он пришёл’ ~ *o twək-u* ‘он прибывает’ [Nurse 2007].

Из числа значений зоны модальности типичными для языков всего африканского континента можно назвать императив (а также его отрицательный эквивалент – прохибитив), конъюнктив, используемый в зависимых клаузах, и различные виды кондиционалиса. Многие формы и конструкции африканских языков, ранее описанные в работах XIX–XX вв. как имеющие значение будущего времени, на самом деле необходимо считать модальными формами с такими значениями, как интензив, дебитив, дезидератив и проч. В аналитических языках как Северной, так и Субсахарской Африки такие значения формируются при помощи конструкций со вспомогательными глаголами «хотеть», «идти», «быть должным» и т. п., и речь в них идёт не о времени выполнения действия, а скорее о намерении или долженствовании.

Для глагольного отрицания, также относящегося к зоне модальности, в языках Африки характерна такая стратегия, как различие показателей отрицания в зависимости от времени или аспекта. Эта черта присуща всем ареалам, от разновидностей арабского языка в Северной Африке (как, собственно, и литературного арабского языка) до языков банту на юге континента. В языках Западной и Центральной Африки отрицание может быть «зашито» в особые формы личных показателей глагола (МПП) и также различается по значению аспекта / времени.

Глагольная деривация в африканских языках считается довольно развитой [Плунгян 2003] и чаще обслуживает актантные значения, в т. ч. залоговые. Пассив отмечается в большинстве грамматических описаний африканских языков, хотя западные исследователи ранних периодов склонны были видеть его даже там, где он никак не оформлен морфологически. Если в языках банту или в Северной Африке в составе цепочки морфем глагольной словоформы существуют конкретные показатели пассива, то во многих языках Суданского пояса или ареала Калахари пассивные конструкции могут быть идентифицированы лишь семантически. В Западной Африке чаще всего они представляют собой т. н. *they-passive*, т. е. предложениями действительного залога с генерическим местоимением 3 л. мн. ч. (подобно англ. *they say that...* 'Говорят, что...').

В некоторых койсанских языках Калахари, в языках гур (НК) Суданского пояса и нилотских языках (НС) на востоке континента пассив может быть оформлен морфологически, однако при этом прямой объект не перемещается в субъектную позицию, а продолжает сохранять объектный показатель, ср. в **кхве** (центральнокойсанская семья, К):

hèútù-hè è tc'āā-i-tà

машина-она OBJ красть-PASS-PST

'Машина была украдена' [Kilian-Hatz 2009: 223, 228].

Такая стратегия характерна для языков всех трёх указанных ареалов и является интересной отличительной особенностью языков Субсахарской Африки.

Из других видов актантной деривации, характерных для языков всех основных ареалов и всех четырёх макросемей, следует выделять каузатив и аппликатив: во многих языках существует по несколько граммем этих категорий, включая такие разновидности, как пермиссив, бенефактив, фактитив и др.

13.5. Синтаксис предложения

Базовым порядком слов в большинстве языковых семей мира является схема Subject – Object – Verb (SOV). Африканские языки и здесь существенно отличаются от статистической нормы: не менее 70 % языков континента демонстрируют схему SVO в качестве базового порядка аргументов в составе глагольной клаузы [Heine 2008]. Столь высокий процент, впрочем, объясняется большой плотностью языков в Западной Африке и зоне банту – именно здесь, особенно в нигеро-конголезских языках, тип SVO доминирует безоговорочно. Языки банту и атлантические практически без исключения принадлежат к этому типу, сюда же относятся большинство чадских (AA), центральносуданских и нилотских языков (NC), северокойсанские языки (K).

Порядок слов типа SOV характерен для тех районов Северной и Восточной Африки, где доминируют афразийские языки; практически все семитские, кушитские и омотские языки используют эту схему. Помимо них, в восточной части Африки порядок SOV засвидетельствован в таких нило-сахарских языках, как сахарские, **маба**, **кунама**, нубийские, а также в языке **сандаве**. В зоне Калахари он является особенностью центральнокойсанских языков, в т. ч. **нама**. Однако языков, где все типы объектов предшествовали бы глаголу, в Африке менее 10 %.

Два наиболее распространённых порядка слов могут быть представлены в одном и том же языке в зависимости от типа клаузы – полярности, аспектуальной характеристики сказуемого или его финитности. В аналитических языках Суданского пояса порядок SVO может использоваться в предложениях с простым сказуемым, в то время как присутствие аспектуальной или модальной конструкции со вспомогательным глаголом требует порядка слов S-Аux-OV, ср в **девойн** (семья кру, НК):

(a) $\text{ɔ} \quad \text{pī} \quad \text{sāyè}$
 он готовить.FACT мясо
 ‘Он готовил мясо’;

(b) $\text{ɔ} \quad \text{nà} \quad \text{sāyè} \quad \text{pī}$
 он PRF мясо готовить
 ‘Он приготовил мясо’ [Marchese 1986: 68].

Точки зрения о диахроническом развитии порядка слов в таких языках расходятся: некоторые предполагают, что исконной схемой в языке нигер-конго была SOV, однако затем произошёл сдвиг предиката

влево, ближе к вершине высказывания [Givón 1975; Koopman 1983], другая гипотеза постулирует трансформацию SVO-VN > S-Aux-OV в результате переноса роли предиката к конечному отглагольному имени (VN) и превращения старого сказуемого во вспомогательный глагол (Aux) [Claudi 1993].

Как и во всём мире, другие типы базового порядка слов в африканских языках весьма редки. В восточносуданских языках часто встречается схема VSO (характерна для сурмийских, нилотских и кулякских языков), та же схема функционирует в языках Северной Африки – арабском, берберских, а также в родственном им **древнеегипетском** – и иногда рассматривается как архаизм, восходящий к праязыковому состоянию. **Малагасийский** язык Мадагаскара считается единственным в Африке, имеющим базовый порядок слов типа VOS.

Глагольному синтаксису языков Суданского пояса – преимущественно западной его части и прибрежной зоне – присуща такая характерная черта, как широко используемая сериализация. Сериальной конструкцией называется цепочка нескольких глаголов в составе одной клаузы, оформленных одинаково и связанных простым соположением, без использования союзов или комплементаров. Переходные глаголы в одной цепочке имеют общий прямой объект. Цепочки сериализации распространены в языках манде, кру, гур, западных группах бенуэ-конго (НК), но также встречаются в чадских языках (АА) и в койсанских языках зоны Калахари, ср. в **жуцьоан** (севернокойсанская семья, К):

mí t a n|oa 't !ha
я ЕМРН FUT готовить есть мясо

‘Я буду готовить и есть мясо (постоянно)’ [Collins 2002: 17].

Такие служебные лексемы, как предлоги и послелого, в африканских языках значительно менее грамматикализованы в сопоставлении с европейскими языками. В Северной Африке предлоги примерно соответствуют по своему употреблению языкам Европы, но в субсахарской части континента им чаще соответствуют именные группы, где роль адпозитивов с различными падежными значениями играют имена существительные, находящиеся на разных стадиях процесса грамматикализации. В качестве таких существительных чаще всего можно встретить обозначения частей тела: в **локо** (семья манде, НК) инессивное значение выражается существительным *ñu* ‘живот, утроба; в, под’, постессивное – существительным *króú* ‘спина; позади, за’. В языках

с падежным словоизменением употребляются аффиксы с локативными и иными падежными значениями – в основном это суффиксы.

Большинство африканских языков можно назвать правоветвящимися. В сложных предложениях относительная клауза следует за своим антецедентом – вершинным именем существительным. Примеры левоветвящихся языков включают **амхарский** (семитская семья, АА), **нама** (центральнокойсанская семья, К) и **иджо** (иджоидная семья, НК). Наконец, в ряде языков Суданского пояса, относящихся к семьям гур и манде (НК), релятивная клауза может быть расположена с обеих сторон от антецедента, ср. в **були** (семья гур):

ŋ dɛ̀ àtìm lī dà mángò-kū:y dīɛ̀ lá
я съел Атим СОМР купил манго-который вчера вот
'Я съел манго, которое Атим купил вчера' [Hiraiwa 2003: 63].

Повсюду в Африке распространены такие дискурсивные инструменты, как особые маркеры фокуса и топика. Наиболее типичным средством топикализации и фокализации является вынесение именной группы в начало предложения – этот метод применяется в языках всех четырёх макросемей и во всех макроареалах Африки. Редко встречается обратная ситуация – фокализованная группа уходит в правый конец предложения: такая конструкция известна в языке **кирунди** (группа банту, НК). Ещё одним распространённым инструментом фокализации является конструкция клефта, когда фокализованная именная группа вводится связкой, за которой следует придаточное относительное предложение, ср. в **тигринья** (семитская семья, АА):

nəɦna ina nə-ʔabrəhat zə-rəʔena
мы СОР ОВJ-Абрахат который-мы.видели
'Это мы видели Абрахата' [Gragg 1974: 75].

Нередки в языках всей Тропической Африки и специальные дискурсивные частицы со значением фокуса и топика, которые могут занимать позицию как в конце предложения, так и рядом с субъектом. В языках **хауса** (чадская семья, АА) и **къхун** (севернокойсанская семья, К) такие показатели дублируются связанными маркерами.

Как уже упоминалось, языки Суданского пояса и зоны банту развили специальную фокализованную серию личных местоимений, которая в большинстве языков противостоит обычной местоименной парадигме и формируется с помощью прибавления к местоимению различных связанных маркеров фокуса.

В некоторых языках Суданского пояса отмечена фокализация предиката путём его копирования в иной позиции в клаузе, ср. в **нупе** (бенуэ-конголезская семья, НК):

musa è gí bise gi
Муса PRES есть курица есть

‘Муса и в самом деле ест курицу’ [Kandybowicz 2008: 47].

Одной из дискурсивных особенностей, чрезвычайно характерных для языков Тропической Африки, является высокая роль идеофонов. Идеофоны упоминаются уже в словарях середины XIX в., однако первые систематические записи начали производиться лишь в начале XX в., и по сей день эта область языка остаётся очень слабо исследованной. В ряде языков они составляют один из важных классов слов, состоящий из десятков лексем, причём их лексический состав вполне стабилен: например, звуки при молотье зерна или шум воды в ручье передаётся с помощью конкретных идеофонов, которые не могут быть произвольно заменены конкретным носителем [Blench 2009]. Обычно считается, что идеофоны являются маркированным лексическим слоем по сравнению с остальной лексикой языка – и это действительно верно по отношению ко многим языкам зоны банту и Центральной Африки. Например, в банту идеофоны обычно содержат нетипичные тональные рисунки. Один из самых необычных в мире звуков, лабиальный одноударный, употребляется в языках Суданского пояса чаще в идеофонах, нежели в обычной лексике. Однако в Тропической Африке известны языки, где никакой особой маркированностью идеофоны не обладают.

Идеофоны нередко недооценивают при описании грамматик языка, однако несомненно, что они предоставляют обширный материал для изучения фонологии, так как, с одной стороны, они представляют собой особый класс, не подчиняющийся многим фонологическим законам языка, а с другой – интегрированы как в фонологию, так и в морфосинтаксис, заставляя задумываться о том, где начинается и кончается грамматика.

Глава 14. Системы письма

Сегодня, спустя три тысячелетия после того, как на африканском континенте, в долине Нила, было изобретено письмо, лишь 150–200 из двух тысяч языков Африки пользуются письменностью. Этот парадокс имеет свои объяснения, однако остаётся удивительным факт того, что бесписьменная Африка дала миру ряд самых интересных и глубоко разработанных систем письма, включая и первый в мире алфавит – далёкий предок десятков алфавитных и слоговых письменностей всей Евразии от Британии до Таиланда и Индонезии.

14.1. Древнеегипетское письмо

Древнейшие пиктографические памятники в долине Нила и других районах Северной Африки датируются VII–VI тысячелетиями до н. э., однако о зарождающейся письменности можно судить лишь по древнеегипетским памятникам второй половины IV тысячелетия до н. э. Древнейшими образцами египетской иероглифической письменности, вероятнее всего, являются открытые в 1998 г. немецким археологом Г. Дрейером глиняные печати из могил правителей в Абидосе – древнейшем религиозном центре Египта. Эти памятники датированы 3400–3200 гг. до н. э., а уже на рубеже III и IV тысячелетий египетская письменность существовала в виде системы, остававшейся затем практически неизменной в течение трёх тысяч лет.

Египетские письменные документы в основном представляют собой монументальные надписи на каменных стенах дворцов, гробниц, саркофагов и других сооружений, а также документы на обработанных папирусных свитках, куда знаки наносились при помощи кисточки и чернил. И то и другое хорошо сохраняется в засушливом климате долины Нила, так что до наших дней дошли десятки тысяч надписей и целых текстов на **древнеегипетском** языке.

По своей структуре древнеегипетское письмо относится к логоконсонантному типу. Это означает, что среди его знаков есть как

Моноконсонантные («алфавит»)

							
ʔ	i	y	ʕ	w	b	p	f
[ʔ]	[i]	[y]	[ʕ]	[w]	[b]	[p]	[f]
							
m	n	r	h	ḥ	ḫ	ḥ	s
[m]	[n]	[r]	[h]	[ḥ]	[x]	[ç]	[s]
							
š	k	k	g	t	ṭ	d	ḍ
[š]	[q]	[k]	[g]	[t]	[tʷ], [c]	[d]	[dʷ], [j]

Биконсонантные

											
ir	wp	wr	mn	mr	ms	nb	rw	sw	kz	sʕ	dd

Триконсонантные

							
'nh	wʕh	nfr	ntr	rwḍ	ḥtp	ḥpr	šm'

Идеограммы

				
человек	женщина	бог, фараон	сила, усилие	есть, пить
				
дом	город, деревня	чужая страна	солнце, день	идти, бежать
				
книга, письмо	маленький, плохой	лес, дерево	детер- минатив	множествен- ное число

логограммы, выражающие целые понятия, так и консонантные фонетические знаки (читаются как согласные звуки). Логограммы являются наиболее многочисленной группой символов в системе (всего известно не менее 4000 древнеегипетских иероглифов) и прямыми наследниками древних пиктограмм – рисуночных знаков, с которых начались все древнейшие письменности. При помощи логограмм писцы пытались максимально точно отобразить понятия, о которых идёт речь, поэтому древнейшие из них легко читаемы – таковы знаки «рыба», «солнце», «глаз» или «змея». Каждая логограмма имела своё чтение, соответствующее данному слову.

Так как количество понятий, используемых в письменных документах, слишком велико, чтобы охватить его логограммами, при письме стали использовать комбинации логограмм, придавая им короткое фонетическое чтение: например, первый согласный звук слова. Так появляются фонограммы, с помощью которых можно было выразить на письме любое абстрактное понятие, имя собственное или же слово, логограмму которого писец не мог вспомнить.

Фонограммы в египетском письме могли быть исключительно консонантными, гласные на письме не отображались – лишь в отдельных случаях при транскрипции иноязычных имён в этих целях могли быть использованы сонанты. Именно поэтому точного чтения большинства древнеегипетских слов мы не знаем. Большинство фонограмм делится на трёхсогласные (например, *nfr*), двухсогласные (например, *pr*) и односогласные, фактически являвшиеся алфавитными символами. Существовали и редкие четырёхсогласные фонограммы.

Для пояснения смысла слов, записанных при помощи фонограмм, использовались детерминативы или смысловые определители – нечитаемые логограммы, уточняющие смысл предшествующего им слова. Например, названия животных сопровождалась детерминативом «животное», после имён или названий профессий ставился детерминатив «мужчина» и т. д. Всего известно не менее 50 детерминативов.

Более сложными знаками были нечасто встречаемые в надписях монограммы – графические соединения нескольких знаков в один – и звуковые дополнения, служившие для уточнения звучания слов.

Направление древнеегипетского письма сильно варьирует: встречаются горизонтальные надписи, идущие как справа налево, так и слева направо, иногда в целях симметрии надпись расходилась от центра страницы в обе стороны одновременно. Понять направление строки можно было при помощи знаков с изображениями людей и животных,

которые всегда смотрят «лицом» к началу строки. Встречается бустрофедон (направление письма менялось с каждой строкой), нередки и вертикальные надписи, идущие сверху вниз или наоборот.

Один из вопросов, всегда удивлявший учёных и являющийся по сей день предметом дискуссий, заключается в том, почему, обладая возможностью записывать все слова с помощью 24 алфавитных знаков, древние египтяне не делали этого, тысячелетиями продолжая пользоваться громоздкой системой из сотен и тысяч иероглифов. Вероятно, одним из факторов стала роль традиции. Искусство письма в Древнем Египте контролировалось консервативным жреческим сословием, которое крайне болезненно относилось к любым инновациям. Письмо считалось божественным, священным явлением: его египетское название *mdw ntr* 'слова бога' сохранилось в названии иероглифов (греч. *hieroglyphoi* 'священные знаки'). Сакральное значение письма, его использование для монументальных надписей и религиозных текстов делало его догмой, не подлежащей изменению. Жрецы активно оберегали письмо от широкой общественности, используя криптографию и изобретая новые тайные знаки, что ещё более запутывало непосвящённого читателя. В результате причиной забвения древней иероглифики стало, как ни странно, стремление сберечь её в первоизданном виде. За 3500 лет существования иероглифов древнеегипетский язык сильно изменился, но новшества в старые, канонические нормы письменности не вносились. К началу новой эры мало кто мог прочесть иероглифическую надпись, язык которой давно не соответствовал разговорной речи. Последняя из известных нам надписей египетскими иероглифами датируется 394 г.

Между тем уже в эпоху первых династий Древнего Египта жрецы разработали скорописный вариант иероглифики, который в литературе принято называть иератической письменностью. С её помощью изготавливались документы для личной переписки, большие по объёму произведения на различных носителях – папирусе, коже, керамике, ткани, дереве. Иератическая письменность существенно упростила и ускорила процесс письма: количество знаков сократилось до примерно 600, появилось множество простых в написании лигатур, а вместо кисточки стала использоваться расщеплённая на конце тростинка, более лёгкая в употреблении. Материалом для письма служили чёрные чернила, начало строки отмечали красной краской – эта традиция дожила до наших дней в виде выражения «красная строка». Направление иератического письма – обычно справа налево и сверху вниз.

Однако для чтения, в отличие от иероглифики, иератическое письмо чрезвычайно сложно. Написание знаков было слитным, они могли видоизменяться до неузнаваемости, так что к I тысячелетию до н. э. иератика стала совершенно неразборчивой. Ей на смену в VIII–VII вв. до н. э. пришло демотическое письмо – ещё одна скорописная производная иероглифов. Демотика (греч. ‘народная’) действительно быстро стала массовой письменностью Древнего Египта и оставалась ей вплоть до римской эпохи: при последней древнеегипетской династии Птолемеев (IV–I вв. до н. э.) общественно значимые указы фараонов писали иероглификой, демотикой и греческим письмом. Демотическое письмо пользовались как в частной переписке, так и при написании больших литературных произведений и переписывании древних книг. Демотика использует направление справа налево и по сравнению с иератикой содержит ещё больше лигатур и сокращённых написаний знаков, так что иногда один символ мог соответствовать 5–6 иероглифам и группам иероглифов. В демотике появилась тенденция к отображению гласных звуков, так что, вероятно, при самостоятельном развитии она могла бы со временем превратиться в классический алфавит. Однако в V в. н. э. она исчезает из употребления, вытесненная греческим письмом. Ряд демотических знаков продолжил существование в составе коптского алфавита (см. ниже).

Дешифровкой древнеегипетского письма, забытого после прихода в Египет христианства и ислама, арабские учёные озаботились уже в X–XI вв., а их европейские коллеги – в XVI в. Однако над исследованиями длительное время довлело представление античных авторов о египетских иероглифах как символических знаках, отражавших не слова, а целые философско-религиозные понятия, доступные только жрецам. Хотя ещё Плутарх упоминал о том, что у египтян имеется алфавит из 25 знаков, разгадать его загадку удалось лишь в начале XIX в. благодаря цепочке открытий, сделанных учёными из разных стран Европы.

В 1799 г. датский учёный Й. Соэга предположил, что комбинации иероглифов, заключённые в овальный картуш, представляют собой имена фараонов. В том же году офицером французского экспедиционного корпуса в Египте был найден знаменитый ныне Розеттский камень, содержащий декрет 197 г. до н. э., выполненный параллельно иероглифами, демотикой и греческим алфавитом. Эта трилингва значительно ускорила процесс дешифровки, значительные шаги в которой были сделаны шведом Й. Д. Окербладом, французом С. де Саси

и англичанином Т. Юнгом. Последний установил наличие в египетской письменности фонетических знаков и верно определил значение нескольких иероглифов и звучание ряда имён фараонов. Наконец, в 1822 г. французский египтолог Жан-Франсуа Шампольон опубликовал работу, где установил чтение практически всех фонограмм древнеегипетской письменности, а впоследствии составил первую грамматику и словарь древнеегипетского языка, заложив основы современной египтологии в языкознании. Его открытие дорабатывалось и уточнялось в течение практически всего XIX в.

14.2. Протосинайское алфавитное письмо

Древнеегипетское письмо – в отличие от его ровесника, переднеазиатской клинописи – использовалось исключительно египтянами и для нужд их собственного языка. Тем не менее оно дало импульс к появлению протосинайского письма – самобытного вида письменности, представляющего собой первый в мире образец алфавита.

Первые надписи этим письмом были обнаружены в начале XX в. на Синайском полуострове Египта, где четыре тысячи лет назад существовали древнеегипетские бирюзовые рудники, посёлок палестинских рабочих, имевших преимущественно семитское происхождение, и храм богини Хатхор. В 1999 г. надписи схожим письмом были обнаружены также в средней части долины Нила в Египте, более поздние памятники известны в Южной Палестине. Все найденные памятники датируются эпохой раннего Нового Царства в Египте (XVIII–XV вв. до н. э.).

Количество знаков протосинайского письма составляет, по разным подсчётам, от 22 до 30, что и позволяет предположить его алфавитный характер. На письме, вероятно, отображались только согласные: этот принцип, известный в науке как *абджад*, впоследствии лёг в основу большинства ближневосточных алфавитов, включая финикийский, арабский и древнееврейский. Большинство знаков явственно напоминает древнеегипетские логограммы, однако, согласно наиболее распространённой версии дешифровки, их звучание не идентично: носители языка протосинайских надписей использовали для алфавита первые звуки семитских переводов египетских логограмм. Таким образом, египетский иероглиф *pr* ‘дом’ был переведён семитским словом *bayt* и получил чтение *b*. Встречаются среди символов и египетские детерминативы, которые в протосинайских надписях могли также не иметь фонетического чтения. Направление письма сильно

варьируется: встречаются варианты сверху вниз, справа налево, слева направо и бустрофедон.

Таблица 14.1. Соответствия между древнеегипетской и протосинайской письменностями

др.-егип.	п.-синай.	звучание (п.-син.)	финикийский	др.-евр.	арамей.	греч. / лат.
		/r/				Α Α
		/b/				Β Β
		/h/				Ε Ε
		/k/				Κ Κ
		/m/				Μ Μ
		/n/				Ν Ν
		/s/				Ο Ο
		/r/				Ρ Ρ
		/s/				Σ Σ S
		/t/				Τ Τ

Всего известно чуть более 30 надписей, сделанных протосинайским письмом. На сегодняшний день не существует убедительного прочтения знаков, однако его связь с переднеазиатскими слоговыми и алфавитными системами (библосским силлабарием, протоханаанским письмом, а затем и финикийским письмом) неоспорима. В Палестине обнаружены памятники, позволяющие проследить историю развития алфавита от протосинайского периода до финикийского. В этой связи представляется оправданной гипотеза, рассматривающая протосинайскую письменность как переходный этап между древнеегипетской иероглификой и финикийским алфавитом – предком практически всех алфавитов Европы, Кавказа, Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии.

14.3. Мероитский и коптский алфавиты

Под влиянием древнеегипетского письма на территории Африки были созданы также мероитский и коптский алфавиты.

скоропись	иероглифы	варианты транскрипции
Ϣ		а
ϣ		е э
Ⲁ		о u
ϥ		i
ⲀⲀ		y(a)
Ⲁⲁ		w(a)
ⲀⲂ		b(a)
Ⲁⲃ		p(a)
ⲀⲄ		m(a)
Ⲁⲅ		n(a) n(e)
ⲀⲆ		ne n
Ⲁⲇ		r(a) ?

скоропись	иероглифы	варианты транскрипции
ⲀⲈ		l(a)
Ⲁⲉ		ch(a)
ⲀⲊ		kh(a)
Ⲁⲋ		se s
ⲀⲌ		s(a) s(e)
Ⲁⲍ		k(a)
ⲀⲎ		q(a)
Ⲁⲏ		t(a) t(e)
ⲀⲐ		te t
Ⲁⲑ		to tu
ⲀⲒ		d(a) r(a)

Мероитское письмо, названное по имени государства Мероэ в среднем течении Нила (современный Судан), существовало примерно со II до V в. н. э. Оно использовало египетские логограммы для обозначения звуков вымершего мероитского языка, чья генетическая принадлежность пока не определена (см. главу 8). Письмо существовало в двух видах – каноническом иероглифическом, использовавшемся в монументальных надписях, и скорописном, восходящем к демогическому письму. Направление письма, по египетской традиции, шло справа налево. Внешний вид знаков также практически не отличался от исходных египетских образцов, однако были и нововведения – например, слова в надписях разделяются двоеточиями. Общее количество знаков не превышало 23, из них 14 обозначали согласные, 4 – гласные,

грече-ский	коптский	чтение
А	Ⲁ	a
В	Ⲃ	b
Г	Ⲅ	g
Д	Ⲇ	d
Е	Ⲉ	ě
З	Ⲋ	z
Н	Ⲍ	ē
Θ	Ⲏ	th
Ι	Ⲑ	i, j
Κ	Ⲓ	k
Λ	Ⲕ	l
Μ	Ⲗ	m
Ν	Ⲙ	n
Ξ	Ⲛ	ks
Ο	Ⲝ	ō
Π	Ⲟ	p
Ρ	Ⲡ	r

грече-ский	коптский	чтение
Σ	Ⲣ	s
Τ	Ⲥ	t
Υ	Ⲧ	u, w, y
Φ	Ⲩ	ph
Χ	Ⲫ	kh
Ψ	Ⲭ	ps
Ω	Ⲯ	ō

египетское письмо	коптский	чтение
	Ⲥ	š
	Ⲧ	f
	ⲧ	ḥ, ḥ̄
	Ⲩ	ḥ, ḥ̄
	ⲩ	h
	Ⲫ	č
	ⲫ	c, kj
	Ⲭ	ti

Происхождение знаков коптского алфавита

остальные были слоговыми. При этом знаки для согласных по умолчанию содержали последующий звук [а], который, таким образом, на письме обозначался особым знаком только в начале слова. Этот принцип алфавитно-слоговой письменности, известный как абугида, впоследствии стал использоваться в письменностях Эфиопии, воспринявшей многие культурные традиции государства Мероэ.

Мероитская письменность была расшифрована в 1911 г. британским египтологом Ф. Гриффитом, однако перевод мероитских надписей остаётся по сей день неизвестным.

Коптский алфавит был создан во II в. н. э. в Египте на основе греческого алфавита, ставшего к тому времени основным средством письма в государстве Птолемеев. **Коптский** язык стал последней стадией развития **древнеегипетского** языка и использовался в разговорной речи большинства египтян того времени. Для них иероглифика была громоздкой, а демотика сложной в чтении, для них иероглифические тексты были транслитерированы с помощью греческого алфавита. Последний, однако, не имеет букв для обозначения целого ряда специфических звуков коптского языка, так что, помимо 24 букв греческого алфавита, коптское письмо адаптировало 7 демотических фонограмм. Впоследствии как минимум одна из них – буква Ш, восходящая к древнеегипетскому иероглифу со значением «заливное поле», – проникла и в нашу кириллицу.

Коптский алфавит имеет уникальное значение для изучения древнеегипетского языка и письменности: в отличие от остальных видов египетской письменности, он последовательно обозначает все гласные, что проливает свет на произношение множества слов и грамматических формантов в древнеегипетском. Несколько разновидностей коптского алфавита, соответствующих диалектам коптского языка, продолжают использоваться по сей день.

После арабского завоевания сфера употребления коптского языка и алфавита резко сократилась. Однако религиозные тексты коптской монофизитской церкви вплоть до сегодняшнего дня переписываются коптским письмом, а язык используется в литургии в христианских храмах Египта.

14.4. Нумидийское письмо и алфавит тифинаг

К X в. до н. э. относятся первые следы распространения в Северной Африке финикийского алфавита, пришедшего на средиземноморское побережье континента вместе с финикийскими торговцами

и колонистами. Основание финикийцами Карфагена, Сабраты, Тингиса и других прибрежных городов-государств в Северной Африке повлекло за собой многовековые активные контакты с местными народами, говорившими на языках берберской семьи. Совместное проживание в городах привело к восприятию автохтонными народами финикийского алфавита, который не позднее III в. до н. э. был адаптирован для нужд местных языков. Так появилось нумидийское (или древнеливийское) письмо, существовавшее в Северной Африке в течение 5–6 веков.

Качество известных на сегодня документов на нумидийском письме не даёт возможности детально его проанализировать. Большинство из них – около тысячи одноязычных коротких эпитафий на могильных камнях, содержащих весьма типовые формулировки. Существовало два варианта письма – лучше всего изучен восточный на территории нынешнего Туниса, на котором найдено несколько билингвальных надписей строительного содержания. Западная разновидность была распространена вплоть до атлантического побережья Северной Африки и Канарских островов, однако о ней известно немного. На территории современной Ливии найдено несколько надписей особой разновидности того же письма.

Алфавит состоял из 24 букв, из которых для 22 звучание установлено точно. Как и его финикийский источник, нумидийский алфавит имеет консонантный характер. Характерной особенностью его

o	⊖	⊘	⊕	⊙	○	Ⓚ	⊙
a	b	e	h	u	r	ř	s
⊘	Ⓒ	Ⓐ	Ⓔ	∧	E	Ⓗ	∧
ş	c	z	ẓ	d	ḍ	f	ḥ
Ⓒ	X	Ⓔ	Ⓕ	I	И	Ⓒ	Ч
ε	x	q	i	j	l	m	y
†	Ⓔ	Ⓒ	Ⓕ	X	X [Ⓒ]	Ⓔ	Ⓔ [Ⓒ]
t	ṭ	w	y	g	g ^w	k	k ^w

является направление – вертикально, снизу вверх, причём известны надписи, идущие как справа налево, так и наоборот.

В результате римского завоевания Северной Африки нумидийское письмо вышло из употребления. Однако полностью забыто оно не было: традиция сохранялась на протяжении многих поколений и возродилась в письме тифинаг, используемом сегодня носителями туарегских языков в нескольких странах Северной и Западной Африки.

Консонантный алфавит тифинаг (название означает «финикийские буквы») был кодифицирован только в начале XX в., до этого знаки использовались для кратких наскальных надписей, а также в играх и шарадах в сообществах туарегов Сахары. По этой причине систематизация тифинаг была сильно затруднена: большинство символов имело по несколько вариантов в различных районах проживания туарегов. Не унифицировано было и направление письма. Общее количество символов достигало 35, в т. ч. около десятка диграфов, занимавших позицию на конце слова и включавших формант женского рода *-t*.

Отсутствие письменной культуры на туарегских языках и негативное отношение правительств африканских государств к тифинаг как одному из символов идентичности и сепаратизма берберских народов не способствовали унификации письма вплоть до недавнего времени. В начале XXI в. сначала в Марокко, затем в Алжире, Ливии и Мали тифинаг легализуется для использования, в т. ч. в школах, где изучаются берберские языки, на вывесках и указателях. Разработан шрифт нео-тифинаг, имеющий все признаки алфавита с использованием гласных. Его направление – слева направо, в составе алфавита – 33 буквы.

Образец текста письмом тифинаг (язык **тамазигт**)

ⵍⵏⵏⵉⵏ ⵎⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ
 ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ
 ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ
 ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ ⵉⵎⵎⵓⵏ

Транслитерация

*Imdanen, akken ma llan ttlalen d ilellyen msawan di lḥwerma d
 yizerfan-ghur sen tamsakwit d lâquel u yessefk ad-tili tegmatt gar asen.*

Перевод

Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.

14.5. Эфиопское слоговое письмо

На востоке Африки, в Эфиопии и Эритрее, ряд семитских и кушитских языков используют варианты эфиопского письма, одной из самых древних письменных традиций в Африке. Эфиопское письмо является развитием южноаравийских консонантных алфавитов, пришедших в Африку вместе с семитскими колонистами в начале I тысячелетия до н. э. К VII–VI вв. до н. э. относятся первые наскальные надписи и граффити с использованием южноаравийских символов. С созданием государства Аксум его официальный язык геэз стал использовать модифицированный алфавит, который с IV в. н. э. обретает слоговой характер (абугида). Вокализация слогов обозначалась в виде слитных диакритик на консонантных буквах, появляются особые символы для обозначения начальных гласных слова. Трансформация эфиопского письма протекала под явственным влиянием греческого алфавита, а также, возможно, древнеиндийского слогового письма брахми, известного торговцам из Аксума. Стандартизованная абугида на языке геэз включает более 200 буквенных символов, направление письма – слева направо.

	ä	u	i	a	e	ə	o		ä	u	i	a	e	ə	o
h	ሀ	ሁ	ሂ	ሃ	ሄ	ህ	ሆ	x	ኸ	ኹ	ኺ	ኻ	ኼ	ኽ	ኾ
l	ለ	ሉ	ሊ	ላ	ሌ	ሎ	ሎ	w	ወ	ዐ	ዑ	ዒ	ዓ	ዔ	ዕ
h'	ሐ	ሑ	ሒ	ሓ	ሔ	ሕ	ሖ	f	ቀ	ቁ	ቂ	ቃ	ቄ	ቅ	ቆ
m	መ	ሙ	ሚ	ማ	ሜ	ሞ	ሞ	z	ሀ	ሁ	ሂ	ሃ	ሄ	ህ	ሆ
ʃ	ሠ	ሡ	ሢ	ሣ	ሤ	ሥ	ሦ	z	ሸ	ሹ	ሺ	ሻ	ሼ	ሽ	ሾ
r	ረ	ሩ	ሪ	ራ	ሪ	ሪ	ሪ	j	የ	ዩ	ዮ	ያ	ዮ	ዮ	ዮ
s	ሰ	ሱ	ሲ	ሳ	ሴ	ስ	ሶ	d	ደ	ዱ	ዲ	ዳ	ዴ	ድ	ዶ
ʃ	ሸ	ሹ	ሺ	ሻ	ሼ	ሽ	ሾ	ḏ	ጰ	ጱ	ጲ	ጳ	ጴ	ጵ	ጶ
q'	ቀ	ቁ	ቂ	ቃ	ቄ	ቅ	ቆ	g	ገ	ገ	ገ	ገ	ገ	ገ	ገ
b	በ	ቡ	ቢ	ባ	ቤ	ብ	ቦ	t'	ጠ	ጡ	ጢ	ጣ	ጤ	ጥ	ጦ
t	ተ	ቱ	ቲ	ታ	ቲ	ቲ	ቲ	ʃ'	ጨ	ጨ	ጨ	ጨ	ጨ	ጨ	ጨ
ʃ'	ቸ	ቹ	ቺ	ቻ	ቼ	ች	ቾ	p'	አ	አ	አ	አ	አ	አ	አ
χ	ኀ	ኁ	ኂ	ኃ	ኄ	ኅ	ኆ	ts'	ጸ	ጸ	ጸ	ጸ	ጸ	ጸ	ጸ
n	ነ	ኑ	ኒ	ና	ኔ	ኑ	ና	λ'	ፀ	ፀ	ፀ	ፀ	ፀ	ፀ	ፀ
ɲ	ኘ	ኙ	ኚ	ኛ	ኜ	ኝ	ኞ	φ	ፈ	ፈ	ፈ	ፈ	ፈ	ፈ	ፈ
ʔ	አ	አ	አ	አ	አ	አ	አ	p	ፐ	ፐ	ፐ	ፐ	ፐ	ፐ	ፐ
k	ከ	ከ	ከ	ከ	ከ	ከ	ከ								

В VI в. изготовлена старейшая из известных нам книг на языке геэз – Евангелие Аббы Гаримы. К тому времени единства эфиосемитских языков уже не было, и разговорная речь в большинстве районов Эфиопии отличалась от геэз, который становится официальным языком эфиопской христианской церкви. Уже в Средневековье начинается перевод книг с геэза на **амхарский**, появляются первые письменные памятники на других эфиосемитских языках. Для обозначения характерных звуков этих языков вводятся новые символы – в результате, например, современное амхарское письмо использует ок. 300 знаков.

На сегодняшний день различные варианты эфиопского письма используют в Эфиопии и Эритрее носители амхарского языка, языков **тигре**, **тигринья**, **гураге**, **ме'ен**, **билин** и др. В последние десятилетия многие языки региона, в т. ч. крупнейший язык Эфиопии **оромо**, переведены с эфиопского письма на латинский алфавит. Эфиопское письмо остаётся единственным исконно африканским письмом, официально используемым на государственном уровне.

14.6. Письменности Западной Африки

В течение XIX–XX вв. Западная Африка стала местом рождения около двух десятков самобытных письменностей, созданных для местных языков, ранее письменности не имевших. Причиной такого бурного роста интереса к письму было влияние латинского алфавита, который к середине XIX в. был уже знаком многим африканцам. В этот период проводятся многочисленные исследования африканских языков, в ходе которых европейские учёные и миссионеры записывали речь своих информантов латинским шрифтом. С его же помощью были созданы первые образцы печатных текстов, прежде всего религиозного содержания, на отдельных языках Западной Африки.

Многие африканцы негативно воспринимали попытки европейцев внедрить латинский алфавит в быт местных жителей и обучение детей. Письмо неизбежно становилось одним из наиболее эффективных инструментов влияния европейцев на население Африки, и многие верили, что мощь европейцев не в последнюю очередь объясняется их способностью писать и читать. В противовес алфавитам колониальных держав наиболее грамотные из представителей африканской элиты (вожди, служители культа, африканцы с европейским и американским образованием) стремились создать подлинно африканскую, уникальную систему письменности для языка своих соплеменников.

Некоторые из них оставались уделом изобретателя и его близких, другие же получали довольно широкое распространение.

Разработка автохтонного письма отвечала трём целям. Во-первых, ставился заслон на пути распространения европейской письменности, которую многие в Африке считали инструментом не только могущества, но и колдовства. Во-вторых, самобытное письмо могло выполнять роль тайнописи, понятной только определённому народу. И наконец, с её помощью могло быть устранено несоответствие латинского алфавита языкам Западной Африки. В частности, европейские алфавиты не отражают сложного вокализма местных языков (долготы, открытости, назализованности и других признаков гласных), некоторых видов согласных (преназализованных, импловивных), сложной системы тонов. При общей слабости систем транскрипции, которыми пользовались европейские исследователи XIX в. для записи языков Африки, всё это создавало явные неудобства.

Следует отметить, что хотя мы говорим об «изобретении» письменностей, его нельзя сравнивать с открытием письма в Древнем Китае, Древнем Египте или Двуречье. В отличие от изобретателей первых систем письма на Земле, создатели западноафриканских алфавитов уже знали принцип письма и были хорошо знакомы как минимум с европейскими, а нередко и с арабским алфавитом, возможно, и другими системами. Все они оказали значительное влияние на результаты их работы.

Древнейшей и наиболее загадочной западноафриканской письменностью является идеографическая письменность *нсибиди* в районах нынешней Юго-Восточной Нигерии. Рисуночная письменность существовала в этом регионе как минимум несколько столетий, так как знаки нсибиди обнаруживаются на керамике, датируемой концом I – началом II тысячелетия. Согласно легенде, народ эджagam получил письмо в дар от тотемных животных – бабуинов. К началу XX в., когда нсибиди было обнаружено европейскими исследователями, письмо было распространено не только среди эджagam, но и среди других народов нижнего течения Нигера, говорящих на языках бенуэ-конголезской семьи (НК): **игбо**, **эфик**, **экои** и их соседей. Использование письма жёстко регламентировалось тайным обществом Экпе (часто называемым «Обществом Леопарда»), контролировавшим торговлю и межплеменные отношения в регионе. Только члены общества могли знать все знаки нсибиди, в то время как остальным жителям, в т. ч. и женщинам, были доступны лишь некоторые из них (например,

символы, выражавшие различные понятия любви и семейной жизни). Из-за этого изучение нсибиди европейцами было крайне затруднено. Знаки нсибиди могли размещаться на стенах домов, холодном оружии, инструментах, керамике, деревянных статуэтках и масках, ткани, коже человека. Ни одного текста, написанного на нсибиди, не найдено – и, хотя это может быть следствием тайного характера письменности, можно сделать вывод, что нсибиди носило символический характер и не служило инструментом записи языка. К середине XX в. сфера использования нсибиди заметно сузилась, сегодня старейшины деревень юго-востока Нигерии помнят лишь несколько знаков.

Количество знаков нсибиди точно не определено, но, как и у других идеографических систем письма, оно могло достигать нескольких тысяч. Известно около 500 знаков, обозначающих как конкретные понятия («калебас», «женщина», «луна», «зонт»), так и ситуации («разговор двух мужчин»). Возможно, с помощью письма можно было записать личные имена. Направление письма не определено. В XX в. образцы нсибиди отражали явное влияние латинского алфавита. Следы нсибиди обнаруживаются в священных символах народов Карибского бассейна, унаследовавших их от рабов, вывезенных с территории Нигерии в XVII–XIX вв.

В начале XIX в. в Либерии была создана письменность для языка **ваи** (семья манде, НК). Местный житель Момолу Букеле изобрёл её после того, как во сне ему явился некий белый человек или дух. Это произошло около 1830 г. Вскоре Букеле открыл первую сельскую школу для обучения своей письменности, за ней последовали школы в соседних деревнях. К концу XIX в. многие грамотные ваи, особенно обладавшие высоким социальным статусом, владели этой письменностью. В 1962 г. Университет Либерии стандартизировал письменность, добавив ряд знаков, в начале XXI в. были разработаны компьютерные шрифты ваи и таблицы кодирования ваи в системе шрифта Unicode. Письменностью ваи записан ряд литературных произведений, в т. ч. Новый Завет. Однако к настоящему времени лишь представители старшего поколения ещё пользуются письменностью в личной корреспонденции.

Письменность ваи является слоговой и содержит 203 знака форматов V и CV, которые записываются слева направо. Ранее количество знаков было больше – в изначальной системе содержались особые знаки для слогов типа CVN, а также ряд логограмм, выражающих целые понятия (в т. ч. «мужчина», «ребёнок», «нога», «внутри»),

«входить», «слышать» и др.). Вероятно, что и логограммы, и другие знаки силлабария происходят из рисуночных знаков, обозначавших те или иные явления. Тоны в письме не отмечаются.

Ряд исследователей отмечают, что одним из источников вдохновения Букеле мог стать силлабарий североамериканских индейцев чероки, созданный в 1819 г. Некоторые чероки обосновались в Африке после создания независимой Либерии, и одна из первых надписей письмом ваи появилась на доме одного из них. Если не очертания знаков, то сама идея слогового письма вполне могла, таким образом, быть заимствована из Америки.

В Сьерра-Леоне в конце XIX в. появляется специфическая письменность народа **менде** (семья манде, НК), первым создателем которой считается Мухаммед Туре, учитель коранической школы в г. Мака. Туре, хорошо знакомый с арабским письмом, а также, вероятно, с письменностью ваи, создал консонантный алфавит, в котором огласовка обозначалась диакритиками. Однако более сильный импульс письмо менде получило в результате деятельности ученика Туре, Кисими Камара, который к 1921 г. добавил к созданным Туре 42 знакам ещё около 150, создав таким образом силлабарий, известный как *кикакуи*. Благодаря своему изобретению Камара смог открыть собственную школу для обучения письму и впоследствии стал одним из наиболее влиятельных вождей в своей провинции. После Второй мировой войны британские колониальные власти создали в Сьерра-Леоне специальную администрацию по обучению менде чтению и письму с использованием латинского алфавита, что нанесло удар по распространению кикакуи. Письменность начала выходить из употребления, к началу XXI в. ею владели не более 500 чел. в Сьерра-Леоне.

В письме менде насчитывается около 200 слоговых знаков (для сочетаний 25 согласных с 7 гласными и 2–3 дифтонгами, а также начальных гласных), многие из которых имеют различные варианты написания – причина этих разночтений не исследована. Интересно, что знаки для сочетаний согласных с гласными *a*, *i* и *u*, изобретённые Туре, между собой сходны, но те же согласные в сочетании с другими гласными, добавленные Камара, обозначаются абсолютно несхожими символами. Для записи чисел существует особая система. Тоны на письме не отображаются. Отдельные символы служат для обозначения носовых слогов. Направление письма – справа налево. Характер написания символов может свидетельствовать об идеографическом происхождении некоторых из них. Ряд учёных придерживаются мнения, что

кикакуи вобрало в себя идеограммы, использовавшиеся издавна в религиозных ритуалах народа менде.

Вероятно, под воздействием письменностей ваи и менде в 1930-е гг. была предпринята попытка создания письма для языка **кпелле**, близкородственного менде, в Северной Либерии. Вождь одного из племён кпелле по имени Гбили тяжело заболел и в течение семи лет был вынужден вести праздный образ жизни, что позволило ему изобрести 88 слоговых знаков для сочетания 17 согласных и 7 гласных звуков. Как и многие другие изобретатели, Гбили утверждал, что письменность передал ему ангел во сне (практически все древние народы также считали письмо даром богов). По сравнению с кикакуи, изобретение Гбили имело то важное преимущество, что на письме не учитывались начальные чередования согласных, распространённых в юго-западных языках манде. Следовательно, количество символов было вдвое меньше, и письмо легче усваивалось. Кроме того, письменность кпелле имела направление слева направо. Под влиянием Гбили некоторые кпелле научились использовать её, однако она так и не получила распространения и не была отражена в литературе. В конце 1940-х гг. Гбили лично демонстрировал своё изобретение американскому лингвисту У. Уэлмерсу, однако после смерти вождя его подданные довольно быстро перешли на латиницу.

В тот же период соседний с кпелле народ **лоома** в Либерии также получил собственное слоговое письмо. Его появление создатель письма Уидо Зогбо объявил результатом ночного разговора с богом. В то время как Зогбо сетовал, что бог не дал лоома собственного письма, хотя соседние народы уже наслаждаются им, его собеседник выражал опасения, что лоома могут возгордиться и перестать чтить древние верования. Тогда Зогбо заверил бога, что этого не произойдёт, и тот передал ему рецепт чернил из сока дикого винограда и символы нового письма. В ответ Зогбо должен был пообещать, что письмо не попадёт в руки к женщинам и что каждый новый ученик будет обязан в свою очередь обучить письму одного желающего. Письмо лоома, из которого нам известно 185 знаков (некоторые из них заимствованы из письма ваи), не получило распространения. Оно имело направление слева направо и не маркировало тонов.

В самом начале XX в. Томас Льюис, выходец из либерийского народа **басса** (семья языков кру, НК), объявил о находке им древнего и забытого африканского письма *вах*, сохранившегося лишь в памяти нескольких басса, чьи предки были вывезены в рабство в Бразилию. Льюис, получивший хорошее образование в США, вскоре вернулся

в Либерию, заказал в Европе печатный станок для открытой, а скорее всего изобретённой им письменности и создал школу, где лично обучал детей письму. В 1907 г. вышла первая книга, написанная Льюисом при помощи письма басса. В 1920-е и 1930-е гг. появилось ещё несколько печатных публикаций. В 1962 г. в Либерии была создана ассоциация, призванная сохранять и продвигать письменность вах, однако на сегодняшний день ею пользуются в быту лишь единицы, хотя многие пожилые басса могут читать вах.

Письмо басса имеет алфавитный принцип и состоит из 23 согласных и 7 гласных знаков. Изначально Льюис использовал бустрофедон, но затем было унифицировано направление слева направо. Тоны обозначаются при помощи пяти диакритик, располагаемых внутри гласных букв. Алфавит басса испытал явное влияние латинского письма, что заметно прежде всего в начертании гласных. Используется также европейская пунктуация.

Из нескольких разновидностей письма, созданных на территории Камеруна в конце XIX – начале XX в., наибольшую известность приобрела письменность народа **бамум** (язык семьи бенуэ-конго, НК). Она примечательна тем, что стала своего рода лабораторным образцом эволюции письма: с 1896 по 1910 г. она прошла весь путь от пиктографии до алфавита, который другие письменности мира проходили тысячелетиями. Местный вождь Ибрахим Нджойя сперва составил список из 600 идеограмм, выражавших отдельные понятия быта бамум и окружающего мира. Вероятно, автор письменности на тот момент не был знаком с алфавитным принципом письма. С течением времени, понимая, что идеографическая письменность создаёт трудности для усвоения, Нджойя заменяет ряд идеограмм логограммами, снижая количество символов до 465. В течение 14 лет письменность бамум претерпела шесть реформ, результатом которых стало создание смешанной алфавитно-силлабической системы письма из 73 знаков. Автор лично руководил процессом подготовки книг с помощью новой письменности, по его инициативе в 1918 г. был изготовлен типографский набор литер для печати. В сёлах бамум открывались школы для обучения детей новому письму, получившему название *акауку*. Однако после перехода этой части Камеруна под юрисдикцию Франции в 1919 г. употребление письменности бамум было запрещено, а обучение свёрнуто. Вскоре вождь Нджойя и сам подвергся опале со стороны колониальных властей, и его изобретение было забыто.

Письменность бамум использовала направление слева направо. В её составе были как гласные буквы, так и слоговые сочетания, при этом

ряд слогов передавался с помощью сочетаний нескольких символов. Были разработаны также цифры от 0 до 9. Тоны и некоторые фонетические чередования передавались с помощью диакритик. Были разработаны и знаки пунктуации, наиболее интересным среди которых является особый знак для заглавной буквы. Несмотря на то что в Камеруне действует ассоциация, призванная возродить письмо акауку, эти планы вряд ли сбудутся.

Наиболее радужные перспективы в современной Западной Африке имеет алфавитно-слоговая письменность *нко*, созданная в 1949 г. гвинейским писателем Сулейманом Канте для языка **манинка** (семья манде, НК). Канте родился в Гвинее в семье потомственного марабута, содержавшего кораническую школу, и получил религиозное образование. В 1944 г. в его руки попала статья из ливанской газеты о том, что африканские языки примитивны, неупорядочены и напоминают щебет птиц, что африканцы не смогли даже создать письменности. Статья оказала огромное влияние на Канте, и он решил подарить своему народу самобытное письмо. Изучение арабской и латинской графики дало ему ключ к пониманию принципа алфавита. 14 апреля 1949 г., согласно официальной версии, случилось чудо: во сне к Сулейману Канте пришла идея письменности *нко*.

Благодаря сравнительно лёгкому начертанию знаков и прекрасной адаптированности к языкам группы манден, *нко* быстро распространилась по странам Западной Африки, некоторые языки которой (**манинка** в Гвинее, **бамбара** в Мали, **дьюла** в Кот-д'Ивуаре, **мандинка** в Гамбии и др.) чрезвычайно близки друг другу. Сулейман Канте создал, помимо алфавита, письменную литературу на языке манинка, а также культурное движение, сложившееся вокруг *нко*, и самоорганизованную систему народного образования. Он написал на *нко* около 200 томов, в т. ч. толковый словарь манинка, перевод Корана, серию книг по истории, астрологии, экономике и другим предметам. Сегодня на *нко* продолжают издаваться книги, газеты, в городах Гвинеи и Кот-д'Ивуара распространены уличные вывески и объявления на *нко*. За последние полвека число пользователей письменности выросло до 30 млн человек, в результате чего сильно повысился уровень грамотности в Мали и Гвинее. Активно действует в странах Западной Африки Ассоциация развития *нко*. Успешное будущее письменности гарантируется и тем, что в последние годы были разработаны специальные компьютерные шрифты, позволяющие использовать её в электронном виде.

Алфавит нко содержит 27 знаков, из них 7 гласных. Существуют отдельные знаки для цифр. Принцип письма является алфавитно-слововым, так как согласный без последующего гласного по умолчанию

Основной силлабарий

ᄀ	ᄁ	ᄂ	ᄃ	ᄄ	ᄅ	ᄆ	ᄇ	ᄈ
da	ca	ja	ta	pa	ba	ɛn	o	o
[d]	[tɕ]	[dʒ]	[t]	[p]	[b]	[n]	[ɔ]	[o]
ᄉ	ᄊ	ᄋ	ᄌ	ᄍ	ᄎ	ᄏ	ᄐ	ᄑ
u	ɛ	i	e	a	ya	wa	h	na
[u]	[ɛ]	[i]	[e]	[a]	[j]	[w]	[h]	[n]
ᄒ	ᄓ	ᄔ	ᄕ	ᄖ	ᄗ	ᄘ	ᄙ	ᄚ
ña	ma	la	ka	fa	gba	sa	ra	ra
[ɲ]	[m]	[l]	[k]	[f]	[g̃b]	[s; ɕ]	[rʰ]	[r]

Дополнительные символы для заимствований

ᄛ	ᄜ	ᄝ	ᄞ	ᄟ	ᄠ	ᄡ	ᄢ
gh	yh	nh	mh	kh	[v]	[kʰ]	[g]
ᄣ	ᄤ	ᄥ	ᄦ	ᄧ	ᄨ	ᄩ	ᄪ
[y]	[ə]	[~l]	[ɾ]	[ʃ]	[z]	[z]	bh

Цифры

ᄫ	ᄬ	ᄭ	ᄮ	ᄮ	ᄮ	ᄮ	ᄮ	ᄮ	ᄮ
9	8	7	6	5	4	3	2	1	0

Супрасегментные символы

ᄰ	ᄱ	ᄲ	ᄳ	ᄴ	ᄵ	ᄶ	ᄷ
назаль- ность	долгий восход. тон	долгий низкий тон	долгий высок. тон	долгий нисход. тон	коротк. восход. тон	коротк. низкий тон	коротк. высок. тон

обозначает слог с «а». Диакритика под гласной буквой означает на-зализацию, тоны маркируются с помощью диакритик над гласными. С помощью диакритик обозначаются и некоторые согласные звуки, заимствованные из иностранных языков, а также придыхательные согласные. Направление письма нко – справа налево. Это, а также очертания ряда знаков подчёркивает существенное влияние, оказанное на нко арабским алфавитом. Арабским по происхождению является и способ соединения букв между собой в рамках слова. Некоторые символы заимствованы из латинского алфавита.

Подробнее о письменностях Западной Африки см. [Dalby 1967; Cissé 2006].

Отдельные попытки создания автохтонных письменностей зафиксированы и в других районах Африки. В начале XX в. в Сомали стал активно распространяться алфавит *османья*, состоящий из 30 знаков и созданный под влиянием арабского письма. В первое время на нём выходила литература. Однако конкуренция с традиционным арабским письмом, использовавшимся в Сомали, а позже с алфавитом языка **сомали** (кушитская семья, АА) на основе латинской графики к 1970-м гг. свела использование османья практически на нет. В 1950-е гг. среди народа загава в Чаде и Судане распространялся особый алфавит, основой которого стали клановые знаки для клеймления верблюдов. «Верблюжий алфавит» из ок. 30 знаков с маркированием тонов при помощи диакритик был доработан в 2000 г. и используется образованными энтузиастами среди загава. В 2003 г. в Малави была представлена силлабическая письменность, изобретённая Ноленсом Мвангвего для языка **чева** (группа банту, НК) под сильным влиянием эфиопского алфавита и по его же принципу.

Эти и другие инициативы, выдвигаемые в т. ч. и в сегодняшней Африке, имеют низкие шансы на развитие. Наряду с такими факторами, как типографская печать и повышение роли английского языка, в начале XXI в. бурный рост компьютеризации ещё больше усилил влияние латинского алфавита, являющегося основой письма для абсолютного большинства современных письменных языков континента. Тем не менее образцы оригинальной африканской письменности представляют собой чрезвычайно интересный исторический материал для изучения языков Африки.

Литература

- Аксёнова, Топорова 1990 – *Аксёнова И. С., Топорова И. Н.* Введение в бантуистику. М.: Наука, 1990.
- Бабаев 2011 – *Бабаев К. В.* Язык зиало. Грамматический очерк и словарь. М.: РГГУ, 2011.
- Бабаев 2011а – *Бабаев К. В.* Язык банди. Очерк для серии «Языки мира». 2011. https://www.academia.edu/30065602/Bandi_language_Язык_банди
- Бабаев 2011б – *Бабаев К. В.* Язык локо. Очерк для серии «Языки мира». 2011. https://www.academia.edu/30065601/Loko_language_Язык_локо
- Бабаев 2012 – *Бабаев К. В.* Реконструкция личных местоимений в языках гур // Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 115–145.
- Бабаев 2013 – *Бабаев К. В.* Нигеро-конголезский праязык. Личные местоимения. М.: ЯСК, 2013.
- Бабаев, Самарина 2018 – *Бабаев К. В., Самарина И. В.* Материалы Российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Язык май. М.: ЯСК, 2018.
- Беликов, Крысин 2001 – *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001.
- Булах, Коган 2013 – *Булах М. С., Коган Л. Е.* Эфиосемитские языки // Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки. М.: Институт языкознания РАН, 2013. С. 13–140.
- Булах, Коган 2013а – *Булах М. С., Коган Л. Е.* Геэз язык // Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки. М.: Институт языкознания РАН, 2013. С. 141–185.
- Виноградов и др. 1984 – *Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я.* Социолингвистическая типология. Западная Африка. М.: Наука, 1984.
- Выдрин 2006 – *Выдрин В. Ф.* К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // Труды Института лингвистических исследований. Т. II. Ч. 2. СПб.: Наука, 2006. С. 9–252.
- Галямина 2001 – *Галямина Ю. Е.* Акцессивно-рецессивная полисемия показателей залога и актантной деривации // *Плунгян В. А.* (ред.).

- Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 178–197.
- Громова 1999 – Громова Н. В. Африканское языкознание в России. 30-е годы. М.: ИСАА, 1999.
- Громова, Охотина 1995 – Громова Н. В., Охотина Н. В. Теоретическая грамматика языка суахили. М.: Наследие, 1995.
- Дробышевский 2014 – Дробышевский С. В. Происхождение человеческих рас. Закономерности расообразования. Африка. М.: URSS, 2014.
- Дьяконов 1965 – Дьяконов И. М. Семито-хамитские языки. Опыт классификации. М.: Наука, 1965.
- Дьяконов 1988 – Дьяконов И. М. Афразийские языки. М.: Наука, 1988.
- Дьяконов 1991 – Дьяконов И. М. Введение // Дьяконов И. М. (отв. ред.). Афразийские языки: Семитские языки. М., 1991. Кн. 1. (Языки Азии и Африки. Сб. 4.) С. 5–69.
- Дьячков 1981 – Дьячков М. В. Язык крио. М.: Наука, 1981.
- Коган 2009 – Коган Л. Е. Семитские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык, северозападносемитские языки. М.: Институт языкознания РАН, 2009. С. 15–112.
- ОАЯ 1997 – Основы африканского языкознания. Именные категории / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1997.
- ОАЯ 2000 – Основы африканского языкознания. Морфемика. Морфонология / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Восточная литература, 2000.
- ОАЯ 2003 – Основы африканского языкознания. Глагол / Под ред. В. А. Виноградова, И. Н. Топорова. М.: Восточная литература, 2003.
- ОАЯ 2008 – Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Academia, 2008.
- ОАЯ 2010 – Основы африканского языкознания. Синтаксис именных и глагольных групп / Под ред. В. А. Виноградова. М.: Academia, 2010.
- ОАЯ 2014 – Основы африканского языкознания. Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки / Под ред. В. А. Виноградова. М.: ЯСК, 2014.
- ОАЯ 2018 – Основы африканского языкознания. Языковые контакты / Отв. ред. А. Б. Шлуинский. М.: ЯСК, 2018.
- Ольдерогге, Потехин 1954 – Ольдерогге Д. А., Потехин И. И. (ред.). Народы Африки. М.: АН СССР, 1954.

- Ольдерогге, Жуков 1982 – *Ольдерогге Д. А., Жуков А. А.* Африканские языки и общая лингвистика. (Из истории изучения языков Африки) // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 121–125.
- Охотина 1972 – *Охотина Н. В.* (ред.). Типология глагола в африканских языках. М.: Наука, 1972.
- Плунгян 2003 – *Плунгян В. А.* Африканские глагольные системы: заметки к типологии // *Виноградов В. А., Топорова И. Н.* (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М.: Восточная литература, 2003. С. 5–41.
- Погодин 1913 – *Погодин А. Л.* Язык как творчество. Харьков, 1913.
- Поздняков 1993 – *Поздняков К. И.* Сравнительная грамматика атлантических языков. М.: Наука, 1993.
- Порхомовский 1982 – *Порхомовский В. Я.* Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Чадские языки. М.: Наука, 1982.
- Прохоров 2011 – *Прохоров К. Н.* Конференция «Изоляты в Африке». Лион, 3–4 декабря 2010 г. // *Journal of Language Relationship*. 2011. 6. P. 247–259.
- Старостин 2013 – *Старостин Г. С.* Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. I. Методология. Койсанские языки. М.: ЯСК, 2013.
- Старостин 2015 – *Старостин Г. С.* Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. II. Восточносуданские языки. М.: ЯСК, 2015.
- Старостин 2017 – *Старостин Г. С.* Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. III. Нило-сахарские языки. М.: ЯСК, 2017.
- Суетина 2003 – *Суетина Ю. Г.* Глагольная система сахарских языков // *Виноградов В. А., Топорова И. Н.* (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М.: Восточная литература, 2003. С. 510–529.
- Aikhenvald, Dixon 2001 – *Aikhenvald A., Dixon R.* Areal diffusion and genetic inheritance: Problems in comparative linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Allen 1999 – *Allen J. P.* Middle Egyptian: An introduction to the language and culture of hieroglyphs. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Allen 2013 – *Allen J. P.* The Ancient Egyptian language: An historical study. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Andersen 1987 – *Andersen T.* The phonetic system of Agar Dinka // *Journal of African Languages and Linguistics*. 1987. 9. P. 1–27.

- Andersen 1990 – *Andersen T.* Vowel length in Western Nilotic languages // *Acta Linguistica Hafniensia*. 1990. 22. P. 5–26.
- Andersen 1992–1994 – *Andersen T.* Morphological stratification in Dinka: On the alternation of voice quality, vowel length, and tone in the morphology of transitive verbal roots in a monosyllabic language // *Studies in African Linguistics*. 1992–1994. 23 (1). P. 1–63.
- Argyle 1986 – *Argyle W. J.* The extent and nature of Khoisan influence on Zulu // *Sprache und Geschichte in Afrika*. 1986. 7 (2). P. 43–71.
- Bakker 1997 – *Bakker P.* A Language of our own: The genesis of Michif, the mixed Cree-French Language of the Canadian metis. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Bamgbose 1991 – *Bamgbose A.* Language and the nation. The language question in SubSaharan Africa. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1991.
- Barth 1862 (1971) – *Barth H.* Central African languages. London, 1862. (2nd ed. by A. H. M. Kirk-Greene 1971.)
- Bateson 1967 – *Bateson M.* Arabic language handbook. Georgetown: Georgetown University Press, 1967.
- Bender 1971 – *Bender L.* The languages of Ethiopia: A new lexicostatistic classification and some problems of diffusion // *Anthropological Linguistics*. 1971. 13 (5). P. 165–288.
- Bender 1975 – *Bender L.* Omotic: A new Afroasiatic language family. Carbondale, 1975.
- Bender 1989 – *Bender L.* Nilo-Saharan pronouns/demons // *Bender L.* (ed.). *Topics in Nilo-Saharan Linguistics Analyses and Documentation*, 3. Hamburg: Buske, 1989. P. 1–34.
- Bender 1992 – *Bender L.* Central Sudanic segmental and lexical reconstructions // *Afrikanistische Arbeitspapiere*. B. 29. S. 5–61.
- Bender 1996 – *Bender L.* The Nilo-Saharan languages: A comparative essay. Munich: LINCOM Europa, 1996.
- Bender 2000 – *Bender L.* Comparative morphology of the Omotic languages. Munich: LINCOM Europa, 2000.
- Bender 2005 – *Bender L.* The East Sudanic languages: Lexicon and phonology. S. Illinois University: SIU Printing, 2005.
- Bennett, Sterk 1977 – *Bennett P., Sterk J.* South-Central Niger-Congo: A reclassification // *Studies in African Linguistics*. 1977. 8. P. 241–273.
- Blažek 2007 – *Blažek V.* On application of glottochronology for Saharan languages // *Viva Africa*. Proceedings of the II International Conference on African Studies (April 2007). Plzeň: Dryáda, 2007. P. 19–38.

- Bleek 1929 – *Bleek D. F.* Comparative vocabularies of Bushman languages. Cambridge: Cambridge University Press, 1929.
- Bleek 1862–1869 – *Bleek W.* A comparative grammar of South African languages. London: Trübner, 1862–1869.
- Blench 2009 – *Blench R.* The sensory world; ideophones in Africa and elsewhere. Draft, 2009.
- Boyeldieu, Nougayrol 2008 – *Boyeldieu P., Nougayrol P.* Les langues sudaniques centrales: essai d'évaluation // *Sprache und Geschichte in Afrika*. 2008. 19. P. 9–29.
- Braconnier 1982 – *Braconnier C.* Le système tonal du dioula d'Odienné, 1. Abidjan: Université d'Abidjan, 1982.
- Cavalli-Sforza et al. 1994 – *Cavalli-Sforza F., Menozzi P., Piazza A.* The history and geography of human genes. Princeton: Princeton University Press, 1994.
- Cissé 2006 – *Cissé M.* Ecrits et écritures en Afrique de l'Ouest // *Sudlangues*. 2006. 6. <http://www.sudlangues.sn/spip.php?article101>
- Childs 2003 – *Childs T.* An introduction to African languages. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003.
- Claproth 1826 – *Claproth H. J.* Essai sur la langue du Bornou, suivi des vocabulaires du Begharmi, du Mandara et de Timbouctou. Paris, 1826.
- Claudi 1993 – *Claudi U.* Die Stellung von Verb und Objekt in Niger-Kongo-Sprachen. Ein Beitrag zur Rekonstruktion historischer Syntax. Köln: Institut für Afrikanistik, 1993.
- Clements 2000 – *Clements G.* Phonology // *Heine B., Nurse D.* (eds). African languages: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press. P. 123–160.
- Clemens, Rialland 2008 – *Clements G., Rialland A.* Africa as a phonological area // *Heine B., Nurse D.* (eds). A linguistic geography of Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 36–84.
- Clements, Osu 2002 – *Clements G., Osu S.* Explosives, implosives, and nonexplosives: The linguistic function of air pressure differences in stops. *Laboratory Phonology 7*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. P. 299–350.
- Cohen 1924 – *Cohen M.* Le Systeme verbal semilique et l'expression du temps. Paris: Imprimerie Nationale, 1924.
- Cohen 1931 – *Cohen M.* Études d'éthiopien meridional. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, Societe Asiatique Collection d'Ouvrages Orientaux, 1931.

- Cole 1971 – *Cole D.* The history of African linguistics to 1945 // *Sebeok T.* (ed.). *Linguistics in Sub-Saharan Africa. Current Trends in Linguistics.* Vol. 7. The Hague; Paris, 1971. P. 1–30.
- Collins 2002 – *Collins C.* Multiple verb movement in #Hoan // *Linguistic Inquiry.* 2002. 33 (1). P. 1–29.
- Comrie 1976 – *Comrie B.* *Aspect.* Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Connell 1994 – *Connell B.* The structure of labial-velar stops // *Journal of Phonetics.* 1994. 22. P. 441–476.
- Connell 1995 – *Connell B.* Dying languages and the complexity of the Mambiloid group. Paper presented at the 25th Colloquium on African Languages and Linguistics. Leiden, 1995.
- Creissels 1981 – *Creissels D.* De la possibilité de rapprochements entre le songhay et les langues Niger-Congo (en particulier Mandé) // *Schadeberg T., Bender L.* (eds). *Nilo-Saharan: Proceedings of the First Nilo-Saharan Linguistics Colloquium, Leiden, September 8–10, 1981.* Leiden: Foris, 1981. P. 185–199.
- Creissels 1994 – *Creissels D.* Aperçu sur les structures phonologiques des langues négro-africaines. Grenoble: ELLUG, 1994.
- Creissels 1998 – *Creissels D.* Auxiliaires et auxiliarisation: l'exemple du tswana // *Platiel S., Kabore R.* (eds). *Les langues d'Afrique subsaharienne. (Faits de langues 11–12.)* Paris: Ophrys, 1998. P. 251–265.
- Creissels 2000 – *Creissels D.* Typology // *Heine B., Nurse D.* (eds). *African languages: An introduction.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 231–258.
- Creissels 2005 – *Creissels D.* A typology of subject and object markers in African languages // *Voeltz E. K. E.* (ed.). *Studies in African languages typology.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 445–459.
- Cust 1883 – *Cust R. N.* *A sketch of the modern languages of Africa.* Vols 1–2. London: Trübner, 1883.
- Cyffer 1991 – *Cyffer N.* The Zaghawa verb structure and its relation to other Saharan languages // *Proceedings of the 4th Nilo-Saharan Conference, Bayreuth, 30 August – 02 September 1989.* Hamburg: Helmut Buske, 1991. P. 79–90.
- Cysouw 2003 – *Cysouw M.* *The paradigmatic structure of person marking.* Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Dalby 1965 – *Dalby D.* The Mel languages: A reclassification of Southern 'West Atlantic' // *African language studies.* 1965. 6. P. 1–17.

- Dalby 1967 – *Dalby D.* A survey of the indigenous scripts of Liberia and Sierra Leone: Vai, Mende, Kpelle, and Bassa // *African Language Studies*. 1965. 8. P. 1–51.
- De Grolier 1983 – *De Grolier E.* (ed.). *Glossogenetics: The origin and evolution of language*. Chur; Paris; New York: Harwood Academic, 1983.
- Delafosse 1897 – *Delafosse M.* *Essai sur le peuple et la langue sara (bassin du Tchad)*. Paris: J. André, 1897.
- Delafosse 1904 – *Delafosse M.* *Vocabulaires comparatifs de plus de 60 langues ou dialectes parlés à la Côte d’Ivoire et dans la régions limitrophes*. Paris: Leroux, 1904.
- Dihoff 1977 – *Dihoff I.* *Aspects of the tonal structure of Chori*. Madison: University of Wisconsin, 1977.
- Dimmendaal 1983 – *Dimmendaal G.* *The Turkana language*. Dordrecht: Foris, 1983.
- Dimmendaal 1988 – *Dimmendaal G.* *The lexical reconstruction of Proto-Nilotic: A first reconnaissance // Afrikanistische Arbeitspapiere*. 1988. 16. P. 5–67.
- Dimmendaal 2001 – *Dimmendaal G.* *Areal diffusion versus genetic inheritance: An African perspective // Aikhenvald A., Dixon R. M. W.* (eds). *Areal Diffusion and Genetic Inheritance: Problems in Comparative Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 358–392.
- Dimmendaal 2011 – *Dimmendaal G.* *Historical linguistics and the comparative study of African languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011.
- Diop 1976 – *Diop C. A.* *L’usage du fer en Afrique // Nyame Akuma*. 1976. 53. P. 93–95.
- Dixon 1997 – *Dixon R. M. W.* *The rise and fall of languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Ehret 1992 – *Ehret C.* *Historical reconstruction of Central Sudanic: Segmental phonology and vocabulary*. Manuscript. 1992.
- Ehret 1995 – *Ehret C.* *Reconstructing Proto-Afroasiatic (Proto-Afrasian): Vowels, tone, consonants, and vocabulary // University of California Publications in Linguistics*. 126. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1995.
- Ehret 2001 – *Ehret C.* *A historical-comparative reconstruction of Nilo-Saharan*. Köln: Rüdiger Köppe, 2001.
- Ekkehard Wolff 2016 – *Ekkehard Wolff H.* *Language and development in Africa: Perceptions, ideologies and challenges*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

- Ethnologue 2017 – *Simons G., Fennig C.* Ethnologue: Languages of Africa and Europe. 20th ed. SIL, Academic Publications, 2017.
- Everett 2013 – *Everett C.* Evidence for direct geographic influences on linguistic sounds: The Case of Ejectives // PLoS ONE. 2013. 8 (6). P. e65275.
- Fehderau 1962 – *Fehderau H. W.* Descriptive grammar of the Kituba language: A dialectal survey. Léopoldville, 1962.
- Fishman 1971 – *Fishman J.* Advances in the sociology of language. The Hague: Mouton, 1971.
- Fleisch 2000 – *Fleisch A.* Lucazi Grammar. Cologne: Rüdiger Köppe, 2000.
- Fleming 1976 – *Fleming H.* Omotic overview // *Bender L.* (ed.). The Non-Semitic Languages of Ethiopia. East Lansing: Michigan State University, 1976. P. 299–323.
- Fleming 2006 – *Fleming H.* Ongota: A decisive language in African prehistory. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006.
- Frajzyngier 1993 – *Frajzyngier Z.* A grammar of Mupun. Berlin: Dietrich Reimer, 1993.
- Freire et al. 2014 – *Freire M., Lall S., Leipziger D.* Africa's urbanization: Challenges and opportunities. Washington: The Growth Dialogue, 2014.
- Froment 1994 – *Froment A.* Race et histoire: La recomposition idéologique de l'image des Egyptiens anciens // Journal des Africanistes. 1994. 64. P. 37–64.
- Gaden 1909 – *Gaden H.* Essai de grammaire de la langue baguirmienne: suivi de textes et de vocabulaire baguirmien-français et français-baguirmien. Paris: Leroux, 1909.
- Githiora 2002 – *Githiora C.* Sheng: Peer language, Swahili dialect or emerging Creole? // Journal of African Cultural Studies. 2002. 15 (2). P. 159–181.
- Givón 1975 – *Givón T.* Serial verbs and syntactic change: Niger-Congo // *Li C. N.* (ed.). Word Order and Word Order Change. Austin; London: University of Texas Press, 1975. P. 47–112.
- Goldsmith 1979 – *Goldsmith J.* Autosegmental phonology. New York: Garland Publishing, 1979.
- Good et al. 2011 – *Good J. et al.* The languages of Lower Fungom: Grammatical overview // *Africana Linguistica*. 2011. 17. P. 101–164.
- Gragg 1974 – *Gragg G.* Cleft sentences in Tigrinya // Journal of African Languages. 1974. 11 (2). P. 74–88.
- Greenberg 1949 – *Greenberg J.* Studies in African linguistic classification I: Introduction. Niger-Congo family // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1949. 5. P. 79–100.

- Greenberg 1950 – *Greenberg J.* Studies in African linguistic classification V: The Eastern Sudanic languages // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1950. 6 (2). P. 143–160.
- Greenberg 1955 — *Greenberg J.* Studies in African Linguistic Classification. New Haven: Compass, 1955.
- Greenberg 1959 – *Greenberg J.* Africa as a linguistic area // *Bascom W. et al.* (eds). *Continuity and Change in African Cultures*. Chicago: The University of Chicago, 1959. P. 15–27.
- Greenberg 1963 – *Greenberg J.* The languages of Africa // *International Journal of American Linguistics*. 1963. Vol. 29 (1).
- Greenberg 1983 – *Greenberg J.* Some areal characteristics of African languages // *Dihoff I.* (ed.). *Current Approaches to African Linguistics*. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 1983. P. 3–21.
- Gregersen 1972 – *Gregersen E.* Kongo-Saharan // *Journal of African Languages*. 1972. 11 (1). P. 69–89.
- Grégoire 1988 – *Grégoire C.* An attempt to reconstruct labial consonants in Mande // *Belgian Journal of Linguistics*. 1988. 3. P. 103–155.
- Güldemann 2000 – *Güldemann T.* Proto-Bantu and Proto-Niger-Congo: Macro-areal typology and linguistic reconstruction // *König C., Hieda O.* (eds). *International Symposium of the Center of Corpus-Based Linguistics and Language Education (CbLLE)*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010.
- Güldemann 2008 – *Güldemann T.* The Macro-Sudan belt: Towards identifying a linguistic area in northern sub-Saharan Africa // *Heine B., Nurse D.* (eds). *A linguistic geography of Africa*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 151–185.
- Güldemann 2018 – *Güldemann T.* Areal linguistics beyond contact, and linguistic areas of Afrabia // *Güldemann T.* (ed.). *The languages and linguistics of Africa. (The World of Linguistics. 11.)* Berlin: Mouton de Gruyter, 2018. P. 448–545.
- Güldemann, Elderkin 2003 – *Güldemann T., Elderkin D.* On external genealogical relationships of the Khoe family. Manuscript: http://email.eva.mpg.de/~gueldema/pdf/Gueldemann_Elderkin.pdf
- Güldemann, Vossen 2000 – *Güldemann T., Vossen R.* Khoisan // *Heine B., Nurse D.* (eds). *African languages: An introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 99–122.
- Guthrie 1967–1971 – *Guthrie M.* Comparative Bantu. An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. Vols 1–4. Farnborough: Gregg International, 1967–1971.

- Hagège 1974 – *Hagège C.* Les pronoms logophoriques // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. 1974. 69. P. 287–310.
- Hagman 1977 – *Hagman R.* Nama Hottentot grammar. Bloomington: Indiana University, 1977.
- Haspelmath et al. 2008 – *Haspelmath M., Dryer M., Gil D., Comrie B.* (eds). The World atlas of language structures online. Munich: Max Planck Digital Library, 2008.
- Haudricourt 1954 – *Haudricourt A.-G.* De l'origine des tons en vietnamien // Journal Asiatique. 1954. 242. P. 69–82.
- Heine 1982 – *Heine B.* The Nubi Language of Kibera – an Arabic Creole. Berlin: Reimer, 1982.
- Heine 2008 – *Heine B.* Africa as a linguistic area // *Brown K., Ogilvie S.* (eds). Concise Encyclopedia of Languages of the World. Amsterdam: Elsevier, 2008. P. 3–7.
- Heine, Nurse 2000 – *Heine B., Nurse D.* (eds). African languages: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Heine, Nurse 2008 – *Heine B., Nurse D.* (eds). A linguistic geography of Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Hetzron 1980 – *Hetzron R.* The limits of Cushitic // Sprache und Geschichte in Afrika. 1980. 2. P. 7–126.
- Hiraiwa 2003 – *Hiraiwa K.* Relativization in Buli // *Akanlig-Pare G., Kenstowicz M.* (eds). Studies in Buli Grammar. MIT Working Papers on Endangered and Less Familiar Languages. Vol. 4. Cambridge (MA): MITWPL, 2003. P. 45–84.
- Holes 2004 – *Holes C.* Modern Arabic. Structures, functions, and varieties. Washington: Georgetown University Press, 2004.
- Hombert 1986 – *Hombert J.-M.* Word games: Some implications for analysis of tone and other phonological constructs // *Ohala J., Jaeger J.* (eds). Experimental Phonology. Orlando (FL): Academic Press, 1986. P. 175–186.
- Honken, Heine 2010 – *Honken H., Heine B.* The Kx'a family: A new Khoisan genealogy // Journal of Asian and African Studies. Vol. 79. P. 5–36.
- Hulst, Weijer 1995 – *Hulst H., van de Weijer J.* Vowel harmony // *Goldsmith J.* (ed.). The Handbook of Phonological Theory. Cambridge (USA); Oxford: Blackwell, 1995. P. 495–534.
- Hyman 2003 – *Hyman L.* African languages and phonological theory // GLOT International. 2003. 7. P. 153–163.
- Hyman 2007 – *Hyman L.* Niger-Congo verb extensions: Overview and discussion // *Payne D., Peca J.* (eds). Selected Proceedings of the 37th

- Annual Conference on African Linguistics. Somerville: Cascadilla Proceedings Project, 2007. P. 149–163.
- Hyman et al. 2015 – *Hyman L., Jenks P., Bacon G., Baier N., Clem E., Faytak M., Lamoureux S., Lionnet F., Merrill J., Rolle N., Sande H.* Areal features and linguistic reconstruction in Africa. 8th World Congress of African Linguistics. Workshop 3: Areal Phenomena in Northern Sub-Saharan Africa. 23 August 2015.
- Jakobi 1990 – *Jakobi A.* A Fur grammar: Phonology, morphophonology, and morphology. Hamburg: Buske, 1990.
- Johnston 1919–1922 – *Johnston H.* A comparative study of the Bantu and Semi-Bantu languages. Vols 1–2. Oxford: Clarendon Press, 1919–1922.
- Kamwangamalu, Makoni 2000 – *Makoni S. B., Kamwangamalu Nkonko* (eds). Language and institutions in Africa. Cape Town: Centre for Advanced Studies of African Society (CASAS), 2000.
- Kandybowicz 2008 – *Kandybowicz J.* The grammar of repetition. Nupe grammar at the syntaxphonology interface. Amsterdam: John Benjamins, 2008.
- Kilian-Hatz 2009 – *Kilian-Hatz C.* Khwe // *Dimmendaal G. J.* (ed.). Coding Participant Marking. Construction types in twelve African languages. Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 215–237.
- Knight et al. 2003 – *Knight A., Underhill P. A., Mortensen H. M., Zhivotovsky L. A., Lin A. A., Henn B. M., Louis D., Ruhlen M., Mountain J. L.* African Y-chromosome and mtDNA divergence provides insight into the history of click languages // *Curr Biol.* 2003. 13. P. 464–473.
- Koelle 1854 – *Koelle S.* Polyglotta Africana. London: Church Missionary House, 1854.
- Koelle 1854a – *Koelle S.* Grammar of the Bornu or Kanuri language. London: Church Missionary Society, 1854.
- Köhler 1955 – *Köhler O.* Geschichte der Erforschung der nilotischen Sprachen // *Afrika und Übersee.* 1955. Beiheft 28.
- König 2008 – *König C.* Case in Africa. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Koopman 1983 – *Koopman H.* The syntax of verbs: From verb movement rules in the Kru languages to Universal Grammar. Dordrecht: Foris, 1983.
- Krause 1895 – *Krause G. A.* Die Stellung des Temne innerhalb der Bantusprachen // *Zeitschrift für afrikanische, ostasiatische und ozeanische Sprachen.* 1895. 1. S. 250–267.
- Krönlein 1889 – *Krönlein J. G.* Wortschatz der Khoi-Khoin (Namaqua-Hottentotten). Berlin: Deutsche Kolonialgesellschaft, 1889.

- Kutsch Lojenga 1994 – *Kutsch Lojenga C.* Ngiti: A Central Sudanic language of Zaire. Nilo-Saharan linguistic analyses and documentation, 9. Köln: Rüdiger Köppe, 1994.
- Kutsch Lojenga 2003 – *Kutsch Lojenga C.* Bila (D32) // *Nurse D., Philippson G.* (eds). The Bantu languages. London, New York: Routledge, 2003. P. 450–474.
- Ladefoged 1968 – *Ladefoged P.* A phonetic study of West African languages. Cambridge: Cambridge University Press in Association with the West African Languages Survey and the Institute of African Studies, Ibadan, 1968.
- Lux 2003 – *Lux D.* Noni provisional lexicon. Yaoundé: SIL Cameroun, 2003.
- Maddieson 1984 – *Maddieson I.* Patterns of sounds. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Maddieson 2008 – *Maddieson I.* Glottalized consonants // *Haspelmath M. et al.* (eds). The World Atlas of Language Structures Online. Munich: Max Planck Digital Library, 2008. Ch. 7.
- Mahmud 1983 – *Mahmud A. A.* Arabic in the Southern Sudan: History and the spread of a Pidgin-Creole. Khartoum, 1983.
- Manessy 1979 – *Manessy G.* Contribution à la classification généalogique des langues voltaïques: le groupe proto-central. Paris: Société d'Etudes Linguistiques et Anthropologiques de France (SELAFA), 1979.
- Marchese 1986 – *Marchese L.* Tense / aspect and the development of auxiliaries in Kru languages. Arlington: University of Texas, 1986.
- Marchese 1988 – *Marchese L.* Noun classes and agreement systems in Kru: An historical approach // *Barlow M., Ferguson C.* (eds). Agreement in natural language. Stanford, 1988. P. 323–342.
- Marchese 1989 – *Marchese L.* Kru // *Bendor-Samuel J.* (ed.) Niger-Congo Languages. Lanham, NY; London: University Press of America, 1989. P. 119–139.
- Meeussen 1965 – *Meeussen A.* Reconstructions grammaticales du bantou. Tervuren: Musée Royal de l'Afrique Centrale, 1965.
- Meeussen 1967 – *Meeussen A.* Bantu grammatical reconstructions // *Africana linguistica* 3, Annales van het Koninklijk Museum voor Mid-den-Africa. 1967. 61. P. 79–121.
- Meinhof 1899–1906 – *Meinhof C.* Grundzüge einer vergleichende Grammatik der Bantusprachen. Berlin: Reimer, 1899–1906.
- Meinhof 1910 – *Meinhof C.* Grundriss einer Lautlehre der Bantusprachen. Berlin: Reimer, 1910.
- Meinhof 1912 – *Meinhof C.* Die Sprachen der Hamiten. Hamburg: Friedrichsen, 1912.

- Militarev 1996 – *Militarev A.* Home for Afrasian: African or Asian? Areal linguistic arguments // *Griekenow-Mewis C., Voigt R. M.* (eds). *Cushitic and Omotic Languages. Proceedings of the 3rd International Symposium (Berlin, March 1994).* Köln: Köppe, 1996. P. 13–32.
- Militarev 2005 – *Militarev A.* Once more about glottochronology and comparative method: The Omotic-Afrasian case // *Аспекты компаративистики 1. Orientalia et Classica II.* Moscow: RSUH, 2005. С. 339–408.
- Mous 1994 – *Mous M.* Ma'a or Mbugu // *Bakker P., Mous M.* (eds). *Mixed Languages.* Amsterdam: Institute for Functional Research into Languages and Language Use, 1994.
- Mous 2003 – *Mous M.* The making of a mixed language: The case of Ma'a/Mbugu. Amsterdam: John Benjamins, 2003.
- Mukarovsky 1976–1977 – *Mukarovsky H.* A study of Western Nigritic. Vols 1–2. Vienna: Institut für Aegyptologie und Afrikanistik, 1976–1977.
- Nachtigal 1881 – *Nachtigal G.* Sahara und Sudan. Ergebnisse sechsjähriger Reisen in Afrika, II. Berlin, 1881.
- Newman 1977 – *Newman P.* Chadic classifications and reconstructions. *Afroasiatic Linguistics 5.1.* Malibu: Undena Publications, 1977.
- Niba 2007 – *Niba F. N.* New language for divided Cameroon. BBC. 2007. <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/africa/6376389.stm>
- Nichols 1992 – *Nichols J.* Linguistic diversity in space and time. Chicago: University of Chicago, 1992.
- Nicolaï 1984 – *Nicolaï R.* Préliminaires à une étude sur l'origine du songhay: matériaux, problématique et hypothèses. Berlin: Reimer, 1984. (Series: Marburger Studien zur Afrika- und Asienkunde. Serie A, Afrika; 37.)
- Nurse 2007 – *Nurse D.* Tense and aspect in Bantu. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Nurse, Phillipson 2003 – *Nurse D., Phillipson G.* Towards a historical classification of the Bantu languages // *Nurse D., Phillipson G.* (eds). *The Bantu Languages.* London, New York: Routledge, 2003. P. 164–181.
- Odden 1996 – *Odden D.* Tone: African languages // *Goldsmith J.* (ed.). *The Handbook of Phonological Theory.* Cambridge: Blackwell, 1996. P. 444–475.
- Olson, Hajek 2003 – *Olson K., Hajek J.* Crosslinguistic insights on the labial flap // *Linguistic Typology.* 2003. 7 (2). P. 157–186.
- Orel, Stolbova 1995 – *Orel V. E., Stolbova O. V.* Hamito-Semitic etymological dictionary: Materials for a reconstruction. Leiden: Brill, 1995.
- Plonsky et al. 2013 – *Plonski P., Teferra A., Brady R.* Why are more African countries adopting English as an official language? Paper presented

- at African Studies Association Annual Conference, November 23, 2013. Baltimore.
- Prokhorov 2010 – *Prokhorov K.* Towards a reconstruction of the Proto-Dogon pronominal system // Доклад на междунар. конф. «Personal pronouns in Niger-Congo languages». СПб., 13–15 сентября 2010 г.
- Prost 1956 – *Prost A.* La langue sonay et ses dialectes. (Memoire IFAN. 47.) Dakar: IFAN, 1956.
- Rilly 2010 – *Rilly C.* Le Meroïtique et sa famille linguistique. Louvain; Paris; Dudley (MA): Peeters, 2010.
- Rilly, De Voogt 2012 – *Rilly C., De Voogt A.* The Meroitic language and writing system, New York: Cambridge University Press, 2012.
- Rose, Walker 2011 – *Rose S., Walker R.* Harmony systems // *Goldsmith J., Riggall J., Yu A.* (eds). Handbook of Phonological Theory. 2nd ed. London: Blackwell, 2011.
- Rottland 1982 – *Rottland F.* Die Sudnilotischen Sprachen: Beschreibung, Vergleichung und Rekonstruktion. Berlin: Dietrich Reimer, 1982.
- Samarin 1971 – *Samarin W.* Adamawa-Eastern // *Sebeok T.* (ed.). Linguistics in Sub-Saharan Africa. Current Trends in Linguistics. Vol. 7. The Hague; Paris, 1971. P. 213–244.
- Sande 2015 – *Sande H.* Nouchi as a distinct language: The morphological evidence // *Kramer R. et al.* (eds). Selected Proceedings of the 44th Annual Conference of African Linguistics. Somerville: Cascadilla Proceedings Projects, 2015.
- Sapir 1971 – *Sapir E.* West Atlantic: An inventory of the languages, their noun class systems and consonant alternations // *Sebeok T.* (ed.). Current Trends in Linguistics. Vol. 7. Linguistics in Sub-Saharan Africa. 1971. P. 45–112.
- Savà 2005 – *Savà G.* A grammar of Ts'amakko. Köln: Rüdiger Köppe, 2005.
- Schadeberg 1982 – *Schadeberg T.* Nasalization in UMBundu // Journal of African Languages and Linguistics. 1982. 4. P. 109–132.
- Schadeberg 1986 – *Schadeberg T.* The lexicostatistical base of Bennett and Sterk's reclassification of Niger-Congo with particular reference to the cohesion of Bantu // Studies in African Linguistics. 1986. 17. P. 69–83.
- Schadeberg 2011 – *Schadeberg T.* The unique nature of the Niger-Congo noun class system. B4ntu Conference, Berlin, April 2011.
- Schuh 2003 – *Schuh R.* Chadic overview // *Bender M. L., Takacs G. L., Apleyard D. L.* (eds). Selected Comparative-Historical Afrasian Linguistic Studies in Memory of Igor M. Diakonoff. LINCOM Europa, 2003. P. 55–60.

- Smirnova 1982 – *Smirnova M. A.* The Hausa language. A descriptive grammar. London: Routledge & Kegan Paul, 1982.
- Snyman 1970 – *Snyman J. W.* An introduction to the !Xu (!Kung) language. Cape Town: Balkema, 1970.
- Souag 2010 – *Souag L.* Grammatical contact in the Sahara: Arabic, Berber, and Songhay in Tabelbala and Siwa, Lameen Souag. PhD thesis. SOAS. 2010.
- Starostin 2011 – *Starostin G.* On Mimi // *Journal of Language Relationship*. 2011. 6. P. 115–140.
- Steinthal 1867 – *Steinthal H.* Die Mande-Negersprachen, Psychologisch und Phonetisch Betrachtet. Berlin, 1867.
- Stewart 1967 – *Stewart J.* Tongue root position in Akan vowel harmony // *Phonetica*. 1967. 16. P. 185–204.
- Stewart 1989 – *Stewart J.* Kwa // *Bendor-Samuel J.* (ed.) *Niger-Congo Languages*. Lanham (NY); London: University Press of America, 1989. P. 217–245.
- Stewart 2002 – *Stewart J.* The potential of Proto-Potou-Akanic-Bantu as a pilot Proto-Niger-Congo, and the reconstructions updated // *Journal of African Languages and Linguistics*. 2002. 23. P. 197–224.
- Takács 1999–2007 – *Takács G.* Etymological dictionary of Egyptian. Bd. I–III. Leiden; Köln: Brill: Rüdiger Köppe, 1999–2007.
- Thomas 1991 – *Thomas J.* Encyclopédie des pygmées aka 1. Fascicule 4: La langue. (LACITO No. 50.) Paris: SELAF, 1991.
- Torrend 1891 – *Torrend J.* A comparative grammar of South-African Bantu languages. London: Kegan Paul, 1981.
- Tourville 1990 – *Tourville J.* On the licensing of floating nodes: The reduced nasal of Manding. Paper delivered at the 21st Annual African Linguistics Conference. Athens: University of Georgia. April 12–14, 1990.
- Trail 1974 – *Trail A.* The compleat guide to the Koon: A research report on linguistic fieldwork undertaken in Botswana and South West Africa. (Communications from the African Studies Institute. 1.) Johannesburg: University of the Witwatersrand, 1974.
- Trail 1986 – *Trail A.* Phonetic and phonological studies of !Xóǀ Bushman. Quellen zur Khoisan-Forschung, 1. Amsterdam: John Benjamins, 1986.
- Trail 1993 – *Trail A.* The feature geometry of clicks // *Staden P. von.* (ed.) *Linguistica: Festschrift E. B. van Wyk: ’n huldeblyk*. Pretoria: J. L. van Schaik. P. 134–140.
- Tucker 1940 – *Tucker A. N.* The Eastern Sudanic languages. Vol. 1. London: Oxford University Press, 1940.

- Tucker, Bryan 1956 – *Tucker A. N., Bryan M. A.* The Non-Bantu languages of North-Eastern Africa. Oxford: Oxford University Press, 1956.
- Tucker, Mpaayei 1955 – *Tucker A. N., Mpaayei T.* A Maasai grammar with vocabulary. London: Longmans & Green, 1955.
- Vogler 1974 – *Vogler P.* Le problème linguistique kru: éléments de comparaison // *Journal of Studies in Africa*. 1974. 44 (2). P. 147–176.
- Vossen 1982 – *Vossen R.* The Eastern Nilotes: Linguistic and historical reconstructions. Berlin: Dietrich Reimer, 1982.
- Vossen 1997 – *Vossen R.* Die Khoe-Sprachen: Ein Beitrag zur Erforschung der Sprachgeschichte Afrikas. Cologne: Rüdiger Köppe, 1997.
- Vydrin 2009 – *Vydrin V.* On the problem of the Proto-Mande homeland // *Journal of Language Relationship*. 2009. Vol. 1. P. 107–142.
- Wald 1994 – *Wald B.* Sub-Saharan Africa // *Atlas of the World's Languages*. London: Routledge, 1994. P. 289–346.
- Ward 1933 – *Ward I.* The phonetic and tonal structure of Efik. Cambridge: Heffer, 1933.
- Ward 1938 – *Ward I.* The phonetic structure of Bamum // *Bulletin of the School of Oriental Studies*. University of London, 1938. 9 (2). P. 423–438.
- Welmers 1950 – *Welmers W.* Notes on two languages in the Senufo group I. Senadi // *Language*. 1950. 26 (1). P. 126–146.
- Welmers 1962 – *Welmers W.* The phonology of Kpelle // *Journal of African Languages*. 1962. 1/1. P. 69–93.
- Welmers 1974 – *Welmers W.* African language structures. Berkeley; Los Angeles; London: University of California, 1974.
- Wendorf, Schild 2001 – *Wendorf F., Schild R.* Holocene settlement of the Egyptian Sahara. Vol. 1: The Archaeology of Nabta Playa. New York: Springer US, 2001.
- Werner 1915 – *Werner A.* The language-families of Africa. London: Kegan Paul, 1915.
- Westermann 1927 – *Westermann D.* Die westlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu. Berlin: de Gruyter, 1927.
- Westermann 1930 – *Westermann D.* A study of the Ewe language. Oxford: Oxford University Press, 1930.
- Westermann, Bryan 1952 – *Westermann D., Bryan M.* The languages of West Africa. *Handbook of African Languages* 2. London: Oxford University Press, 1952.
- Wiesemann 1986 – *Wiesemann U.* Introduction // *Wiesemann U.* (ed.). *Pro-nominal Systems*. Tübingen: Narr, 1986. P. viii–ix.

- Williamson 1965 – *Williamson K.* A grammar of the Kolokuma dialect of Ijo. (Wafri monographs, 2.) Cambridge: Cambridge University, 1965
- Williamson 1989 – *Williamson K.* Benue-Congo overview // *Bendor-Samuel J.* (ed.). Niger-Congo Languages. Lanham (NY); London: University Press of America, 1989. P. 247–274.
- Wilson J. 1970 – *Wilson J. G.* Preliminary observations on the Oropom people of Karamoja, their ethnic status, culture, and postulated relation to the peoples of the Late Stone Age // *The Uganda Journal.* 1970. 34 (2). P. 125–145.
- Wilson 1961 – *Wilson W.* An outline of the Temne language. London: University of London, 1961.
- Wilson 1963 – *Wilson W.* Temne and the West Atlantic group // *SLLR.* 1963. 2. P. 26–29.
- Yigezu 2002 – *Yigezu M.* A comparative study of the phonetics and phonology of Surmic languages. Laboratoire de phonologie. Bruxelles: Université libre de Bruxelles, 2002. (Thèse de doctorat.)
- Yip 2007 – *Yip M.* Tone // *De Lacy P.* (ed.). *The Cambridge Handbook of Phonology.* Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Указатель языков

- аасах 85
агау 85
агем 153
айзи 162, 163
акан 15, 17, 26, 31, 33, 34, 37, 108,
135, 141, 146, 154–156, 248,
260, 270
аккадский 60
акпес 154
алур 116
ама 108
амхарский 17, 44, 47, 57, 59, 71,
76, 77, 79, 203, 231, 245, 246,
305, 320
английский 17, 72, 161, 197–199,
205, 207–209, 211, 212, 214–
219, 223, 230, 232, 237–241,
243–247, 282, 328
анголар 27, 211, 216
ануак 114
арабский 16, 17, 26, 27, 47, 59, 61,
63, 71–75, 81–83, 117, 126, 130,
200, 205, 212, 219, 223, 229,
230, 237, 240, 243–245, 256,
274, 298, 302, 304
арамейский 63
аргобба 76
ари 89, 290
асоа 104, 120
аттие 155
аунги 88
афарский 46, 84, 85, 87, 245
африкаанс 17, 18, 27, 57, 197–
199, 208, 216, 222, 232, 244,
245, 247, 249
баатонум 158
бабалия 219
багирми 36, 108, 121
бака 56, 124
бакве 162, 288
баланта 170
балдему 16
бамбара 165, 230, 237, 247, 326
бамбили 294
бамум 325
банди 270, 278, 296
бари 114–116
бариканчи 220
басса 162, 324, 325
бауле 224, 269
беджа 83, 84, 87, 256
бедик 53, 56, 222
бембе 262
бенч 90
бераку 16, 219
берга 103, 109, 110, 133, 201
берти (сагато) 125–127
бете 162, 224
бияфада 168, 170, 271
биджого 170
била 262
билин 86, 108, 245, 320

- бишуо 16
бозом 159
бонго 123–124
боон 85
були 305
бунг 201
буши 200
ваи 35, 322
вандала 36
венда 245
воламо 89, 90
волоф 30, 31, 34, 135, 136, 143,
167–170, 245, 293, 297
восточноегипетский бедуинский
74
восточный гураге 79
восточный кран 164, 292
вьемом 158
га 34, 156
гаам 108
гаде 139
гамо 89
ганда 263–264
гафат 76
гбая 160
гереро 244
гезз 25, 46, 69, 71, 72, 76–80, 319,
320
гибанауа 220
гизига 108
главда 108
гола 142, 168, 170
гомала 295
гребо 162, 293
гумуз 109, 111, 201, 288
гураге 77, 79, 320
гуро 108
гчирику 184
дабида 293
даза 125, 128
дан 27, 108
дангме 156, 268
дахалик 76, 77
дахало 84, 184, 272
девойн 303
дегема 139
демотический 95, 96
денди 130, 132, 220, 267
джалаа (чентуум) 160, 201
джуба (суданский пиджин) 219
дизин 89, 90
диме 89, 108
динка 103, 104, 113–115, 264, 283,
290
диола 141, 169, 170, 245
дитаммари 301
донгола 108
древнееврейский 63, 312
древнеегипетский 10, 24, 25, 29,
40, 46, 60, 61, 63–71, 91, 92,
95, 96, 98, 304, 307, 309, 310,
312, 316
древненубийский 30, 31, 102,
117, 118
дьюла 165, 223, 236, 238, 270, 326
жуцьоан 304
загава (бериа) 126, 128, 256
зай 77, 79
занде 288, 301
зарма (джерма) 104, 108, 130–132,
284
зенага 75, 81
зиало 166, 172, 239, 262, 271, 275,
277, 278, 291, 293, 296
зулу 27, 30, 33, 47, 57, 135, 136,
184, 208, 216, 220, 241, 245
игбо 17, 26, 34, 135, 137, 154, 218,
236, 238, 245, 248, 289, 321

- иджо 34, 36, 172, 267, 305
ик 108
индубиль 241
иракв 85–87, 289
искакто 241
испанский 17, 83, 207, 212, 245
итальянский 230, 243
йеи 184, 262
йени 201
йоруба 15, 17, 26, 31, 34, 37, 135,
154, 214, 219, 234, 238, 240,
245, 248, 249, 300
каба 122
кабильский 69, 82
кабовердинский 27, 211, 216
кадугли-кронго 103, 109
камерунский пиджин 216, 227
камфрангле 227, 241
канембу 125
канури 26, 30, 35, 36, 102, 103,
108, 125–128, 230, 239, 289
каре 159
каро 89, 118
касанга 167
кафа 89, 91
квадза 85
квади 182, 188, 192
квама 108
кванджа 201
квегу 118
кикуйю 223
киньяруанда 17, 135, 208, 234,
245
кирунди 17, 45, 243, 305
киса 261
киси 167, 239, 244, 268, 276, 283,
290
китуба 221, 222, 238, 244
клао 162, 163
кобиана 167
кодья 162, 163
койраборо-сенни (короборо-шен-
ни, гао) 130, 131
койра-чини 130, 132
коман 109, 111
комо 108
коморский 200
конго 27, 31, 45, 143, 221, 231,
286
коптский 46, 63, 72, 95, 97, 98,
311, 316
корандже 130, 131, 256
коса 33, 136, 184, 245
кпве 278
кпелле 244, 276, 324
кран 240
креш 108
крио 27, 209, 214–219, 227, 299
криуло 27, 211, 216
кробу 155
крумен 162
куваа 162, 163
куджарге 202
кунама 103, 104, 108, 109, 133,
201, 245, 289, 303
кхве 302
кьхонг (!хонг) 182, 185, 186, 188,
260
кьхун 305
лаал (гори) 160, 202, 290
лаби 241
лагван 36
лака 122
ламанг 95
ленду 122, 124
ливийский арабский 75
лимба 142, 167–170, 219
лингала 238, 241, 242, 244

- логба 155, 156
локеле 301
локо 262, 277, 290, 304
лоома 108, 239, 244, 278, 324
луба 45, 290
лугбара 104, 120, 122, 123
лудикья 263
луо 103, 114, 202, 223, 264
луфу 202
лучази 300
ма'а (мбугу) 52, 85, 225, 226
маасаи 34, 36, 41, 104, 114–116,
262, 294
маба 36, 102, 106, 108–110, 133,
303
мабире 16
мава 202
маджанг 108, 119, 203
мади 120, 122–124
малагасийский 18, 27, 199, 200,
244, 304
малайский 199, 208
малинке 244, 245
мальтийский 59, 74
мамву 104, 290
манджак 170
мандинка 30, 326
манинка 35, 165, 230, 233, 236,
238, 239, 326
марги 94
марокканский арабский 75
маскаренский 7, 27, 210
массалат 16
мба 288
мбембе 108
мботени 168
мбукушу 184
мбунду 31
ме'ен 118, 320
менде 53, 222, 323, 324
мероитский 10, 25, 201, 202, 315
мими 122
мири 108
морисьен 216
мору 124
мпре 15, 16
мумуйе 142, 160
мундабли 294
мупун 295
мура 264
мурле 119
мурси 118
мушунгулу 135
налу 167, 168, 170
нама 31, 40, 41, 177, 180, 182,
188–189, 193, 288, 289, 303,
305
нанди 116
нара 104, 113, 114, 245
нгбанди 45, 220
нгиембон 294
нгити 120, 290
ндай 16
ндебеле 244, 245
нджереп 16
ндонго 143
немецкий 198, 207, 244
нера 108
нигерийский пиджин 216, 240
нидерландский 197, 198, 222
нлуу 16
нобиин 46, 117
новогипетский 95, 97, 98
нони 294
нуби 219
нупе 34, 306
нуши 210, 223, 224, 241
нуэр 114, 290

- нъиманг 108, 113, 114
нябва 288
нянги 108
оболо 300
око 154
онгота 63, 68, 85, 203
орламс 216
оромо 17, 36, 59, 71, 83–87, 320
оропом 203
отси 34
ошивамбо 244
португальский 17, 199, 207, 211, 212, 216, 219, 222, 238, 243–245, 262
пти-негр 210
пти-франсэ 210
пэри 264
рендилле 86
реюньонский креол 216
рифский (тарифит) 82
ронга 33
саиди 74
самба-дака 153
санго 53, 220, 238, 245
сандаве 177, 181, 183, 184, 188–190, 192, 193, 258, 272, 274, 303
сара 120, 122
сахарави 212
сахарский алжирский 74, 75
сахо 69, 86, 87, 245
свати 17, 245
северный сото 245
семе 162, 163
сена 31
сереер 30, 31, 43, 167, 168, 170, 245, 266, 297
сешелва 27, 210, 216, 245
сидамо 83, 85
силте 77
содро 77
сомали 17, 36, 41, 46, 59, 71, 72, 74, 75, 83–88, 238, 245, 266, 328
сонгаи 15, 26, 29, 30, 53, 101–103, 106, 108–110, 129–132, 140, 222, 230, 248, 256, 267, 284, 295
сонинке 26, 29, 30, 135, 245
сото 184, 208
среднеегипетский (классический египетский) 95, 97
староегипетский 95, 97
суа 170
суахили 17, 27, 33, 44, 47, 57, 135–137, 146, 223, 231, 233, 236, 238, 243–246, 249, 266, 269, 284, 287
сусу 35, 244
тагдаль 130, 131
тадаксахак 130
тама 108, 113, 114
тамазигт 17, 72, 82, 243, 244, 318
тамашек 130, 132, 234, 285
тарджумо 125
тасавак 130, 132
ташельхит 82
теда 36, 125, 126, 256
теен 158
темне 34, 37, 141, 167, 168, 219, 287, 289
тера 93
тесо 104
тив 153
тигре 76–79, 245, 320
тигринья 59, 71, 75–77, 79, 245, 305, 320
тикар 153

- то 241
тонди-сонгвай-кини 130
тсвана 17, 243, 245
тсого 108
тсонга 245
туниССкий арабский 75
туркана 115, 299
тьефо 158
уейто 203
укаан 154
умбунду 251, 262
убе 288
фа-дамбо 211, 216
фанагало 216, 220
фанте 270
фер (кара) 203
финикийский 25, 26
форру 211, 216
франангле 226
французский 17, 27, 75, 82, 126, 198, 200, 205, 207–210, 212, 216, 219, 220, 222–224, 230, 237–240, 243–245, 247, 262
фула 17, 27–30, 34, 36, 41–44, 48, 135, 136, 138, 140, 167, 168, 170, 201, 230, 233, 235, 237–239, 244, 245, 256, 266
фур 108, 109, 112, 133, 289
хадза 177, 181, 183, 184, 192, 193, 203, 258, 272, 274
хамар-банна 89, 234
харари 72, 77, 79
хассания 26, 66, 74, 75, 212, 244
хауса 16, 17, 30, 36, 40, 44, 47, 57, 59, 62–64, 69, 70, 72, 82, 91–94, 125, 220, 230, 233, 235, 236, 238, 239, 245, 249, 263, 282, 293, 305
#хоан 182, 185, 187
хумбури-сенни 130
цамай 3, 98
цоцигаль 216
чаха 77, 279, 280, 283
чева 17, 135, 244, 328
чилуба 244
чори 147, 275
шабо (микейир) 110, 203
шайя 82
ше 89
шеккачо 203
шенг (городской суахили) 223, 241
шиллук 102, 114, 263
шона 26, 244
эве 36, 43, 46, 108, 143
эга 139, 155, 266
эггон 267
эдо 26, 154
экои 321
энгш 241
эфик 34, 37, 139, 321
южный ндебеле 245
южный сото 17, 244, 245
юлу 108
яка 268
якома 220
яку 85

Научное издание

Кирилл Владимирович Бабаев

ВВЕДЕНИЕ В АФРИКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2-е издание

Корректор О. Круподер
Ведущий редактор В. Столярова
Оригинал-макет подготовлен С. Белоусовым
Оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 15.10.2018. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 22. Тираж 600. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ государственной регистрации 1147746155325
Тел.: +7 495 624-35-92. E-mail: lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

